Н. И. БУХАРИН

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Н. БУХАРИН

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

ПОПУЛЯРНЫЙ УЧЕБНИК МАРКСИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

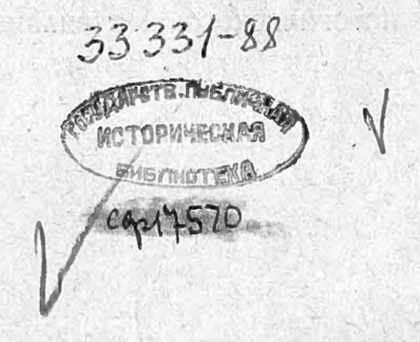
Издание пятое (стереотипное)

С ПРИЛОЖЕНИЕМ СТАТЬИ:

„К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА“

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГИЗА.
Москва, Пятницкая, 71.
Главл. А-3482. С.30. Гиз 25245.
Тираж 15.000 экз.
Зак. № 349.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Николая Николаевича

ЯКОВЛЕВА

(отдал всю свою жизнь рабочему классу,
расстрелян адмиралом Колчаком)

ПРЕДИСЛОВИЕ К I ИЗДАНИЮ.

Настоящая книга написана по тому же типу, что и „Азбука коммунизма". Само собою понятно, что она должна проходиться после „Азбуки": самый предмет здесь значительно труднее, а в связи с этим—как популярно ни старался автор писать—труднее и изложение этого предмета. Тем не менее, книжка написана прежде всего для рабочих, ищущих марксистского знания.

Автор выбрал тему об историческом материализме потому, что эта „основа основ" марксистской теории не имеет систематического изложения. Единственная попытка—книжка Г. Гортера—страдает крайним упрощенством и совсем не затрагивает ряда сложных проблем, на которые неизбежно натыкается мысль. А лучшие работы, соприкасающиеся с теорией исторического материализма, рассеяны по журналам, или изложены конспективно и трудны для понимания („Основные вопросы марксизма" Плеханова), или устарели по форме и потому непонятны для теперешнего читателя (напр., „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю"), или касаются только одной стороны вопроса (чисто философской), или представляют собой отдельные статьи в сборниках, которых нельзя достать.

С другой стороны, потребность в систематическом изложении теории исторического материализма огромна. В текущей фазе революции стали в порядок дня многие проблемы, которые, за остротой момента, не стояли раньше; сюда относится не малая часть вопросов так называемого „общего мировоззрения". Для многих эти вопросы стали впервые, ибо не за-

будем, что средний член нашей партии не принадлежит уже к тому поколению, представители которого имели возможность „грызть книгу“: это—товарищи, сознательно-партийная жизнь которых поглощалась целиком потребностями узкой практической работы, которая, по причинам вполне понятным, была превыше всего.

В некоторых, довольно существенных, пунктах автор отступает от обычной трактовки предмета, в других он считает возможным не ограничиваться уже известными положениями, а развивать их дальше. Было бы странно, если бы марксистская теория вечно топталась на месте. Но всюду и везде автор продолжает традиции наиболее ортодоксального, материалистического и революционного понимания Маркса.

Книга родилась из дискуссий на семинарии, который автор вел вместе с Ю. П. Денике. На эти дискуссии собирались товарищи, кончившие лекторскую группу Свердловского университета, ставшие потом научными сотрудниками его—новый тип людей, которые занимаются философией и дежурят по ночам с винтовкой в руках, обсуждают наиболее абстрактные вопросы и через час пилят дрова, сидят в библиотеках и проводят долгие часы на фабриках. Эти товарищи, строго говоря, являются тоже авторами настоящей книги. Этим своим ближайшим друзьям, а равно и Ю. П. Денике, я выражаю сердечную благодарность.

Москва, сентябрь 1921 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Практическое значение общественных наук.

§ 1. Потребности борьбы рабочего класса и общественные науки. § 2. Буржуазия и общественные науки. § 3. Классовый характер общественных наук. § 4. Почему пролетарская наука выше буржуазной? § 5. Различные общественные науки и социология. § 6. Теория исторического материализма, как марксистская социология.

§ 1. Потребности борьбы рабочего класса и общественные науки. Буржуазные ученые, когда начинают говорить о какой-нибудь науке, говорят о ней таинственным шопотом, точно это есть вещь, рожденная не на земле, а на небесах. На самом же деле всякая наука, какую ни возьми, вырастает из потребностей общества или его классов. Никто не подсчитывает числа мух на окне или воробьев на улице, а рогатый скот, скажем, считают. Первое не нужно никому, а второе знать полезно. Но не только полезно иметь знание о природе, из составных частей которой мы получаем всяческие материалы, инструменты, сырье и т. д. Точно так же практически необходимы и сведения об обществе. Рабочий класс на каждом шагу своей борьбы наталкивается на необходимость таких сведений. Чтобы правильно вести борьбу с другими классами, ему нужно *предвидеть*, как эти классы себя поведут. А чтобы предвидеть это, нужно знать, от чего зависит поведение различных классов при различных условиях. До завоевания власти рабочим классом ему приходится жить под гнетом капитала и в своей борьбе за освобождение постоянно считаться с тем, как будут вести себя те или иные классы. Для этого же нужно знать, отчего зависит и чем определяется поведение классов.

А на этот вопрос может ответить только общественная наука. После завоевания власти рабочему классу приходится бороться с капиталистическими государствами других стран, с остатками домашней контр-революции; но ему приходится тогда решать и величайшей трудности задачи по организации производства и распределения. Каков должен быть хозяйственный план, как нужно использовать интеллигенцию, как воспитать к коммунизму крестьянство и мелкую буржуазию, как подготовлять опытных администраторов из рабочих, как подойти к широким, часто еще очень несознательным слоям своего собственного класса, и так далее, и тому подобное,—все эти вопросы для правильного своего разрешения требуют знаний об обществе, его классах, их особенностях, их поведении в том или другом случае; они требуют знаний и об общественном хозяйстве, и об общественном мышлении разных групп общества. Они, словом, требуют общественной науки. Практическая задача переустройства общества может быть правильно решена при научной политике рабочего класса, то-есть при политике, опирающейся на научную теорию, которую пролетарий имеет в виде теории, обоснованной Марксом.

§ 2. Буржуазия и общественные науки. И буржуазия создавала свои общественные науки, исходя из потребностей своей практики.

Поскольку она является господствующим классом, ей приходится решать массу вопросов: как поддерживать капиталистический порядок вещей, как обеспечить так называемое „нормальное развитие“ капиталистического общества, то-есть правильное получение прибылей, как организовать для этой цели свои хозяйственные учреждения, как вести политику по отношению к другим странам, как обеспечить свое господство над рабочим классом, как устранять разногласия в своей собственной среде, как подготовлять кадры своих чиновников, попов, полицейских, ученых; как поставить дело преподавания, чтобы рабочий класс не был дикарем, который бы портил машины, но в то же время был послушен своим угнетателям и т. д.

Поэтому буржуазии нужны общественные науки: ей они помогают разобраться в сложной общественной жизни и взять правильный курс, чтобы решить практические жизненные задачи. Интересно, например, что первыми буржуазными эконо-

мистами (учеными, изучавшими хозяйство) были крупные практики-купцы и государственные деятели, а величайший теоретик буржуазии, Рикардо, был очень ловким банкиром.

§ 3. Классовый характер общественных наук. Буржуазные ученые всегда утверждают, что они являются представителями так называемой „чистой науки", что все земные страсти, борьба интересов, житейские треволнения, погоня за барышом и прочие земные и низменные вещи не имеют к их науке никакого отношения. Они представляют себе дело так, что ученый — это бог, восседающий на высокой горе и бесстрастно наблюдающий общественную жизнь во всем ее многообразии; они думают (а еще больше говорят), что грязная „практика" не оказывает никакого действия на чистую „теорию". Из предыдущего мы видим, что это совершенно неверно. Наоборот. Сама наука родится из практики. А раз это так, то совершенно понятно, что общественные науки имеют классовый характер. Каждый класс имеет свою практику, свои особые задачи, свои интересы и поэтому свой взгляд на вещи. Буржуазия заботится в первую очередь о том, чтобы сохранить, увековечить, упрочить, распространить господство капитала. Рабочий класс заботится в первую очередь о том, чтобы разрушить капиталистический строй и обеспечить господство рабочего класса, чтобы перестроить весь мир. Не мудрено понять, что буржуазная практика требует одного, а пролетарская—другого, что у буржуазии один взгляд на вещи, а у рабочего класса—другой, что общественная наука у буржуазии одна, а у пролетариата—неизбежно другая.

§ 4. Почему пролетарская наука выше буржуазной? Теперь перед нами стоит вот какой вопрос. Если общественные науки имеют классовый характер, то почему пролетарская наука выше буржуазной? Ведь и рабочий класс имеет свои интересы, стремления, практику, и буржуазия—тоже. И тот, и другой класс в равной мере заинтересованные величины. Дело нисколько не меняется от того, что один класс—добрый, великодушный, заботится о благе человечества, а другой—жадный, гоняющийся за прибылью и т. д. У одного — одни очки, красные. У другого—другие очки, белые. Почему же красные очки лучше белых? Почему через них лучше можно рассмотреть действительность? Почему через них лучше видно?

На этот вопрос ответить нужно с некоторым подходцем.

Посмотрим на положение буржуазии. Мы видели, что она заинтересована в том, чтобы сохранить капиталистический строй. А между тем известно, что „ничто не вечно под луной“. Был рабский строй, был строй помещичий, был и есть капиталистический, были и другие формы человеческого общества. Раз это так,—а это безусловно так,—то отсюда вытекает следующее: кто хочет по-настоящему понять общественную жизнь, тот должен понять в первую голову, что все изменяется, что одна форма общества идет на смену другой. Представим, например, себе помещика-крепостника, жившего до освобождения крестьян от крепостной зависимости. Он не мог часто даже и вообразить себе, что может существовать такой порядок, когда нельзя будет мужиков продавать или выменивать на борзых щенят. Мог бы такой помещик понять развитие общества по-настоящему? Конечно, нет. Почему? Да потому, что на его глазах были не очки, а шоры. Он не мог видеть дальше своего носа, а потому не мог понимать даже и того, что у него под носом.

Такие же шоры имеет и буржуазия. Она заинтересована в сохранении капитализма и верит в его прочность и в его вечность. Поэтому она не в состоянии подглядеть и подметить такие явления и такие черты в развитии капиталистического общества, которые указывают на его непрочность, на его неизбежную гибель (или даже на его возможную гибель), на его превращение в какой-нибудь другой строй жизни. Лучше всего это видно на примере мировой войны и революции. Кто из более или менее крупных буржуазных ученых предвидел последствия мировой потасовки? Никто! Кто из них предсказывал наступление революции? Никто! Все они занимались тем, что поддерживали свои буржуазные правительства и предсказывали победу капиталистов своей страны. А ведь такие явления, как всеобщее разорение в силу войны и невиданные никогда революции пролетариата, решают судьбы человечества, изменяют все лицо земли. И как раз здесь буржуазная наука ровно ничего не предвидела. А предвидели все это коммунисты—представители пролетарской науки. Это случилось потому, что пролетариат не заинтересован в сохранении старого и поэтому он гораздо более дальнозорок.

Теперь нетрудно понять, почему пролетарская общественная наука выше буржуазной. Она выше нее потому, что глубже и шире рассматривает явления общественной жизни; потому, что она способна заглядывать дальше и подмечать то, что не в состоянии подмечать общественная наука буржуазии. Отсюда понятно также, что мы, марксисты, имеем полное право считать истинной именно пролетарскую науку и требовать ее общего признания

§ 5. Различные общественные науки и социология. Человеческое общество очень сложная вещь; очень сложны и разнообразны и все общественные явления. Тут есть и хозяйственные явления, экономический строй общества, и государственная его организация, и область морали, религии, искусства, науки, философии, и область семейных отношений и т. д. Все это переплетается часто в очень причудливых сочетаниях и образует поток общественной жизни. Само собой понятно, что для познания этой сложной общественной жизни приходится подходить с разных концов, приходится делить науку на ряд наук. Одна изучает хозяйственную жизнь общества (экономическая наука) или даже специально общие законы капиталистического хозяйства (политическая экономия); другая изучает право и государство и сама дробится на специальности; третья изучает, скажем, мораль и т. д.

В каждой из этих областей науки, в свою очередь, распадаются на два класса: один класс наук исследует, что было в *такое-то время в таком-то месте*, — это исторические науки. Например, из области права: можно прослеживать и подробно описывать, как возникало право и государство и как менялись его формы. Это будет *история* права. А можно исследовать и разрешать *общие* вопросы: *что* такое право, при каких условиях оно возникает, при каких исчезает, от чего зависят его формы и т. д. Это будет *теория* права. Такие науки будут теоретическими

Есть среди общественных наук две важные науки, которые рассматривают не отдельную область общественной жизни, а всю общественную жизнь во всей ее сложности; другими словами, они берут не один какой-нибудь ряд явлений (*или* хозяйственные, *или* правовые, *или* религиозные и т. д.), а исследуют всю жизнь общества целиком, берут *все* ряды обще-

ственных явлений. Такими науками являются история, с одной стороны, социология—с другой. После того, что мы сказали выше, нетрудно видеть разницу между ними. История прослеживает и описывает, как протекал поток общественной жизни в такое-то время в таком-то месте (например, как развивались и хозяйство, и право, и мораль, и наука, и целый ряд других вещей в России, начиная с 1700 по 1800 гг.; или в Китае с 2000 до Р. Х. по 1000 после Р. Х.; или в Германии после франко-прусской войны 1871 г., или за какую-нибудь другую эпоху в какой-нибудь другой стране, или же ряде стран). Социология же ставит общие вопросы: что такое общество? от чего зависит его развитие или его гибель? в каком отношении друг к другу находятся различные ряды общественных явлений (хозяйство, право, наука и т. д.)? чем объясняется их развитие? каковы исторические формы общества? чем объясняется их смена? и т. д. и т. д. Социология есть наиболее общая (абстрактная) из общественных наук. Часто ее преподносят под другими названиями: „философия истории", „теория исторического процесса" и проч.

Из этого видно, в каком отношении друг к другу стоят история и социология. Так как социология выясняет общие законы человеческого развития, то она служит методом для истории. Если, напр., социология устанавливает общее положение, что формы государства зависят от форм хозяйства, то историк должен в любой эпохе искать и находить именно эту связь и показывать, как она конкретно (т.-е. в данном случае) выражается. История дает материал для социологических выводов и обобщений, потому что эти выводы высасываются не из пальца, а из действительных исторических фактов. Социология в свою очередь указывает определенную точку зрения, способ исследования или, как говорят, метод для истории.

§ 6. Теория исторического материализма, как марксистская социология. У рабочего класса есть своя, пролетарская социология, известная под именем исторического материализма. В основном эта теория выработана Марксом и Энгельсом. Иначе она называется материалистическим методом в истории, или просто „экономическим материализмом". Эта гениальнейшая теория является самым острым орудием человеческой мысли и познания. При ее помощи пролетариат

разбирается в самых запутанных вопросах общественной жизни и классовой борьбы. При ее помощи коммунисты правильно предсказали и войну, и революцию, и диктатуру пролетариата, и поведение разнообразных партий, групп, классов в великом перевороте, который переживает человечество. Ее изложению и развитию будет посвящена вся наша книга.

Некоторые товарищи считают, что теория исторического материализма ни в коем случае не может рассматриваться как марксистская социология, и что она не может быть изложена систематически. Эти товарищи думают, что она есть лишь живой метод исторического познания, что ее истины доказуемы лишь постольку, поскольку мы говорим о конкретных и исторических событиях. К этому присоединяется еще тот аргумент, что самое понятие социологии весьма неопределенно, и под „социологией" понимают то науку о первобытной культуре и происхождении основных форм человеческого общежития (напр., семьи), то в высшей степени расплывчатые рассуждения о разного рода общественных явлениях „вообще", то некритическое уподобление общества организму (органическая, биологическая школа в социологии) и т. д.

Эти аргументы не верны. Во-первых, из путаницы, царящей в буржуазном лагере, не следует создавать путаницы у себя. Где место теории исторического материализма? Это не есть политическая экономия. Это не есть история. Это есть общее учение об обществе и законах его развития, т.-е. социология. Во-вторых, то обстоятельство, что она (теория исторического материализма) есть метод для истории, ни в коей мере не уничтожает ее значения, как социологической теории. Очень часто более абстрактная наука дает точку зрения (т.-е. метод) науке менее абстрактной. Так обстоит дело и здесь, как мы видели из основного текста

ГЛАВА I.

Причина и цель в общественных науках (каузальность и телеология).

§ 7. Правильность явлений вообще и общественных явлений—в частности. § 8. Характер закономерности. Постановка вопроса. § 9. Телеология вообще и ее критика. Имманентная телеология. § 10. Телеология в общественных науках. § 11. Причинность и телеология. Научное объяснение, как причинное объяснение.

§ 7. Правильность явлений вообще и общественных явлений—в частности. Если мы присмотримся к окружающим нас явлениям природы и общественной жизни, то мы увидим, что эти явления вовсе не представляют из себя какой-то каши, где нельзя ничего ни разобрать, ни понять, ни предвидеть. Наоборот, повсюду, при пристальном рассмотрении, мы видим некоторую правильность в явлениях. Ночь сменяется днем, а день так же правильно сменяется ночью. Времена года правильно чередуются друг с другом, и вместе с ними целый ряд других сопутствующих явлений повторяется из года в год: распускаются и облетают деревья, прилетают и улетают разные породы птиц, люди сеют или жнут, и проч. Или другой, почти шуточный, пример. Всякий раз, как падают теплые дожди, усиленно растут грибы, и у нас есть даже выражение: „расти, точно грибы после дождя“. Все мы знаем, что ржаное зерно, попавшее в землю, даст росток, и из него в конце концов разовьется, при определенных условиях, колос. Зато мы никогда не наблюдали, чтобы этот колос возник, ну, скажем, из лягушечьей икры или из частиц известняка. Таким образом, в природе все, начиная от движения гигантских планет и кончая зерном или грибами, подчинено известной правильности, или, как говорят, известной *закономерности*,

То же мы наблюдаем и в общественной жизни, т.-е. в жизни человеческого общества. Как ни сложна, как ни разнообразна эта жизнь, а все-таки мы подмечаем и открываем в ней известную закономерность. Например, повсюду, где развивается капитализм (в Америке или в Японии, в Африке или Австралии), растет и ширится рабочий класс, появляется социалистическое движение, распространяется теория марксизма. Вместе с ростом производства растет и „духовная культура“: число грамотных, например. В капиталистическом обществе через определенные промежутки времени возникают кризисы, которые чередуются с подъемом промышленности точно так же, как день чередуется с ночью. Когда делается какое-нибудь крупное изобретение, переворачивающее технику, быстро изменяется и вся общественная жизнь. Или возьмем такие примеры: подсчитаем, скажем, число вновь рождающихся людей за год в какой-нибудь стране, и мы увидим, что в следующий год увеличение населения в процентах будет, примерно, такое же. Вычислим количество пива, выпиваемого в Баварии за год, и найдем, что это величина более или менее постоянная, увеличивающаяся с ростом населения. Если бы никакой правильности, никакой закономерности не было, тогда, ясное дело, ничего нельзя было бы ни предвидеть, ни сделать. Сегодня день следовал за ночью, а потом, может быть, не будет света целый год. В этом году зимой выпал снег, а в следующем зацветут апельсины. В Англии вместе с капитализмом развивался рабочий класс, а в Японии, быть может, будет увеличиваться число помещиков. Теперь хлебы пекут в печи, а—чем чорт не шутит!—быть может, они начнут расти вместо шишек на елках?

В действительности, однако, никто так не думает. Потому что все ясно сознают, что хлебы **не будут** расти на елках. Все замечают, что есть и в природе, и в обществе **определенная** правильность, **определенная** закономерность. **Открыть эту правильность и составляет первую задачу науки.**

Эта правильность (закономерность) в природе и обществе совершенно независима от того, познают ее люди или нет. Другими словами, это есть **объективная** (независимая от сознания людей) закономерность. Но первым шагом науки и является вскрыть эту закономерность и вышелушить ее из хаоса явлений. **Маркс** видел

признак научного знания в том, что оно дает „целостность многих определений и отношений“ (Totalität von vielen Bestimmungen und Beziehungen) в противоположность „хаотическому представлению“ (chaotische Vorstellung; смотри „Einleitung zu einer Kritik der polit. Oekonomie“, S. XXXV). Этот признак науки, которая „систематизирует“, „приводит в порядок“, „организует“, создает „систему“ и т. д., признается решительно всеми. Так, Мах („Познание и заблуждение“) определяет процесс научного мышления, как приспособление мыслей к фактам и мыслей к мыслям. Английский профессор К. Пирсон („Грамматика науки“, изд. „Шиповник“, стр. 26) пишет: „Не факты сами по себе образуют науку, но метод, которым они обработаны“; первоначальным приемом науки является „классифицирование“ фактов, что не есть простое их собирание, а „систематическое соединение“ (стр. 100). Однако, у громадного большинства современных буржуазных философов роль науки состоит не в раскрытии тех правильностей (закономерностей), которые *объективно* существуют, а в *сочинении* этих правильностей человеческим умом. Ясно, однако, что чередование дня и ночи, времен года, правильная смена естественных и общественных явлений существует *независимо* от того, хочет или не хочет того разум ученого буржуа. Закономерность явлений есть *объективная* их закономерность.

§ 8. Характер закономерности. Постановка вопроса. Если в природных и общественных явлениях замечается та правильность, о которой мы говорили выше, то спрашивается, что же это за правильность? Когда мы имеем перед собой часовой механизм с правильным его ходом, когда мы рассматриваем, как великолепно прилажены там колесики одно к другому, зубчик в зубчик, тогда нам понятно, почему это так происходит. Часы сделаны по *определенному плану*; этот инструмент построен для определенной цели, и каждый винтик посажен тут на свое место именно для достижения этой цели. Не то ли происходит во всем мире? Планеты движутся строго и плавно по своим путям; природа мудро сохраняет особенно развитые формы жизни. Стоит только рассмотреть устройство глаза какого-нибудь животного, чтобы сразу увидеть, как хитро и ловко, как *целесообразно* построен этот глаз. И как все в природе действительно целесообразно: у крота, который живет под землей, маленькие, слепые глазки, зато прекрасный слух; у глубоководных рыб, на которых давит вода изнутри, тоже такое же давление (если их вынуть, они лопаются) и т. д. А в человеческом обществе? Разве не ставит себе человечество великую цель—коммунизм? Разве не ведет все истори-

ческое развитие к этой великой цели? А если так, если и в природе, и в обществе все имеет цели, которые не всегда нам понятны, но которые состоят в вечном совершенствовании, то нельзя ли рассматривать все с точки зрения этих целей? Тогда закономерности, о которых мы говорили, будут представляться целевыми закономерностями (или закономерностями телеологическими; по-гречески слово „телос" значит „цель"). Такова одна возможность, такова одна постановка вопроса о характере закономерности.

Другая постановка исходит из того, что каждое явление имеет свою причину. Человечество идет к коммунизму потому, что в капиталистическом обществе вырос пролетариат, который не вмещается в рамках этого общества; у крота плохое зрение и хороший слух потому, что в течение тысячелетий на этих животных влияла природная обстановка, а те изменения, которые она вызывала, передавались по наследству, при чем выживали, плодились и размножались именно те, кому, так сказать, легче было выжить, кто был более приспособлен к этой обстановке. День сменяется ночью и наоборот потому, что земля вращается вокруг своей оси и подставляет солнцу то один бок, то другой и т. д. Во всех этих случаях не спрашивают о цели (не спрашивают „для чего?"), а спрашивают о причине (т.-е. спрашивают „почему?"). Это есть каузальная (причинная; по-латыни „кауза" значит „причина") постановка вопроса. Закономерности явлений представляются причинными закономерностями.

Таков спор между каузальностью и телеологией. Этот спор нужно нам разрешить в первую голову.

§ 9. Телеология вообще и ее критика. Имманентная телеология. Если мы спрашиваем о телеологии, как всеобщем принципе, т.-е. если мы разбираем тот взгляд, по которому все в мире подчиненно определенным целям, то совсем нетрудно понять всю вздорность этой телеологии. В самом деле, что такое цель? Понятие „цели" предполагает понятие того, кто эту цель ставит именно как цель, т.-е. сознательно. Цель без того, кто эту цель ставит, не существует. Камень не ставит себе никаких целей, точно так же, как солнце, или любая планета, или вся солнечная система, или млечный путь. Цель есть понятие, которое приложимо только к сознатель-

ным живым существам, имеющим желания, ставящим эти желания перед собой в виде цели и стремящимся эти желания удовлетворить (т.-е. „приблизиться“ к оной „цели“). Только дикарь может ставить вопрос о цели, которую хочет осуществить придорожный камень. Дикарь одушевляет природу и одушевляет камень. Поэтому у него господствует „телеология“, и камень действует на манер „сознательного человека“. Сторонники телеологии, как две капли воды, походят на такого дикаря, потому что у них весь мир имеет „цель“, которую ставит кто-то неведомый. Отсюда ясно, что понятия цели, целесообразности и проч. просто-напросто неприменимы к миру вообще, и что закономерность явлений не есть закономерность телеологическая.

Нетрудно прощупать корни спора между сторонниками телеологии и причинности. С тех пор, как человеческое общество распалось на разные группы, одни из которых (меньшинство) управляют, приказывают, господствуют, а другие управляются, исполняют и подчиняются, люди стали рассматривать весь мир по этой мерке. Как на земле есть цари, судьи, короли, полководцы и проч., которые диктуют законы, судят, наказывают, так и во всем мире есть, дескать, царь небесный, небесный судья, его небесное воинство, его полководцы (архистратиги). Весь мир стал рассматриваться, как продукт творящей воли, которая, как ей и полагается по чину, занимается предначертанием своих целей, своего „божественного плана“. Поэтому правильность явлений стали считать за выражение именно этой божественной воли. У древне-греческого философа Аристотеля прямо сказано: „природа—это цель“ (ν δέ φύσις τέλος ἐστιν). Греческое слово „номос“ (νόμος=закон) означало одновременно и „закон природы“, и закон нравственный (т.-е. правило морали, заповедь), и просто порядок, планомерность, гармонию.

„С расширением императорского полновластия юриспруденция древнего Рима превратилась в какое-то светское богословие, и ее дальнейшее развитие пошло рука об руку с догматическим богословием. Закон стал означать норму (правило поведения. *Н. Б.*), исходящую от высшей власти—небесного императора в богословии или земного бога в правоведении—и предписывающую подчиненной твари известного рода поведение“ (Е. Спекторский: „Очерки по философии общественных наук“. Вып. I. Общественные науки и теоретическая философия. Варшава 1907, стр. 158). Система закономерностей в природе стала рассматриваться, как система божественного законодательства. Еще известный ученый Кеплер говорил, что у физического мира есть свои пандекты (пандекты—сборник законов царя Юстиниана). Эти

взгляды мы находим и позднее. Так, у физиократов (французских экономистов времен революции), которые дали первый мастерской набросок капиталистического общества, закономерность природных и общественных явлений смешивается с законами государства и с декретами небесных сил. Напр., у Франсуа Кенэ мы находим такое место: „Основными общественными законами являются законы естественного порядка, наиболее выгодного для человеческого рода... Эти законы установлены творцом природы раз навсегда... Соблюдение этих... законов (это „божественных“ и „незыблемых“-то! *Н. Б.*) должно быть поддерживаемо попечительной властью (autorité tutélaire) (Ф. Кенэ: „Китайский деспотизм“, гл. VIII, § 1 и § 2; цитируем по солдатенковскому изданию „Библиотека экономистов“). Здесь нетрудно видеть, как законы „попечительной власти“ (т.-е. буржуазного городового) ловко опираются на небесного „Творца“, которому они должны служить поддержкой.

Можно было бы привести громадное множество других примеров. Все они доказывают одно и то же: телеологическая точка зрения упирается в религию. По своему происхождению это есть грубое и варварское перенесение земных отношений рабства, подчинения, с одной стороны, и господства—с другой, на весь мир. Она в корне противоречит научному объяснению и опирается на веру. Это есть поповская точка зрения, под каким бы ароматным соусом она себя ни подавала.

Но как в таком случае объяснить ряд явлений, где „целесообразность“ бросается в глаза („целесообразное“ устройство различных организмов, общественный прогресс, совершенствование животных видов и человека и проч.)? Если стоять на грубо телеологической точке зрения и привлекать господа бога и его „план“, тогда сразу раскроется вздорность этого „объяснения“. Поэтому телеологическая точка зрения принимает у некоторых более утонченную форму,—форму учения о так называемой „имманентной телеологии“ (целесообразности, внутренне присущей явлениям природы и общества).

Прежде, чем переходить к разбору этого вопроса, нелишне сказать несколько слов о религиозных „объяснениях“. Один умный буржуазный экономист (Бём-Баверк) приводил такой пример. Предположим,—писал он,—что я выставил для объяснения мира теорию (учение), по которому весь мир состоит из бесчисленного количества маленьких гномиков (чортиков), движение и возня которых производят все явления в мире. Но эти гномики невидимы, их не слышно, они не имеют запаха и их нельзя поймать ни за какой хвост. Попробуйте опровергнуть эту „теорию“! Ее прямо опровергнуть нельзя, потому что она укрылась за невидимость и непознаваемость гномов. Однако,

всякий видит, что это—ерунда. Почему? Да потому, что нет никаких подтверждений правильности этого взгляда.

Примерно такими же являются и все религиозные так называемые объяснения. Они прячутся за непознаваемость таинственных сил, а то за принципиальную слабость нашего рассудка. Так, один из отцов церкви выставил положение: „Я верую, потому что это—чепуха“ (Credo quia absurdum). По учению христианства, бог один, но в то же время богов трое. Это противоречит таблице умножения. Но говорят, что „наш слабый разум не может понять сей тайны“. Ясно, что подобными рассуждениями можно прикрыть любой вздор, какие угодно сумасшедшие пустяки.

В чем состоит это учение об „имманентной телеологии“? Здесь отвергается мысль о таинственной силе, в грубом смысле слова. Здесь говорят лишь о цели, которая постепенно раскрывается вместе с ходом событий, о цели, которая внутренне присуща самому процессу развития. Поясним это примером. Пусть перед нами какой-нибудь вид животных. С течением времени он, в силу ряда причин, изменяется, все более и более приспособляясь к природе. Органы этого животного все совершенствуются, т.-е. прогрессируют. Или возьмем человеческое общество. Как ни оценивать его будущее (как социализм, или как какую-нибудь другую форму), все же нельзя отрицать, что тип человека повышается, человек становится „культурнее“, он тоже „совершенствуется“, и мы, как выражаются торжественно о царе природы, „шествуем по пути цивилизации и прогресса“. Точно так же, как строение животных становится гораздо целесообразнее, так и общество в своем строении становится все совершеннее, т.-е. именно целесообразнее. Здесь цель (совершенство) раскрывается в процессе развития. Она не начертана заранее божеством, а она распускается, как роза из бутона, вместе с развитием этого бутона в розу в силу определенных причин.

Правильна ли эта теория? Нет, неправильна. Она есть замаскированная и утонченная телеологическая дребедень.

Прежде всего, мы должны возражать против самого понятия цели, которая никем не ставится. Это все равно, что говорить о мысли без мыслящих существ, или говорить о ветре в безвоздушном пространстве, или о влажности без жидкости. В действительности, когда люди го-

ворят о цели, „внутренне присущей“, то они часто в то же время молчаливо подразумевают существование и некоей, весьма тонкой и неуловимой „внутренней силы“, которая и ставит эту цель. Эта таинственная сила мало похожа по внешности на того бога, которого рисуют грубо седым стариком с бородой и усами; но по сути дела здесь тоже незримо присутствует бог, только обточенный со всех сторон самыми тонкими инструментами мысли. В таком случае перед нами та же телеологическая теория, которую мы разбирали выше. Телеология (учение о цели) ведет здесь прямиком к теологии (учению о боге).

Но возвратимся теперь к имманентной телеологии в ее чистом виде. Для этого лучше всего разобрать идею всеобщего прогресса (всеобщего усовершенствования), на которую больше всего опираются сторонники имманентной телеологии.

Как всякий видит, здесь телеологическую точку зрения опровергнуть труднее, потому что „божественное“ здесь спряталось в засаду. Однако, все же нетрудно сообразить, в чем дело, если рассмотреть весь процесс развития в его целом, т. е. рассматривать не только те формы и виды (животных, растений, людей, неорганические части природы), которые уцелели, а также и те, которые погибли и которые погибают. Обязательно ли совершается пресловутый прогресс по отношению ко всем формам? Конечно, нет. Мамонты были, а теперь их нет; на нашей памяти вымерли зубры; а если говорить вообще, то погибло навсегда бесконечное множество всяких жизненных форм. А с людьми? То же и с людьми. Где теперь инки и ацтеки, которые когда-то жили в Америке? Их нет и в помине. Где ассиро-вавилонское общество? критская культура? древне-греческая? старый Рим—владыка мира? Все эти „общества“ погибли. Их нет. А кое-кто из бесчисленного множества уцелел и „совершенствуется“. Что же означает, следовательно, „прогресс“? Он просто-напросто выражает тот факт, что, скажем, на 10.000 неблагоприятных для развития комбинаций (различных сочетаний в условиях) приходится 1 или 2 комбинации благоприятных.

Если видеть перед собой исключительно благоприятные условия и благоприятные результаты, тогда, конечно, все по-

кажется и в высшей степени „целесообразным“ и в высшей степени чудесным („Куда как чудно создан свет“!). Но господа имманентные телеологи не видят обратной стороны медали— бесчисленных случаев, говорящих о гибели. Раз, однако, мы сведем все к тому, что бывают хорошие и плохие условия развития, что в хороших условиях получается и соответствующий результат, а в плохих (что случается гораздо чаще)— плохой, тогда сразу вся картина теряет свой божественно-целесообразный отблеск, и телеологическая внешность отпадает.

Один из русских телеологов, бывший когда-то марксистом, а потом ставший православным священником и проповедником погромов при генерале Врангеле (Сергей Булгаков), писал в сборнике „Проблемы идеализма“ (стр. 8—9): „Рядом с понятием эволюции, бесцельного и бессмысленного развития (подчеркнуто нами *Н. Б.*), создается понятие прогресса, эволюции телеологической, в которой причинность и постепенное раскрытие цели этой эволюции совпадают до полного отожествления, совсем как в метафизических системах“. Отсюда ясно видна психологическая основа погони за целевым мировоззрением. Душа мятущегося буржуа, чувствующего свою непрочность, жаждет утешения. Тот ход развития, который действительно существует, не нравится ей потому, что им не руководит никакой спасительный разум и никакая спасительная цель. Гораздо приятнее засыпать после сытного обеда, когда знаешь, что есть кому о тебе позаботиться!

Считаем необходимым заметить, что если у Маркса-Энгельса кое-где встречаются формулировки, внешне похожие на телеологическую точку зрения, то это лишь метафорический, художественный способ выражения; когда Маркс говорит, что ценность есть сгусток мускулов, нервов и проч., то только такие злостные противники рабочих, как П. Струве, могут придираться к этой словесной оболочке и искать в ценности настоящих мускулов.

§ 10. Телеология в общественных науках. Когда мы говорим о телеологической точке зрения в применении к мертвой природе или животным, кроме человека, тогда неправильность и вздорность этой точки зрения ясна. Какая целевая закономерность, раз никакой цели нет! Совсем другое, когда речь идет об обществе и о людях. Камень не ставит себе целей, жираффа—сомнительна на этот счет; зато человек именно тем и отличается от других частей природы, что эти цели ставит. Маркс писал об этом отличии таким образом: „Паук производит операции, которые напоминают операции ткача, а пчела может пристыдить постройкой своих восковых сот архи-

тектора из человеческой породы. Но что отличает наперед (von vornherein) самого плохого архитектора от самой хорошей пчелы,—это то обстоятельство, что архитектор имеет постройку в своей голове раньше, чем он начинает ее строить. В конце трудового процесса получается результат, который в его начале уже существовал идеально, как представление работника. Этот последний не только вызывает перемену форм природы Formveränderung des Natürlichen), он осуществляет в природе одновременно свою цель, которую он сознает, которая определяет вид и способ его практики подобно закону, цель, которой он должен подчинить свою волю. Это подчинение не есть отдельный акт (действие). Кроме напряжения работающих органов, на всем протяжении работы требуется целесообразно направленная (zweckmässige) воля, которая проявляется, как внимание" (Маркс, „Капитал", т. I, стр. 140 немецк. издания). Здесь Маркс проводит резкую черту между человеком и остальным земным миром. Правильно? Конечно, ибо никто не может оспаривать того положения, что человек ставит себе цели. Посмотрим теперь, какие выводы делают из этого сторонники „целевого метода" в общественных науках.

Для этой цели мы возьмем взгляды самого выдающегося нашего противника, немецкого ученого Рудольфа Штаммлера, который выпустил в свое время большую книгу против марксизма под заглавием: „Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории" (Rudolf Stammler: Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. 2 Auflage).

В чем состоит предмет общественных наук?—спрашивает Штаммлер. И отвечает: общественные науки имеют дело с общественными (социальными) явлениями. Общественные же явления отличаются особыми свойствами, которых нет ни у каких других явлений. Поэтому и нужны особые (общественные) науки. В чем же состоит особый характер, особый признак общественных явлений? На это Штаммлер отвечает так: признак общественного состоит в том, что общественные явления регулируются внешним образом, а именно, нормами права (законами, декретами, постановлениями, распоряжениями и проч.). Если нет этого регулирования, нет права, тогда нет

и общества. А если есть общество, это значит, что его жизнь введена в определенные рамки, в них укладывается, как литье в форме.

Вот точная формулировка Штаммлера: „Этот (определяющий. *Н. Б.*) момент есть производимое людьми (die von den Menschen herrührende) регулирование их поведения и совместного бытия (Miteinanderlebens). Внешнее регулирование (äussere Regelung) человеческого отношения друг к другу делает впервые возможным понятие социальной жизни, как особого объекта. Оно является последним моментом, на который формально сводится всякое социальное исследование (Betrachtung) в его своеобразии“ (стр. 83 второго немецкого издания).

Но раз признак общественных явлений состоит в том, что они регулируются, то,—говорит Штаммлер,—совершенно ясно, что закономерность общественной жизни есть целевая закономерность. В самом деле, кто „регулирует“ и что значит „регулировать“? Регулируют люди, творя определенные нормы (правила поведения) для достижения определенных целей, которые сознательно ставятся людьми же. Отсюда вытекает, по Штаммлеру, громадная разница между природой и обществом, между общественным развитием и развитием в природе (социальная жизнь, по Штаммлеру, есть нечто прямо „противоположное природе“[1]), а следовательно, между науками о природе (Naturwissenschaften) и науками об обществе. Науки об обществе суть целевые науки (Zweckwissenschaften), науки о природе рассматривают все с точки зрения причин и следствий.

Правильна ли эта точка зрения? Правильно ли, что существует два сорта наук, из которых одни должны быть далеки от других, как небо от земли? Нет, неправильно. И вот почему.

Согласимся на минуточку, что, действительно, основной признак общества заключается в том, что люди сознательно регулируют путем права свои отношения. Вытекает ли из этого, что мы не можем спрашивать себя, почему люди регулируют эти отношения в данное время и в данном месте так, а в другом месте и в другое время совсем по другому? Пример: буржуазная немецкая республика 1819—1920 годов

[1]) По-немецки: „Gegenstück zur Natur“.

„регулирует" общественные отношения так, что расстреливает рабочих; советская пролетарская республика „регулирует" их так, что расстреливает контр-революционных капиталистов; законодательства буржуазных государств ставят своей целью укрепить, расширить, упрочить господство капитала; декреты пролетарского государства ставят своею целью разрушить это господство капитала и обеспечить господство труда. Теперь, когда мы хотим научно понять, т.-е. объяснить эти явления, достаточно ли нам будет простой ссылки на то, что цели разные? Всякий поймет, что, конечно, недостаточно. Ибо всякий спросит: но почему же, почему в одном случае „люди" ставят себе одни цели, в другом—другие? А это натолкнет нас прямо на ответ: потому что в одном случае у власти—пролетариат, в другом—буржуазия; буржуазия хочет одного потому, что ее условия жизни вызывают в ней одни желания, а условия жизни рабочих вызывают у них другие желания и т. д. Словом, как только мы захотели бы действительно понять общественные явления, мы немедленно начали бы задавать вопрос: „почему"?, т.-е. спрашивать о причинах этого явления, несмотря на то, что в нем проявлялась какая-нибудь людская цель. Стало быть, если даже люди все сознательно регулируют, и все совершается в обществе так, как они хотят, то и тогда для объяснения явлений необходима не телеология, а рассмотрение причин явлений, т.-е. нахождение причинной закономерности. А поэтому в этом вопросе нет никакой разницы между общественными науками и науками о природе.

Если хорошенько подумать, то сразу видно, что иначе и не может быть. В самом деле, разве сам человек и любое человеческое общество не есть часть природы? Разве человеческий род не есть часть животного мира? Кто это отрицает, тот не знает самых азов современной науки. А если человек и человеческое общество есть часть всей природы, то в высшей степени было бы странно, если бы эта часть была полной противоположностью ко всей остальной природе. Нетрудно видеть, что у сторонников телеологии и здесь сквозит мысль о божественности человеческой породы, т.-е. та же наивная мысль, которую мы разбирали выше.

Мы видели таким образом полную негодность телеологической точки зрения, даже если бы мы допустили, что основным признаком общества является внешнее регулирование (право). Даже тогда телеология „не годится“. Но, по сути дела, „внешнее регулирование“ вовсе не составляет самого существенного признака общества. Почти все до сих пор существовавшие общества (и капиталистическое в особенности) отличались как раз своей неурегулированностью, своей анархией. В сумме общественных явлений регулирование, которое действительно регулирует так, как хотели этого законодатели, играло вовсе не такую решающую роль. А в будущем (коммунистическом) обществе? Там не будет вовсе „внешнего“ (правового) регулирования. Ибо сознательные, воспитанные в духе трудовой солидарности люди нового строя не будут нуждаться ни в какой внешней погонялке (подробнее об этих вопросах речь будет еще итти в следующей главе). Значит, и с этой точки зрения теория Штаммлера никуда не годится, и единственно правильным методом научного рассмотрения общественных явлений остается рассмотрение их с точки зрения причинности.

В теории Штаммлера ясно просвечивает идеология чиновника капиталистического государства, идеология, которая увековечивает то, что является временным. В самом деле, государство и право суть продукты классового общества, части которого находятся в непрерывной, иногда чрезвычайно ожесточенной борьбе. Несомненно, что одним из условий существования такого общества были правовые нормы и государственная организация господствующего класса. Но как раз в бесклассовом обществе картина должна совершенно измениться. А следовательно, нельзя брать исторически изменчивое отношение (государство, право) за постоянную принадлежность любого общества.

С другой стороны, Штаммлер упускает из виду вот какое обстоятельство. Чрезвычайно часто бывает, что законы и нормы государственной власти, которыми господствующий класс желал достигнуть одних результатов, на деле, в силу стихийности развития и общественной анархии, приводят совсем не к тому результату, который ставился ранее как цель. Лучшим примером может служить мировая война. В самом деле. Путем государственных мероприятий (мобилизации армии и флота, военные действия под руководством государственной власти и т. д.) буржуазия разных стран думала добиться совершенно определенных целей. А вышло что? А вышла революция пролетариата против буржуазии. Как все это объяснить с благочестиво-телеологической точки зрения Штаммлера?

Ясное дело, этого сделать нельзя. Что лежит здесь в основе ошибки? То, что Штаммлер переоценивает „регулирование" и недооценивает стихийный ход развития, а потому все его построение простонапросто висит в воздухе.

§ 11. Причинность и телеология. Научное объяснение, как причинное объяснение. Из предыдущего следует, что когда мы хотим объяснить любое явление, и в том числе любое явление общественной жизни, нам приходится неизменно ставить вопрос о причине. Все попытки телеологического якобы объяснения на самом деле являются лишь отражением религиозной веры и ровно ничего не объясняют. Таким образом на основной вопрос, какова же закономерность явлений природы и общества, что за правильность, которую мы наблюдаем и там, и тут, ответ гласит: и в природе, и в обществе существует объективно (т.-е. независимо от того, желаем ли мы этого или нет, сознаем мы это или не сознаем) причинная закономерность явлений.

Что же такое причинный закон? Это есть необходимая, постоянно и повсеместно наблюдаемая связь явлений: если, например, температура тела повышается, то расширяется его объем; если жидкость нагреть достаточно сильно, она превращается в пар; если выпускать громадное количество бумажных денег, сверх потребности в них, тогда происходит их обесценение; если существует капитализм, то обязательно время от времени будут войны; если в стране мелкое производство существует наряду с крупным, то крупное, в конце концов, побеждает; если пролетариат начинает атаку на капитал, капитал обороняется всеми средствами; если производительность труда растет, то падают цены; если в человеческий организм ввести определенное количество яда, он умирает и т. д. и т. д. Словом, можно сказать, что всякий причинный закон выражается в положении (в формуле): если налицо есть такие-то явления, то обязательно будут и соответствующие им другие явления. Объяснить какое-нибудь явление, найти его причину, это значит найти другое явление, от которого оно зависит, т.-е. выяснить причинную связь явлений. Пока эта связь не установлена, явление не объяснено. Когда эта связь найдена, открыта и проверено, что эта связь действительно постоянна, тогда мы имеем перед собой на-

учное (причинное или, по-иностранному, каузальное) объяснение. Это объяснение является единственно научным и по отношению к явлениям природы, и по отношению к явлениям общественной жизни. Оно отбрасывает всякую божественность, всякое привлечение сверхъестественных сил, всякий хлам прежних времен и открывает дорогу к тому, чтобы человек овладел на деле и силами природы, и своими собственными общественными силами.

Против понятия причинности и причинного закона некоторые выставляют тот довод, что (как мы видели выше) само это понятие произошло тоже из неправильного представления о небесном законодателе. Что оно так произошло, это верно. Но оно давным-давно потеряло такой смысл. Так часто бывает в языке. Напр., говорят: солнце взошло, солнце зашло, хотя мало кто считает, что солнце действительно ходит на двух или четырех ногах. А между тем раньше именно так и думали. То же и со словом „закон". Когда говорят: „закон господствует" или „управляет", тогда под этими словами ни в коем случае не нужно разуметь, что кроме двух явлений (причины и следствия) сидит в первом явлении какой-то третий, маленький и невидимый божок, который держит в своих руках вожжи. Причинная связь есть только постоянно наблюдаемая связь явлений—и больше ничего. В таком понимании причинности нет ровно никакого прегрешения перед наукой.

Литература к I главе. Г. В. Плеханов: Основные вопросы марксизма; он же: Критика наших критиков. Корсак: Общество правовое и общество трудовое (в сборнике „Очерки реалистического мировоззрения"; статья против Штаммлера). Штаммлер: Хозяйство и право. Проблемы идеализма (сборник противников марксизма). А. Богданов: Из психологии общества. Max Adler: Causalität und Teleologie im Streite um die Wissenschaft; он же: Marxistische Probleme, глава VII: Zur Erkenntniss der Sozialwissenschafften. Ф. Энгельс: Анти-Дюринг. Ф. Энгельс: Людвиг Фейербах. Н. Ленин (В. Ульянов): Материализм и эмпириокритицизм. Госуд. Изд. 1920, стр. 151—167; стр. 187—194.

ГЛАВА II.

Детерминизм и индетерминизм (необходимость и свобода воли).

§ 12. Вопрос о свободе или несвободе индивидуальной (отдельной) воли. § 13. Результат индивидуальных воль в неорганизованном обществе. § 14. Коллективно-организованная воля. § 15. Так называемая случайность вообще § 16. Историческая „случайность". § 17. Историческая необходимость. § 18. Вопрос о возможности общественных наук и предсказаний в этой области.

§ 12. Вопрос о свободе или несвободе индивидуальной (отдельной) воли. Мы видели, что в общественной жизни, точно так же, как и в жизни природы, наблюдается определенная закономерность. Однако по этому поводу могуть быть крупные сомнения. В самом деле, ведь общественные явления делаются людьми. Общество состоит из людей, которые думают, мыслят, чувствуют, ставят себе цели, действуют. Один делает одно, другой, примерно, то же самое, третий — другое и т. д. А в результате получается общественное явление. Без людей не было бы и общества, не было бы и общественных явлений. Теперь посмотрим, что̀ отсюда следует. А следует отсюда вот что. Если общественные явления закономерны и если они — результат действий людей, то, стало быть, и действия каждого отдельного человека тоже от чего-нибудь зависят. Выходит так, что человек и его воля не свободны, а связаны, подчинены тоже своим законам. Если бы этого не было, если бы каждый человек и его воля ни от чего бы не зависели, то откуда могла бы взяться правильность в общественных явлениях? Ей неоткуда было бы взяться. Ее не было бы вовсе. Это понятно каждому. Если каждый человек был бы хромым, тогда и все общество было бы обществом хромых: неоткуда было бы образоваться другому обществу.

Но, с другой стороны, как же быть с зависимостью человеческой воли? Разве человек не решает сам, что ему хочется делать? Я захотел выпить воды—пью; захотел итти на собрание — решил итти. В свободный вечер товарищи предложили итти в театр Пролеткульта, а другие звали в „Теревсат“, сам решил итти в Пролеткульт, сам выбрал. Разве человек не свободен выбирать? Разве человек не свободен в своих действиях? Разве человек не свободен в своих хотениях, в своих желаниях и стремлениях? Разве он кукла, простая пешка, которую дергают за ниточку какие-то силы? Разве каждый человек по своему собственному опыту не знает, что он может свободно решать, выбирать, действовать?

Этот вопрос называется в философии вопросом о свободе или несвободе человеческой воли. Учение, которое утверждает, что человеческая воля свободна (независима), называется индетерминизмом (учением о необусловленности, независимости воли). Учение, которое утверждает, что человеческая воля зависима, обусловлена, несвободна, называется детерминизмом (учением о зависимости, об обусловленности воли). Нам, следовательно, нужно решить, какая же из этих двух точек зрения правильна.

Прежде всего посмотрим, к чему приводит точка зрения индетерминизма, если ее додумывать до конца. Если человеческая воля свободна и ни от чего не зависит, это значит, что она беспричинна. Но если это так, то что же получается? Получается старая ветхозаветная, религиозная теория. В самом деле, тогда ведь вот что выходит: все в мире совершается по определенным законам, все в мире, начиная от размножения блох и кончая движением солнечной системы, имеет свои причины, и только человеческая воля не подчинена этому. Она — какое-то единственное исключение. Здесь человек уже не часть природы, а какой-то бог, который стоит над миром. Следовательно, учение о свободе воли прямиком приводит к религии, которая ничего не объясняет, где нет знания, а есть слепая вера в чертовщину, в таинственное, в свехъестественное, в чепуху.

Значит, тут что-то не так. Для того, чтобы распутать этот узелок, нужно остановиться вот на чем. Часто—почти всегда—смешивают ощущение независимости и объективную (дей-

ствительную, независимую от сознания) независимость. Приведем пример. Предположим, вы видите оратора на митинге. Он берет со стола стакан воды и жадно выпивает воду. Что он чувствует, когда он тянется к стакану? Он сам решает выпить воду. Никто его к этому не понуждает. Никто его не тащит. Никто не заставляет. У него есть полное ощущение своей свободы: он сам решил, что ему нужно выпить воды, а, скажем, не начать танцовать трепака. Ощущение свободы у него есть. Но значит ли это, что он здесь действовал беспричинно и что его воля действительно независима? Ни капли. И всякий разумный человек тотчас увидит, в чем дело. Он скажет: „у оратора в горле пересохло". Что же это значит? Это значит, что от усиленного говорения в горле произошли такие изменения, что они вызвали у оратора желание выпить воды. Это и есть причина. Перемена в организме (физиологическая причина) вызвала определенное желание. А отсюда следует, что нельзя смешивать ощущение свободы воли, чувство независимости с беспричинностью, с необъусловленностью человеческих желаний и действий. Это — две совсем разные вещи. А на смешении их обыкновенно покоятся почти все рассуждения индетерминистов, которые хотят во что бы то ни стало протащить особливую „божественность" человеческого „духа".

Один из крупнейших философов, Б. Спиноза (умер в 1677 г.), писал про большинство этих философов, что они совершенно неправильно „рассматривают человека в природе, как государство в государстве. Ибо они думают, что человек скорее нарушает естественный порядок, чем подчиняется ему; что он (человек) имеет неограниченную силу и ни от чего не зависит, кроме самого себя" (B. v. Spinoza's „Ethik", hg. v. Kirchmann, 2 Aufl., Berlin, 1870, S. 101; то же во франц. перев.: Oeuvres de Spinoza. „Ethique", Paris, 1871, Charpantier et C-ie, p. 107). На самом же деле такое ложное представление происходит лишь потому, что люди не знают еще внешних причин своих собственных действий (стр. 113 франц. издания). „Так, ребенок воображает что он свободно желает молока, которое его питает; если он сердится, он думает, что свободно хочет отомстить; если он пугается—что он свободно (решает) бежать" (115 стр. франц. изд.). Лейбниц (умер в 1717 г.) точно так же говорил о том, что часто от людей ускользают причины их действий (causas... fugientes), что вызывает иллюзию абсолютной свободы. Лейбниц приводил по этому поводу пример с магнитной стрелкой, которая, если бы она могла мыслить, обязательно

радовалась бы (laetaretur) оттого, что ей приходится постоянно поворачиваться к северному полюсу (G. G. Leibnitii opert omnia, tomus I, Genevae, apud fratres de tournes. MDCCLXVIII, p. 155).

Ту же мысль выражал в свое время, до своего апокалиптическо-антибольшевистского сумасшествия, Д. Мережковский:

Если б капля дождевая
Думала, как ты,
В час урочный упадая
С неба высоты,—
И она бы говорила:
„Не бессмысленная сила
Управляет мной:
По своей свободной воле
Я на жаждущее поле
Упаду росой“.

В сущности, люди своей практикой целиком опровергают учение о свободе воли. Ибо, ведь если человеческая воля ровно ни от чего бы не зависела, то тогда нельзя было бы действовать, так как нельзя было бы ни рассчитывать, ни предвидеть. В самом деле, предположим, что спекулянт идет на рынок. Он знает, что там будут торговать и торговаться, что каждый торговец будет запрашивать, что покупатели будут стремиться дешевле купить и проч. Но он не ожидает, что на рынке люди будут ходить на четвереньках и выть по-волчьи. Скажут: это нелепый пример. Нисколько. Разберем его, как следует. Почему люди не будут ходить на четвереньках? Потому, что это не в их природе. Что это значит? Это значит, что так устроен их организм. Но ведь клоуны ходят на четвереньках? Да, потому, что там их воля определяется другими условиями, и когда спекулянт идет в цирк, он предвидит, что там будут ходить на четвереньках „вопреки природе“. Почему покупатели хотят купить дешевле? Потому, что именно они покупатели. Их положение, как покупателей, „заставляет“ их искать дешевых товаров, в эту сторону определяет их желания, их волю, их действия. А если бы тот же человек был продавцом? Он действовал бы наоборот, искал бы, как подороже продать. Выходит, следовательно, так, что воля вовсе не независима, а определяется рядом причин, и что люди не могли бы действовать, если бы было иначе.

Подойдем теперь к делу с другого конца. Всякому известно, что у пьяного возникают „нелепые“ желания и он совершает „нелепые“ поступки. Его воля действует на другой манер, чем у трезвого. Почему? Причиной является отравление алкоголем. Стоит только ввести определенную порцию этого вещества в человеческий организм, и „божественная воля“ начнет выделывать такие штуки, что хоть святых вон выноси. Причина здесь ясна. Или другой пример: человека кормят соленым. Тогда он неизбежно начнет „свободно“ хотеть пить гораздо больше обыкновенного. Значит, и тут причина тоже ясная. Ну, а когда тот же человек питается „нормально“? Тогда он пьет „нормальное“ количество воды: ему „хочется“ пить так, как „хочется“ пить и другим. Значит, и в этом случае воля ровно так же зависима, как и в „необыкновенных“ случаях.

Человек влюбляется, когда у него уже созрел организм. Человек при страшном истощении предается „мрачному отчаянию“. Словом, чувство и воля человека зависят от состояния его организма и от той обстановки, в которой он (человек) находится. Воля его, как и все в природе, обусловлена определенными причинами, и никакого исключения человек из всего остального мира не составляет: хочется ли человеку почесать за ухом (вскочил маленький прыщик), или же он совершает героический поступок,—все равно: на это есть свои причины. Правда, иногда этих причин доискаться очень трудно. Но это другой вопрос. Да и разве мы доискались всех причин в области мертвой природы? Ни капельки. Однако из того, что люди не все еще объяснили, вовсе не следует, что этого вообще нельзя объяснить.

Нужно заметить, что закону причинности, как мы видели, подчиняются не только „нормальные“ (обыкновенные) случаи. Ему подчиняются все явления. Самым ярким примером могут служить душевные болезни. Казалось бы, какую закономерность, какой „порядок“ имеют бессвязные, нелепые, странные и чудовищные желания и действия душевных больных и сумасшедших? А тем не менее они имеют свои причины. При одних причинах сумасшедшие ведут себя по одному, при других по другому, при третьих—опять по другому и т. д. Значит, даже при сумасшествии причинная закономерность остается в своей полной силе.

На этом основана классификация душевных болезней. Их причины сводятся к 4-м рубрикам причин: 1) наследственность (сифилис, туберкулез и пр.); 2) ушибы (травмы); 3) отравления; 4) различные истощающие влияния и потрясения (См. Сербский: Душевные болезни в Энцикл. Словаре Граната). Вот, напр., картина белой горячки: „Больным кажется, что против них замышляется что-то недоброе, что все окружающие участвуют в заговоре, к которому примыкают не только соседи, но и домашние животные, и неодушевленные предметы..." и т. д. (А. Бернштейн: Белая горячка. Там же.) Белая горячка создается на почве алкоголизма. А вот, напр., при прогрессивном параличе (последствие сифилиса)—другая „картина болезни": сперва—душевная развинченность, легкомыслие, циничные поступки, легковерность; вторая ступень—бредовая (мания величия: больному кажется, что у него миллиарды миллионов золота, что он король и т. д.); третья ступень—всеобщий упадок (П. Розенбах: Прогрессивный паралич. Энц. Сл. Брокгауза, т. 49). При поражении (болезни) одних частей мозга или нервной системы воля направляется в одну сторону, при других поражениях—в другую и т. д. На зависимости душевной жизни от определенных причин построена и вся медицинская практика в области нервных болезней.

Мы нарочно взяли самые разнообразные случаи. Из рассмотрения их видно, что при всех условиях, и в обыкновенных и в необыкновенных, и в нормальных и в ненормальных случаях, воля, чувства, действия отдельного человека всегда имеют определенную причину; они всегда обусловлены („детерминированы"), определены. Учение о свободе воли (индетерминизм) есть на самом деле утонченная форма полурелигиозных взглядов, которая ровно ничего не объясняет, противоречит всем фактам жизни, является тормозом научного развития. Единственно правильной точкой зрения является детерминизм.

§ 13. Результанта индивидуальных воль в неорганизованном обществе. Не подлежит никакому сомнению, что общество состоит из отдельных людей, а общественное явление складывается из многочисленного количества индивидуальных чувств, настроений, воль, действий. Общественное явление есть, другими словами, результат (или, как говорят иногда, „результанта", равнодействующая) индивидуальных явлений. Очень хорошим примером может служить здесь пример с ценой. На рынок выходят продавцы и покупатели. У одних товары, у других—деньги. Каждый из продавцов и покупателей хочет добиться определенных целей: каждый из них определенно оценивает

товар и деньги, взвешивает, рассчитывает, борется и грызется. В результате же этой рыночной сутолоки создается рыночная цена. Это уже не то, что думает отдельный покупатель или продавец, это уже общественное явление, сложившееся в результате борьбы различных „воль". То же, что и с ценой, происходит и со всякими другими общественными явлениями. Возьмем, например, эпоху революции. Действуют люди одни более энергично, другие — менее; одни гнут в одну сторону, другие — в другую. Из этой борьбы людей в конце концов, при „победе революции", рождается новый строй, новый порядок вещей. „Определенные общественные отношения, — писал Маркс, — являются точно так же продуктами людей, как и холст, лен и проч." (К. Маркс: Нищета философии, пер. Алексеева, стр. 72, и 155 стр. франц. изд. Giard и Brière, 1908 г.)

Но здесь могут быть два разных случая, которые имеют большие особенности. Эти два разные случая вот какие: первый случай, когда у нас есть неорганизованное общество, напр., простое товарное или капиталистическое; второй—когда перед нами организованное, коммунистическое общество. Сперва разберем первый случай. Для этого возьмем самый типичный пример, который мы уже приводили, пример с образованием цены. В каком отношении стоит цена, которая образовалась на рынке, с теми желаниями, с теми оценками и стремлениями, которые имелись у каждаго отдельного лица, выступавшего на рынке? Ясно видно, что она не совпадает с этими желаниями. А для многих она прямо гибельна: это для тех, которые либо не могут „по такой цене" ничего купить и уходят со своими грошами и с пустым желудком; либо для тех, которые разоряются оттого, что цена для них очень низка. Всякий знает, что масса ремесленников, мелких торговцев и хозяйчиков разорялась оттого, что крупные фабриканты наводняли рынок своими дешевыми товарами, а мелочь гибла, не могла выдержать борьбы, не могла выдержать напора дешевых цен, устанавливавшихся под влиянием большой массы выброшенных крупными капиталистами товаров.

Выше мы приводили и другой характерный пример, пример с империалистской войной, когда много капиталистов в разных странах хотели пограбить, а вышло разорение, а из разорения

родилась революция против капиталистов, которые, разумеется, этой революции вовсе не жаждали.

Что значит все это? Это значит, что в обществе неорганизованном, где нет планомерного производства, где есть борющиеся классы, где все делается не по плану, а стихийно,— что в таком обществе то, что получается (общественное явление), не совпадает с тем, чего многие хотели. Или, как часто говорили Маркс и Энгельс, общественные явления независимы от сознания, чувства и воли людей. Эта „независимость от воли людей" состоит не в том, что события общественной жизни совершаются помимо людей, а в том, что в неорганизованном обществе, при стихийном развитии, общественный продукт этой воли (этих воль) не совпадет с теми целями, которые многие люди себе ставили, а иногда прямо противоречит этим целям (человек желал нажиться, а в результате разорился).

На непонимании того, о какой такой „независимости от воли" идет речь у Маркса и Энгельса, основан ряд возражений против марксизма. По этому поводу нелишне привести несколько строк из Энгельса „Людвиг Фейербах", 3 немецк. изд., стр. 39—40 плехановского женевского перевода 1905 г.). Вот что пишет Энгельс:

В истории „ничего не случается без сознательного намерения (Absicht), без желаемой цели". Однако „только весьма редко осуществляется то, чего желали (das Gewollte); в большинстве случаев перекрещиваются и борются (widerstreiten sich) многочисленные желания и цели (gewollten Zwecke)... Таким образом столкновения бесчисленных отдельных воль и отдельных действий приводят на исторической арене к такому состоянию, которое вполне аналогично явлениям, господствующим в бессознательной природе. Цели действий выступали, как желания, но результаты, которые действительно последовали за этими действиями, не были предметом желаний, или же, поскольку они все же по видимости соответствуют желаемым целям, все же они имеют в конце концов совершенно другие последствия, чем те, которых желали" (44 стр. немецк. изд.).

„Люди делают свою историю, как эта история ни протекает; при этом каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели; результанта этих действующих в различных направлениях воль и их разнообразного воздействия на внешний мир и есть история... Но... действующие в истории многочисленные отдельные воли большею частью вызывают совершенно другие, часто совершенно противоположные результаты, чем те, которые хотели иметь"... (44—45).

Стало быть, из вышеизложенного следует, что в неорганизованном обществе, как и во всяком обществе, события совер-

шаются не помимо, а через волю людей. Но здесь над отдельным человеком господствует **бессознательная стихия**, которая является продуктом отдельных воль.

Теперь обратим наше внимание вот на какое обстоятельство. После того, как получился тот или иной общественный результат отдельных воль, **этот общественный результат определяет поведение отдельного человека**. Это положение необходимо подчеркнуть, так как оно очень важно.

Начнем с того примера, который мы уже дважды приводили, — с образования цен. Предположим, что на рынке фунт моркови стоит столько-то. Ясно, что и новые покупатели, и новые продавцы уже заранее имеют перед глазами эту цену, из нее приблизительно исходят в своих расчетах. Другими словами, **общественное** явление (цена) определяет собою **отдельные (индивидуальные) явления** (оценку). То же происходит и со всеми другими сторонами жизни. Начинающий художник опирается в своем творчестве на все предыдущее развитие искусства и на окружающие общественные чувства и стремления. Политик исходит в своих действиях из чего? Из той обстановки, в которой он действует: он может хотеть либо укрепить данный порядок, либо сломать его. Это в свою очередь зависит от того, на чьей стороне он стоит, в какой среде он живет, на какой общественный класс и на чьи **общественные** желания он опирается. Значит, и его воля определяется общественными условиями.

Мы видели выше, что в неорганизованном обществе выходит, в конце концов, не совсем то,—а иногда и совсем не то,—чего люди желали. Можно сказать здесь, что „общественный продукт" (общественное явление) **господствует** над людьми. И не только в том смысле, что он определяет собой поведение людей, но и в том, что он идет **вразрез** с их желаниями.

Итак, по отношению к **неорганизованному** обществу мы можем установить такие положения:

1. **Общественные явления получаются из скрещивания индивидуальных воль, чувств, действий и т. д.**

2. **Общественные явления определяют собой в каждый данный момент волю отдельных людей.**

3. Общественные явления не выражают воли отдельных людей, обычно идут *вразрез* с этой волей, принудительно господствуют над ней, так что отдельный человек очень часто чувствует на себе *давление* общественной стихии (пример: разорившийся торговец, опрокинутый революцией капиталист, стоявший за войну и т. д.).

§ 14. Коллективно-организованная воля (результанта индивидуальных воль в организованном, коммунистическом обществе). Теперь представим себе, как обстоит дело в коммунистическом обществе. Здесь нет анархии производства. Здесь нет класов, классовой борьбы, противоречия классовых интересов и т. д. Здесь нет точно так же противоречий между интересами личности и интересами общества. Здесь есть налицо лишь дружное товарищество работающих на себя по плану производителей.

Как же обстоит здесь дело с индивидуальной волей? Совершенно ясно, что и здесь общество тоже состоит из людей, так что общественное явление складывается, как результанта индивидуальных воль. Но характер этого складывания, способ, путем которого получается эта результанта, совершенно отличен от того, что происходит в неорганизованном обществе. Чтобы отчетливее понять разницу, приведем еще один предварительный примерчик. Предположим, что у нас есть какое-нибудь общество или кружок спевшихся между собой лиц. Все они ставят себе одинаковые цели, сообща решают соответствующие вопросы, учитывают трудности, которые перед ними стоят, наконец, принимают общее решение и, сообразно ему, действуют. Их совместное действие, а равно их решение—это уже коллективный „продукт“. Но он не есть внешняя, грубая, стихийная сила, которая идет вразрез с желаниями каждого. Наоборот. Тут есть налицо усиление возможности для каждого достигнуть своего желания. Пять человек решают сообща поднять камень. Поодиночке они его поднять не могут, впятером же без труда поднимают. Общее решение ни капли не противоречит желанию каждого. Наоборот, оно помогает осуществлению этого желания.

То же, но в громадном, гигантском маштабе и в сложном виде, будет и в коммунистическом обществе (под последним мы

подразумеваем не эпоху пролетарской диктатуры и не первые шаги коммунизма, а развитое, действительно коммунистическое общество, где нет остатков классов, где нет государства и внешних правовых норм). В таком обществе все отношения между людьми будут ясно видны для каждого, и общественная воля будет *организованной* волей. Это не будет стихийно полученная результанта, „независимая“ от воли отдельного человека, а сознательно организованное общественное решение. Поэтому здесь и не может получиться того, что получается в капиталистическом обществе. Здесь „общественный продукт“ не господствует над людьми, а люди господствуют над своими решениями, ибо они именно решают и притом *сознательно* решают. Здесь не может быть такого явления, что для большей части общества общественное явление есть что-то вредоносное и гибельное.

Из вышеизложенного, однако, вовсе не следует, что в коммунистическом обществе и общественная воля, и воля отдельного человека ни от чего не зависят, или что при коммунизме господствует свобода воли, и человек внезапно становится сверхъестественным существом, для которого закон причинности нигде не писан.

Нет. И при коммунизме человек остается частью природы, подчиненной всеобщему закону причинности. В самом деле, разве каждый отдельный человек не будет зависеть от окружающей его обстановки? Конечно, будет. Он не будет действовать, как дикарь из Центральной Африки, или как банкир из торгового дома Пирпонт Морган и К°, или как гусар эпохи империалистской войны. Он будет действовать, как член *коммунистического* общества. Это ясно без дальнейших пояснений. Но что это значит? Это значит, что обстановка жизни будет определять его волю. То же и в других отношениях. Всякий, напр., сообразит, что и коммунистическому обществу придется вести борьбу с природой, а следовательно, условия этой борьбы будут определять собою поведение людей и т. д. Словом, теория *детерминизма остается в полной силе и по отношению к коммунистическому обществу*.

Итак, по отношению к *организованному* обществу мы можем установить такие положения:

1. Общественные явления получаются из скрещивания индивидуальных воль, чувств, действий и т. д., *при чем этот процесс идет не стихийно, а в решающих областях организованно.*

2. Общественные явления определяют собой в каждый данный момент волю отдельных людей.

3. Общественные явления *выражают* волю людей и обычно *не* идут вразрез с этой волей; люди господствуют над своими решениями и не чувствуют над собой никакого давления общественной стихии, место которой заняла разумная общественная организация.

Энгельс писал, что человечество при переходе к коммунизму совершает „прыжок из царства необходимости в царство свободы". Некоторые буржуазные ученые делали из этого тот вывод, что Энгельс считал, будто бы детерминизм, так сказать, прекращает свое действие в коммунистическом обществе. Это рассуждение основано на грубейшем непонимании и искажении марксизма. На самом деле Энгельс совершенно правильно хотел этим сказать, что в коммунистическом обществе развитие приобретает сознательно-организованный характер в противоположность к бессознательно-стихийному. Люди знают, что нужно делать и как нужно действовать при данных условиях. „Свобода есть познанная необходимость".

§ 15. Так называемая случайность вообще. Чтобы еще более полно понять всеобщую обусловленность явлений, нужно остановиться на разборе того, что представляет из себя так называемая случайность. В самом деле, со случайностью мы встречаемся довольно часто и в обычной жизни, и в жизни общественной. Некоторые ученые занимались даже специальными исследованиями о „роли случая", о том, какое значение имеет случай для истории. Мы говорим о случайности чрезвычайно часто: на улице „случайно" переехали человека; кого-нибудь убило свалившимся с крыши кирпичом; случайно я купил редчайшую книгу; или случайно в незнакомом городе встретился с человеком, которого не видал двадцать лет, и т. д. Другие примеры: игра в орлянку или кости. Случайно выпала „решка"—я выиграл; случайно выпал орел—я проиграл. В чем же здесь дело? И в каком отношении стоит случайность к закономерности, или, что то же самое, к причинной необходимости?

Разберем этот вопрос. Возьмем сперва пример с игрой в орлянку. Почему выпала, скажем, „решка“? Правда ли, что здесь не было никакой причины или никаких причин? Конечно, неправда. Решка выпала потому, что при определенной форме монеты я двинул рукой так-то, с такою-то силой, в такую-то сторону; потому что монета упала на такую-то поверхность и т. д. Если бы вторично *все* эти условия повторились, то, несомненно, и второй раз выпала бы точно так же решка. То же было бы и в третий раз. Но дело в том, что при бросании просто немыслимо заранее рассчитать все эти обстоятельства. Малейшее отклонение руки, поворот пальца, изменение силы, с которой вы бросаете монету, тотчас оказывает влияние на результат. Причины, вызывающие следствия (то или иное выпадение монеты), *не поддаются здесь практическому учету*. Они существуют, но мы их не можем учесть, а потому мы их не знаем. Это наше незнание мы и называем в данном случае случайностью.

Возьмем теперь другой пример: случайную встречу на улице с знакомым, которого я не видел двадцать лет. Есть причины этой встречи? Нетрудно видеть, что они есть: под влиянием определенных причин я вышел тогда-то, пошел по такой-то дороге, с такой-то скоростью; под влиянием других причин мой знакомый тогда-то начал свое путешествие по такой-то дороге, с такой-то скоростью. Само собой очевидно, что совокупное действие этих причин *неминуемо* должно было привести к нашей встрече. Почему же *для меня* эта встреча кажется случайной? Почему мне *кажется*, что здесь не было причинной необходимости? Почему я *называю* нашу встречу случайной? По очень простой причине: потому что я *не знал* причин, которые двигали моего приятеля, потому что *я не знал* даже о том, что он живет со мной в одном городе, а следовательно, и не мог предвидеть нашей встречи.

Если при перекрещивающемся действии двух или нескольких причинных цепочек (рядов) мы знаем только одну, тогда явление, которое получается при этом перекрещивании, представляется нам случайным, хотя на самом деле оно вполне закономерно. Я знаю одну цепочку (один ряд) причин,— те, которые проявляются в *моем* путешествии по

улицам; другой цепи (другого ряда) причин, которые двигают моего приятеля, я не знаю. Поэтому я не предвижу скрещивания двух причинных рядов. Поэтому же это скрещивание (встреча) представляется мне „случайным" явлением. Таким образом, строго говоря, никаких случайных, т.-е. беспричинных явлений нет. Явления же могут представляться нам „случайными", поскольку мы недостаточно знаем их причины.

Это видел еще Спиноза, который утверждал, что „случайным явление называется исключительно по причине недостатка наших знаний" (Кирхман, издание „Этики", стр. 38), потому что здесь „от нас скрыт порядок причин" (там же).

У Милля (Система логики, пер. В. Н. Ивановского, изд. Лемана, М. 1914, стр. 479) имеется, после правильного анализа, такое место: „Неправильно говорить, что то или другое явление происходит случайно. Мы имеем право сказать лишь так: два или более явления соединены случайно; они существуют или следуют друг за другом только благодаря случайности. Это будет значить, что отношения между ними вовсе не зависят от причинной связи: они не связаны друг с другом, как причина и следствие, и в то же время не составляют следствий ни одной и той же причины, ни причин, связанных между собою каким либо законом сосуществования, ни даже того же самого размещения первых причин". Подчеркнутые места неправильны. Верно то (пример со встречей), что я вышел не потому, что вышел мой приятель, и так же верно, что мой приятель вышел не потому, что вышел я. Но если нам дано „размещение причин", т.-е. если нам дано, что я вышел тогда-то, указан путь и скорость движения, если то же дано относительно моего приятеля, то тем самым дана и наша встреча. Тут так же мало случайного и независимого от „размещения причин", как в случае затмения солнца или луны, что определяется особым положением („встречей") планет.

§ 16. Историческая „случайность". После всего вышеприведенного не трудно разобрать и вопрос о так называемой „исторической случайности".

Если по сути дела все происходит закономерно, и случайного, в смысле беспричинного, не бывает вообще, то ясно, что не бывает и исторической случайности. Всякое историческое событие, каким бы случайным оно ни казалось, на самом деле, вполне и целиком обусловлено: обычно и здесь под исторической случайностью разумеется такое явление, которое получилось благодаря перекрещиванию нескольких причинных рядов, из которых известен только один.

Иногда, однако, под исторической случайностью разумеют нечто иное. Когда, например, говорят, что империалистская война с необходимостью возникла из развития мирового капитализма, но что, скажем, убийство австрийского эрцгерцога было явлением случайным, тут идет речь о чем-то другом. О чем именно? Нетрудно видеть, в чем здесь дело. Когда говорят о необходимости (причинной необходимости, неизбежности) империалистской войны, то эту неизбежность видят в громадной важности наличных причин в развитии общества,—причин, которые войну вызывают. При этом сама война является, в свою очередь, тоже событием громадной важности, то-есть таким событием, которое оказывает решающее влияние на дальнейшую судьбу общества. Таким образом здесь под словом „историческая случайность“ понимается обстоятельство, которое не играет важной роли в цепи общественных событий: если бы его не было, то картина дальнейшего развития изменилась бы настолько мало, что ее никто бы и не заметил. В данном примере: война была бы и без убийства эрцгерцога, ибо вовсе не в этом убийстве была „суть дела“, а в обостреннейшей конкуренции империалистских держав, которая с развитием капиталистического общества становилась с каждым днем резче.

Можно ли сказать, что такое „случайное“ явление не играет никакой роли в общественной жизни, что оно никак не влияет на судьбы общества, что оно, другими словами, равно нулю? Если мы хотим дать точный ответ, то должны ответить отрицательно. Ибо всякое событие, как бы оно ни было „ничтожно“, на самом деле влияет на все последующее развитие.

Вопрос заключается в том, насколько крупные изменения в этом развитии оно производит. Поскольку речь идет об явлениях случайных в вышеуказанном смысле, постольку практически это влияние неважно, незаметно, бесконечно мало. Оно может быть чрезвычайно мало, но оно никогда не является нулем. Это тотчас же становится заметным, если мы возьмем совокупное, совместное действие таких „случайностей“. Приведем такой пример. Предположим, что речь идет об образовании цены. Рыночная цена образуется из столкновений массы оценок со стороны покупателей и продавцов. Если мы

возьмем **один** случай, **одну** оценку, столкновение одного покупателя с одним продавцом, то это явление может быть названо „случайным“. Купец Сидоров объегорил старуху Петрову. Это, с точки зрения **рыночной цены**, т.-е. **общественного** явления, получившегося от **множества** столкновений между различными оценками, есть случайность. „Не все ли равно, что произошло в отдельном случае у Сидорова? Нам важен конечный результат, общественное явление, то, что носит **типичный** характер“. Так часто говорят, и говорят совершенно справедливо. Ибо отдельный случай играет незаметную роль. Он не важен. Но попробуйте вы сгруппировать, соединить большое количество таких „случаев“. И сразу вы увидите, что „случайность“ начинает исчезать. Роль и значение многих случаев, их совокупное действие сразу же сказывается на дальнейшем развитии. Ибо и отдельные случаи вовсе не нули. Нуль, сколько ни помножай, все равно больше нуля не будет. Из пустышки ничего не сделаешь, какие бы манипуляции с этой пустышкой мы ни производили.

Таким образом мы видим, что, строго говоря, в историческом развитии общества нет никаких случайных явлений: и то, что Каутский не спал в такую-то ночь, когда ему снились ужасы большевистской революции; и то, что был убит австрийский эрцгерцог незадолго до войны; и то, что Англия вела колониальную политику; и то, что возникла мировая война,—словом, **все** события, начиная с самых мизерных и незаметных и кончая потрясающими событиями современности,—все эти события **одинаково не случайны**, одинаково причинно обусловлены, т.-е. одинаково причинно-необходимы.

§ 17. Историческая необходимость. Из предыдущего вытекает, что следует изгнать понятие „случайности“ и из общественных наук. Общество в своем развитии так же подчинено закономерности, как и все на свете.

Очень характерно то обстоятельство, что учение о случайности, которое признает всерьез случайность, прямехонько приводит к вере в сверхъестественнное, к вере в бога. Именно на этом основано так называемое „космологическое доказательство“ бытия божия. Оно гласит: если мир (космос) не подчинен закономерности, то ясно, что он должен иметь особую первопричину своего существования и своего развития. Это якобы доказательство так и обозначается „доказательством от случайности мира“ („e contingentia mundi“). Оно встречается у

Аристотеля, Цицерона, Лейбница, Хр. Вольфа и др. С упадком буржуазии и ее разложением учение о случайности начало снова распространяться (напр., у французских философов Бутру, у Бергсона и др.).

Понятию случайности противоположно понятие необходимости (причинной необходимости).

„Необходимо то, что неизбежно вытекает из определенных причин". Когда говорят, что такое-то явление было исторически-необходимо, это значит, что оно неизбежно должно было произойти, вне всякой зависимости от того, хорошо оно или плохо. Когда говорят о причинной необходимости, то здесь нет ни малейшего намека на оценку события, на его желательность или нежелательность; здесь речь идет лишь о его неизбежности. Не нужно—как это иногда делают—путать два совсем различных понятия: необходимости в смысле желательности и причинной необходимости. Это две совершенно разные вещи. И когда говорят об исторической необходимости, то под этим разумеют не то, что желательно с точки зрения, скажем, общественного прогресса, а то, что неизбежно вытекает из хода общественного развития. В этом смысле исторически необходимым было как быстрое развитие производительных сил в конце XIX столетия, так и падение Римской империи или исчезновение так называемой критской культуры. Необходимое есть причинно обусловленное. Ни больше, ни меньше.

Теперь мы переходим к одному, довольно трудному вопросу все о той же необходимости.

Предположим, что у нас имеется перед глазами человеческое общество, которое за 20 лет возросло вдвое. Тогда мы вправе заключить (сделать вывод), что производство в этом обществе расширилось. Если бы оно не расширилось, то общество не могло бы увеличиться вдвое. Если оно увеличилось, значит, возросло и производство. Этот пример не нуждается сам по себе в дальнейших разъяснениях. Но что он представляет из себя? Здесь мы особым способом отыскиваем причину общественного развития,—причину, которая представляется, как необходимое условие этого развития. Нет его налицо — нет и развития. Если есть развитие, стало-быть, должно быть налицо и это условие.

Этот пример может навести вот на какие размышления. В начале книжки мы беспощадно изгнали телеологию. А теперь мы ее как будто сами вводим: „гони природу в дверь, она влетит в окно". В самом деле, как тут стоит вопрос? Для развития общества, для того, чтобы общество увеличилось вдвое, нужно, чтобы выросло производство. Развитие и возрастание общества — цель, „телос". Развитие производства — средство для осуществления этой цели. Закономерность развития есть закономерность телеологическая. Мы как будто бы совершили таким образом прегрешение против науки и попали в поповские объятия.

Однако на самом деле здесь имеется нечто иное, и телеологией вовсе и не пахнет. В самом деле, мы здесь исходим из предположения, что общество возросло (в данном случае мы исходим даже из факта, что общество возросло). Но оно могло и не возрасти. И если бы оно не возросло, а, скажем, вдвое уменьшилось, тогда мы могли бы сделать точь в точь по такому же способу следующее заключение: так как общество вдвое уменьшилось, и притом уменьшилось от недоедания, значит, производство сократилось. Ни одному человеку, однако, не придет в голову видеть „цель" в разрушении общества. Никто не может сказать в этом случае: цель—уменьшение общества от недоедания; средство к этой цели—сокращение производства. Значит, тут нет ровно никакой телеологии. Здесь есть лишь особый прием отыскивания условий (причин) по результату (по следствиям).

Необходимое условие дальнейшего развития называется часто тоже исторической необходимостью. В этом смысле исторической необходимостью была французская революция, без которой капитализм не мог бы развиваться; или так называемое „освобождение крестьян" в 1861 г., без которого не мог бы развиваться дальше русский капитализм. В этом смысле является исторической необходимостью социализм, так как без него невозможно дальнейшее развитие общества. Если общество будет развиваться,—неизбежно будет социализм. В этом смысле и Маркс, и Энгельс говорят об „общественной необходимости".

Метод отыскивания необходимых условий по имеющимся (или предполагаемым) фактам чрезвычайно часто употреблялся Мар-

ксом и Энгельсом, хотя до сих пор на это обращали крайне мало внимания. Между тем, в сущности, весь „Капитал“ построен именно так. Дано товарное общество со всеми его элементами. Оно существует. Как оно может существовать? Ответ: если оно существует, то это возможно лишь при том условии, что существует закон ценности. Бесконечное количество товаров меняются друг на друга. Как это возможно? Это возможно только при условии, что существует денежная система („общественная необходимость денег“). Капитал „накопляется“ на основе законов товарного обращения. Как это возможно? Это возможно лишь потому, что ценность рабочей силы меньше ценности производимого продукта, и т. д., и т. п.

§ 18. Вопрос о возможности общественных наук и предсказаний в этой области. Из всего, что мы говорили выше, следует, что в общественных науках точно так же, как и в естественных, возможны предсказания. Предсказания не шарлатанско-знахарского вида, а научные предсказания. Мы знаем, например, что астрономы могут, и притом с величайшей точностью, предсказывать наступление затмений солнца или луны; они могут предсказывать появление комет или большого количества „падающих звезд“. Метеорологи могут предсказывать погоду—солнце, ветер, бурю, дождь. Во всех этих предсказаниях нет ровно ничего таинственного. Возьмем пример астронома. Он знает законы движения планет. Он знает, по какому пути бежит солнце, земля, луна. Он знает также, с какой скоростью они бегут и где они в данный момент находятся. Что же удивительного в том, что при таких условиях можно точно вычислить, когда луна поместится между землей и солнцем и загородит собой „прекрасное светило“, от чего и происходит затмение? Теперь спросим себя, возможно ли что-либо подобное в общественных науках. Конечно, да. В самом деле, если мы знаем законы общественного развития, т.-е. пути, по которым неизбежно идет общество, направление развития, то нам не трудно определять и будущее общества. В общественной науке такие предсказания, оправдавшиеся вполне, были сделаны неоднократно. Мы, на основании знания законов общественного развития, предсказывали экономические кризисы, обесценение бумажных денег, мировую войну, социальную революцию, как результат войны; мы предсказывали поведение различных групп, классов и партий во время революции; мы предсказывали, напр., то, что эс-эры превратятся после про-

летарского переворота в кулацкую, белую, вандейскую, контрреволюционную партию; задолго до революции, еще в 90-х годах, русские марксисты предсказывали неизбежное развитие капитализма в России, а вместе с ним неизбежный рост рабочего движения. Можно было бы привести сотни примеров таких предсказаний. В этом нет ничего удивительного, раз мы только знаем законы общественно-исторического процесса.

Мы пока не можем предсказывать срока наступления того или другого явления. Это происходит потому, что мы еще не располагаем такими знаниями законов общественного развития, которые можно было бы выразить в точных числах. Мы не знаем скорости социальных процессов, но мы имеем возможность знать их направление.

Г. Булгаков в своей книге „Капитализм и земледелие" (1900, т. II, стр. 457—458) писал: „Маркс считал возможным мерить и предопределять будущее по прошлому и настоящему, между тем как каждая эпоха приносит новые факты и новые силы исторического развития— творчество истории не оскудевает. Поэтому всякий прогноз относительно будущего, основанный на данных настоящего, неизбежно (!!!) является ошибочным... Завеса будущего непроницаема". В „Философии хозяйства" (часть I. Мир, как хозяйство, М. 1912, стр. 272) тот же автор пишет: „Но и гораздо более скромные предвидения могут быть приписаны социальной науке лишь с большими оговорками: устанавливаемые наукой „тенденции развития", благоприятствующие социализму, очень мало общего имеют с „естественно-научными законами", за которые принимает их Маркс. Это только „эмпирические законы"...Они имеют совершенно иную логическую природу, нежели напр., законы механики"...

Мы взяли эти цитаты из проф. Булгакова, как наиболее характерный образчик „опровержения" марксизма. Разберем эти „опровержения". Г. Булгаков считает, что законы капиталистического развития, напр., суть „эмпирические законы". Под „эмпирическими законами", как известно, разумеются такие правильности, где нельзя еще сказать, что мы открыли причинную связь. Напр., существует наблюдение, что девочек рождается несколько больше, чем мальчиков. Но мы не знаем причин этого явления. Такого характера „законы" действительно имеют другую „логическую природу". Но законы развития капитализма вовсе не таковы. В них содержится причинная связь. Напр., закон централизации капитала вовсе не есть „эмпирический закон", а действительно „естественно-научный". Ибо если нам дано одновременное существование конкурирующих мелких и крупных производственных единиц, то необходима победа крупных. Мы здесь знаем причинные связи. И поэтому мы можем безошибочно предсказать победу крупного производства как в Японии, так и в Центральной Африке.

Первая цитата из Булгакова носит характер поверхностной беллетристики. История „приносит новые факты", „творчество истории не оскудевает" и т. д.! Но „новые факты" приносит с собой и развитие природы; эти новые факты становятся известны и естественным наукам, и математике с их другой „логической природой". Здесь у Булгакова верно только то, что мы никогда не знаем всего. Из этого, однако, нельзя делать вывода о несостоятельности науки.

Характерно, между прочим, то, что в „Философии хозяйства" г. Б. чрезвычайно много распространяется всерьез об ангелах, плоти мира, грехопадении, св. Софии и прочем. Это действительно имеет „другую логическую природу" и притом очень близкую к шарлатанству и знахарству, против которых протестует г. Булгаков.

Учение о детерминизме в области общественных явлений и о возможности научных предсказаний вызвало ряд возражений. Мы остановимся здесь на одном, которое было сделано Р. Штаммлером. Штаммлер спрашивает марксистов, утверждающих, что социализм должен наступить с такой же необходимостью, с какой наступает в определенный момент затмение солнца, зачем они, марксисты, стараются осуществить этот социализм. Что-нибудь одно из двух,—говорит Штаммлер:— либо социализм наступит, как затмение луны, — тогда нечего стараться, нечего бороться, нечего организовывать партию рабочего класса и т. д.; ведь никому не приходит в голову организовывать партию, помогающую лунному затмению; либо вы организуете партию, боретесь и т. д.; это значит, что социализма может и не быть, но вы его хотите и потому, естественно, за него боретесь. Тогда его необходимость не при чем.

После того, что мы говорили выше, нетрудно видеть, в чем ошибка Штаммлера. Затмение луны ни прямо, ни косвенно не зависит от воли людей, вообще не зависит от людей. Все люди могли бы умереть, без различия классов, полов, национальностей и возраста. И все-таки в определенное время луна „затмевалась" бы. Совсем иначе дело обстоит с общественными явлениями. Они совершаются через волю людей. Общественное явление без людей, без общества,—это все равно, что круглый квадрат или жареный лед. Социализм неизбежно наступит потому, что неизбежно люди, определенные классы людей, будут действовать в сторону его осуществления, и притом в таких условиях, когда они победят. Марксизм не отрицает воли, а объясняет ее. Когда марксисты орга-

низуют и ведут в бой коммунистическую партию, это тоже есть выражение исторической необходимости, которая именно и выражается через волю и действия людей.

Социальный (общественный) детерминизм, т.-е. учение о том, что все общественные явления обусловлены, имеют свои причины, из которых они с необходимостью вытекают, не нужно смешивать с фатализмом. Фатализм—это вера в слепой, неизбежный рок, „судьбу", которая тяготеет над всем, которой все подчинено. Воля человека—ничто. Человек—не величина, входящая в число причин, он просто пассивный материал. Это учение отрицает волю людей, как фактор развития, чего отнюдь не делает детерминизм.

Часто эта „судьба" олицетворяется в существах, подобных божествам. Таковы, напр., „мойра" у древних греков, „парки" у римлян; у некоторых отцов церкви (напр., у блаж. Августина) такую роль играло учение о предопределении (praedestinatio); то же, в еще более резкой форме, мы находим у Кальвина (см. Р. Виппер: Церковь и государство в Женеве XVI века); особенно яркое выражение идея фатализма получила в исламе. Нельзя, однако, отрицать, что среди социал-демократов, был фаталистический уклон. Как раз у той части социал-демократов которая была связана с буржуазией, марксизм выродился в фаталистическую теорию. Лучшим образцом такого извращенного на фаталистический манер „марксиста" является Г. Кунов, вся „философия" которого сводится к положению: „история всегда права", а потому нельзя бороться ни против мировой войны, ни против империализма. Всякое коммунистическое восстание рабочих рассматривается не как проявление исторической необходимости, а как непонятная попытка извне изнасиловать законы исторического развития.

Литер тура к II главе. К. Маркс: К критике политической экономии. Введение. Ф. Энгельс: Анти-Дюринг. Он же: Людвиг Фейербах. Бельтов: К вопросу о развитии монистич. взгляда на историю. Он же: Критика наших критиков. Он же: Основные вопросы марксизма. Н. Ленин: Эмпириокритицизм и материализм. В. Базаров: Авторитарная метафизика и автономная личность (Очерки реалистического мировоззрения). А. Лабриола: Очерки.

ГЛАВА III.

Диалектический материализм.

§ 19. Материализм и идеализм в философии. Проблема об'ективного. § 20. Материалистическая постановка вопроса в общественных науках. § 21. Динамическая точка зрения и связь явлений. § 22. Историзм в общественных науках. § 23. Точка зрения противоречий и противоречивость исторического развития. § 24. Теория скачкообразных изменений и теория революционных изменений в общественных науках.

§ 19. Материализм и идеализм в философии. Проблема объективного. Когда мы рассматривали вопрос о человеческой воле, о том, свободна ли она или же она определяется какими-нибудь причинами, как и все на свете, мы пришли тогда к заключению, что нам нужно стать на точку зрения детерминизма. Мы видели, что воля человека не есть нечто божественное, что она зависит от внешних причин и от состояния человеческого организма. Тут мы подошли к самому важному вопросу, который в течение тысяч лет мучил человеческую мысль,—к вопросу об отношении между материей и духом. В просторечии часто говорят о „душе“ и о „теле“. Мы вообще различаем между двумя родами явлений. Одни имеют протяжение, занимают место в пространстве, воспринимаются нашими внешними чувствами—их можно видеть, слышать, осязать, пробовать на вкус и т. д. Их мы называем материальными явлениями. Другие не занимают места в пространстве, их нельзя нащупать или увидеть. Такова, например, человеческая мысль, или воля, или ощущение. Что они существуют,—всякий знает отлично по себе. Один философ, Декарт, считал, что именно это обстоятельство есть доказательство того, что человек существует. Он говорил: „Я думаю — значит я существую“ („Cogito, ergo sum“). Однако в то же время мысль

человека нельзя нащупать или понюхать; она не имеет цвета и ее нельзя непосредственно измерить ни аршинами, ни метрами. Такие явления называются психическими, в просторечии „духовными“. Возникает вопрос, что же за отношения существуют между этими двумя родами явлений? Есть ли дух „начало всех вещей“ или материя? Что первичное? Что основное? Материя родит дух или дух родит материю? В каком отношении они друг к другу находятся? В этом и заключается основной вопрос философии, от ответа на который зависят и многие ответы на вопросы из области общественных наук.

Постараемся рассмотреть этот вопрос, по возможности, со всех сторон. Прежде всего мы должны иметь в виду, что человек есть часть природы. Мы не знаем наверное, есть ли другие, еще более высоко организованные существа на других планетах. По всей вероятности, есть, потому что число планет бесконечно. Но мы ясно видим, что мыслящее существо, которое называется человеком, есть не нечто божественное, постороннее миру, внешнее, что свалилось из какого-то второго, неведомого и таинственного мира. Наоборот, мы знаем из естественных наук, что человек—продукт природы, часть этой природы, часть, подчиненная ее общим законам. А мы на примере того мира, который мы знаем, видим, что психические явления, так называемый „дух“, составляет ничтожную частицу всех явлений. Во-вторых, мы знаем, что человек произошел от других животных и что, в конце концов, „живые существа“ появились только с течением времени на земле. Когда земля была планетой еще не потухшей, а раскаленным шаром, вроде теперешнего солнца, на ней не было жизни и не было никаких мыслящих существ. Из „мертвой“ природы развилась живая; из живой развилась такая живая, которая может мыслить. Сперва была материя, которая не могла мыслить. Из нее образовалась мыслящая материя, человек. Если это так (а это так, это доказано естественными науками), то ясно, что материя есть матерь духа, а не „дух“—отец материи. Ибо нигде никогда не бывает, чтобы дети были старше родителей „Дух“ появился позднее, поэтому ему приходится быть ребенком, а вовсе не родителем, в которого его производят не в меру ретивые почитатели всего „духовного“.

В-третьих. „Дух“ появляется тогда, когда появляется известным образом организованная материя.

Мыслит не пустышка, не бублик с дыркой, не дырка, не „дух“ без всякой материи. Мыслит человеческий мозг, часть человеческого организма. А человеческий организм есть чрезвычайно сложно организованная материя.

В-четвертых. Из предыдущего вполне ясно, почему материя может быть без духа, а „дух“ не может быть без материи. Материя существовала до того, как появился думающий человек; земля существовала гораздо раньше, чем появился на свет какой бы то ни было „дух“ на этой земле. Другими словами, материя существует объективно, независимо от „духа“. Наоборот, психические явления, так называемый „дух“ никогда и нигде не существуют без материи, независимо от нее. Мысли не существует без мозга, желания не существует без организма желающего. „Дух“ всегда крепко привязан к „материи“ (только в библии он самостоятельно носился над бездной). Иначе: психические явления, явления сознания суть не что иное, как свойство известным образом организованной материи, ее „функция“ (функция какой-нибудь величины— это значит другая величина, которая зависит от первой). Возьмите человека. Это очень тонко организованная штучка. Разрушьте эту организацию, дезорганизуйте ее, разложите на составные части, разрежьте,—„дух“ тотчас исчезнет. Если бы у людей было средство вновь восстанавливать всю эту систему так, чтобы человеческий организм снова заработал; другими словами, если бы у людей было средство вновь составлять, вновь организовать материальные частички по-старому, вновь, так сказать, собрать человека, как собирают разобранные часы, тогда бы тотчас вернулось и сознание: исправь часы—они заходят и затикают; восстанови человеческий организм—он начнет мыслить. Правда, люди еще не научились делать это. Но мы уже видели, при разборе вопроса о детерминизме, что от состояния организма зависит и состояние „духа“, состояние сознания. Отравите организм алкоголем—сознание станет спутанным, „дух“ окажется пьяненьким. Приведите организм в нормальное состояние (против яда дайте противоядие)—„дух“ снова станет работать по-обычному. Этим ясно доказывается

зависимость сознания от материи или, другими словами, зависимость „мышления от бытия“.

Мы сказали и видели, что психические явления есть свойство на определенный манер организованной материи. В этих пределах могут быть разные колебания, разные виды организации материи, а потому и разные виды психической жизни. Человек с его мозгом организован по-одному—у него на земле самая совершенная психическая жизнь, у него — настоящее сознание; собака — по-другому, и собачья психика поэтому отличается от человеческой; глиста организована еще на особый образец, и соответственно этому „дух“ глисты чрезвычайно убог, не идет ни в какое сравнение с человеческим; а камень, например, организован так, что он относится к неживой материи, и у него нет ровно никакой психической жизни. Нужна особливая, сложная организация материи, чтобы появилась психика. Нужна чрезвычайно сложная организация материи, чтобы появилась сложная психическая жизнь, которую мы называем сознанием. На земле это сознание появляется лишь тогда, когда появляется материя, организованная, как человеческий организм, с его сложнейшим инструментом—головным мозгом.

Итак, дух не может существовать без материи, материя может преспокойно существовать без духа; материя была раньше духа; „дух“ есть особое свойство особо организованной материи.

Этим решается вопрос об отношении между материей и духом, и этим дается решение спора между материализмом и идеализмом в философии.

Материализм считает за первичное, за основное—материю, идеализм — дух. У материалистов дух есть продукт материи; у идеалистов, наоборот,—материя есть продукт духа.

Нетрудно видеть, что идеализм, т.-е. учение, берущее за основу всего существующего идеи, „дух“, есть не что иное, как смягченная форма религиозных представлений. Смысл религиозных представлений ведь и заключается в том, что над природой становится божественная таинственная сила, что человеческое сознание рассматривается, как искорка этой божественной силы, а сам человек представляется, как богом избранное существо. Идеалистическая точка зрения приводит в

своем развитии к ряду нелепостей, которые часто защищаются философами господствовавших классов с самым серьезным видом. В особенности связаны с идеализмом взгляды, отрицающие **внешний мир**, т.-е. объективное, независимое от людского сознания существование вещей, а иногда и других людей. Такой крайней и последовательной формой идеализма является так называемый **солипсизм** (по-латыни слово „солюс", solus, значит „один", „единственный"). Солипсист рассуждает так: что мне дано непосредственно?—мое сознание и больше ничего; дом, который я вижу, есть мое ощущение; человек, с которым я разговариваю,—то же самое. Словом, ничто вне меня не существует, существует только мое „я", мое сознание, моя духовная сущность; нет никакого независимого от меня внешнего мира — это все порождения моего духа. Ибо я знаю только свою внутреннюю жизнь, из которой я выпрыгнуть не могу. Все, что я вижу, слышу, пробую на язык; все, о чем я думаю и размышляю,—все это **мои** ощущения, **мои** представления, **мои** мысли.

Эта сумасшедшая философия, о которой **Шопенгауэр** говорил, что искренних ее сторонников можно найти только в сумасшедшем доме (что не мешало тому же Шопенгауэру считать мир за волю и представление, т.-е. быт идеалистом чистейшей воды), опровергается каждым шагом человеческой **практики**. Когда люди едят, ведут классовую борьбу, надевают сапоги, рвут цветы, пишут книги, женятся или выходят замуж,—ни одному из них не приходит в голову сомневаться в существовании внешнего мира, т.-е., между прочим, и той пищи, которую они едят, и тех сапог, которые они надевают, и тех женщин, на которых они женятся. Тем не менее эта чепуха вытекает из основных положений идеализма. В самом деле. Если „дух" есть основа всего, то как быть с тем временем, когда людей не было? Выхода два: либо нужно признать, что был какой-то нелюдской, божественный дух вроде того, который имеется в древне-еврейских сказках в библии; либо нужно сказать, что и давно прошедшие времена—это только работа моего воображения. Первый путь ведет к так называемому **объективному идеализму**. Объективный идеализм признает существование внешнего, независимого от „моего" сознания, мира. Но сущность этого мира он видит в духовном

начале, в боге или заменяющем на такой случай бога „высшем разуме“, „мировой воле“ и тому подобной чертовщине. Второй путь ведет прямой дорогой к солипсизму через субъективный идеализм, для которого существуют только духовные существа, отдельные думающие субъекты. Нетрудно видеть, что наиболее последовательный вид идеализма есть солипсизм. В самом деле, из чего исходит, на что опирается идеализм? Почему он считает, что духовное начало есть первичное и основное? В конечном счете потому, что он полагает, будто непосредственно „мне“ даны только мои ощущения. Но если это так, то для меня в равной степени сомнительно как существование бревна на дворе, так и существование всякого другого человека, в том числе и моих собственных родителей. Тут солипсизм убивает самого себя, но он убивает и весь идеализм в философии, ибо он, последовательно развивая идеалистические взгляды, приводит к полному абсурду, к полной бессмыслице, которая противоречит на каждом шагу человеческой практике.

С теоретическим материализмом и идеализмом нельзя смешивать „практического идеализма“ и „материализма“. Это—вещь, ничего общего с выше разобранными учениями не имеющая. Идеалистом в практическом смысле называют человека, преданного своей идее и готового ради нее пойти на все. Ясно, что такой идеалист может быть отъявленным противником философского идеализма, идеализма теоретического. Коммунист, жертвующий своей жизнью, есть практический идеалист и в то же время материалист до мозга костей. Мещанин, воздыхающий о боженьке, обычно бывает весьма идеалистических взглядов, что не мешает ему быть довольно подленьким, тупым, себялюбивым и ограниченным существом.

Родоначальником философского идеализма обычно считается древне-греческий философ Платон. По его мнению действительно объективно существуют лишь „идеи“. Не люди, груши, телеги, а идея человека, груши, телеги. Все эти образцовые и первоначально существующие „идеи“ пребывают в особом „сверхнебесном“, „умном“ месте. То, что люди считают за груши, телеги и проч., есть лишь жалкие тени соответствующих „идей“. Над всеми „идеями“, в „сверхнебесном месте“ парит, как дух божий, высшая „идея“, „идея Добра“. Уклон в сторону субъективного идеализма дали первоначально греческие философы, известные под названием софистов (Протагор, Горгий и др.), которые выдвинули положение, что „человек есть мера всех вещей“. В средние века платоновские идеи стали толковаться, как модели и образцы, по которым господь бог творит видимые вещи: напр., видимая вошь создана богом по той вшивой „идее“, ко-

торая имеет своим седалищем „заумный мир“. В „новое время“ наиболее последовательно развивал в Англии точку зрения субъективного идеализма епископ Беркли, по которому существует только дух, все же остальное—это его представления. В Германии Фихте считал, что без субъекта (познающего духа) нет объекта (внешнего мира), и что материя есть выражение идеи. По Шеллингу идеи, это—существо (Wesenheiten) вещей, обоснованное в вечности божьей. По Гегелю все существующее есть не что иное, как проявление саморазвивающегося объективного Разума. По Шопенгауэру мир есть воля и представление. По Канту объективный мир существует („вещи в себе“), но он непознаваем и обладает нематериальной природой. В новейшей философии идеализм, разбиваясь на ряд оттенков, чрезвычайно усилился вместе с тягой буржуазии к мистицизму и всему таинственному. Это признак глубокого упадка буржуазии, которая полна отчаяния и ищет себе духовного утешения.

Первоначальные материалистические философские течения мы находим у древне-греческих философов так называемой ионийской школы, которые считали материю за основу всего существующего, но в то же время полагали, что всякая материя способна в той или иной мере ощущать. Поэтому этих философов называют гилозоистами („одушевляющими материю“: по-гречески „гюле“, ὕλη, означает материю, а „зоэ“ ζωή,—жизнь).

Конечно, эти первые шаги были очень несовершенны по результатам. Так, Фалес искал основу всего сущего в воде, Анаксимен—в воздухе, Гераклит—в огне, Анаксимандр—в особом веществе, которое неопределимо и все охватывает (он назвал его „апейрон“—„бесконечное“, „неограниченное“); к гилозоистам нужно причислить и стоиков, которые выдвинули положение о том, что все существующее—материально. Дальнейшее развитие материализм получил у греков Демокрита и Эпикура, а затем у латинянина Лукреция Кара. Демокрит заложил гениально основы атомистической теории. По его учению, мир состоит из двигающихся, падающих материальных мельчайших частиц, атомов, комбинации которых и составляют видимый мир. В средние века, в общем и целом, господствовала идеалистическая жвачка. Идеи материалистов-гилозоистов развивал блестящий и глубокий ум Б. Спинозы. В Англии материалистическую позицию защищал Т. Гоббс (1588—1679). Расцвет материализму дала эпоха подготовки Великой французской революции, выдвинувшая ряд первоклассных философов-материалистов“: Дидро, Гельвеция, Гольбаха (главное произведение — „Система природы“ „Système de la nature“, вышло в 1770 г.), Ламеттри („Человек-машина“, 1748 г.). Эта группа философов революционной в те времена буржуазии дала великолепные формулировки материалистической теории (см. Н. Белтов—„К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ и Н. Ленин—„Материализм и эмпириокритицизм“, стр. 26 и след.). Дидро очень остроумно высмеял идеалистов вроде Беркли: „Был момент сумасшествия, когда чувствующее фортепиано вообразило, что

оно есть единственное существующее на свете фортепиано, и что вся гармония вселенной происходит в нем" В XIX веке в Германии двинул дело вперед Людвиг Фейербах, оказавший влияние на Маркса и Энгельса, которые дали наиболее совершенную теорию материализма. Они соединили материализм с диалектическим методом (об этом ниже) и распространили материалистическое учение на общественные науки, изгнав идеализм из его последнего убежища. Само собою понятно, что дряхлеющая буржуазия, которая, как выживший из ума старик, лепечет о боге, с ненавистью относится к материализму. И так же понятно, что материализм становится революционной теорией молодого революционного класса—пролетариата.

§ 20. Материалистическая постановка вопроса в общественных науках. Спор между материализмом и идеализмом не может, как всякий легко поймет, не отразиться и на общественных науках. В самом деле, посмотрим на человеческое общество. В нем есть разного рода явления. Тут и „высокая материя"— религия, философия, нравственность. Тут и политика, и государство с его законами. Тут и всевозможные новые идеи людей в разных областях. Тут и обмен товаров или распределение продуктов. Тут и борьба разных классов между собой. Тут и производство продуктов—пшеницы, ржи, обуви, машин, смотря по месту и времени. Как подходить к изучению этого общества? С какого конца? Что в нем считать за основное, за первичное? Что за вторичное, за производное? Ясно, что это по существу те же вопросы, которые ставила перед собой философия и которые разделяют философов на два больших лагеря—материалистов и идеалистов. Ибо, с одной стороны, мыслимо, что люди подходят к обществу примерно таким путем: общество состоит из людей; люди думают, действуют, желают, руководятся идеями, мыслями, „мнениями"; отсюда вывод: „мнения правят миром"; изменение „мнений", изменение взглядов людей есть основная причина всего, что происходит в обществе; значит, общественная наука в первую голову должна изучать именно эту сторону дела, „общественное сознание", „дух общества". Это будет идеалистическая точка зрения в общественных науках. Но выше мы видели, что идеализм связан с признанием независимости идей от материального и с зависимостью этих идей от всяких божественных и таинственных вещей. Поэтому немудрено, что идеалистическая точка зрения связана с прямой мистикой, чертов

щиной в общественных науках и, следовательно, приводит к уничтожению общественной науки, к замене ее верой в промысел божий или во что-либо подобное. Так, француз Боссюэт (его книга „Рассуждения о всеобщей истории" вышла в 1682 г.) заявлял, что в истории обнаруживается „божественное руководство человеческим родом"; немецкий философ-идеалист Лессинг утверждал, что история, это—„воспитание человеческого рода богом"; Фихте говорил, что в истории действует Разум; Шеллинг—что история, это—„постоянное, постепенно раскрывающееся откровение Абсолютного", в конце концов, бога; Гегель, величайший философ идеализма, определял мировую историю, как „разумное, необходимое развитие (Gang) мирового духа". Можно было бы привести еще немало таких примеров, но и этого вполне достаточно, чтобы видеть, насколько тесно связаны философские взгляды со взглядами в области общественных наук.

Итак, идеалистические общественные науки и идеалистическая социология видят в обществе прежде всего „идеи" этого общества; самое общество они считают за нечто психическое, нематериальное; общество, по их мнению, это переплетающиеся в бесконечных сочетаниях желания, чувства, мысли, воли людей, другими словами, общественная психология и общественное сознание, „дух" общества.

Можно подходить, однако, к обществу с совершенно другого конца. В самом деле, мы видели еще при рассмотрении вопроса о детерминизме, что воля человека вовсе не свободна, что она определяется внешними условиями существования человека. А общество не подвержено ли тем же законам? Где найти объяснение общественному сознанию? От чего оно зависит? Как только мы поставим эти вопросы, тотчас перед нами выплывает материалистический взгляд в общественных науках. Человеческое общество есть продукт природы, как и весь человеческий род. Оно зависит от этой природы и может существовать только тогда, когда выкачивает из этой природы полезные для себя вещи. А выкачивает оно их путем производства. Оно делает это вовсе не всегда сознательно. Сознательно это происходит только в организованном обществе, где все идет по плану. В обществе же неорганизованном это происходит бессознательно: напр., при капитализме, фабрикант

желает получить больше прибыли и **потому** расширяет производство (а вовсе не для того, чтобы пособить человеческому обществу); крестьянин производит, чтобы прокормиться самому, а часть продать для уплаты налогов; ремесленник,—чтобы как-нибудь удержаться и постараться выбиться в люди; рабочий,—чтобы не помереть с голода. А в результате оказывается, что все общество, как-никак, худо ли, хорошо ли, существует. **Материальное производство и его средства** („материальные производительные силы")—вот что составляет основу существования человеческого общества. **Без** этого не может быть никакого „общественного сознания", никакой „духовной культуры", точно так же, как не может быть мысли без того, чтобы существовал мозг. Мы будем дальше разбирать это подробно. Теперь вспомним только следующее. Представим себе два человеческих общества: одно — общество дикарей, другое—общество в конце капитализма. В первом обществе все время уходит на непосредственное добывание пищи: охоту, рыболовство, собиранье кореньев, первобытное огородничество; „идей", „духовной культуры" и т. д. тут крайне мало: перед нами почти полуобезьяны, стадные животные. Во втором обществе—богатая „духовная культура", целая вавилонская башня из морали, права с бесчисленными законами развитых, бесконечных наук, философии, религии, искусства, начиная с архитектуры и кончая рисунками мод. И притом у господствующей буржуазии эта вавилонская башня—одна, у пролетариев—другая, у крестьян тоже несколько особая и т. д. Словом, здесь, как говорят обычно, богатая „духовная культура", „дух" общества, сумма „идей" очень выросли. Почему же этот дух смог вырасти? Что было **условием его роста**? Развитие **материального производства**, повышение власти человека над природой, повышение **производительности человеческого труда**. Только тогда **не все** время должно уходить на горемычную материальную работу: часть его освобождается у людей, что дает им возможность думать, размышлять, работать **умственно**, создавать „духовную культуру". Значит, подобно тому, как вообще материя есть матерь духа, а не дух—отец материи, точно так же и в обществе: не общественная „духовная культура" („общественное сознание") родит общественную материю, т.-е. прежде всего материальное про-

изводство, перекачку из природы всякого рода полезных веществ в общество, а, наоборот, развитие этой общественной материи, т.-е. развитие материального производства составляет основу для развития так называемой „духовной культуры". Другими словами, духовная жизнь общества зависит и не может не зависеть от состояния материального производства, от степени развития производительных сил человеческого общества. Духовная жизнь общества есть, выражаясь по-ученому, функция производительных сил. Какая функция, как в подробностях зависит духовная жизнь общества от производительных сил—об этом речь пойдет в будущем. Теперь мы должны лишь отметить, что при таком взгляде, естественно, общество будет представляться прежде всего не как „психический организм", не как совокупность всяческих мнений, в особенности из области „высокого и прекрасного", „возвышенного и чистого", а прежде всего как трудовая организация (Маркс выражался иногда: „производственный организм"). Это есть материалистическая точка зрения в области социологии. Материалистическая точка зрения, как мы знаем, вовсе не отрицает того, что „идеи" действуют. Маркс прямо писал про высшую ступень сознания, про научную теорию: „Всякая теория становится силой, если ею овладевают массы". Но материалисты не могут удовлетвориться простой ссылкой на то, что „люди так думали". Они спрашивают: почему люди в одном месте и в одно время „думали" так, а в другом этак? почему вообще в „цивилизованном" обществе люди чрезвычайно много думают и надумали целые горы книг и прочего, а у дикарей этого нет? Объяснение мы находим в материальных условиях жизни общества. Материализм поэтому в состоянии объяснить явления „духовной жизни" общества. Идеализм же этого сделать не в состоянии. У него „идеи" развиваются сами из себя, независимо от „грешной земли". Именно поэтому идеалистам приходится, чтобы создать хоть какую-нибудь видимость объяснения, опереться на боженьку: „Это Добро,—писал Гегель в своей „Философии истории",—этот разум в его наиболее конкретном представлении есть бог. Бог правит миром; содержанием его правления (Regierung), выполнением его плана и является мировая история" („Philosophie

der Geschichte", Reclam's Verlag, S. 74). Отыгрываться на этом несчастном старике, который, будучи по учению своих почитателей, совершенством, должен творить, на-ряду с Адамами, блох и проституток, убийц и прокаженных, голод и нищету, сифилис и водку, чтобы наказывать грешников, им же созданных и по его же воле грешивших, и чтобы вечно ломать эту комедию на глазах удивленного мира,—отыгрываться на боге есть необходимый удел идеалистической теории. Но с научной точки зрения это есть приведение этой „теории" к абсурду.

Таким образом, и в общественных науках единственно правильной оказывается материалистическая точка зрения.

Последовательное применение материалистической точки зрения к общественным наукам было делом Маркса и Энгельса. В том же году (1859), в котором вышла книжка Маркса „К критике политической экономии", где Маркс набросал свое социологическое учение (теорию исторического материализма), вышло и главное произведение великого английского ученого Чарльза Дарвина („Происхождение видов"), где Дарвин показал и доказал, что изменения в животном и растительном царстве происходят под влиянием материальных условий существования. Из этого, однако, вовсе не следует, что можно просто-напросто, без всякого развития, перенести дарвиновские законы на общество. Задача заключается в том, чтобы показать, как в обществе людей общие законы естественных наук проявляются в особой, только человеческому обществу присущей, форме. Кто этого не понимал, над тем Маркс очень зло издевался. Так, он писал относительно одного немецкого ученого, Ф.-А. Ланге: „Дело в том, что г. Ланге сделал великое открытие. Всю историю можно-де подвести под единственный великий естественный закон. Этот естественный закон заключается во фразе struggle for life — борьба за существование (выражение Дарвина в этом его употреблении становится пустой фразой)... Следовательно, вместо того, чтобы анализировать эту struggle for life, как она исторически проявлялась в различных общественных формах, не остается ничего другого делать, как превращать всякую конкретную борьбу во фразу struggle for life..." („Письма к Кугельману", письмо от 27 июня 1870 г.).

Само собою разумеется, что Маркс имел предшественников, в особенности в лице так называемых социалистов-утопистов (Сен-Симон). Но материалистическая точка зрения никем не была проведена до Маркса последовательно и в той форме, которая только и могла создать настоящую научную социологию.

§ 21. Динамическая точка зрения и связь явлений. Все в природе и в обществе можно рассматривать двояко, на две разные манеры. Одни думают, что все находится в состоянии по-

коя, неизменности. „Так было, так будет". Нового ничего не происходит. Другие, наоборот, полагают, что никакой неизменности ни в природе, ни в обществе нет и быть не может. „Что было, то прошло", и „нет ему возврата". Вторая точка зрения, второй способ рассмотрения всего существующего называется динамической точкой зрения („дюнамис" по-гречески значит сила, движение), первая—статической. Как же действительно правильно нужно смотреть на мир? Есть ли мир нечто неподвижное и постоянное? Или, наоборот, он вечно меняется, вечно движется, и сегодня уже не таков, как вчера? Беглый взгляд на природу сразу же покажет нам, что в ней нет ничего неподвижного. Раньше люди думали, что неподвижны луна и звезды, которые вбиты в небо, как золотые гвоздики; что неподвижна земля и т. д. А мы знаем теперь, что и звезды, и луна, и наша земля бешено вертятся в пространстве и проходят громаднейшие расстояния. Больше того. Мы знаем теперь, что мельчайшие частички материи, атомы, состоят из еще более мелких частичек, электронов, которые вертятся и кружатся внутри атома, как небесные тела солнечной системы вокруг солнца. А ведь из них состоит мир. Что же может быть в этом мире постоянным, когда все его составные частицы мчатся вихрем? Раньше люди думали тоже, что растений и животных столько, сколько их создал господь бог: осел и вонючка, клоп и бактерия проказы, травяная вошь и слон, каракатица и крапива,—все это, как существует, так и было создано богом в первые дни творения. Однако теперь мы отлично знаем, что это не так. Видов животных и растений вовсе не столько, сколько их благоугодно было создать творцу мира. И те животные и растения, которые живут на земле теперь, чрезвычайно мало похожи на тех, которые жили раньше; мы только находим скелеты или отпечатки в камнях, или остатки во льдах громадных животных и растений прошлых тысячелетий: летающие гигантские ящеры (птеродактили), необычайной величины хвощи и папоротники (целые леса, которые потом окаменели: каменный уголь—это первобытные леса древнейших времен), настоящие чудища в роде ихтиозавров, бронтозавров, игуанодонов и проч.,—вот что было раньше и чего нет уже теперь. Зато раньше не было ни елок, ни березок, ни коров, ни овечек,—словом, „все изменилось под нашим

зодиаком". И—увы!—не было даже людей, которые развились из волосатых полуобезьян сравнительно не так давно. Мы теперь даже не удивляемся тому, что виды животных и растений изменяются. Нам приходится тем менее удивляться этому, что мы сами можем перещеголять господа бога: любой хороший свиновод путем подбора корма и случки соответствующих самок и самцов может выводить постепенно новые породы; иоркширские свиньи, которые не могут ходить от жира,—дело рук человеческих, как ананасная клубника, черные розы, всевозможные сорта домашних животных и культурных растений. А сам человек разве не меняется почти что у нас на глазах? Разве, скажем, русский рабочий времен революции даже по виду похож сколько-нибудь на славянина, дикаря, охотника стародавних времен? Порода, вид людей точно так же меняется, как и все на свете.

Какое заключение можем мы сделать отсюда? Дело ясное: в мире нет ничего неподвижного, застывшего. Все движется и изменяется. Или, как говорят иначе: на самом деле нет застывших вещей, предметов, а есть процессы. Стол, на котором я пишу сейчас, вовсе не есть неподвижная вещь: каждую секунду он изменяется. Правда, он изменяется незаметно для человеческого глаза или слуха. Но пусть он простоял бы много, много лет; он бы сгнил, превратился в прах. Сразу? Конечно нет. Но это подвело бы только итоги тому, что происходило и раньше. Пропали бы эти частицы стола? Нет. Они приняли бы другую форму: развеялись по ветру, превратились бы в составную часть земли, питали бы растения и превратились бы, таким образом, в их ткань и так далее,—вечное изменение, вечное путешествие, все новые и новые наряды, новые формы. Движущаяся материя—вот что такое мир. Поэтому, чтобы понять какое-нибудь явление, нужно рассматривать его в его возникновении (как, откуда, почему оно произошло), в его развитии, в его уничтожении,—словом, в движении, а не в воображаемом покое. Эта динамическая точка зрения называется также диалектической (диалектика имеет еще признаки, о которых ниже).

Различие между динамическим и статическим взглядом обнаружилось еще в древне-греческой философии. Школа так называемых элеатов во главе с Парменидом учила, что все существующее непо-

движно. Бытие, по Пармениду, вечно, постоянно, неизменно, едино, целостно, неделимо, однородно, неподвижно, похоже на покоящийся правильный шар. Один из элеатов, З е н о н, рядом очень остроумных рассуждений пытался доказать, что движение вообще невозможно. Наоборот, Г е р а к л и т учил, что нет ничего неподвижного. Он утверждал, что все изменяется, „все течет“ и ничто не пребывает („панта рей“, πάντα ῥεῖ“). По Гераклиту, нельзя войти два раза в один и тот же поток, потому что второй раз это будет уже „Федот, да не тот“. Его единомышленник, К р а т и л, говорил, что даже один раз нельзя быть в одной реке, так как она меняется постоянно. Д е м о к р и т тоже брал за основу движение, а именно, прямолинейное движение атомов. Из новых философов с особой настойчивостью выдвигал движение и с т а н о в л е н и е (возникновение, превращение из небытия в бытие) Г е г е л ь, учеником которого был Маркс. Но у Гегеля основой мира было движение духа, а Маркс, как он выражался, поставил вновь с головы на ноги диалектику Гегеля, заменив движение духа движением материи. В естественных науках еще в начале XIX столетия господствовало мнение, выраженное знаменитым естествоиспытателем Л и н н е е м: „Видов столько, сколько их благоугодно было создать высшему существу“, т.-е. богу (теория постоянства видов). Наиболее крупным представителем противоположных взглядов был Л а м а р к, а затем, как уже упоминалось выше, Ч а р л ь з Д а р в и н, окончательно ниспровергнувший старые взгляды.

Из того, что мир находится в постоянном движении, вытекает также необходимость рассматривать явления в и х в з а и м н о й с в я з и, а не в а б с о л ю т н о й о т д е л ь н о с т и (и з о л и р о в а н н о с т и). В действительности все части мира связаны друг с другом и все влияют друг на друга. Малейшая передвижка, малейшее изменение в одном месте, и от этого меняется все. Н а с к о л ь к о меняется—вопрос другой, но меняется. Приведем пример: люди вырубили, скажем, приволжские леса. Раз это случилось, меньше задерживается влаги, изменяется до известной степени климат, Волга „мелеет“, судоходство по ней становится затруднительнее, поэтому приходится употреблять землечерпалки, производить больше этих машин, больше людей уходит на их изготовление и т. д.; с другой стороны, исчезают те животные, которые водились в этих лесах, появляются новые, которые раньше не водились, старые либо вымирают, либо бегут в лесистые местности и проч.; но мы можем взять и другие вопросы: если изменяется климат, то ясно, что изменяется вообще состояние всей планеты, и в большей или меньшей степени это изменение при-

волжского климата отражается повсеместно. Но, по сути дела, если изменяется—хотя бы на самый маленький пустячок—картина земли, значит, меняется и, скажем, отношение земли к луне или солнцу и т. д., и т. д. Я пишу сейчас на бумаге, вожу пером. Это производит давление на стол, стол давит на землю, что вызывает ряд дальнейших изменений. Я двигаю ручкой, колеблю воздух, и эти колебания идут маленькими струйками, теряясь бог знает где. Нужды нет, что все это маленькие изменения. Все же они есть, существуют. Все в мире связано неразрывной связью, нет ничего, стоящего особняком, независимого от того, что вне его. Другими словами, нет в мире ничего абсолютно изолированного. Конечно, мы очень часто можем не обращать внимания на всеобщую связь явлений: нельзя же каждый раз, говоря, положим, о разведении петухов, поднимать разговор обо всем сразу—и о солнце, и о луне: это было бы глупо, потому что здесь нам всеобщая связь явлений ничем бы помочь не могла. Но при обсуждении теоретических вопросов очень часто нам это необходимо иметь в виду. Да и на практике часто приходится с этим считаться. Когда говорят, что такой-то или такие-то не видят „дальше своего носа", что это значит? Это как раз и значит, что они „свою околицу" рассматривают изолированно, вне связи с тем, что лежит за этой околицей. Крестьянин везет на рынок продукты и думает, что будет хорошая выручка. Но вдруг оказывается, что цены такие низкие, что он едва-едва вернул свои расходы. В чем дело? Дело в том, что через рынок он связан с другими производителями. Оказывается, хлеба произведено было столько и столько выброшено на рынок, что цена получилась очень низкая. Почему же ошибся наш крестьянин? Потому, что не видел (и не мог видеть из своего медвежьего угла) связи с мировым рынком. Буржуазия вместо обогащения после войны получает революцию рабочих. Почему? Потому, что война была связана с рядом других вещей, которых не видела буржуазия. Меньшевики и эс-эры, социал-патриоты всех стран утверждали, что большевистская власть в России продержится только самый короткий срок. В чем был корень их ошибки? В том, что они Россию рассматривали изолированно, вне связи со всей Западной Европой, вне связи с ростом мировой революции,

которая помогает большевикам. Когда в просторечии совершенно правильно говорят, что „нужно учесть все обстоятельства“, тем самым говорят, что нужно рассматривать данное явление или данный вопрос именно в его связи с другими, в его неразрывности со „всеми обстоятельствами“.

Итак, диалектический метод, диалектический способ рассматривать все сущее требует рассмотрения всех явлений, во-первых, в их неразрывной связи, во-вторых, в их движении.

§ 22. Историзм в общественных науках. Из того, что все в мире движется и все находится друг с другом в неразрывной связи, вытекают и определенные последствия для общественных наук.

Пусть перед нами человеческое общество. Было оно всегда одинаково устроено? Ни капли. Мы знаем чрезвычайно разнообразные формы человеческого общества. В России, например, с ноября 1917 года у власти стоит рабочий класс, за ним идет часть крестьянства, буржуазия держится в тисках, а часть ее (около двух миллионов) убежала за границу. Фабриками, заводами, железными дорогами владеет рабочее государство. Раньше, до 1917 г., стояли у власти буржуазия и помещики, которые всем владели, а рабочие и крестьяне на них работали. Еще раньше, до так называемого освобождения крестьян в 1861 г., буржуазия была, главным образом, торговая, фабрик было мало. А помещики владели крестьянами, как скотом, могли их пороть, продавать, выменивать. Если же мы заглянем совсем в глубь веков, то найдем полудикие бродячие племена. Все это довольно мало похоже одно на другое, настолько мало, что, пожалуй, ежели бы мы каким-нибудь чудом воскресили матерого помещика-крепостника, любителя порки и борзых, и привели бы его, скажем, на заседание фабрично-заводских комитетов или Совета, бедняга, пожалуй, тотчас же умер бы от разрыва сердца.

Мы знаем и другие формы общества. В древней Греции, например, когда философствовали Платоны и Гераклиты, все держалось на труде рабов, которые были собственностью крупных землевладельцев. В старинном американском государстве инков было регулированное организованное хозяйство, находившееся в руках дворянско-жреческого класса, своего рода

интеллигенции, которая всем управляла, все учитывала и вела государственное хозяйство, как господствующий класс, сидевший верхом на всех остальных. И много других примеров можно было бы привести в доказательство того, что общественный строй постоянно менялся. Это вовсе не значит, что в человеческом роде всегда господствовало развитие, т.-е. все шло к большему совершенству. Мы уже упоминали, что бывали случаи гибели очень высокоразвитых человеческих обществ. Так, между прочим, погибла и страна греческих мудрецов и рабовладельцев. Но Греция и Рим, по крайней мере, оказали громадное влияние на последующий ход событий: они послужили навозом для истории. А бывало и так, что целые „культуры“ исчезали бесследно для других народов и других времен. По поводу, например, обнаруженных во Франции путем раскопок следов одной стариннейшей „культуры“ проф. Эдуард Мейер пишет: „...Здесь мы имеем дело с развивавшейся... культурой примитивного человека..., которая потом была уничтожена грандиозной катастрофой и не имела никакого влияния на последующее время. Между этой палеолитической культурой и началом неолитического времени нет никакой исторической связи“... (Ed. Meyer: „Geschichte des Altertums, I, 1, 2 Aufl., S. 245). Но если не всегда бывает развитие, то всегда бывает движение и изменение, хотя бы оно и кончалось гибелью или разложением.

И такое движение мы обнаруживаем не только в том обстоятельстве, что меняется общественное устройство. Нет, общественная жизнь меняется решительно во всех своих проявлениях. Меняется техника общества: стоит сравнить только каменные топоры и наконечники копья с паровым молотом, динамо-машиной, беспроволочным телефоном; меняется мораль и обычаи: известно, например, что некоторые породы людей с удовольствием кушают своих пленных, на что теперь неспособен непосредственно даже французский империалист (он отрезает трупам уши руками черных войск, спасающих цивилизацию); у некоторых племен был обычай убивать стариков или младенцев женского пола, и такой обычай считался высоконравственным и священным. Меняется политическое устройство: мы собственными глазами видели, как самодержа-

вие сменилось демократической республикой, а потом республикой Советов; меняются научные взгляды, религия, быт людей, все их отношения друг к другу; то, что нам кажется привычным, на самом деле было далеко не всегда: не всегда были газеты, мыло, одежда, точно так же, как не всегда существовало государство, или вера в бога, или капитал, или ружье. Даже понятия о том, что красиво, что некрасиво,—и то меняются. Не являются постоянными и формы семьи: мы отлично знаем, что существует и многоженство, и многомужество, и единобрачие, и „беспорядочное сожительство". Словом, общественная жизнь испытывает, как и все в природе, непрерывное изменение.

Так человеческое общество переживает различные ступени, различные формы своего развития или своего упадка.

Отсюда вытекает: во-первых, нужно каждую такую форму общества понять и исследовать в ее своеобразии. Это значит: нечего стричь под одну гребенку все эпохи, все времена, все общественные формы. Нельзя валить в одну кучу и не различать друг от друга крепостных, рабов, рабочих-пролетариев. Нельзя не видеть разницы между греческим рабовладельцем, русским помещиком-крепостником, капиталистическим фабрикантом. Рабский строй—это одно; у него особые черты, особые признаки, у него особое развитие Крепостничество—другой строй. Капитализм—третий и т. д. А коммунизм — это будущий — тоже совсем особый строй. Переход к нему—эпоха пролетарской диктатуры—тоже особый строй. В каждом таком строе есть эти особые черты, которые и нужно изучить. Только тогда мы и поймем процесс изменения. Ибо, если у каждой формы есть особые черты, значит, есть и особые законы развития, особые законы движения этой формы. Взглянем для примера на капиталистический строй. Маркс в „Капитале" писал, что главной своей задачей он ставит „открыть закон движения капиталистического общества". Для этого Марксу пришлось выяснить все особенности капитализма, все его характерные черты. И только поэтому Марксу удалось открыть „закон движения" и предсказать неизбежное поглощение мелкого производства крупным, рост пролетариата, столкновение его с буржуазией и революцию рабочего класса, а вместе с нею и переход к системе проле-

тарской диктатуры. Не так поступает большинство буржуазных историков. Они, например, охотно причесывают купцов древности под современных капиталистов, а паразитических люмпен-пролетариев Греции и Рима под современных пролетариев. Это буржуазии нужно для того, чтобы показать живучесть капитализма и чтобы доказать, что как в Риме ничего не вышло из восстаний рабов, так ничего не выйдет и из восстания пролетариев. На самом же деле римские „пролетарии" ничего общего не имели с современными рабочими, а римские купцы имели очень мало общего с современными капиталистами. Весь строй жизни был *другой*. Поэтому немудрено, что и ход изменений этой жизни тоже был другой. По Марксу, „каждый исторический период имеет *свои* законы..., но как только жизнь пережила период данного развития, вышла из данной стадии (стадия—ступень) и вступила в другую, она начинает управляться уже *другими* законами" (К. *Маркс*: „Капитал", т. I, стр. XIV). Для социологии же, наиболее общей социальной науки, которая изучает не отдельные формы общества, а общество вообще, важно установить это положение, как своего рода приказ специальным общественным наукам, для которых социология является, как мы знаем, *методом* исследования.

Во-вторых, нужно каждую такую форму изучать в процессе ее внутреннего изменения. Дело происходит вовсе не так, что сперва существует одна, совершенно неподвижная, форма общественного устройства, потом ее сменяет другая, столь же неподвижная. В обществе вовсе не бывает так, что, скажем, существует капитализм, который пребывает все время своего существования в неизменном виде, а затем приходит столь же неизменный социализм. На самом деле и во время существования каждой отдельной формы эта последняя все время изменяется. Возьмем ту же капиталистическую эпоху. Разве капитализм все время был одинаковым? Ни капли. Мы знаем, что он проходил сам разные „стадии" своего развития: торговый капитализм, промышленный, финансовый капитализм с его империалистской политикой, государственный капитализм во время мировой войны. Но и в пределах каждой стадии капитализма разве дело стояло на месте? Ничуть. Если бы оно стояло на месте, то одна стадия и не

могла бы превратиться в другую. На деле каждая предыдущая стадия подготовляла последующую. Во время промышленного капитализма, например, шел процесс централизации капитала. На его основе вырос потом капитализм финансовый с его банками и трестами.

В-третьих, необходимо каждую форму общества рассматривать в ее возникновении и в ее необходимом исчезновении, т.-е. в ее связи с другими формами. Всякая общественная форма не сваливается с неба. Она—необходимое следствие предыдущего состояния общества; часто трудно указать даже точно границы, где кончается одна, где начинается другая форма общества; один период захлестывает другой. Вообще, исторические ступени—это не твердые, неподвижные величины, вроде вещей; это—процессы, текучие жизненные формы, непрестанно меняющиеся. Чтобы понять, как следует, любую из таких форм, нужно проследить ее корни в прошлом, исследовать причины ее возникновения, все условия ее образования, движущие силы ее развития. И точно так же необходимо рассмотреть причины неизбежной гибели этой формы, то направление движения или, как говорят, те „тенденции (тенденция—устремление) развития", которые несут неизбежное исчезновение этой формы и подготовляют ее смену новым общественным строем. Таким образом каждая ступень—это звено в цепочке: оно задето за соседнее звено и с одного, и с другого конца. Но если буржуазные ученые иногда понимают это, когда речь идет о прошлом, то для них совершенно невозможно согласиться с тем, что настоящее, капитализм, обречено на гибель. Они еще готовы согласиться на то, чтобы искать корни капитализма, но они боятся и подумать о том, что нужно искать также и условия, которые приведут капитализм к его крушению. „В забвении этого состоит, например, вся премудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений" (K. Marx: «Einleitung zu einer Kritik der politischen Oekonomie», S. XVI). Капитализм вышел *из* феодально-крепостнических отношений через развитие товарного хозяйства. Капитализм идет *к* коммунизму через диктатуру пролетариата. Только тогда, когда мы проследим связь капитализма с прежним строем и необходимое превращение его в комму-

низм, мы поймем эту форму общества. Точно так же мы должны исследовать и всякую другую форму общества. Это тоже одно из требований **диалектического** метода. Его можно назвать также **исторической** точкой зрения, потому что здесь каждая форма общества рассматривается **не как вечная**, а как **исторически преходящая**, которая появляется в определенный исторический момент и точно так же исчезает.

Этот историзм **Маркса** ничего общего не имеет с так называемой „исторической школой" в науке права и в политической экономии. Эта реакционная школа видит свое главное призвание в том, чтобы доказывать медленность всяких изменений и защищать всякую старую ерунду только в силу почтенного „исторического возраста" этой ерунды. Про нее совершенно правильно писал немецкий поэт Генрих Гейне:

„Не езди ты в Фулу, не езди, дружок:
Там воздух зловредно-тяжелый;
Жандармов, полиции ты берегись
И всей исторической школы" („Зимняя сказка").

Беречь „священные традиции"—это повелительная необходимость для буржуазии. Отсюда прежде всего то обстоятельство, что явления, возникшие лишь на определенной исторической ступени, считаются вечными, как бы от бога положенными и потому неопреодолимыми. Мы приведем здесь лишь несколько примеров.

Пример I. **Государство**. Мы знаем теперь очень хорошо, что государство есть классовая организация, что без классов не может быть государства, что внеклассовое государство—это круглый квадрат, что государство возникло лишь на определенной ступени человеческого развития.

Но посмотрите на буржуазных ученых и притом на **лучших**!

Эд. Мейер пишет.

„Как далеко может заходить образование органических групп у животных, я наблюдал часто лет 30 тому назад на уличных собаках в Константинополе: они организовались в резко друг от друга отграниченные кварталы, куда чужие собаки не допускались, и каждый вечер все собаки каждого квартала устраивали собрания на пустой площади, длившиеся около получаса и сопровождавшиеся оживленным лаем. Здесь можно, следовательно, говорить о пространственно отграниченных **собачьих государствах**" (E. **Meyer**: Geschichte des Altertums, Elemente der Anthropologie, S. 7.)

Немудрено, что после этого Мейер считает государство за неизменную принадлежность человеческого общества! Раз даже у собак есть государства (очевидно, следовательно, и законы, и право и проч.), то где уж людям обойтись без этого!

II. Так же, примерно, обстоит дело у буржуазных экономистов с **капиталом**. Мы знаем отлично, что капитализм был не всегда, и капитал тоже существовал не всегда. Капиталисты и рабочие—это

исторически возникшее явление, вовсе не вечное. Однако, буржуазные ученые всегда давали капиталу такое определение, что выходило, будто бы капитал и капиталистический строй существовали вечно; так, Торренс писал: „В первом камне, который дикарь бросает в дичь, в первой палке, которую он берет, чтобы бить плоды... мы видим присвоение одного предмета с целью приобретения другого и и открываем таким образом начало капитала“ (см. К. Маркс: „Капитал“, I, 114, подстр. прим.). „Таким образом“, обезьяна, сбивающая орехи,—капиталист (правда, без рабочего)! У новейших буржуазных экономистов дело обстоит нисколько не лучше. Чтобы доказать вечность государственной власти, беднягам приходится заставлять собак разыгрывать Ллойд-Джорджей, а обезьян изображать из себя Ротшильдов.

III. У буржуазных исследователей, занимающихся вопросом об империализме, не редки определения империализма, как стремления всякой жизненной формы к распространению. Мы знаем отлично, что империализм—это политика финансового капитала, что финансовый капитал сам возник только в конце XIX века, как господствующая хозяйственная форма. Но какое дело до этого буржуазным ученым! Чтобы показать, будто „так было, так будет“, они возводят и курицу, клюющую зерно, в империалисты, так как она „аннектирует“ это зерно! Государственная собака, капиталистическая обезьяна и империалистическая курица достаточно характеризуют уровень современной буржуазной науки.

§ 23. Точка зрения противоречий и противоречивость исторического развития. Итак, в основе всего лежит закон изменения, закон непрестанного движения. Два философа—один древний (Гераклит), другой—более новый (Гегель), как мы видели выше, особенно выдвигали это положение об изменяемости, о подвижности всего сущего. Но они этим не ограничились. Они ставили также вопрос о том, как именно идет процесс движения. И тут они вскрыли то обстоятельство, что перемены вызываются постоянными внутренними противоречиями, внутренней борьбой. „Борьба—мать всего происходящего“, говорил Гераклит. „Противоречие—это то, что движет вперед“, писал Гегель.

Это положение, несомненно, правильно. В самом деле, представим себе на минуточку, что в мире не было бы столкновений никаких сил, что не было бы никакой их борьбы, что различные силы не направлялись бы одна против другой. Что это означало бы? Это означало бы, что весь мир находится в состоянии неподвижного равновесия, т.-е. в состоянии полной и абсолютной устойчивости, в состоянии полного

покоя, исключающего всякое движение. Где господствует покой? Покой господствует там, где все составные частички, все силы находятся в таком отношении друг к другу, что не происходит никакого столкновения, где нет никакого взаимодействия, где ничто „не задевает“, где, словом, нет никакого противоречия, никакой противоположности борющихся, сталкивающихся сил, где нет никогда никакого нарушения равновесия, где господствует, наоборот, абсолютная устойчивость. Но мы знаем уже, что в действительности „все движется, все течет“. Покоя, абсолютной устойчивости в действительности не существует. Постараемся объяснить это несколько более подробно.

Известно, напр., что в науке об организмах, в биологии, говорят о приспособлении. Под приспособлением понимают такое положение вещей, при котором то, что приспособляется к другому, может вместе с этим другим длительно существовать. Если, напр., говорят, что какой-нибудь вид животных „приспособлен“ к среде, это значит, что он может в этой среде выживать: он к ней прилажен, его свойства таковы, что они ему помогают удержаться и жить. Крот „приспособлен“ к той обстановке, которая имеется под землей, рыба „приспособлена“ к той обстановке, которая имеется в воде; но бросьте крота в воду или закопайте рыбу в землю,—они тотчас же погибнут.

Сходное явление мы наблюдаем, однако, и в так называемой „мертвой“ природе: земля, скажем, не падает на солнце, а бегает вокруг него, что называется, „без задеву“. Вся солнечная система имеет такое отношение к окружающему ее миру, что может длительно существовать, и т. д. Тут говорят обычно не о приспособленности, а о равновесии между телами, о равновесии между системами этих тел и проч

Наконец, сходное явление мы наблюдаем и в обществе. Общество, худо ли, хорошо ли, живет в природе: оно более или менее к ней „приспособлено“, так или иначе оно находится с ней в равновесии. И различные части общества все же, поскольку общество живет, так прилажены друг к другу, что возможно их одновременное существование: сколько лет существовал капитализм с капиталистами и рабочими!

Изо всех этих примеров видно, что по сути дела речь идет об одном и том же, а именно о равновесии. Но если это

так, то при чем же здесь противоречие и борьба? Как раз наоборот: борьба и есть нарушение равновесия! К чему же было огород городить? Однако все дело в том, что то равновесие, которое мы наблюдаем в природе и обществе, это не абсолютное, не неподвижное равновесие, а равновесие *подвижное*. Что это значит? Это значит, что равновесие устанавливается и тотчас нарушается, вновь устанавливается на новой основе и снова нарушается и так далее

Более или менее точное понятие равновесия таково. „О какой-нибуть системе говорят, что она находится в состоянии равновесия, если эта система сама по себе (freiwillig), т.-е. без извне приложенной к ней энергии, не может изменить данного состояния". Если, скажем, на какое-либо тело давят уравновешивающие друг друга силы, оно находится в состоянии равновесия; если одну из этих сил уменьшить или увеличить, тогда равновесие нарушается.

Если нарушение равновесия быстро прекращается и тело возвращается в прежнее положение, тогда такое равновесие называется устойчивым (stabil); если этого не бывает, равновесие называется неустойчивым (labil). В естественных науках различают механическое равновесие, химическое равновесие, биологическое равновесие (см., напр. „Chemisches Gleichgewicht", откуда мы взяли вышеприведенную цитату. „Handwörterbuch der Naturwissenschaften", II Band, S. S. 470—519).

Иначе это можно сказать так. В мире существуют различно действующие, направленные друг против друга силы. Только в исключительных случаях они уравновешивают друг друга на некоторый момент. Тогда мы имеем состояние „покоя", т.-е. их действительная „борьба" остается скрытой. Но стоит только измениться одной из сил, как сейчас же „внутренние противоречия" обнаруживаются, происходит нарушение равновесия, и если на момент установится новое равновесие, оно установится на новой основе, т.-е при другом сочетании сил и т. д. Что же отсюда следует? А отсюда и следует, что „борьба", „противоречия", т.-е. антагонизмы различно направленных сил и обусловливают движение.

С другой стороны, здесь же мы видим и форму этого процесса: это есть, во-первых, состояние равновесия; во-вторых, нарушение этого равновесия; в-третьих, восстановление равновесия на новой основе. А затем история повторяется сызнова:

новое равновесие становится исходной точкой для нового его нарушения, затем следует опять иное равновесие и так далее, до бесконечности. В целом перед нами процесс движения, основой которого является развитие внутренних противоречий.

Гегель заметил такой характер движения и выразил его в следующей форме: первоначальное состояние равновесия он назвал тезисом, нарушение равновесия — антитезисом, т.-е противоположением, восстановление равновесия на новой основе — синтезисом (объединяющим положением, в котором примиряются противоречия). Этот-то характер движения всего сущего, укладывающийся в трехчленную формулу („триаду"), он и назвал диалектическим.

Слово „диалектика" означало у древних греков искусство говорить, спорить. Как идет спор, когда люди противоречат друг другу? Один говорит одно. Другой — противоположное (он „отрицает" то, что говорит первый). Наконец, „из спора рождается истина", которая содержит долю правды и из одного положения, и из другого („синтез"). Так же идет и процесс мысли. Так как у Гегеля, как идеалиста, все представляется, как саморазвитие духа, то понятно, что он и не думал ни о каких нарушениях равновесия. Свойства мышления, как духовного, первоначального, оказывались у него поэтому и свойствами бытия. По этому поводу Маркс писал: „Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург (творец) действительности, представляющей лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное". „У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть рациональное зерно под мистической (таинственной) оболочкой" (Маркс: „Капитал", т. I, предисловие.) У Маркса диалектика, развитие в противоречиях, есть прежде всего закон „бытия", закон движения материи, закон движения в природе и обществе. Его выражением является процесс мышления. Диалектический метод, диалектический способ мышления потому и необходим, что он может ухватить диалектику природы.

Мы считаем вполне возможным переложить „мистический", как Маркс его называл, язык гегелевской диалектики на язык современной механики. Против механических обозначений сравнительно недавно были протесты в среде почти всех марксистов. Это происходило потому, что старое представление об атомах рассматривало их, как обособленные, несвязанные с другими, изолированные частицы. Теперь, с учением об электронах, об атомах, как целых системах, наподобие солнечной, нет никаких оснований бояться механических обозначений.

Наиболее прогрессивные течения научной мысли во всех областях ставят вопрос именно так. У Маркса есть ясные намеки на такую постановку вопроса (учение о равновесии между отдельными отраслями в производстве, основанная на этом теория трудовой ценности и т. д.).

Любую вещь—будь ли то камень, или живой предмет, или человеческое общество, или что-либо другое—мы можем рассматривать, как нечто целое, состоящее из связанных друг с другом частей (элементов); другими словами, мы можем это целое рассматривать как систему. Каждая такая вещь (система) существует не в пустой дыре; ее окружают другие элементы природы, которые по отношению к ней называются средой. Для дерева в лесу средой будут все другие деревья, ручейки, земля, папоротники, трава, кустарник и прочее со всеми их свойствами. Для человека средой является прежде всего человеческое общество, среди которого (отсюда и слово „среда“) он живет; для человеческого общества средой является внешняя природа и так далее. Между средой и системой существует постоянная связь; „среда“ действует на „систему“, „система“, в свою очередь, действует на „среду“. Мы должны поставить перед собой прежде всего один основной вопрос: каковы эти отношения между средой и системой; как их можно определить, каковы их формы; каково их значение для этой системы?

Здесь мы сразу же можем различить три главных типа этих отношений.

1. Устойчивое равновесие. Устойчивое равновесие бывает в том случае, когда взаимодействие между средой и системой выражается в неизменном положении вещей или в таком нарушении прежнего положения, которое вновь восстанавливается в прежней же форме. Например: предположим, что какой-нибудь вид животных живет в степи. Среда сама не изменяется. Для прокорма этого вида животных количество пищи не увеличивается и не уменьшается; количество хищных зверей остается таким же; всякие болезни, разносимые микробами (все ведь это „среда“!), остаются в прежних пропорциях. Что тогда получится? В общем и целом количество наших животных останется тем же: одни из них будут умирать или погибать от хищников, другие рождаться, но данный вид в таких условиях среды будет сохраняться таким же, каким он был. Здесь перед

нами случай застоя. Почему? Потому, что тут сохраняется неизменным *отношение* между системой (данный вид животных) и средой. Это случай устойчивого равновесия. Устойчивое равновесие не всегда есть полная неподвижность. Движение может быть, но здесь за нарушением равновесия следует его восстановление на *прежней* же основе. В таком случае противоречие между средой и системой постоянно воспроизводится *в том же самом количественном соотношении*.

Такой же случай мы будем иметь и с обществом застойного типа (подробно об этом речь будет итти ниже). Если *отношение* между обществом и природой остается тем же, то-есть если общество высасывает, путем производства, из природы столько же энергии, сколько тратит, тогда противоречие между обществом и природой тоже воспроизводится в прежней форме, общество топчется на месте, и мы имеем случай устойчивого равновесия.

2. *Подвижное равновесие с положительным знаком (развитие системы).* В действительности, однако, устойчивого равновесия не бывает. Это только воображаемый, только мыслимый или, как говорят, „идеальный" случай. На самом же деле отношение между средой и системой никогда не воспроизводится в той же самой пропорции. Другими словами: нарушение равновесия приводит в действительности не к восстановлению равновесия на точь-в-точь такой же основе, как раньше, а новое равновесие создается на *новой* основе. Предположим, например (берем пример с нашими милыми животными, о которых мы говорили выше), что число хищников, которые их поедали, почему-либо уменьшилось, а количество пищи увеличилось. Тогда, несомненно, увеличится и число этих животных. Наша „система" будет расти; новое равновесие устанавливается на высшей основе. Здесь налицо *развитие*. Другими словами: противоречие между средой и системой количественно стало другим.

Если мы возьмем вместо животных человеческое общество и предположим, что отношение между ним и природой изменяется так, что общество путем производства высасывает из природы энергии больше, чем тратит (почва стала плодороднее, или появились новые орудия, или и то, и другое),—тогда это

общество будет расти, а не топтаться на месте. Новое равновесие будет каждый раз действительно новым. Противоречие между обществом и природой будет воспроизводиться каждый раз на новой, „высшей“, основе, и притом такой, когда система будет увеличиваться, развиваться. Здесь мы имеем случай подвижного равновесия, так сказать, с положительным знаком.

3. Подвижное равновесие с отрицательным знаком (разрушение системы). Может, однако, быть и совершенно обратный случай, а именно, когда новое равновесие устанавливается на „низшей“ основе. Предположим, напр., что количество пищи сократилось для вида наших животных, или что увеличивается по какой-либо причине количество хищников. Тогда этот вид будет „вымирать“. Равновесие между средой и системой будет каждый раз устанавливаться за счет отмирания части этой системы. Противоречие будет воспроизводиться на другой основе, с отрицательным знаком. Или случай с обществом. Предположим, что отношение между природой и обществом меняется в такую сторону, что общество вынуждено все больше тратить и меньше получать (истощается почва, ухудшается техника и т. д.). Тогда новое равновесие будет устанавливаться каждый раз на пониженной основе, за счет гибели части общества. Здесь будет движение с отрицательным знаком: общество будет обществом гибнущим, разлагающимся.

К этим трем случаям сводятся все мыслимые случаи. В основе движения, как мы видели, действительно лежит противоречие между средой и системой, которое постоянно воспроизводится.

Но вопрос имеет и другую сторону. До сих пор мы говорили только о противоречиях между средой и системой, о внешних противоречиях. Но есть и противоречия внутренние, внутри самой системы. Каждая система состоит из составных частиц (элементов), соединенных между собой так или иначе. Человеческое общество—из людей, лес—из деревьев и кустов, куча камней—из этих камней, стадо животных—из отдельных животных и т. д. И тут есть целый ряд противоречий, неслаженностей, неприспособленностей. И тут нет абсолютного равновесия. Если не бывает, строго говоря, абсолютного равновесия между средой и системой, то не бывает такого равновесия между элементами (частями) самой системы.

Лучше всего это видно на примере самой сложной системы, на примере человеческого общества. Разве не сталкиваемся мы здесь с бесконечным количеством противоречий? Борьба классов—самое яркое выражение „общественных противоречий“, а мы знаем, что „борьба классов движет историю“. Противоречия между классами, противоречия между группами, противоречия между идеалами, противоречия между тем, как люди трудятся и как они распределяют продукты труда, неслаженности в производстве (капиталистическая „анархия производства“)—бесконечная цепь противоречий. Все это—противоречия внутри системы, вытекающие из противоречивого ее строения („структурные противоречия“). Но тем не менее эти противоречия сами по себе еще не уничтожают общества. Они могут его уничтожить (например, когда в гражданской войне гибнут оба борющиеся класса), но могут и не уничтожать до поры до времени.

В последнем случае должно иметься подвижное равновесие между элементами общества. В чем оно состоит—это составит предмет дальнейшего изложения. Сейчас же для нас важно понять одно. Нельзя вздорно рассматривать общество так, как это делает целый ряд буржуазных ученых, которые не видят противоречий внутри общества. Наоборот, научное рассмотрение общества предполагает, что мы рассматриваем его с точки зрения тех противоречий, которые в нем заложены. Историческое „развитие“ есть развитие противоречивое.

Тут мы должны обратить наше внимание еще вот на какой факт, о котором нам придется не раз говорить в этой книге. Мы видели, что противоречия бывают двух родов: между средой и системой и между элементами самой системы. Есть ли какая-нибудь связь между этими двумя явлениями?

Стоит только хоть немного подумать над этим вопросом, чтобы ответить утвердительно: да, такая связь существует.

Ибо совершенно ясно, что внутреннее строение системы (внутреннее равновесие) должно изменяться в зависимости от того отношения, которое существует между системой и средой. Отношение между системой и средой есть решающая величина. Ибо все положение системы, основные формы ее движения (упадок, развитие, застой) определяются именно этим отношением.

В самом деле. Поставим вопрос таким образом: мы видели выше, что характер равновесия между обществом и природой определяет собой основную линию движения общества. Может ли при таких условиях внутреннее строение длительно развиваться в противоположном направлении? Конечно, нет. Предположим, что нам дано развивающееся общество. Может ли при таких условиях внутреннее строение общества быть все время ухудшающимся? Конечно, нет. Если же оно по своему строению при развитии ухудшается, т.-е. его внутренняя несслаженность начинает расти, это означает, что налицо выступило новое противоречие: противоречие между внешним и внутренним равновесием. Что тогда? Тогда, если общество и впредь будет развиваться, оно должно перестроиться: т.-е. его внутренняя структура должна приспособиться к характеру внешнего равновесия. Следовательно, внутреннее (структурное) равновесие есть величина, зависимая от равновесия внешнего (есть „функция" этого внешнего равновесия).

§ 24. Теория скачкообразных изменений и теория революционных изменений в общественных науках. Нам остается теперь рассмотреть последнюю сторону диалектического метода, а именно теорию скачкообразных изменений. Известно, что чрезвычайно распространенным является мнение, будто бы „природа не делает скачков" („natura non facit saltus"). Это мудрое изречение обычно употребляется для „солидного" доказательства невозможности революции, хотя революции все же происходят, несмотря на благонамеренность господ профессоров. Но—в самом деле—так ли уж умеренна и аккуратна природа, как это утверждают?

По этому поводу Гегель писал в своем „Учении о логике" („Wissenschaft der Logik", Hegels Werke, 2. Aufl., Band III, S. 434): „Говорят, что нет скачков в природе,—и обычное представление воображает (meint)..., что, когда речь идет о возникновении или исчезновении (Entstehen oder Vergehen), то дело понято, если представить себе это, как постепенное развитие (Hervorgehen) или исчезновение (Verschwinden). Однако выяснилось, что изменение бытия (того, что есть; сущего, des Seins. *Н. Б.*) заключается вообще не только в переходе одной величины в другую, но также и в переходе от качественного

к количественному и, наоборот, в возникновении другого, иного (Anderswerden); в перерыве постепенности (ein Abbrechen des Allmählichen), в качественно ином по сравнению с преходящим, предыдущим бытием“ (курсив наш. *Н. Б.*).

Что все это значит?

Гегель говорит о переходе количества в качество. Поясним это самым простым и самым обычным примером. Предположим, что мы нагреваем воду. Все время, пока мы ее нагреваем до 100 градусов (по Цельсию), она не закипает и не превращается в пар. Частички ее суетятся все быстрее и все бешенее, но не выскакивают в виде пара на поверхность. Мы наблюдаем только одно изменение количества: быстрее бегают частички, выше становится температура, а вода остается водой со всеми ее водяными качествами. Количество изменяется непрерывно, а качество остается тем же. Но вот вы нагрели воду до 100°, довели ее „до точки кипения“. И вдруг она начинает закипать, точно бешено вертящиеся ее частички вышли из себя и выскочили на поверхность в виде пузырьков пара. Вода перестает быть водой: она становится паром, газом. Это уже не прежнее качество. Это нечто другое, с другими свойствами. Тут мы и видим две главных особенности в процессе изменения:

Во-первых, на определенной ступени движения количественные изменения вызывают изменения качественные (или, как говорят для краткости, „количество переходит в качество“); во-вторых, этот переход количества в качество совершается в виде скачка, когда постепенность и непрерывность вдруг нарушаются. Вода вовсе не превращалась все время и с мудрой постепенностью сперва в „маленький“ пар, который затем стал большим. Она до поры до времени вовсе не кипела. Но она закипела, как только дело дошло „до точки“. А это означает не что иное, как скачок.

Превращение количества в качество есть один из основных законов движения материи, и его можно проследить в природе и в обществе буквально на каждом шагу. Подвесьте на веревке груз и прибавляйте к этому грузу постепенно добавочный груз, хотя бы очень маленькими порциями. До определенного предела веревка „выдерживает“. Но как только вы этот предел

перейдете, она моментально („скачком“) разрывается. Сгущайте пар в паровом котле. До поры до времени все будет обстоять благополучно: только стрелка манометра (это такой прибор, который показывает давление пара) будет показывать количественное изменение давления на стенки котла. Но вот стрелка перешла определенную границу,—и котел с грохотом взрывается. Давление пара оказалось — быть может, на пустячок—больше сопротивляемости стенок котла. До этого количественные изменения не приводили к „скачку“, к качественному изменению. В этой же „точке“ котел лопнул. Несколько человек не могут поднять камень. Приходит еще один—тоже не могут. Подходит слабая женщина — и все вместе подымают камень. Потому что здесь требовалось еще немного силенок, и как только они оказались—камень подняли. Или еще пример из области человеческих чувств. У Л. Толстого есть рассказ „Три калача и одна баранка“. Суть этого рассказа заключается вот в чем: человек был голоден и не мог насытиться: сьел один калач—голоден; другой—голоден; съел третий—все голоден; наконец, он съел баранку и вдруг почувствовал, что сыт. Тогда он стал себя ругать за то, что не сразу съел баранку: не потребовалось бы, мол, тогда есть калачи. Однако ясно, что он чудил: здесь тоже качественное изменение, переход от чувства голода к ощущению сытости получилось более или менее „скачком“ (после баранки). Но это качественное изменение подготовлено было количественным изменением: без калачей и баранка бы не помогла.

Таким образом мы видим, что совершенно нелепо отрицать „скачки“ и говорить лишь о мудрой постепенности. На самом деле и в природе скачки встречаются очень часто, и фраза о том, что „природа не делает скачков“ есть лишь выражение боязни „скачков“ в обществе, то-есть выражение боязни революций.

Характерно то, что ранние теории буржуазии, касавшиеся вопросов мироздания, были теориями катастроф, правда, очень наивными и неправильными. Такова, напр., теория Кювье. Затем ее сменила эволюционная теория, давшая очень много нового, но односторонне отрицавшая скачки. В геологии и т. д. таковы работы Ляйеля (Lyell: „Principles of Geology“). Однако уже к концу прошлого века вновь появились теории, признающие важную роль скачков. Такова, напр., теория ботаника де-Фриза (так наз. мутационная тео-

рия: „мутация"—внезапное изменение), который утверждал, что время от времени происходят, на основе предыдущих изменений, внезапные изменения форм, которые затем закрепляются и становятся новым исходным пунктом развития. С прежними взглядами, отрицающими „скачки", в наше время далеко не уйдешь. Эти взгляды (у Лейбница, напр., сказано: „Все в природе развивается постепенно и ничто скачками": Tout va par degrés dans la nature et rien par saut") явным образом выросли на консервативной общественной почве.

Отрицание противоречивого характера развития покоится у буржуазных ученых на боязни классовой борьбы и на затушевывании общественных противоречий. Точно так же боязнь скачков основывается на боязни революций. Вся премудрость сводится к такому рассуждению: в природе нет скачков, и нигде нет и не может быть скачков; значит, не смейте, пролетарии, делать революцию!

Однако здесь видно лишь с необычайной яркостью, как буржуазная наука вступает в противоречие с самыми основными научными требованиями. В самом деле, все же знают, что целый ряд революций в обществе был. Попробуйте отрицать, что была английская революция? или Великая французская? или 1848 год? или 1917—1921? А если и в обществе эти скачки были и бывают, дело науки не „отрицать" их (т.-е. укрываться от действительности под сень струй), а понять эти скачки, объяснить их.

Революции в обществе это то же, что скачки в природе. Они вовсе не берутся „с потолка". Они подготовляются всем ходом предыдущего развития точно так же, как кипение воды подготовляется ее предварительным нагреванием, или так же, как взрыв котла подготовляется растущим давлением пара на его стенки. Революция в обществе есть его перестройка, „структурное изменение системы". Она неизбежно получается в результате противоречия между этим строением общества и потребностями его развития. Как это происходит,—об этом ниже. Сейчас же нам необходимо знать только одно: в обществе, как и в природе, есть скачки; в обществе, как и в природе, эти скачки подготовляются предыдущим ходом вещей; или, другими словами, в обществе, как и в природе, эволюция (постепенное развитие) приводит к революции (скачку): „Скачки предполагают непрерывное изменение, а непрерывное измене-

ние приводит к скачкам. Это—два необходимых момента одного и того же процесса“ (Плеханов: „Критика наших критиков“, изд. 1906 г., стр. 104).

Вопрос о противоречивости развития и о скачках есть существеннейший вопрос теории. Целый ряд буржуазных школ и направлений могут быть против телеологии, за детерминизм и проч. Но они „каждый раз“ спотыкаются на вышеупомянутых вопросах. Теория Маркса есть не эволюционная теория, а теория революционная. Именно поэтому она неприемлема для идеологов буржуазии. И именно поэтому они готовы „принять“ из этой теории все решительно, за исключением... революционной диалектики. По этой же линии идет обычно и критика марксизма. Так, напр., немецкий проф... Вернер Зомбарт почтительно раскланивается перед Марксом, пока речь идет об эволюции, и тотчас же переходит в атаку против Маркса, поскольку замечает теоретически революционные элементы марксизма. Тут создаются даже целые теории: поскольку, видите ли, Маркс был ученым, постольку он был эволюционист; поскольку он—и в теории—был революционером, постольку он переставал быть ученым и, оставляя науку, предавался революционным страстям. Г. П. Струве бывший марксист, автор первого манифеста русской социал-демократии, превратившийся потом в обер-погромщика и главного контр-революционного идеолога, начал свою критику Маркса тоже с критики скачков. По этому поводу Плеханов, бывший тогда революционером, писал: „Г. П. Струве взялся показать нам, что природа скачков не делает и что интеллект (разум) их не терпит. Как же это так? Или, может быть, он имеет в виду только свой собственный интеллект, который, действительно, не терпит скачков по той простой причине, что он, как говорится, терпеть не может некоей диктатуры“ (курсив Плеханова. „Кр. наш. крит.“, стр. 99). Так называемая „органическая школа“, „позитивисты“, спенсерианцы, эволюционисты и прочие,—все будут прежде всего против скачков, ибо всем им крайне неприятна „некая диктатура“.

Литература к III главе. Те же книги, что и для первых двух глав. Кроме того: Деборин: Введение в философию диалектического материализма. Г. Плеханов (Н. Бельтов): Критика наших критиков. К. Маркс: Einleitung zu einer Kritik der pol. Oekonomie (не переведено еще на русский). Г. Плеханов: Основные вопросы марксизма. Я. Берман: Диалектика в свете современной теории познания (не ортодоксальная, критическая точка зрения). А. Богданов: Всеобщая организационная наука (оригинальная попытка преодоления философии), т. I и II. Л. Ортодокс: Философские очерки. К. Каутский: Анти-Бернштейн. Н. Бухарин: Политическая экономия рантье (методологическая часть).

Критическая литература, направленная против диалектического материализма, огромна. Из русских авторов вполне достаточно знакомство с Кареевым и Туган-Барановским („Теоретические основы марксизма“).

ГЛАВА IV.

Общество.

§ 25. Понятие о совокупностях. Совокупности логические и реальные. § 26. Общество, как реальная совокупность. § 27. Характер общественной связи. § 28. Общество и личность. Примат общества над личностью. § 29. Образующиеся общества.

§ 25. Понятие о совокупности. Совокупности логические и реальные. Мы встречаемся не только с простыми телами, которые сразу же представляются нам некоей целой единицей (напр., лист бумаги, или корова, или Иван Иванович Иванов). Часто мы говорим о *сложных* единицах, о сложных величинах. Исследуя движение населения, мы говорим: число младенцев мужского пола увеличилось за такой-то промежуток времени на столько-то. И у нас это „число младенцев мужского пола" представляется некоторой сложной величиной, состоящей из отдельных единиц и рассматриваемой, как нечто целое (или как „статистическая *совокупность*"). Мы говорим также о лесе, о классе, о человеческом обществе и сразу чувствуем, что перед нами тоже *сложная* величина: мы рассматриваем ее, как целое; но в то же время знаем, что это наше целое состоит из до известной степени самостоятельных элементов: лес—из деревьев, кустов и т. д.; класс—из отдельных людей, к этому классу принадлежащих, и проч. Такие сложные величины называются *совокупностями*.

Уже из приведенных примеров мы однако видим, что совокупности бывают разными: когда мы говорим о младенцах мужского пола, родившихся в 1921 году, и когда мы говорим о лесе в Сокольниках,—ясно чувствуется различие. В чем же это различие заключается? Нетрудно подсмотреть это различие. В

самом деле, когда мы говорим о младенцах, то эти младенцы сами по себе, в жизни, в действительности, не объединены: один в одном месте, другой—в совсем другом; один на другого не влияет; один сам по себе, другой—тоже сам по себе. Это мы их объединяем, когда подсчитываем. Совокупность из них создаем мы: это—мысленная, бумажная совокупность, а не жизненная, не реальная. Такие искусственные совокупности называются мыслительными, логическими совокупностями.

Совсем другое мы видим, когда говорим об обществе, или лесе, или классе; здесь объединение составных элементов не есть только мысленное (только логическое) объединение. В самом деле. Вот перед нами лес с его деревьями, кустами, травой и т. д. Разве здесь не дано объединение в жизни? Конечно, дано. Лес—даже не простая куча разных элементов. Ибо все его частички непрерывно воздействуют друг на друга, или, как говорят, находятся в непрерывном взаимодействии. Вырубите часть деревьев,—быть может, часть остальных из-за этого засохнет, так как будет меньше влаги, а в другом месте получится, быть может, лучший рост, так как будет больше солнца. Здесь, стало быть, налицо взаимодействие частиц, составляющих „лес", и притом взаимодействие совершенно реальное, имеющееся в действительности, а не придуманное нами в тех или других целях. Более того: это взаимодействие длительное и постоянное, имеющееся все время, пока существует данная совокупность. Такие совокупности называются реальными совокупностями.

Нужно однако помнить, что все эти различия весьма условны. Ибо, строго говоря, простых „единиц" нет. Иван Иванович Иванов на самом деле есть целая колония клеток, т.-е. тоже в высшей степени сложное тело. Атом, как мы знаем, тоже разлагается. А так как нет пределов (принципиально) для дробимости дальше и дальше, то, в конце концов, нет и „простоты". Тем не менее, наши различия годятся в известных пределах: отдельный человек есть простое тело, а не совокупность по сравнению с обществом; он есть сложное тело, есть реальная совокупность по сравнению с клеткой и т. д. Когда мы хотим говорить, не сравнивая, мы употребляем название системы. По существу, термин „система" и термин „реальная совокупность" у нас обозначают одно и то же. Условность всех этих различений сказывается и в другом. А именно: строго говоря, весь мир есть бесконечная реальная совокупность, в которой все частички находятся в процессе постоянного и непрерывного взаимодействия. Та-

ким образом, взаимодействие существует между любыми вещами и элементами мира. Однако, это взаимодействие может быть более прямое и непосредственное и более косвенное. На этом основаны различия в терминах. Эти различия, повторяем, годятся, если их понимать диалектически, т.-е. в определенных границах, условно, „в зависимости от обстоятельств".

§ 26. Общество, как реальная совокупность, или система. Взглянем теперь с этой точки зрения на общество. Совершенно ясно, что общество есть реальная совокупность, ибо между его составными частями происходит непрестанный, непрерывный процесс взаимодействия. Господин NN пошел на рынок; там торговался, участвовал в образовании рыночной цены, которая отразилась и на мировом рынке, повлияла бесконечно маленькой величиной, но все же повлияла на мировые цены; те обратно повлияли на рынок страны, где живет NN, и на тот рынок, куда он ходит; с другой стороны, он купил на рынке, скажем, селедку; это отразилось на его бюджете так-то; поэтому он остальные деньги должен тратить определенным образом, и проч., и проч. Можно здесь перечислить еще тысячи других влияний.

Господин NN женился. Для этого он предварительно покупал подарки и влиял по экономической линии на других людей; он, как правоверный христианин и не какой-нибудь большевик, звал попа и подкреплял тем церковную организацию, а это маленькими волнами отражалось и на влиянии церкви, и на всем состоянии чувств и настроений данного общества; попу он платил и повышал спрос на те товары, которые попы потребляют, и т. д. А жена ему рождала детей, что в свою очередь влекло тысячу последствий. Подумайте, скольких людей малюсенькими влияниями коснулся факт женитьбы г. NN! Г. NN вступил в либеральную партию, чтобы выполнить свой „гражданский долг". Он стал ходить на собрания и вместе с сотнями своих коллег переживать одни и те же чувства ненависти к проклятой черни, которая лезет на стену и поддерживает исчадье ада—большевиков. И его влияние на собраниях касалось и задевало прямо и косвенно множество людей. Правда, это влияние трудно было различить: так оно было мало, почти бесконечно мало, но все же было. И какую бы вы отрасль действий нашего г. NN ни взяли, всегда вы увидите, как он влиял на других, а

другие на него. Ибо в обществе все связано миллионами ниточек.

Мы нарочно начали с отдельного человека, как **он** влияет на других. А посмотрите, как влияют на **него** общественные события. Вот наступил промышленный подъем, и предприятие, где наш NN сидел главным бухгалтером, получило добавочную прибыль: г. NN получил прибавку жалования. Разразилась война—г. NN был мобилизован, защищал родину своего кошелька (но был уверен, что защищает цивилизацию) и был на войне убит. Такова оказалась сила общественных отношений.

Если мы вообразим себе, какое громаднейшее количество взаимных воздействий существует в человеческом обществе, хотя бы в наше время, — перед нами раскроется грандиозная картина. Одни стихийные, никем и ничем не регулируемые, воздействия людей друг на друга имеют бесчисленное множество форм. Но и регулируемых организованных форм, начиная с государственной власти и кончая шахматным кружком или клубом лысых, тоже довольно достаточно. Если мы примем во внимание, что все эти бесчисленные воздействия перекрещиваются друг с другом, то мы сообразим, какое поистине гигантское вавилонское столпотворение влияний и взаимных воздействий представляет общественная жизнь.

Мы знаем, что там, где есть взаимодействие длительного характера, там есть реальная совокупность, там есть „система". Здесь мы должны подчеркнуть вот что: для реальной совокупности или системы вовсе не необходим признак **сознательной организации** частей этой системы. Это понятие относится и к живому, и к мертвому, и к „механизмам", и к „организмам". Некоторые же ухитряются отрицать само общество только потому, что в этом обществе существуют другие, частные системы, системы **внутри** общества (классы, группы, партии, кружки, общества разного рода и тому подобные объединения). Но налицо ведь и факт **взаимодействия** этих внутренних систем и групп (борьба классов и партий, моменты их сотрудничества и т. д.); кроме того, те же люди, которые входят в эти группы, могут в **других** сочетаниях совсем по другому воздействовать на остальных людей (капиталист и рабочий, покупающий у одного и того же капиталиста товары для собственного потребления). Затем, сами группы—в их

междугрупповом взаимодействии—не организованы; здесь получается стихийный общественный продукт, „общественная результанта“ (см. выше, глава II, о детерминизме) вырабатывается неорганизованным и стихийным путем (до коммунистического общества это так и будет продолжаться). Однако этот общественный „продукт“, эта результанта все-таки получается. Она есть факт, факт непреложной действительности. Мировые цены есть факт такой же, как мировая литература, или мировые пути сообщения, или мировая война; уже этих фактов достаточно, чтобы показать наличность в настоящее время человеческого общества, выходящего за пределы отдельных государств.

Вообще говоря, поскольку у нас есть круг постоянных взаимодействий, постольку у нас есть особая система, особая реальная совокупность. Наиболее широкая система взаимодействий, обнимающая все длительные взаимодействия между людьми, и есть общество.

Мы определяем общество, как реальную совокупность, или как систему взаимодействий, категорически отвергая все попытки так называемой „органической школы“ причесать общество под одну гребенку с организмом.

Служебная цель „органической“ теории раскрыта вполне в басне о Менении Агриппе, римском патриции, который уговаривал взбунтовавшихся плебеев. Его аргументы были всецело „органические“: нельзя, чтобы руки пошли против головы,—тогда погибнет все тело. Социальный смысл органической теории именно таков: господствующий класс—голова; рабочие или рабы—руки и ноги; а так как в природе не видано, чтобы руки и ноги становились на место головы, то сидите смирно, угнетенные!

Благодаря такому смиренномудрию органической теории, она имела и имеет посейчас громадный успех среди буржуазии. „Основатель“ социологии, Огюст Конт, считал общество „коллективным организмом“ („organisme kollectif“); наиболее солидный буржуазный социолог, Г. Спенсер, полагал, что общество есть нечто сверхорганическое, что оно хотя и не имеет сознания, но имеет органы, ткань и т. д. По Вормсу, у общества есть даже сознание, как у отдельного человека, а Лилиенфельд без обиняков утверждает, что общество—такой же организм, как крокодил или сам автор этой теории. Конечно, у общества есть кое-что общее с организмом. Но у него есть кое-что общее и с механизмом. Но эти признаки и есть признаки всякой реальной совокупности, всякой системы. Так как нам совершенно не нужно заниматься детскими игрушками и выискивать, что в обществе соответствует печени, слепой кишке, или какое общественное явление

соответствует свищу, то нам необходимо заранее отвергнуть все подобные попытки. Это тем более, что господа сторонники органической теории готовы впасть в настоящий мистицизм и представить общество в виде „всамделишного" огромного существа, вроде кита в „Коньке-Горбунке".

Итак, общество существует, как реальная совокупность, как система взаимодействующих элементов—людей. Мы видели выше, какое бесконечное количество этих взаимодействий имеется в наличности. Однако из того, что общество существует, следует, что все эти перекрещивающиеся влияния, все эти бесчисленные силы и силочки, направленные по самым разнообразным линиям, все же не представляют танца сумасшедших, а проходят, так сказать, через известные каналы, подчинены внутренней закономерности. В самом деле, если бы здесь был сплошной хаос на манер „не разбери меня", тогда не могло бы быть никакого, хотя бы подвижного, равновесия внутри общества, то-есть не было бы общества. Раньше мы рассматривали вопрос о закономерности человеческих действий с точки зрения отдельной личности (см. гл. II этой книги). Теперь мы подходим к вопросу, так сказать, с другого конца, с точки зрения общества и условий его равновесия. Но и здесь мы приходим к тому же результату: к признанию закономерности общественного процесса. Эту закономерность общественного процесса легче всего раскрыть, рассматривая условия общественного равновесия. Но прежде, чем перейти к этой теме, нам нужно гораздо более подробно остановиться на вопросе о том, что такое общество. Ибо мало сказать, что это—система взаимодействующих людей. Мало сказать, что эти взаимодействия длительны. Нужно еще выяснить их характер, то, что *отличает* их от других систем, то, что составляет их *жизненную основу*, то, что составляет здесь *необходимейшее условие равновесия*.

§ 27. Характер общественной связи. Взаимодействия между людьми, образующие общественные явления, как мы видели выше, чрезвычайно разнообразны. Но мы должны теперь спросить себя: что же является *условием* длительности этих связей? Или, другими словами, *среди* всех этих взаимодействий где находится основное условие равновесия всей системы? Где *основной* тип общественной связи, без которого были бы немыслимы все остальные?

На этот вопрос мы отвечаем: это есть трудовая связь людей, которая прежде всего выражается в общественном труде, т.-е. в сознательной или бессознательной работе людей друг на друга. Почему так? Для выяснения этого стоит предположить лишь обратное. Допустим на минуту, что трудовая связь людей уничтожилась, что продукты (или товары) не переливаются из одного места в другое, что люди перестают работать друг на друга, что общественный труд теряет свой общественный характер. Что же получилось бы? Получилось бы то, что общество исчезло бы, разлетелось на кусочки. Или приведем другой пример: христианские миссионеры отправляются в тропическую страну проповедывать бога и чорта. Они устанавливают таким путем так называемые высшие духовные связи. Спросим себя теперь: могут ли эти связи между той страной, откуда прикатили наши батюшки, и „дикарями" быть прочными, если пароходы не ездят часто, если нет правильного (а не случайного) обмена, т.-е. если не подведено прочных трудовых связей между „цивилизованной" страной и родиной „дикарей"? Конечно, нет. Значит, все и всяческие связи, в общем и целом, могут быть прочны лишь в той мере, в какой имеется трудовая связь. Трудовая связь есть основное условие возможности внутреннего равновесия той системы, имя которой — человеческое общество.

Можно подойти к этому вопросу и с другого бока. Мы уже знаем, что всякая система и человеческое общество точно так же существует не в безвоздушном пространстве и даже не висит в воздухе: она окружена „средой", и от того, в каком соотношении находится она с этой средой, зависит все остальное. Если человеческое общество к среде не приспособлено,— не жилец оно на этом свете: вся его культура неизбежно зачахнет, и все пойдет прахом. Этого факта никому нельзя опровергнуть: он несомненен. Что бы кто ни говорил, как бы ни мудрствовали идеалистические профессора, никто из них не сможет привести и тени довода против нашего утверждения: вся жизнь общества, даже самый вопрос о возможности жизни или смерти для него, зависит и определяется тем отношением, в котором общество находится со своей средой, т.-е. с природой. Об этом мы уже говорили раньше, и здесь больше нечего распространяться на эту тему. А теперь спросим

себя: а какая же общественная связь между людьми ближе и непосредственнее всего выражает это отношение к природе? Ясно, что именно трудовая. Труд есть процесс соприкосновения между обществом и природой. Путем труда переливается из природы в общество энергия, за счет которой общество живет и развивается (если оно развивается). Труд и выражает собой активное приспособление к природе. Другими словами, процесс производства есть основной жизненный процесс общества. А, следовательно, трудовая связь есть основная общественная связь. Или, как говорил Маркс, „анатомию общества нужно искать в его экономии“, т.-е. строение общества есть его трудовое строение (его „экономическая структура“). Следовательно, наше определение общества будет таково: это есть наиболее широкая система взаимодействующих людей, обнимающая все длительные их взаимодействия и опирающаяся на их трудовую связь.

Мы пришли таким образом ко вполне материалистическому взгляду на общество. Основа его строения есть трудовая связь точно так же, как основа жизни есть материальный процесс производства.

На это, однако, могут возразить—и чрезвычайно часто возражают—следующим образом: „Прекрасно, пусть будет по-вашему; но как устанавливаются трудовые связи? Разве в процессе труда люди не разговаривают, не думают? И разве трудовая связь не есть психическая, духовная связь? Где же тут материализм? И не пора ли отказаться от этой материалистической чепухи? Что же означает ваш труд и ваши трудовые связи, если не нечто психическое?“

Разберем вопрос подробнее. Он заслуживает того, чтобы быть разобранным: иначе возникает, действительно, много недоразумений. Для ясности возьмем сперва простой пример. Предположим, что перед нами фабрика на ходу. На этой фабрике существуют чернорабочие, затем разные виды квалифицированных рабочих; одни работают на одних машинах, другие—на других; одни — в одних цехах, другие — в других; затем есть мастера, инженеры и т. д. Вот как описывает это Маркс („Капитал“, т. I, собр. сочин. Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 415, издан. 1920 г.): „Существенное различие наблюдается между рабочими, которые

заняты действительно при рабочих машинах (сюда же относятся некоторые рабочие, которые заняты наблюдением за двигательной машиной или ее питанием), и между простыми чернорабочими или помощниками (почти исключительно дети) этих машинных рабочих. К чернорабочим же в большей или меньшей степени относятся и все feeders (которые просто подкладывают под машины материал труда). На ряду с этими главными классами выступает количественно незначительный персонал, который занят наблюдением за всеми машинами и постоянной их починкой, напр., инженеры, механики, столяры и т. д.". Вот вам трудовые отношения между людьми на фабрике. В чем они выражаются прежде всего? В том, что каждый занят „своим делом", но это дело есть лишь часть общего. Это значит, что каждый работник стоит в определенном месте, делает определенные движения, входит в материальное соприкосновение с вещами и другими работниками, тратит определенное количество материальной энергии. Это все материальные, физические отношения. Конечно, все эти физические, материальные отношения сопровождаются своей „духовной" стороной: люди думают, обмениваются мыслями, разговаривают и т. д. Но это определяется тем, как они расставлены в фабричном здании, у каких машин они стоят и проч. Другими словами, они расставлены в фабрике, как определенные физические тела; они находятся поэтому в определенных физических, материальных отношениях во времени и в пространстве. Это и есть материальная трудовая организация работников фабрики, которую Маркс называет „собирательным" или „коллективным рабочим"; перед нами материальная людская трудовая система. Когда эта трудовая система на ходу, происходит процесс материального труда: люди затрачивают энергию, вырабатывают материальный продукт. Это тоже материальный процесс, который тоже имеет свою „духовную" сторону.

То, что имеется в этом нашем примере, т.-е. на фабрике, происходит в более сложном и неизмеримо более обширном размере во всем обществе. Ибо и все общество представляет из себя своеобразный людской трудовой аппарат, где подавляющая масса людей или группа людей занимает

определенное место в трудовом процессе. Возьмем теперешнее общество, которое охватывает все так называемое „культурное человечество“ и даже более широкий круг. Мы видим, что пшеница производится, главным образом, в одних странах, а какао—в других, металлические изделия — в третьих и т. д. А внутри этих стран точно так же: одни фабрики производят один продукт, другие—другой. Те рабочие, крестьяне, колониальные батраки, а равно инженеры, надсмотрщики, мастера, организаторы и проч., которые расставлены по разным уголкам земного шара, разбросаны по разным частям света,—ведь они все фактически, сами того, быть может, не сознавая, работают друг на друга. И когда товарные массы переливаются из страны в страну, с фабрики на рынок, с рынка через торговцев к потребителю,—что это выражает? Это и есть материальная связка между всеми этими людьми. Это и значит, что они составляют материальный остов, скелет, трудовой аппарат *единой* общественной жизни. Когда описывают, скажем, жизнь пчел, не считают ни капли удивительным начинать с того, какие бывают пчелы, какие работы они выполняют, в каких отношениях они находятся друг к другу во времени и пространстве,—словом, описывать материально-трудовой аппарат „пчелиного царства“. И при этом никому не приходит в голову определять пчел в улье, как психическую совокупность, или „духовное содружество“, хотя и говорят об инстинктах и психической жизни пчел, об их „нравах“ и проч. Но помилуйте, как же можно так обижать божественного человека!

Само собою понятно, что психические взаимодействия самого разнообразного свойства у человеческого общества неизмеримо богаче, чем даже у стада высших обезьян. „Дух“ человеческого общества, т.-е. все эти психические взаимодействия, у него настолько же выше „духа“ обезьяньего стада, насколько „дух“ отдельного человека выше „духа“ отдельной обезьяны. Но бесконечно разнообразные, сложные, необычайно богатые, блещущие всеми цветами радуги духовные узоры тех психических взаимодействий, которые составляют „дух“ современного общества, имеют и свое „тело“, без которого они не могут существовать так же, как не может существовать „дух“ отдельного человека без его грешной и

бренной плоти. И этим „телом" является трудовой остов, система материальных отношений между людьми в процессе труда, или, как их называет Маркс, **производственных отношений.**

Глуповатым девицам мещанского свойства, вроде тех, о которых поют:

Что танцуешь, Катенька?
Польку, польку, папенька...

кажется очень „ужасным", если, скажем, „божественный" аромат нарциса объяснять раздражением такой прозаической вещи, как слизистая оболочка носа. На уровне нашей Катеньки, однако, пребывает большинство буржуазных ученых. „Органическую" теорию они еще осмеливаются иногда осмеять. Так, напр., итальянский профессор А. Лориа, обокравший и плохо переваривший Маркса, пишет (А. Лориа: „Социология", СПБ., изд. Общ. Польза, 1903 г., стр. 45): „Немецкий ученый Шеффле дошел прямо до смешного, перечисляя социальные полости, органы, сегменты, двигательные центры, нервы и нервные узлы. Но и остальные социологи этой школы не более умерены: они описывают социальное бедро, социальный главный симпатический нерв, социальные легкие; сосудистая система общества олицетворяется, по их мнению, сберегательными кассами; один сорбоннский профессор назвал духовенство ожиревшей... тканью—...другой социолог сравнивает нервные волокна с телеграфными проводами... Третий пошел так далеко, что различает государства мужские и женские: мужскими... являются государства, подчиняющие себе другие по праву завоевания, тогда как завоеванные государства... суть женские". Все это превосходно. Но посмотрите, как стыдливы становятся буржуазные ученые, даже лучшие, когда они подходят к самой грани материализма в социологии! Проф. Э. Дюркгейм, напр., в своей книге „О разделении труда", после того, как он ввел понятие „моральной плотности" (под этим он понимает частоту и интенсивность психических взаимодействий между людьми), пишет: „Моральная плотность не может возрастать без того, чтобы в то же время не возрастала материальная плотность" („La densité morale ne peut donc s'accroitre sans que la densité matérielle s'accroisse en même temps..."). Что это значит? Это значит, что „духовный оборот" между людьми имеет своим основанием их „материальный оборот", т.-е. густота и частота материальных, физических взаимодействий есть **условие** для соответствующей густоты и частоты их духовных взаимодействий. Это вполне правильно. Но г. Дюркгейм, высказавши эту материалистическую мысль, сейчас же пугается и прячется в кусты: „Впрочем, бесполезно (!!) исследовать, которое из обоих явлений определяет другое: достаточно констатировать, что они неотделимы" (E. Durkheim: „De la division du travail social", Paris. 1893, p. 283). Это почему же „бесполезно"? Да потому, что „совестно" быть в порядочном буржуазном обществе материалистом!

Громадное большинство современных буржуазных социологов рассматривает общество, как некоторую психическую систему, „психический организм“ или что-либо подобное. Это вполне соответствует идеалистическому мировоззрению. Основной недостаток этих теорий состоит в том, что они „дух“ отрывают от „материи“ и поэтому делают этот „дух“ необъяснимым, т.-е обожествляют его. В самом деле. Предположим, что в одном обществе психические взаимодействия— одни, в другом—другие. Например, в России эпохи Николая I царил „дух“ полицейщины, преклонения перед властью царя, любовь к старинному и т. д., а в советской России господствует совершенно иной „дух“, т.-е. психические взаимодействия совершенно переменились. Почему? На этот вопрос психологические теории общества вразумительного ответа дать не смогут. Насколько недостаточными являются эти теории, можно судить, напр., по тому, что даже известный идеалистический философ В. Вундт ясно чувствует эту недостаточность: „...зависимость развития психики от окружающей природы делает неприемлемой фикцией (воображаемой величиной. *Н. Б.*) допущение психологических законов, предшествующих всякому отношению к физической организации и обращающих последнюю разве в средство для достижения своих целей“. („Проблемы психологии народов“, кн-во Космос, 1912, стр. 20). Единственно научным взглядом и здесь будет взгляд материалистический (Маркс говорил о „производственном организме“, см. „Капитал“, т. III, ч. 1, стр. 313).

§ 28. Общество и личность. Примат (первенство) общества над личностью. Не подлежит никакому сомнению, что общество состоит из отдельных людей. Не было бы отдельных людей, не было бы и общества—это понятно и без дальнейших разговоров. Но нужно твердо запомнить, что общество вовсе не есть простая куча людей, их сумма: подсчитал отдельных Иванов и Матрен—и получилось общество. Мы уже видели, что общество есть реальная совокупность, „система“; мы видели, что здесь есть целая сложная сеть взаимодействий между отдельными людьми, самых разнообразных и разнокалиберных. А что это значит? Это значит, что общество, как целое, больше суммы своих частей. Оно вовсе не сводится к этой сумме. Так постоянно бывает с самыми разнообразными системами, будь то живой организм или мертвый механизм. Возьмем, например, какую-нибудь машину или простые часы. Разложим эти вещи на их составные части и сложим эти части в одну кучу. Это будет их сумма. Но это не будет машина, это не будут часы. Почему? Потому, что здесь отсутствует та определенная связь, то определенное взаимодействие частиц, которое

и делает из этих частей определенный механизм. Что делает и частью общего? *Их определенное расположение*. Ровно то же самое получается и в обществе. Общество состоит из людей. Но если бы эти люди в процессе труда не занимали бы в каждое данное время определенного места, если бы они не были *связаны трудовой связью прежде всего*, не было бы и никакого общества.

Здесь нужно отметить еще одно явление, которое мы наблюдаем в обществе. А именно: общество представляет из себя не только взаимодействующих отдельных лиц, прямо и непосредственно влияющих друг на друга: оно представляет из себя и взаимодействующие *группы* людей, другие „реальные совокупности", которые стоят, так сказать, *между* обществом и личностью. Возьмем для примера теперешнее общество. Оно громадно. Оно охватывает почти все человечество, потому что люди самых отдаленных стран связаны уже, и связываются все больше и больше, трудовой связью: существует и развивается *мировое хозяйство*. Но это общество, состоящее из почти полутора миллиарда взаимодействующих людей, связанных *основной* связью (трудовой) и бесчисленными другими связями, содержит внутри себя частичные системы так или иначе объединенных людей: классы, государства, церковные организации, партии и т. д. В других местах книги нам придется говорить об этом подробно. Сейчас же нам важно отметить вот что: внутри общества есть ряд человеческих групп; в свою очередь эти группы, конечно, состоят из отдельных людей; взаимодействия между этими людьми обычно бывают чаще и быстрее „в своем кругу", чем взаимодействия между людьми вообще (немецкий философ и социолог Г. *Зиммель* правильно утверждает, что чем уже круг взаимодействующих людей, тем, вообще говоря, теснее связи между ними); но эти группы приходят в соприкосновение и *между* собою. Таким образом в обществе отдельные люди часто влияют друг на друга не непосредственно, а *через группы, через частные системы внутри одной общей системы*, имя которой—человеческое общество. В самом деле. Представим себе отдельного рабочего в капиталистическом обществе. С кем он чаще всего встречается, говорит, обсуждает разные вопросы и т. д.? Конечно, чаще всего это происходит с рабочими, гораздо реже с ре-

месленниками, или крестьянами, или с буржуа. Тут видна классовая спайка, классовая связь. И с другими классами этот рабочий приходит очень часто в соприкосновение не просто как отдельная личность, „индивидуум“, а как член класса, а иногда и член сознательно построенной организации—партии, профессионального союза и т. д. Похожая история разыгрывается и по отношению к другим группировкам, кроме классовых: ученые чаще встречаются с учеными, журналисты — с журналистами, попы с попами. и т. д.

В области материальной мы знаем, что общество не есть куча людей, что оно больше простой суммы, что соединение людей и их определенная „расстановка“ (Маркс выражался: их „распределение“, „Distribution“) в трудовом процессе дает нечто новое и большее, чем „сумма“ и „куча“. Но то же самое происходит и в области психической („духовной“) жизни, которая играет громаднейшую роль. Мы проводили несколько раз пример, как из оценок отдельных лиц складывается цена. Цена есть общественное явление, общественная „результанта“, продукт взаимодействия людей. Есть ли цена средняя оценка? Нет. Есть ли цена нечто похожее на отдельную оценку? Тоже не совсем. Потому что отдельная оценка это дело личное, это касается одного человека, оно „живет в его душе“, и только в его душе, а цена есть нечто, что давит на каждого; это есть нечто независимое, с чем нужно считаться, нечто объективное, хотя и нематериильное (смотри гл. II этой книги); цена, другими словами, есть нечто новое и живущее своей собственной, общественной жизнью и даже независимое от отдельных людей, хотя оно и „делается“ людьми. То же происходит и с остальными проявлениями психической („духовной“) жизни. И язык, и политическое устройство, и наука, и искусство, и религия, и философия, и целый ряд более мелких явлений и частностей, вроде моды, обычаев, „правил приличия“ и т. д. и т. п.,—все это продукты общественной жизни, результат взаимодействия людей, их непрестанного общения друг с другом.

Точно так же, как общество не есть простая сумма людей, точно так же и духовная жизнь общества не есть простая сумма идей и чувств отдельных людей, а это есть продукт их общения,

нечто до известной степени **особое**, новое, что не может быть просто сведено к арифметическим слагаемым,—новое, что возникает именно из **взаимодействия** людей.

В сущности, этим объясняется и необходимость в особых общественных науках. Вундт совершенно правильно замечает, что „совместная жизнь многих одинаковых по организации индивидуумов и вытекающее из этой жизни взаимодействие их между собою должны, как вновь привходящее условие, порождать и новые явления с своеобразными законами“ („Пробл. псих. народов“, стр. 14).

Отдельный человек немыслим **вне** общества, **без** общества, **помимо** него. Ни в коем случае нельзя себе общество представлять на такой манер, что есть отдельные люди в их, так сказать, „натуральном естестве“, а потом эти изолированные, отдельные люди сходятся, соединяются и образуют общество. Это представление было когда-то довольно распространено. Но оно совершенно неверно ни с какой стороны. Если мы проследим, как шло развитие человеческого общества, то увидим, что оно образовалось из **стада**, а вовсе не из отдельных человекообразных существ, живших в совсем разных местах, которые вдруг, в один прекрасный день, будто бы поняли, что им **выгоднее** (какие умные дикари!) жить вместе и, удачно убеждая друг друга на митингах, стали соединяться в общества. „Исходным пунктом (науки. *Н. Б.*),—писал К. Маркс,—являются индивидуумы (отдельные лица), производящие в обществе, а отсюда общественно обусловленное производство индивидуумов. Отдельный и изолированный охотник и рыбак... принадлежат к лишенным фантазии измышлениям XVIII столетия... **Производство изолированных отдельных лиц вне общества... есть такая же дичь** (бессмыслица, Unding), **как развитие языка без вместе живущих и говорящих друг с другом людей**“ (K. Marx: „Einleitung zu einer Kritik der polit. Oekonomie“, S. XIII).

Особенно ярко учение об отдельном человеке, который соединяется с другими, выразилось в сочинении Ж.-Ж. Руссо „Общественный договор“ („Contrat social“, появился в 1762 г.): Человек рождается свободным, в „естественном“ состоянии. Чтобы гарантировать свою свободу, он вступает в сношение с другими, и на основе „социального договора“ создается общество-государство (Руссо не отличает государства от общества). „Общественный договор,—пишет Руссо (кн. II, гл. 5),—имеет своею целью поддержание тех, которые его заключают“. По сути

дела, у Руссо исследуется не действительное происхождение общества или государства, а то, как с точки зрения „разума“ нужно мыслить общество, т.-е. как *нужно* строить порядочное общество. Кто нарушил „договор“, тот подлежит наказанию. Если короли употребляют во зло свою силу, их нужно смести,—таков был вывод. Вот почему, несмотря на абсолютную неправильность взглядов Руссо, его учение сыграло в высшей степени революционную роль во время Великой французской революции.

Общественные свойства человека могли развиться только в обществе. Смешно предполагать, что человек (да еще дикий) познал пользу общества, никогда этого общества не видев. Это, действительно, то же самое, что развитие языка у неразговаривающих и разбросанных по разным местам людей. На самом деле человек всегда был, по выражению Аристотеля, „общественным животным“, т.-е. животным, жившим в обществе и никогда вне общества. Нельзя представить себе дело таким образом, что человеческое общество „основывалось“ (так дело мог представить себе легче всего какой-нибудь купец, основывавший общество на паях и думавший, что и человеческое общество возникало, примерно, на такой же манер). В действительности оно существовало все время, как существовал человек, и человека *не было* вне общества. Человек—общественное животное „*по природе*“; его „природа“ есть *общественная* природа и меняется вместе с обществом; именно „по природе“, а не по договору или соглашению люди живут в обществе.

Если человек постоянно жил в обществе, т.-е., если он постоянно был общественным человеком, это значит, что отдельная личность имела постоянно своей *средой* общество. А раз общество было всегда средой для отдельной личности, то не трудно понять, что эта среда и определяла собой отдельную личность: одно общество, одна среда—и личности вырастают одни; другое общество, другая среда—и личность развивается по другому: „с кем поведешься, от того и наберешься“.

Тут возникает один вопрос, о котором велись и ведутся бесконечные споры, а именно вопрос о *роли личности в истории*.

Этот вопрос, однако, вовсе не настолько труден, как это кажется. Играет ли личность какую-либо роль или она ничего не значит в потоке событий? Есть ли она абсолютный нуль

или она кое-что „может“? Понятно, что если общество состоит из личностей, то действия любой личности влияют на общественное событие. Значит, личность играет „роль“; значит, действия, чувства, желания любовь человека входят, как составная часть, в общественное явление. „Люди делают историю“. А так как „люди“ состоят из отдельных людей, то ясно, что отдельный человек вовсе не нуль, а некоторая сила. Из переплетения, из взаимодействия этих сил и образуется, как мы знаем, общественное явление.

Далее. Если отдельный человек влияет на общество, то нельзя ли узнать, чем же определяются воздействия этого отдельного человека? Можно. Мы отлично знаем, что воля человека не свободна, что она определяется внешними условиями. А так как внешние условия для отдельного человека это — общественные условия (условия жизни семьи, группы, данной профессии, класса, положение всего общества в данный момент), то, следовательно, его воля определяется внешними условиями: из них он черпает мотивы своей деятельности. Например, солдат русской армии в эпоху Керенского видел, что его крестьянское хозяйство раззоряется, что жизнь становится хуже, что войне конца края не видно, что капиталисты наживаются, что земли крестьянам не дают. Отсюда у него рождались мотивы деятельности: прикончить войну, забрать землю, а для этого скинуть правительство. Следовательно, общественная обстановка определяет мотивы деятельности.

Эта же обстановка ставит пределы осуществимости тех или иных целей, которые есть у отдельного лица. Милюков в 1917 г. хотел укрепить влияние буржуазии и опереться на союзников, но этот номер не прошел: обстановка сложилась так, что у Милюкова ничего не вышло и не могло выйти.

Далее, если мы рассматриваем отдельную личность в ее развитии, то мы видим, что, в сущности, она, как шкурка от колбасы, набита влияниями среды. Человек „воспитывается“ в семье, на улице, в школе. Говорит на языке, который есть продукт общественного развития, думает понятиями, которые выработал ряд предыдущих поколений, видит вокруг себя других людей со всем их бытом; на глазах у него весь распорядок жизни, который ежесекундно на него влияет. Он, как губка,

всасывает в себя новые и новые впечатления. На этом он и „образуется“, как личность. Значит, по сути дела в каждой личности вложено общественное содержание. Сама отдельная личность—это точно сгусток сжатых общественных влияний, завязанных в маленький узелок.

Наконец, нужно отметить еще одно обстоятельство. Часто роль личности довольно велика в силу особого места и особой работы, которую она выполняет. Возьмем, например, армию и ее генеральный штаб. Генеральный штаб состоит всего из нескольких лиц, тогда как армия насчитывает сотни тысяч, а иногда и миллионы людей. И тем не менее всякий видит, что значение нескольких лиц (генерального штаба) во много раз превышает значение такого же числа лиц из армии (солдат или офицеров). Если неприятелю удается взять в плен генеральный штаб, это, при некоторых условиях, может означать поражение всей армии. Таким образом, значение этих лиц довольно велико. Однако приглядимся ближе к делу. Что означал бы генеральный штаб без телефонной связи, без рапортов без донесений, без карт, без возможности отдавать приказы, без армейской дисциплины и т. д.? Ровно ничего. Люди из генерального штаба были бы почти такими же, как и все остальные. В чем же их сила, в чем их значение? Что эту силу и это значение создает? Ее создает та особая общественная связь, та организация, среди которой эти люди работают. Конечно, они должны быть способны выполнять свои функции (иметь достаточное образование или природные способности, развившиеся на опыте, как это было со многими генералами Наполеона или командирами нашей Красной армии). Но вне этой особой связи они теряют свою силу. Что же все это означает в нашем примере? То, что возможность сильного влияния на армию со стороны генерального штаба дается самой армией, ее строем, ее распорядком, всей совокупностью взаимодействий, которые здесь складываются.

Примерно то же происходит и в обществе. Возьмите хотя бы политических вождей. Роль их, конечно, неизмеримо больше, чем роль среднего человека данного класса и данной партии. Конечно, чтобы быть политическим вождем, нужно иметь со-

ответствующие способности, ум, опыт и проч. Но ясно, что без соответствующих организаций (партий, союзов, их своеобразного подхода к массам и т. д.) „вожди“ не могли бы играть такой роли. Сила социальных связей дает силу и отдельным выдающимся лицам. Не иначе дело обстоит и в других случаях, когда речь идет об изобретателях, ученых и т. д. Они могут „развернуться“ лишь при определенных условиях. Предположим, что талантливый от природы изобретатель-техник не мог „пробиться“: не учился, не читал, вынужден был заниматься совсем другим делом, скажем, торговать тряпьем. Его „талант“ заглох бы: никто даже о нем и не узнает. Как полководец не мыслим вне армии, так и изобретатель-техник не мыслим вне машин, аппаратов и соответствующих людей. И, наоборот, если бы нашему тряпичнику удалось „пробиться в люди“, т.-е. стать на определенное место в системе социальных связей, он, быть может, стал бы Эдиссоном № 2. Таких примеров можно было бы привести великое множество. Само собой разумеется, что во всех этих случаях общество влияет еще и так, что „развернуться“ можно лишь на том, в чем ощущается общественная (классовая, групповая, общая) потребность.

Итак, общественные связи сами дают силу отдельной личности,—вот вывод из вышеприведенных примеров.

Эта точка зрения с трудом пробивала себе дорогу. Причины прекрасно выяснены тов. М. Н. Покровским („Очерк истории русской культуры“, часть I, изд. т-ва „Мир“, стр. 3). „Историк, по своему личному положению, человек умственного труда, интеллигент—это, во-первых; а затем, если переходить к признакам более частным, он человек труда письменного, литератор. Что могло быть естественнее для него, как принять умственный труд за главное в истории, а произведения письменности, от стихов и романов до философских трактатов и научных исследований, за основные культурные факты?.. Но этого мало: людьми умственного труда—и это тоже было довольно естественно—овладела та же гордыня, которая диктовала фараонам их хвалебные надписи. Им стало казаться, что это они делают историю“. Сюда нужно добавить лишь, что такая профессиональная точка зрения вполне совпадала с классовой точкой зрения господствовавших классов меньшинства, которое командует громадным большинством. Не трудно видеть, что это выделение и превознесение руководителей—прежде всего царей, князей и т. д., а затем так называемых гениев—сродни религиозной точке зрения, ибо здесь не видят социальной, обществен-

ной силы, которую общество вливает в личность, а вместо этой социальной силы видят ничем необъяснимую, т.-е. по сути дела „божественную“, силу самой личности. Это прекрасно выражено русским философом В. С. Соловьевым („Оправдание добра“, гл. IV; цит. по Хвостову: „Теория исторического процесса“, 1919, стр. 291—292): „Провиденциальные люди, приобщившие нас к высшей религии и человеческому просвещению, не были первоначально созидателями этих благ. То, что они нам дали, они сами приняли от прежних всемирно-исторических гениев, героев и подвижников, на которых и мы должны распространить свою благодарную память. Мы должны с наибольшей полнотой восстановить всю вереницу и духовных своих предков,—людей, через которых Провидение двигало человечество по пути к совершенству... В этих „избранных сосудах“ почитается и то, что Он (Отец небесный) вложил в них; в этих видимых образах невидимого Божества познается и прославляется Оно само“. Возражать против этой галиматьи особо не приходится. Она достаточно говорит сама за себя.

Из вышесказанного следует, что „личность“ всегда действует, как общественная личность, как член, составная часть группы, класса, общества. „Личность“ всегда заполнена общественным содержанием, а потому, чтобы понять развитие общества, нужно итти от рассмотрения общественных условий и от них переходить, если это нужно, к личности, а не наоборот. Из общественных отношений—из рассмотрения условий всей общественной жизни, жизни класса, профессиональной группы, семьи, школы и т. д.—мы можем объяснить более или менее развитие личности; а из развития „личности“ мы отнюдь не сможем объяснить развития общества. Потому что каждое отдельное лицо, что-либо делающее, прежде всего считается с тем, что уже сложилось в обществе. Напр., покупатель идет на рынок покупать сапоги или хлеб. Как он их оценивает? Да он заранее прикидывает, приспособляет свою личную оценку к той цене, которая уже есть или была на рынке. Изобретатель выдумывает какую-нибудь новую машину. Тогда он заранее исходит из того, что уже есть: из уже имеющейся техники, из уже имеющейся науки, из тех вопросов, которые поставлены этой наукой, из тех требований, которые выдвигаются практической работой, и так далее. Словом, если мы будем стараться, как это делают некоторые буржуазные ученые, объяснять общественные явления из явлений личных (индивидуально-психологических), тогда у нас получится не объяснение, а чехарда:

общественное явление (скажем, цена) мы будем пробовать объяснить личным (скажем, той оценкой, которую дает товару Сидор Карпыч или Петр Петрович), а эту оценку нам придется объяснить той ценой, к которой приноравливались Сидор Карпыч и Петр Петрович. Что же получается из такого объяснения? „Земля на китах. А киты на воде. А вода на земле". И это обязательно будет получаться всякий раз, как мы захотим из личностей и их поведения вывести общество. Значит, необходимо итти от общества. Это понятно. Ибо, как мы видели, из общественной среды черпает личность свои мотивы, в общественной среде и условиях ее развития она имеет границы своей деятельности, общественными условиями определяется ее роль и т. д. Общество первенствует над личностью. Или, как говорят на ученом жаргоне, существует примат (первенство) общества над личностью.

§ 29. **Образующиеся общества.** Из того обстоятельства, что человек, поскольку он является человеком, постоянно существовал в обществе, вовсе не следует, что не могли образоваться новые общества или расти старые.

Предположим, что в определенное время на земном шаре гнездами сидят в разных местах различные человеческие объединения. Предположим далее, что эти человеческие объединения не вступают между собой ни в какую связь: они разделены горами, реками и морями и не достигли еще такой степени „культурного развития", чтобы преодолевать эти препятствия. Если и случается им соприкасаться друг с другом, то это бывает очень редко и происходит нерегулярно: о прочной связи и говорить не приходится.

Имеем ли мы в данном случае единое большое общество, обнимающее наличные объединения людей? Нет, не имеем. Здесь налицо не одно общество, а столько их, сколько существует объединений. Почему? Потому, что основой общества, главнейшим его признаком является прочная трудовая связь, „производственные отношения", составляющие костяк, скелет всего общественного тела. В данном примере этой связи между объединениями нет; значит, нет и единого общества, а есть разные общества, имеющие каждое свою собственную историю.

Когда здесь говорят о „людях", то их можно объединять не в одно общество, а объединять их, как людей, в отличие

от других животных; или, другими словами: их можно рассматривать, как нечто единое („люди“) с биологической же точки зрения, то-есть как один и тот же биологический вид (не блохи, не жирафы, не слоны, а один вид: люди); с точки же зрения общественной науки, с точки зрения социологии, здесь единства, единого общества не будет. Один животный вид, а несколько обществ. Для биологического единства нужно, чтобы данные животные имели то же строение, те же органы и проч. Для социологического единства нужно, чтобы эти животные-люди вместе работали в той или другой форме. Не параллельно, не просто одновременно, а совместно.

Правда, многие оспаривают факт замкнутости обществ. Так, напр., проф. Виппер пишет („Новые горизонты в исторической науке“, „Совр. Мир“, 1906 г., ноябрь): „Полной замкнутости, чистого натурального хозяйства, может быть, никогда не было с первых шагов культуры. Искони существовали торговые сношения, колонизации и передвижения, пропаганда. Без сомнения, на местах шла и самостоятельная работа, многое достигнуто одновременно в разных географических рамках и условиях самобытными усилиями, но, может быть, еще чаще следующая ступень развития бралась скачком, в виде преждевременного урока, грубо и несовершенно воспринятого, но все-таки взятого с чужого голоса и потом разученного“. Но если даже никогда не было абсолютной („полной) замкнутости, то все же не подлежит никакому сомнению, что меновая связь была между разными человеческими обществами крайне слабенькой. Ну, какая же прочная связь была, скажем, у европейских народов до колумбова открытия с Америкой? Да и между европейскими народами, скажем, в средине века, связь была очень слаба. Следовательно, нельзя в этих случаях говорить о едином человеческом обществе; человечество было тогда не что иное, как биологическое единство, не более.

Предположим теперь, что между нашими обществами начинаются сперва военные соприкосновения, затем торговые сношения. Эти торговые сношения становятся все прочнее и прочнее; наконец, наступает такое время, когда одно общество не может жить без другого: одни производят, главным образом, одно, другие—другое; этими продуктами меняются и таким

образом работают друг на друга, при чем эта работа носит не случайный, а регулярный, необходимый для существования обоих „обществ“ характер. Что тогда? Тогда мы имеем уже единое общество большего размера. Оно образовалось из слияния прежде раздельных обществ.

Может быть, однако, и обратный процесс. При определенных условиях общество может распасться на несколько обществ (это бывает в условиях упадка).

Что отсюда вытекает? Отсюда вытекает то, что и общество не есть нечто застывшее и от века данное. Мы можем наблюдать и процесс образования общества. Такой процесс мы, например, наблюдали во вторую половину XIX и в начале XX века. Разными путями (через колониальные войны, рост обмена, ввоза и вывоза капитала, через движение населения из страны в страну и тому подобное) между странами устанавливалась все более и более тесная взаимозависимость. Все страны связывались прочной (не случайной) хозяйственной связью, т.-е. в конечном счете связью трудовой. Выростало мировое хозяйство, рос мировой капитализм, все частички которого воздействовали друг на друга. А вместе с международным движением вещей и людей, товаров, капитала, рабочих, купцов, инженеров, коммивояжеров и т. д. хлынул из страны в страну гигантский поток идей — научных, художественных, философских, религиозных, политических, — каких угодно. Мировой материальный оборот повлек за собой и мировой духовный оборот. Стало возникать единое человеческое общество, имеющее единую историю.

Литература к IV главе: К. Маркс: К критике политической экономии. Он же: Einleitung zu einer Kritik der pol. Oekenomie. Он же: Капитал, т. I. Ф. Энгельс: Анти-Дюринг. Он же: Людвиг Фейербах. Г. Кунов: Социология, этнология и материалистическое понимание истории. Изд. 1906 г. Он же: Die Marxsche Geschichts-Gesellschafts und Staatstheorie. Grundzüge der Marxschen Soziologie. Band I. 1920, Berlin (не переведено на русский). Плеханов: За 20 лет. Н. Бухарин: Политическая экономия рантье.

Из противников материалистического понимания истории достаточно прочесть Кареева: Старые и новые этюды об экономическом материализме.

Об установлении производственных отношений см. нашу работу: Мировое хозяйство и империализм.

ГЛАВА V.

Равновесие между обществом и природой.

§ 30. Природа, как среда для общества. § 31. Соотношение между ними; процесс производства и воспроизводства. § 32. Производительные силы. Производительные силы, как показатель соотношения между природой и обществом. § 33. Равновесие между природой и обществом, его нарушения и восстановления. § 34. Производительные силы, как исходный пункт социологического анализа.

§ 30. Природа, как среда для общества. Если мы рассматриваем общество, как систему, то *средой* для нее будет „внешняя природа“, т.-е. в первую очередь наша земная планета со всеми ее натуральными (естественными) свойствами. Вне этой среды человеческое общество немыслимо. Природа является и *питательной* средой для человеческого общества. Этим определяется ее жизненное значение. Но, разумеется, было бы глупо рассматривать природу телеологически: человек, мол,—царь природы, природа приуготована для него, и все приспособлено для человеческих потребностей. На самом деле природа часто обрушивается на человека так, что от „царя природы“ остается мокренько. И только в процессе долгой и суровой борьбы с природой человек начинает накладывать на нее свою железную узду.

Однако, человек, как животный вид, и человеческое общество сами являются продуктами природы, частью этого огромного бесконечного целого. Человек никогда не будет в состоянии выпрыгнуть из природы. И даже тогда, когда человек покоряет природу, он не делает ничего большего, как использует законы *природы* в своих целях. Понятно поэтому, какое влияние

должна иметь природа на все развитие человеческого общества. Прежде, чем приступить к изучению тех отношений, которые складываются между природой и человеком, а также и тех форм, в которых природа воздействует на человеческое общество, мы должны посмотреть, какими сторонами природа, так сказать, задевает человека больше всего. Стоит только посмотреть вокруг нас, чтобы увидеть зависимость общества от природы: „Земля (с экономической точки зрения к ней относится и вода), первоначально снабжающая человека пищей, готовыми средствами существования, существует без всякого содействия с его стороны, как всеобщий предмет человеческого труда. Все вещи, которые труду остается лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда. Напр., рыба, которую ловят..., дерево, которое рубят в первобытном лесу, руда, которую выламывают из жилы... Являясь первоначальной кладовой его (т.-е. человека) пищи, земля является также и первоначальным арсеналом его средств труда. Она доставляет ему, напр., камень, которым он пользуется для того, чтобы метать, производить трение, давить, резать и т. д." (К. Маркс: „Капитал", т. I, стр. 155, популярное изд. М. 1910.) Природа является непосредственно предметом труда в добывающей промышленности (горное дело, охота, отчасти земледелие и т. д.). Другими словами, она определяет сырой материал, извлекаемый для дальнейшей переработки и ряд средств существования. При всем этом человек, как мы уже сказали, использует законы природы в борьбе с природой. „Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами тел для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить их, как силы, действовать на другие тела". Человек использует силу пара, электричества и т. д., притяжение тел к земле (законы падения тел) и проч., и проч. Раз так, то понятно, что состояние природы в данном месте и в данном времени не могут не воздействовать на человеческое общество. Климат (количество влаги, ветры, температура и т. д.), устройство поверхности (горы или долины, распределение воды, характер рек, наличность металлов, минералов, всяких горных пород), характер берега (если местность приморская), распределение между сушей и водой, наличность определенных животных и растений и т. д. и т. п. — вот глав-

ные стороны, влияющие на человеческое общество. На суше нельзя заниматься китоловством и рыболовством. В горах не позанимаешься, как следует, земледелием; в пустыне нельзя вести лесного хозяйства; в холодных странах невозможно жить зимой в шатрах; в жарких—нечего топить хаты; где нет металлов в земле, они не свалятся с потолка и их из пальца не высосешь. и т. д.

Более подробно рассматривая влияние природы, мы приходим к таким результатам:

Распределение суши и моря. Вообще говоря, человек— животное сухопутное. Море действует двояко: во-первых, оно разделяет. Поэтому очень часто море служило естественной границей; с другой стороны, на определенной ступени развития море, наоборот, становится наиболее удобной дорогой. Берега влияют, главным образом, в зависимости от того, насколько удобны или неудобны они для гаваней. Даже большинство современных гаваней основано применительно к естественным удобствам берега, за очень немногими исключениями (напр., Шербург). Поверхность земли, действуя через мир животных и растений, действует и непосредственно, хотя и различно, в зависимости от степени культурного развития, главным образом, в силу влияния на пути сообщения (тропинки, дороги, железные дороги, туннели и т. д.). Каменистые породы и минералы. В зависимости от породы строятся здания; в горных местностях преобладают твердые породы (гранит, порфир, базальт, шифер и т. д.); в долинах—более мягкий грунт. Что касается минералов и металлов, то их значение возросло именно в последнее время (железо, уголь). Некоторые минералы были важнейшей причиной переселений и колонизации (олово привлекало финикийцев на север, золото манило их в Южную Африку и Ост-Индию; золото и серебро привлекли испанцев в Америку и т. д.). В зависимости от месторождений угля и железа располагается теперь крупная тяжелая индустрия. Свойства почвы определяют прежде всего растительный мир вместе с климатом. Материковые воды. Прежде всего вода имеет значение, как питьевая вода (ср. ее „драгоценность“ в пустыне); затем идет ее значение для сельского хозяйства (в зависимости от ее количества почву приходится или осушать, или орошать); известно, какое значение имели для сельского хозяйства разливы крупных рек (Нила, Ганга и проч.) и какое влияние оказало это на культуру египтян и индусов; далее, вода имеет большое значение в качестве механической двигательной силы (водяные мельницы—одно из стариннейших изобретений; отсюда рост городов около таких мест; в новейшее время достаточным примером может служить использование воды для электрификации, так называемый „белый уголь“, что очень широко практикуется в Америке, Германии, Швейцарии, Норвегии, Швеции и Италии); наконец следует от-

метить значение водной системы для путей сообщения (некоторые ученые приписывают этому факту огромное значение). Климат воздействует на людей, главным образом, через свое влияние на производство. В области сельского хозяйства от климата зависит выбор того или иного сорта растений; климат определяет также и длительность сельско-хозяйственного сезона (напр., у нас в России этот сезон очень короток, в то время, как в некоторых местах на юге этот сезон длится почти целый год); тем самым климат влияет и на промышленность, высвобождая рабочие руки и проч. Для транспорта климат тоже играет большое значение (санный путь зимой; замерзающие или незамерзающие порты, реки и т. д.). Холодный климат требует большего количества труда на пищу, одежду, жилище, искусственное отопление и проч.; на севере больше проводят времени в домах, на юге—под открытым небом. Растительный мир воздействует различным образом. На низших ступенях культуры от характера лесов зависели дороги („непроходимые леса"); лесом определяется характер построек, топлива и проч.; от свойств растительности (леса или степи) зависят охота, земледелие, тот или иной вид земледелия; то же и со скотоводством. Животный мир для первобытных народов был крупной враждебной силой, вообще служил источником пищи, поэтому—предмет охоты и рыболовства; позднее им определилось приручение животных,—отсюда влияние и на производство, и на транспорт (вьючный скот). Море, как условие транспорта, играло и играет крупную роль. Сношения и перевозка грузов гораздо дешевле морским путем; море представляет, кроме того, поле для ряда производственных отраслей (рыболовство, китоловство, охота на тюленей и проч.). См. A. Hettner: „Die geographischen Bedingungen der menschlichen Wirtschaft" в „Grundriss der Sozialökonomik" von Gottl-Herkner etc., Tübingen, 1914). Влияние климатических условий иллюстрируется следующим: основываясь на карте годичных средних температур (так называемых изотермических линий), „можно заметить, что самые значительные в мире скопления населения сгруппированы между двумя крайними изотермическими линиями в+16⁰ и+4⁰. Изотерма (линия средней годовой температуры. *Н. Б.*) в+10⁰ с достаточной точностью определяет центральную ось этого климатического и культурного пояса; на ней сгруппированы богатейшие и многолюднейшие города мира: Чикаго, Нью-Иорк, Филадельфия, Лондон, Вена, Одесса, Пекин. На изотерме + 16⁰ лежат: Сан-Луи, Лиссабон, Рим, Константинополь, Охозака, Киото, Токио. На изотерме +4⁰: Квебек, Христиания, Стокгольм, Петербург, Москва. К югу от изотермы в + 16⁰, в виде исключения, рассеяно несколько городов с населением более чем в 100.000 ч. (Мехико, Новый Орлеан, Каир, Александрия, Тегеран, Калькутта, Бомбей, Мадрас, Кантон.) Северная граница или изотерма + 4⁰ носит более абсолютный характер; к северу от нее нет значительных городов, кроме Винипега (Канада) и административных центров Сибири"... (Л. И. Мечников: „Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ". Перев. М. Д. Гродецкого, СПБ. 1898, стр 38—39).

§ 31. Соотношение между обществом и природой. Процесс производства и воспроизводства. Мы знаем уже, что когда речь идет о системе, то причины изменений этой системы нужно искать в с о о т н о ш е н и и е е с о с р е д о й. Мы точно так же знаем, что даже самые основные линии развития (прогресс, застой или разрушение системы) зависят именно от того, в каком соотношении данная система находится со своей средой. В изменении этого соотношения и нужно искать, таким образом, причину, вызывающую изменение самой системы. Где же нужно искать постоянно изменяющихся соотношений между обществом и природой?

Мы уже видели раньше, что эти меняющиеся соотношения лежат в области о б щ е с т в е н н о г о т р у д а. В самом деле, в чем выражается процесс приспособления человеческого общества к природе? Или, другими словами, в чем заключается состояние подвижного равновесия между обществом и природой?

Человеческое общество, поскольку оно существует, должно перекачивать материальную энергию из внешней природы. Без этой перекачки оно не может существовать. Оно приспособляется к природе тем лучше, чем больше оно перекачивает (и усваивает) энергию из этой природы; только тогда, когда это количество возрастает, мы имеем развитие общества. Предположим, например, что в один прекрасный день остановятся все предприятия, замрут все работы—на фабриках, на заводах, в шахтах, на железных дорогах, в лесах и на полях, на суше и на воде. Общество не смогло бы продержаться ни единой недели, потому что даже для того, чтобы существовать на старые запасы, необходимо их перевозить, разгружать, распределять. „Всякий ребенок знает, что любая нация погибла бы с голода, если бы она приостановила работу, не говорю уже на год, а хотя бы на несколько недель“ (К. М а р к с: „Письмо к Кугельману“, СПБ. 1907, стр. 43). Люди возделывают землю, получают пшеницу, рожь, маис; они разводят и пасут животных; они возделывают хлопок, коноплю и лен; они рубят леса, добывают в каменоломнях камень и, таким образом, удовлетворяют свои потребности в пище, одежде, жилище. Они выкапывают из глубины земли уголь и железную руду и строят стальные машины, при помощи которых вгрызаются в природу по разным направлениям, превращая всю землю в гигантскую

мастерскую, где люди стучат молотками, стоят за станком, копаются под землей, следят за плавным ходом громадных, чудовищных машин, прорезают горы туннелями, пересекают на гигантских кораблях океаны, перевозят тяжести по воздуху, опутывают землю сетью рельсов, прокладывают по дну моря кабели—и везде, повсюду, начиная с шумных городов-спрутов и кончая медвежьими уголками земного шара, суетятся, как муравьи, добывая себе „хлеб насущный", приспособляясь к природе и приспособляя эту природу себе. Одна часть природы—среда, то, что мы называем здесь внешней природой, противостоит другой части—человеческому обществу. И формой соприкосновения этих двух частей единого целого является процесс человеческого труда. „Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обусловливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит, как сила природы" („Капитал", т. I, стр. 153). Непосредственное соприкосновение общества с природой, т.-е. перекачивание энергии из природы, есть материальный процесс. „Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он (человек. *Н. Б.*) приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки и ноги, голову и пальцы" (там же). Этот материальный процесс „обмена веществ" между обществом и природой и является основным соотношением между средой и системой, между „внешними условиями" и человеческим обществом.

Для того, чтобы общество продолжало существовать, необходимо, чтобы процесс производства постоянно возобновлялся. Предположим, что к такому-то времени произведено было столько-то пшеницы, сапог, рубашек и т. д. и что за этот же период все это съедено, сношено, потреблено. Ясно, что производство должно было своевременно начать новый круг движения. Оно должно постоянно повторяться, один круг должен зацепляться и следовать за другим. Процесс производства, рассматриваемый с точки зрения повторения этих кружков (или, как говорят, производственных циклов), называется процессом воспроизводства. Чтобы процесс воспроизводства совершался, необходимо, чтобы производились все ма-

териальные его условия. Например: для производства ткани нужны теперь ткацкие станки, для ткацких станков нужна сталь, для стали нужны железная руда и уголь, для перевозки последних нужны железные дороги, следовательно, рельсы, паровозы и проч., а также шоссейные дороги, пароходы и т. д.; нужны склады, фабричные здания и проч. Словом, нужен целый длинный ряд материальных продуктов самого разнообразного свойства. Нетрудно видеть, что эти материальные продукты—одни быстро, другие не так быстро—исчезают в процессе производства: пища, которую получают ткачи, съедается; ткацкие станки снашиваются; складочные здания стареют и требуют ремонта; паровозы начинают болеть; шпалы и рельсы портятся. Значит, необходимым условием воспроизводства является постоянная замена (путем производства) сношенных, потребленных, исчезнувших вещей во всем их материальном разнообразии. В каждый данный момент человеческое общество нуждается для продолжения процесса воспроизводства в определенном количестве пищи, строений, продуктов добывающей промышленности, продуктов обрабатывающей промышленности, составных частей транспорта и т. д. Все эти вещи должны быть произведены, если общество не будет понижать своего жизненного уровня, начиная с пшеницы и ржи, угля и стали и кончая микроскопами или выделкой мела для школ, книжными переплетами, или газетной бумагой. Ибо все эти вещи входят в материальный оборот общества, являются материальными составными частями общего процесса воспроизводства.

Таким образом, „обмен веществ" между обществом и природой мы рассматриваем, как материальный процесс. Он есть материальный процесс, ибо он имеет дело с материальными вещами (предмет труда, средства труда и продукт, который получается в результате,—все это здесь материальные вещи); с другой стороны, сам процесс труда есть трата физиологической энергии (нервов, мускулов и т. д.), которая материально проявляется в физических движениях работающих людей. „Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата, продукта, то средства труда и предмет труда, то и другое, являются средствами производства, а самый труд—производительным трудом" („Капитал", т. I, стр. 157).

Материальный характер производительного труда в стыдливой форме признают и буржуазные профессора, когда им приходится заниматься „по специальности". Так, напр., проф. Геркнер пишет (H. Herkner: „Arbeit und Arbeitsteilung" в цитир. Grundriss'e, стр. 170 II тома): „Если желают выяснить сущность труда, то необходимо принять во внимание два ряда явлений... Во-первых, физический (körperliche) труд проявляется в определенных внешних движениях. Напр., левая рука кузнеца берет щипцами раскаленный кусок железа и кладет его на наковальню, в то время, как правая рука формует предмет труда ударами молота... Здесь можно установить число, вид и величину трудовых результатов... Здесь можно описать весь трудовой процесс и т. д. Это Геркнер называет трудом „в объективном смысле". С другой стороны, можно рассматривать тот же процесс с точки зрения тех мыслей и чувств, которые разыгрываются у работающего. Это будет рассмотрением „труда в субъективном смысле". Так как мы ищем соотношения между обществом и природой и так как это соотношение выражается как раз в объективном (материальном) труде, то мы можем сейчас оставить без всякого внимания „субъективную" сторону этого процесса. Итак, здесь важно исследовать материальное производство всех необходимых для процесса воспроизводства материальных элементов (составных частей вещей).

Однако из того, что, например, измерительные приборы суть материальные вещи, и их производство принадлежит к материальному производству, необходимому для процесса воспроизводства, вовсе не следует, как это имеет место у Каутского („Neue Zeit", 15. Jahrg., I B., S. 223; по-русски в сборнике „Исторический материализм") и у Кунова („Produktionsveise und Produktionsverhältnisse nach Marxscher Auffasung", „N. Z.", Jahrg. 39, Band I, S. 408), что математика и математические занятия сами принадлежат к производству на том основании, что они нужны для этого производства. Однако, если бы все люди внезапно онемели, а других способов общения, кроме исчезнувшей речи, сразу бы не оказалось, ясно, что производство тоже остановилось бы. Таким образом, и язык „нужен" для воспроизводства, как очень и очень многое в любом обществе. Но зачислять язык в производство было бы смешно. Нас здесь ни капли не должен интересовать и другой, якобы „мучительный" вопрос: что раньше: курица или яйцо, общество или производство? Этот вопрос бессмыслен. Общество немыслимо без производства, а производство немыслимо без общества. Важно вот что: правда или неправда, что изменение системы обусловливается изменением между нею и внешней средой? Если да, то следующий вопрос таков: в чем нужно искать этого изменения когда речь идеть об обществе? Ответ: в материальном труде При такой постановке вопроса отпадает большинство „глубокомысленных" возражений против исторического материализма и становится ясным, что „причины всех причин" в общественном развитии нужно искать именно здесь. Об этом будет речь итти и ниже.

„Обмен веществ“ между человеком и природой состоит, как мы видели, в перекачке материальной энергии из внешней природы в общество; трата человеческой энергии (производство) есть выкачка энергии из природы,—энергии, которая должна быть доставлена обществу (распределение продукта между членами общества) и усвоена обществом (потребление); это усвоение есть основа для дальнейшей траты и т. д., таким образом, вертится колесо воспроизводства. Процесс воспроизводства, взятый в его целом, включает в себя, таким образом, разные стороны, которые вместе образуют одно целое, одно единство, основой которого является все же процесс производства. Ибо всякому понятно, что непосредственнее всего и ближе всего к внешней природе человеческое общество прикасается все же в процессе производства: оно „трется“ о природу именно этим боком; поэтому внутри процесса воспроизводства производственная сторона определяет собою и распределительную, и потребительную стороны.

Процесс общественного производства есть приспособление человеческого общества к внешней природе. Но он есть активный процесс. Когда какой-либо животный вид приспособляется к природе, то по сути дела он, как материал, подвергается постоянному воздействию среды. Когда приспособляется человеческое общество, то оно приспособляется к среде, приспособляя ее к себе. Оно подвергается воздействию природы, как материал. Но в то же время оно само превращает природу в материал для себя. Например, когда у некоторых видов насекомых или птиц окраска становится похожей на окраску той среды, в которой эти виды живут, это происходит вовсе не в результате каких-либо усилий со стороны данных организмов и вовсе не в результате их воздействия на внешнюю природу. Здесь, ценою гибели бесчисленного количества отдельных единиц, в течение многих тысячелетий, путем выживания наиболее приспособленных и их постоянного скрещивания, получился такой результат. Совсем другое с человеческим обществом. Оно борется с природой. Оно бороздит грудь земли, прорубает дороги сквозь непроходимые леса, скручивает силы природы, используя их в своих целях, меняет самое лицо земли. Это — не пассивное, а активное приспособление. В этом одно из существеннейших отличий человеческого общества от прочих животных видов.

Это отлично видели еще физиократы (французские экономисты XVIII века). Так, напр., Н. Бодо (Nicolas Baudeau: „Première introduction á la philosophie économique ou analyse de états policés", 1767. „Collection des Economistes et des Réformateurs sociaux de la France", publié par Dubois, Paris 1910, p. 2) говорит: „Все животные ежедневно трудятся, чтобы найти продукты, произведенные природой, т.-е. пищу, которую доставляет им сама земля. Некоторые виды... собирают и сохраняют эти блага... Один человек, предназначенный к тому (мысль выражена в телеологической форме. *Н. Б.*), чтобы изучать тайны природы и ее плодородия..., (может добывать) своим трудом больше полезных продуктов, чем он находит на поверхности дикой и необработанной (inculte) земли. Эта деятельность (cet art) есть, может быть, одна из благороднейших и наиболее отличительных черт человека на земле".

„...Человек,—пишет географ Л. Мечников (l. c., стр. 44),—разделяя со всеми организмами драгоценную способность приспособляться к среде, господствует над всеми благодаря ему одному свойственной и еще более драгоценной способности приспособлять среду к своим нуждам".

Строго говоря, зародыши активного (трудового) приспособления есть у некоторых видов так называемых общественных животных (у бобров, которые строят плотины; у муравьев, которые делают гигантские муравейники, используют травяных вшей и некоторые растения; у пчел и т. д.); с другой стороны, первоначальные формы человеческого труда были тоже животнообразными, инстинктивными формами труда.

§ 32. Производительные силы. Производительные силы, как показатель соотношения между природой и обществом. Итак, процесс обмена веществ между обществом и природой есть процесс общественного воспроизводства. В этом процессе общество тратит свою трудовую человеческую энергию и получает определенное количество усвояемой природной энергии („вещества природы", как выражался Маркс). Совершенно очевидно, что для развития всего общества решающее значение имеет тот б а л а н с, который получается при этом. Превышает ли получка затрату? Если превышает, то насколько? Ясно, что от степени этого превышения будет зависеть очень многое.

Предположим, что какое-либо общество для покрытия своих самых необходимых потребностей должно затрачивать все свое рабочее время. Это значит, что по мере потребления получаемых продуктов ровно столько же этих продуктов производится вновь, не больше. У общества в этом случае нет времени, не хватает этого времени, чтобы произвести добавочное количество продуктов, расширить свои потребности, произвести

какие-нибудь новые продукты: оно едва-едва сводит концы с концами, живет со дня на день—сколько произвел, столько и проел; едят столько, чтобы иметь возможность работать; все время уходит на выработку одного и того же количества продуктов. Общество топчется на одном и том же нищенском уровне существования. Никакой рост потребностей здесь невозможен: „по одежке протягивай ножки"; а одежка-то никудышная и ее нечем сменить.

Предположим теперь, что в силу каких-либо причин то же самое количество необходимейших продуктов получается при затрате не всего рабочего времени, а только половины его (напр., первобытная орда переселилась в место, где дичи и всякого зверья вдвое больше, или земля вдвое плодороднее; или изменились способы обработки земли, или появились новые орудия и т. д. и т. п.).

Тогда у общества высвобождается целая половина его прежнего рабочего времени. Это время оно может потратить на новые отрасли производства: на выделку новых орудий, на добычу нового сырья и т. д., а затем и на некоторые виды духовного труда. Здесь возможен рост новых потребностей, здесь впервые дается возможность и для зарождения и развития так называемой „духовной культуры". Раз высвободившееся время употреблено на то, чтобы хоть отчасти усовершенствовать прежние виды труда, то тем самым в будущем на удовлетворение прежних потребностей пойдет уже не половинное количество всего рабочего времени, а несколько меньше (дают себя знать новые усовершенствования в процессе труда), в следующем обороте (цикле) воспроизводства еще меньше и т. д., а высвобождающееся время будет уходить во все большем размере на выделку новых и новых орудий, инструментов, машин, с одной стороны, на новые отрасли производства, удовлетворяющие новые потребности—с другой, и на „духовную культуру", прежде всего на те стороны ее, которые так или иначе связаны с процессом производства — с третьей стороны.

Предположим теперь, что то количество необходимых потребностей, на которое раньше шло все рабочее время, требует для своего покрытия не вдвое меньшего, а вдвое большего количества времени (напр., истощилась почва); тогда ясно, что

если нет перехода к другим способам труда или некуда переселиться, общество должно итти назад, часть его должна неизбежно при таких условиях вымереть. Предположим далее, что уже высокоразвитое общество, с богатой „духовной культурой“, с разнообразнейшими потребностями, бесконечным количеством различных отраслей производства, с процветающими „науками и искусствами“, встречает затруднение в покрытии своих потребностей: скажем, оно не в состоянии, в силу каких-либо причин, овладеть имеющимся у него техническим аппаратом (например, идет непрерывная классовая война, в которой ни один класс не может одолеть другой, и процесс производства с высокой техникой замирает); тогда происходит возврат к старым приемам труда, тогда для покрытия прежних потребностей нужно было бы затрачивать огромнейшее количество времени, о чем не может быть и речи; производство сокращается, возвращается к прежним формам; потребности сокращаются; жизненный уровень понижается; цветок „наук и искусств“ увядает; духовная жизнь оскудевает; общество, если это понижение не вызвано преходящими причинами, „варваризуется“, идет вспять.

Что во всех приведенных случаях самое достопримечательное? То, что развитие общества определяется успешностью, или, иначе, производительностью общественного труда. Под производительностью труда разумеется отношение между количеством полученного продукта и количеством затраченного труда; или, другими словами, производительность труда есть количество продукта на какую-нибудь единицу рабочего времени, напр., количество продукта, вырабатываемого в день, или в час, или в год. Если количество продукта, получаемого за час работы, возрастает вдвое, говорят, что производительность труда вдвое увеличилась; если оно уменьшается вдвое, говорят, что производительность общественного труда вдвое понизилась.

Легко сообразить, что производительность общественного труда вполне точно выражает весь „баланс“ между обществом и природой. Производительность общественного труда и есть показатель того соотношения между средой и системой, который определяет положение это системы в среде и изменения которого указывают на неизбежные изменения во всей внутренней жизни общества.

При рассмотрении вопроса о производительности общественного труда нужно зачитывать в трату и ту затрату человеческого труда, который шел на изготовление соответствующих орудий труда. Если, например, какой-нибудь продукт выделывался ручным способом, почти без орудий, а потом стал выделываться путем применения очень сложных машин, и если при применении этих машин в то же самое время стали выделывать вдвое больше продуктов, это еще не значит, что для всего общества производительность труда увеличилась вдвое: мы здесь не засчитали трату человеческого труда, ушедшего на выделку машин (вернее, той части этого труда, которая переносится на продукт при снашивании этих машин). Таким образом увеличение производительности труда окажется здесь меньше, чем двойное.

Можно, при достаточном наличии придирчивости, возражать против самого понятия производительности общественного труда в его применении ко всему обществу, как это делает, напр., П. П. Маслов (см. его „Капитализм"). А именно, можно сказать, что понятие производительности труда годно лишь в применении к отдельным отраслям производства: в этом году произведено в столько-то рабочих часов столько-то пар сапог; в следующем—за то же количество времени—вдвое больше. Но как сравнивать и складывать производительность труда в области производства свиней и в области производства апельсинов? Не будет ли это похоже на сравнение музыки, вексельного курса и сахарной свеклы, над чем так издевался Маркс? На это, однако, можно выставить два возражения: во-первых, все полезные и усвояемые обществом продукты соизмеримы, как полезные энергии; ведь выражаем мы рожь, пшеницу, свеклу, картофель в калориях; если мы теперь еще не дошли до того, чтобы на практике так выражать и другие вещи это еще ровно ничего не доказывает: нам важно знать, что это можно сделать. Во-вторых, мы косвенными и сложными приемами можем сравнивать кучи (комплексы) разнородных предметов. Как это делается—здесь невозможно рассказывать. Приведем лишь наиболее простые случаи. Если, напр., в одном году за определенное количество рабочих часов произведено 1000 пар сапог + 2.000 пачек папирос + + 20 машин, а в другом году за то же время 1.000 пар сапог + 1.999 пачек папирос + 21 машина + 100 вязанных курток, то мы безошибочно можем сказать, что производительность труда в целом увеличилась. Мыслимо еще одно возражение, состоящее в указании на то, что производятся не только продукты потребления, но и средства производства. Практически здесь, действительно, громадное затруднение. Но мы опять-таки довольно сложными приемами можем учесть и это обстоятельство.

Итак, отношение между природой и обществом выражается отношением между количеством вырабатываемой полезной энергии, с одной стороны, и затратой общественного труда—с другой, т.-е. производительностью общественного труда. Но затрата общественного труда, как мы уже видели выше, сама складывается из двух частей: из труда, заключенного в средствах производства, и из труда „живого", т.-е. из траты живой рабочей силы. Если величину производительности труда рассматривать с точки зрения ее составных материальных частей, тогда мы получим три величины: во-первых, массу произведенных продуктов; во-вторых, массу средств производства; в-третьих, массу рабочих сил, т.-е. живых работников. Все эти величины зависят одна от другой. В самом деле, ясно и очевидно, что если мы знаем, каковы средства производства и каковы рабочие, то мы знаем и сколько они произведут за определенное количество времени; эти две величины определяют и третью—производимый продукт. Эти две величины, взятые вместе, и образуют то, что мы называем материальными производительными силами общества. Если мы знаем про какое-либо общество, какими оно обладает средствами производства, сколько их, какими работниками оно обладает и сколько этих работников, то тем самым мы знаем, какова производительность общественного труда, какова степень власти этого общества над природой, в какой мере это общество подчиняет себе природу и т. д. Другими словами, в средствах производства и рабочих силах мы имеем точный материальный показатель степени общественного развития.

Мы можем, однако, заглянуть в дело и несколько глубже. Мы можем сказать, что средства производства определяют собой и рабочие силы. Если, скажем, в систему общественного труда вошла наборная машина, то появляются и соответствующе обученные рабочие. Элементы, действующие в трудовом процессе, тоже не куча вещей и людей, а система, где каждая вещь и каждый человек поставлен, так сказать, на своем месте: одно прилажено к другому. Следовательно, если нам даны средства производства, то тем самым разумеется само собою, что есть и соответствующие работники. Далее, среди самых средств производства можно различать две крупные группы: сырой материал и орудия труда. Легко заметить, что

именно орудия труда составляют активную часть: ею работает человек над сырым материалом. Но если нам говорят о том, что в данном обществе есть налицо такие-то и такие-то орудия, то тем самым, разумеется, сказано, что здесь есть и соответствующее сырье (мы разбираем случаи нормального хода воспроизводства). Таким образом мы можем совершенно уверенно сказать следующее: точным материальным показателем соотношения между обществом и природой является система общественных орудий труда, т.-е. техника данного общества. В этой технике находят свое выражение материальные производительные силы общества и производительность общественного труда. „Такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций (т.-е. обществ различного типа. *Н. Б.*).

„Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда“. (К. Маркс, „Капитал“, т. I, стр. 156, популярное издание.)

Можно подойти к решению этого вопроса и другим путем. Мы знаем, что животные „приспособляются“ к природе. В чем выражается это приспособление прежде всего? В изменении различных органов этих животных: ног, челюстей, плавников и т. д.

Это—пассивное, биологическое приспособление. Человеческое же общество приспособляется активно, и не биологически, а технически. „Орудия труда есть предмет или комплекс (сочетание) предметов, которые рабочий помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет... Итак, предмет, данный самой природой, становится органом его деятельности,—органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя, таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего“ („Капитал“, т. I, 155). Таким образом, человеческое общество в своей технике создает себе искусственную систему органов, которые и выражают собою непосредственное, прямое и активное приспособление общества к природе (в скобках заметим, что тем самым делается лишним телесное непосредствен-

ное приспособление человека к природе: уже по сравнению с гориллой человек—слабенькое существо; в борьбе с природой он выставляет вперед не свои челюсти, а систему машин). Рассматривая вопрос с этой точки зрения, мы приходим к тому же выводу: точным материальным показателем отношения между обществом и природой является техническая система общества.

В другом месте „Капитала“ Маркс говорит: „Дарвин пробудил интерес к истории естественной технологии, т.-е. к истории развития органов растений и животных, играющих роль орудий производства для поддержания их существования. Неужели же история развития производительных органов общественного человека, этих материальных базисов каждой данной общественной организации, не заслуживает такого же внимания?.. Технология разоблачает активное отношение человека к природе, тот непосредственный процесс производства, которым он поддерживает свое существование, а с тем вместе также и способ формирования его общественных отношений и вытекающих из них умственных представлений“... „Употребление и создание средств труда, хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически (особливо. *Н. Б.*) характерную черту человеческого процесса труда, и потому Франклин определяет человека, как „a tool making animal“, как животное, делающее орудия“.(„Капитал“, I, 156). Любопытно то, что первоначальные орудия действительно были созданы „по образу и подобию“ органов человеческого тела. „При использовании имеющихся непосредственно под рукой предметов первоначальные орудия (Werkzeuge) представляются, как удлинение, усиление и более резкое выражение (Verschärfung) телесных органов“ (Ernst Kapp: „Grundlinien einer Philosophie der Technik“, Braunschweig 1877, S. 42). „Как тупое (в орудиях) имеет своим образцом кулак, так острота орудий—ногти пальцев и зубы-резцы. Молот с острой стороной превращается в топор и колун; поднятый указательный палец с его острым ногтем превращается, в своем техническом отображении, в бурав, простой ряд зубов—в напильник и пилу, в то время, как хватающая рука и обе челюсти—в клещи и тиски. Молот, топор, нож, долото, бурав, пила, клещи суть первоначальные орудия“... (Там же, стр. 43—44). „Скрюченный палец становится крюком; рука, сложенная горстью (die hohle Hand),—чащей; в мече, копье, руле, лопате, граблях, вилах мы имеем и некоторые тенденции руки, кисти руки, ее пальцев...“ и т. д. (Там же, стр. 45). Как от простых орудий дело идет к более сложным, тоже легко видеть на первобытных орудиях: „Палка развивается на разные лады (mehrfältig), далее: для того, чтобы тяжело обрушиваться на врага (für das derbe zuschlagen gegen den Feind — в дубину; для того, чтобы ковырять землю, обрабатывая ее (für das pflegliche stochern in der Erde),—в палку для копанья; для того, чтобы закалывать дичь, бросая в нее эту палку,—в копье“ и т. д. (Gottl-Ottlilienfeld: „Wirtschaft und Technik“ в „Grundriss der Sozialökonomik“. II. Abt., S. 228).

Связь между **т е х н и к о й** и так называемым „богатством культуры“ бросается в глаза. Стоит только сравнить, напр., современный Китай и Японию. В Китае—в силу целого ряда условий—производительность общественного труда и общественная техника развиваются крайне медленно, и Китай представляет пока что сравнительно застойную культуру. Революционизирующее же влияние производят здесь ростки новой капиталистической техники. В Японии же за последние десятилетия был сделан колоссальный шаг вперед в области технического развития, — соответственно этому быстро стала двигаться вперед и культура Японии: достаточно лишь упомянуть японскую науку.

В первую половину средних веков, которые в общекультурном отношении стояли много ниже так называемого „античного мира“—„техника... сделала огромный шаг назад сравнительно с древностью, и многие приемы и механические изобретения античного мира были совершенно позабыты..., исключением являлись лишь военная техника и связанная с нею металлургия железа“ (В. К. А г а ф о н о в: „Современная техника“. „Итоги науки“, т. III, стр. 16). Совершенно ясно, что на такой технической основе было немыслимо и „духовное богатство“: слишком мало жизненных соков имело общество, чтобы жить такой „богатой жизнью“. Быстрый рост Европы совпадает не с чем иным, как с ростом капиталистической м а ш и н н о й т е х н и к и (в промежутке между 1750 и 1850 г.г. произошол переворот в технике: паровая машина, паровой транспорт, уголь, механизация обработки железа и т. д.), а затем идет применение электричества, турбинная техника, моторы Дизеля, автомобиль, воздухоплавание. Техническая основа общества и его производительные силы поднимаются на небывалую высоту. Немудрено, что при таких условиях человеческое общество оказалось в состоянии развить крайне сложную и разнообразную „духовную жизнь“. Ибо, даже если мы возьмем расцвет старых культур, с относительно сложной духовной жизнью, то сразу видна вся отсталость даже э т о й техники по сравнению с капиталистической техникой новой Европы и Америки. Главное применение более или менее сложных орудий ограничивалось строительными работами, водоснабжением и горным делом. Даже наиболее крупное производство основывалось не на совершенстве орудий, а на применении колоссального количества живых рабочих сил. „Геродот повествует о том, как сто тысяч человек в течение трех месяцев тащили камни для Хеопсовой пирамиды (2800 л. до Р. Х.) и как понадобилось десять лет предварительных земляных работ, чтобы проложить путь от места добычи камня до Нила“ (А г а ф о н о в, l. c., 5). Насколько с р а в н и т е л ь н о бедна была техника, видно из определения, данного „машине“, инженером древнего Рима В и т р у в и е м: „Машина есть деревянное приспособление, оказывающее величайшие услуги при подъеме грузов“ (idem, 3). Эти деревянные „машины“ обслуживали, главным образом, именно работы „по подъему грузов“, да и то требовали значительного количества человеческой или животной силы.

§ 33. Равновесие между природой и обществом, его нарушения и восстановления. Если мы рассмотрим теперь весь процесс в его целом, то увидим, что процесс воспроизводства есть процесс постоянного нарушения и восстановления равновесия между обществом и природой.

Маркс различает *простое* воспроизводство и воспроизводство *расширенное*.

Когда имеем мы простое воспроизводство?

В процессе производства, как мы знаем, тратятся *средства производства* (перерабатывается сырой материал, потребляются всякие вспомогательные вещества вроде машинного масла, тряпок и т. д.; снашиваются сами машины, здания, где производится работа, всевозможные инструменты и их части); с другой стороны, тратится и *рабочая сила* (когда люди трудятся, тогда они тоже снашиваются, их рабочая сила потребляется, и нужны определенные затраты, чтобы эта рабочая сила была восстановлена). Чтобы дальше шел процесс производства, нужно, чтобы в нем самом и посредством него вырабатывалось то, что в нем исчезает. Например, в текстильном производстве потребляется, как сырье, хлопок, снашиваются ткацкие станки. Чтобы производство шло и дальше, нужно, чтобы в то же время возделывался и хлопок и производились станки. В одном месте хлопок исчезает и превращается в ткань. В другом месте исчезает ткань (ее снашивают рабочие и проч.) и появляется хлопок. В одном месте изчезают станки, в другом они появляются. Другими словами, необходимые элементы производства, потребляемые в одном месте, должны производиться в другом; должно происходить постоянное *замещение* всего нужного для производства. Если это замещение происходит ровно в той же степени, что и исчезновение, тогда это и будет *простое воспроизводство*. Этот случай соответствует тому, что производительность общественного труда остается той же, производительные силы не сдвигаются с места, общество не двигается ни вперед, ни назад. Это, как нетрудно видеть, и будет случай *устойчивого равновесия между обществом и природой*. Здесь постоянно происходит нарушение равновесия (произведенные продукты исчезают) и постоянно происходит его восстановление (они появляются вновь); но это восстановление происходит *на той же самой*

основе: сколько потреблено, ровно столько произведено; вновь потреблено столько же, и опять произведено точь-в-точь столько же и т. д. Воспроизводство танцует все один и тот же танец.

Другое происходит при росте производительных сил. Тогда, как мы видели выше, часть общественного труда высвобождается и обращается на расширение общественного производства (другие, новые отрасли; расширение старых). Это значит, что не только замещены те элементы производства, которые были раньше, но в новый круг производства бросаются еще новые элементы. Производство не повторяет здесь того же самого пути, не делает того же самого круга, а захватывает шире. Это есть расширенное воспроизводство. Легко видеть, что здесь равновесие восстанавливается по-иному: потреблено столько-то, произведено больше; потреблено больше, произведено еще больше. Равновесие каждый раз устанавливается на новой, более широкой, основе. Это есть подвижное равновесие с положительным знаком.

Наконец, третий случай будет при падении производительных сил. В этом случае процесс воспроизводства идет вспять: воспроизводится все меньше и меньше. Потреблено столько-то,—произведено вновь меньше; потреблено меньше,—произведено еще меньше, и т. д.

И здесь воспроизводство не повторяет того же самого круга. Но оно каждый раз захватывает не более широкий кружок, а, наоборот, все более и более узкий. Жизненная основа общества все более и более суживается. Равновесие между обществом и природой восстанавливается на новой основе, но эта основа становится все меньше и меньше.

Вместе с тем общество само приспосабливается к этой все более узкой жизненной основе лишь путем частичного своего разрушения. Это есть подвижное равновесие с отрицательным знаком. Воспроизводство в данном случае можно назвать отрицательным расширенным воспроизводством, или расширенным недопроизводством.

Мы с разных сторон, так сказать, обсасывали вопрос. И всюду и везде обнаружилось одно и то же. Дело, следовательно, сводится к характеру равновесия между обществом и природой. А так как производительные силы служат точным выра-

жением равновесия, то мы можем по ним судить и об этом характере. Вместе с тем ясно, что то же самое можно сказать и о технике общества.

§ 34. Производительные силы, как исходный пункт социологического анализа. Из всего вышеизложенного вытекает с неизбежностью такого рода научное правило: при рассмотрении общества, условий его развития, его форм, его содержания и проч., нужно начинать это рассмотрение с анализа производительных сил, или с технической основы общества.

В самом деле. Разберем некоторые из возражений, которые делается—или могут быть сделаны—против такого взгляда.

Прежде всего—некоторые возражения, идущие из среды ученых, признающих в общем и целом материалистическую точку зрения. Так Г. Кунов говорит („Neue Zeit", 39. Jahrg., II B., S. 350 ff.), что техника „связана в высочайшей мере условиями природы. Наличность определенных сырых материалов (Das Vorkommen bestimmter Rohmaterialien) решает, например, смогут ли определенные виды техники вообще образоваться и в каком направлении они будут развиваться. Где, напр., нет определенных видов каменных пород, или деревьев, или руды, или волокон, или раковин,—там, конечно, и туземцы этих областей не смогут самостоятельно обучиться перерабатывать эти вещества природы и делать из них орудия и оружие". Мы приводили сами в начале этой главы данные о влиянии природных условий. Почему же не начинать с них? Почему методологический исходный пункт не должен находится именно в природе? Она, бесспорно, влияет на технику приблизительно в том смысле, в каком говорит Кунов. С другой стороны, всякому ясно, что природа была раньше общества. Не погрешаем ли мы сами против „настоящего" материализма, когда берем за основу анализа вещественный технический аппарат человеческого общества?

Однако, стоит только внимательнее присмотреться к вопросу, чтобы увидеть, насколько неправильны такие доводы, как куновские. Без залежей угля, конечно, этого угля из земли не выкопаешь. Но его, увы, не особенно выковыряешь и перстом. А в особенности трудновато его достать, если люди даже и не знают его полезных свойств. „Сырые материалы"

вовсе не „находятся“, как говорит Кунов, в природе. „Сырые материалы“, по Марксу, это—продукты **т р у д а** и они так же мало могут „находиться“ в недрах природы, как картина Рафаэля или жилет г. Кунова (Кунов путает здесь „сырые материалы“ с возможным „предметом труда“ [1]). Кунов совершенно позабывает, что для того, чтобы деревья, руда, волокно и т. д. смогли играть роль сырых материалов, нужна **с о о т в е т с т в у ю щ а я т е х н и к а**. Уголь **с т а н о в и т с я** сырым материалом **л и ш ь т о г д а**, когда техника развивается настолько, что, врезаясь в недра земли, вытаскивает его из темного царства на свет божий. Влияние природы в смысле доставления материалов и проч. является **с а м о** продуктом развития техники. Ибо, пока техника не овладела углем, этот уголь ни капли не мог „влиять“. Пока техника не подобралась своими щупальцами к железной руде, эта железная руда могла спать мертвым сном, и ее влияние на человека было равно нулю.

Человеческое общество работает в природе и над природой, как предметом труда. Это не подлежит никакому сомнению. Но те элементы, которые имеются сами по себе в природе, они имеются здесь более или менее постоянно. Поэтому они **н е м о г у т о б ъ я с н и т ь и з м е н е н и й**. Изменяется же общественная **т е х н и к а**, которая, конечно, приспособляется к тому, что **е с т ь** в природе (к пустышке никакого приспособления быть не может, и из дыры пушки не сделаешь). Раз **п е р е м е н н о й** величиной является техника, и именно это движение техники и вызывает изменение отношения между обществом и природой, то ясно, что тут и должен лежать исходный пункт анализа общественных изменений [2]).

В нелепой форме Л. **М е ч н и к о в** выражает это таким образом: „Я далек от присоединения к теории географического фатализма, которую зачастую упрекают за проповедь принципа всеопределяющего влияния среды (т.-е. природы. *Н. Б.*) в истории. По моему мнению... изменений следует искать не в самой среде, а в тех соотношениях,

---

[1]) „... **Е с л и с а м п р е д м е т т р у д а у ж е б ы л, т а к с к а з а т ь, п р о ф и л ь т р о в а н п р е д ш е с т в у ю щ и м т р у д о м,** то мы называем его сырым материалом. Всякий сырой материал есть предмет труда, но не всякий предмет труда есть сырой материал“ („Капитал“, I, 155).

[2]) Ошибки г. Кунова не мешают ему делать ряд правильных возражений Гортеру, П. Барту и другим, которые способ производства путают с техникой. Об этом будет итти речь ниже.

которые возникают между средой и природными способностями ее обитателей к участию в кооперации и солидарном общественном т р у д е (мой курсив. *Н. В.*). Таким образом историческая ценность той или другой географической среды, предполагая даже, что в физическом отношении она при всех обстоятельствах неподвижна, может и должна изменяться, смотря по степени способностей обитателей к добровольному солидарному т р у д у (op. cit., 27—28). Это, впрочем, не мешает самому Мечникову впадать в переоценку „географии" (см. рецензию П л е х а н о в а в сборнике „Критика наших критиков"). П а с с и в н ы й характер влияния природы признается теперь почти каждым географом, хотя эта порода буржуазных ученых, конечно, ничего не знает об историческом материализме. Напр., М а к ф е р л е н (J. hn M a c f a r l a n e: „Economic geography", London. Isaak Pitman and sons) пишет о „природных условиях экономической деятельности" (гл. I): „Эти физические факторы... н е о п р е д е л я ю т в а б с о л ю т н о м с м ы с л е (целиком, absolutely) х а р а к т е р а х о з я й с т в е н н о й ж и з н и, но имеют влияние на нее, которое, без сомнения, более заметно в ранние стадии человеческой истории, но которое не менее реально в передовых цивилизациях, когда человек научился приспособляться к своей среде (environment) и получать от нее возрастающее количество благ (an increased benefit)". Известно, какую роль играет уголь и насколько от него зависит вся индустрия. Однако, с изменением техники в добыче и переработке т о р ф а значение угля может сильно понизится, а это влечет за собой полную перегруппировку промышленных центров. С электрификацией приобретает особое значение алюминий, который раньше играл крайне малую роль. Вода, как силовой источник, когда-то имела большое значение (принцип мельничного колеса), потом потеряла его, а теперь снова его приобретает (турбины, „белый уголь"). П р о с т р а н с т в е н н ы е соотношения в природе остаются теми же, а пути сообщения с о к р а щ а ю т их для человека; с развитием воздухоплавания картина еще более изменится.

Это влияние транспорта (величины, в высокой степени переменной в зависимости от техники) имеет решающее значение даже для г е о г р а ф и ч е с к о г о р а с п о л о ж е н и я и н д у с т р и и (по этому поводу в высшей степени интересные рассуждения есть в теории А. В е б е р а о „месте расположения промышленности"; см. A. W e b e r: „Industrielle Standortslehre" в „Grundriss", стр. 58—59 и сл. VI отдела; также книгу: „Ueber den Standort der Industrien". 1. Teil. „Reine Theorie des Standortes", 1909).

Поэтическим выражением роста могущества человека над природой, его а к т и в н о й силы, может служить „Прометей" Гете:

Закрой, Зевес, парами облаков
Твое разгневанное небо
И забавляйся, как мальчишка,
Сбивающий головки у волчцов;
Громи дубы и горные вершины:
Моя земля останется за мною,

И хижина, что создал я, не ты,
И мой очаг,
Чей жгучий пламень
В тебе тревожит зависть.

(Пер. К. Д. Бальмонта).

Таким образом, ясно, что различия природных условий могут объяснить различие в развитии разных народов, но не могут объяснить развития одного и того же общества. Природные различия становятся затем, при объединении этих народов в одно общество, базисом для общественного разделения труда. „Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцирование, разнообразие ее естественных произведений составляют естественную основу общественного разделения труда и заставляют человека, в силу разнообразия окружающих его естественных условий, разнообразить свои собственные потребности, способности, средства и способы производства“ (Маркс: „Капитал“, т. I).

Второй группой возражений против изложенного понимания общественного развития являются возражения, указывающие на решающее и основное значение роста населения. Ведь стремление к размножению неистребимо заложено в человеческой природе. Оно дано нам еще до человеческой истории. Это—естественный, животный, биологический процесс, который был в наличности еще до общественного хозяйства. Не лежит ли в основе всего развития именно этот процесс? Не определяет ли возрастающая плотность и густота населения хода общественного развития?

Однако, не трудно видеть, что закономерность здесь есть закономерность обратного порядка, а именно: от степени развития производительных сил, или, что одно и то же, от степени развития техники зависит даже самая возможность численного прироста населения. Увеличение числа людей (более или менее длительное увеличение) есть ведь не что иное, как расширение и рост общественной системы. А этот рост возможен лишь тогда, когда меняется в благоприятную сторону соотношение между обществом и природой. Большее количество людей не может жить без расширения жизненной основы общества. Наоборот, сужение этой жизненной основы должно неизбежно отразиться и на уменьшении количества людей. Другой вопрос, какими путями это будет происходить: путем ли понижения рождаемости, путем ли искусственного регулирования этой рождаемости, путем ли вымирания, увеличения процента смертности

от болезней, путем ли преждевременного снашивания организмов и сокращения средней продолжительности жизни,—все равно: это основное соотношение между жизненной основой общества и величиной этого общества проложит себе дорогу тем или иным путем.

Кроме того, совершенно неправильно представлять себе рост населения, как чисто биологический, „естественный“ процесс размножения. Этот процесс зависит от всевозможнейших социальных, общественных условий: от деления на классы, положения этих классов, а, следовательно, от формы общественного хозяйства. Форма же общества, его строй, как мы покажем ниже, зависят от уровня развития производительных сил. Здесь, как видит всякий, связь между развитием техники и движением населения, т.-е. изменением его численности, совсем не простенькая. Только наивные люди могут думать, что теперь дело с размножением у людей обстоит так же примитивно и просто как у животных. Например, в обществе, чтобы увеличилось население, всегда нужно, чтобы увеличились и производительные силы. Иначе, как мы уже указывали, добавочному населению нечего будет кушать. Но, с другой стороны, не всегда и не для всех классов рост материального благосостояния вызывает усиленное размножение: в то время, как пролетарская семья может искусственно сокращать число детей из-за трудных условий жизни, великосветская дама отрекается от материнства, чтобы не испортить себе талии, а французский крестьянин не желает иметь больше двух детей, чтобы не дробить наследства. Таким образом, в зависимости от ряда общественных условий, в зависимости от формы общества и положения в нем отдельных классов и групп, оказывается также и движение народонаселения.

Следовательно, относительно населения мы можем сказать следующее: бесспорно, что увеличение народонаселения предполагает развитие производительных сил общества, это—во-первых; во-вторых, каждая эпоха, каждая форма общества, разнообразное положение классов вызывают особые законы движения народонаселения. „Абстрактный (всеобщий, независимый от данной формы. *Н. Б.*) закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область

исторически не вмешивается человек“; ...„всякому особенному историческому способу производства свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения“ (К. Маркс: „Капитал“, I, 679). А исторический способ производства, т.-е. форма общества, определяется развитием производительных сил, т.-е. развитием техники. Таким образом, оказывается, что незакономерность движения народонаселения является решающей величиной, а развитие производительных сил и закономерность этого развития (или упадка) определяет собою движение населения.

Буржуазия неоднократно старалась поставить на место общественных законов „законы“ такого порядка, которые бы доказывали неизбежность от бога положенной нищеты масс и независимость такого положения от общественного строя. На этом основана в учении о среде переоценка „географии“ и проч., когда за волосы притягиваются явления природы для объяснения исторических событий (так, напр., Эрнст Миллард „доказывал“ зависимость хода истории от земного магнетизма, Джевонс „объяснял“ промышленные кризисы пятнами на солнце и т. д.). К числу таких попыток принадлежит и знаменитая попытка английского попа и экономиста Роберта Мальтуса, который бедствия рабочего класса выводил из греховного стремления людей размножаться. Его „абстрактный закон народонаселения“ состоял в том положении, что население возрастает быстрее, чем средства существования (средства существования — в арифметической прогрессии, т.-е. как 1 : 2 : 3 : 4 : 5 и т. д., тогда как население — в геометрической, т.-е. как 1 : 2 : 4 : 8 : 16 и т. д.). В новейшей науке взгляды буржуазных ученых начинают резко меняться, и учение Мальтуса попадает в немилость: это происходит потому, что в некоторых странах (Франция, а за нею и другие) рост населения настолько замедляется, что для буржуазии нехватает полноценных солдат, пушечного мяса, и она всячески стремится поощрить рабочий класс и крестьянство к усиленному деторождению.

Зависимость роста населения от развития производительных сил была известно еще физиократам. Так, напр., у Мерсье де-ла-Ривьера (Le Mercier de la Rivière: „L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques“, 1767, pp. 5—6) мы читаем: „Если люди питались бы только продуктами, которые дает земля сама по себе... без каких-либо предварительных работ понадобились бы чрезвычайно обширные пространства земли для существования очень небольшого количества людей; но мы знаем по своему собственному опыту, что в силу нашего естественного устройства (l'ordre physique de notre constitution) мы имеем тенденцию к весьма значительному размножению. Это естественное свойство было бы противоречием, неустройством в природе..., если бы естественный порядок воспроиз-

водства средств существования не позволял бы им умножаться в той мере, в какой размножаемся мы сами" (мой курсив. *Н. Б.*). И далее: „Я нисколько не опасаюсь того, что будут искать аргументов, указывая на некоторые народы Америки, чтобы доказать мне, будто естественный порядок рождения не делает необходимым культуры. Я знаю, что существуют такие народы, которые почти или вовсе не хозяйствуют (ne cultive point ou presque point), но, несмотря на то, что их почва и климат в равной степени благоприятствуют им, они уничтожают детей, удушают стариков, прибегают к лекарственным средствам, чтобы воспрепятствовать естественнному процессу рождения". Э. Гроссе (Grosse: „Formen der Familie und Formen der menschlichen Wirtschaft". 1896, S. 36) говорит, между прочим: „Бушмены и австралийцы имеют обыкновение носить „пояс голода" по весьма основательным причинам. Жители Огненной Земли страдают постоянно от нужды. И в рассказах эскимосов голод играет весьма большую роль... Население, которое ограничено таким несовершенным производством, конечно, никогда не может возрасти до многочисленного народа... В силу этого примитивные охотники сами заботятся о том, чтобы их число было в правильной пропорции с имеющимися средствами пропитания. А именно: в Австралии необыкновенно часто употребляется для этой цели детоубийство. Большая детская смертность доделывает остальное". „О племенах полинезийских островов мы знаем, что у них есть предписания, по которым каждой семье разрешается иметь только самое малое количество детей, за превышение которого необходимо платить штраф" (P. Mombert: „Wirtschaft und Bevölkerung" в „Grundriss d. soc. Oek. Alt. II, S. 62). Момберт приводит такие факты. После описания хозяйственного роста в эпоху Каролингов (переход к трехполью и т. д.), он пишет: „Вследствие (следом, im Gefolge) этого сильного расширения производства предметов питания мы наблюдаем в это время необычайно сильный прирост населения в Германии" (64). В XIX столетии Европа обнаруживает громадный прогресс в области сельско-хозяйственного производства. „И одновременно население Европы начинает расти в такой мере, что оставляет за собой какой бы то ни было рост в прошлом" (там же). Затем начинается период, когда на этой основе рост населения начинает перегонять рост средств существования. Что происходит тогда? Выселение в Америку. В России основная закономерность та же самая (см. по этому вопросу работы тов. М. Н. Покровского).

Наконец, следует отметить еще одну группу возражений против теории исторического материализма, а именно те теории, которые известны под именем „расовых теорий". Они сводятся вот к чему. Общество состоит из людей. Но в историю люди вступили не одинаковыми, а разными: с разными черепами, с разными мозгами, с разной кожей и волосами, с разным физическим строением, а, следовательно, и с разными спо-

собностями. А отсюда легко понять, что на пир истории является много званных, но мало избранных. Одни народы оказываются „историческими“, ибо таковы уж эти народы: их имя гремит во всем мире, и ими занимаются профессора всех университетов; другие, „низшие расы“, от природы ничего не могут и не могли сделать выдающегося и, в сущности, представляют нечто вроде исторического нуля; эти народы не заслуживают имени „исторических народов“: они, в лучшем случае,—навоз для истории, как колониальные народы и разные „дикари“, которые удобряют почву для европейской буржуазной цивилизации. В этом различии рас и лежит причина различного развития обществ. Раса—вот из чего нужно исходить при рассмотрении этого развития. Такова в общих чертах расовая теория.

По поводу этой теории Г. В. Плеханов писал совершенно справедливо следующее: „Когда поднимается вопрос о причине того или другого исторического явления, то часто бывает, что неглупые и серьезные люди довольствуются такими ответами, которые не решают ровно ничего, представляя собою лишь повторение вопроса в новых выражениях. Положим, вы задаете „ученому“ один из поставленных выше вопросов. Вы спрашиваете,—почему одни народы развиваются с такой поразительной медленностью, между тем, как другие быстро идут по пути цивилизации? „Ученый“ без запинки отвечает вам, что это объясняется свойствами расы. Понимаете ли вы смысл такого ответа? Некоторые народы развиваются медленно потому, что таково уже свойство их расы, чтобы им развиваться медленно; другие же цивилизуются очень быстро, потому что главное свойство их расы заключается в том, что они могут развиваться быстро“ („Критика наших критиков“. СПБ. 1906, стр. 283).

Расовая теория прежде всего противоречит фактам. „Низшей“ расой, которая якобы неспособна по самой своей природе ни к какому развитию, считается черная раса. А в то же время доказано, что старинные представители этой черной расы, так называемые кушиты, создали чрезвычайно высокую цивилизацию в Индии (до „индусов“) и в Египте; желтая раса которая тоже не в фаворе, в лице китайцев создавала такую культуру, которая была бесконечно выше культуры живших в

то время белых: белые тогда были мальчиками по сравнению с желтыми. Теперь мы очень хорошо знаем, как много позаимствовали античные греки от ассиро-вавилонян и египтян. Уже этих немногих фактов достаточно, чтобы сказать, что „расовое" объяснение—никуда негодное объяснение. Однако могут возразить: вы, может, и правы, но решитесь ли вы утверждать, что средний негр по своим качествам стоит на уровне европейца, тоже среднего? На этот вопрос ни в коем случае нельзя ответить добродетельной уверткой, как иногда делают некоторые либеральные профессора: все, мол, люди равны; по Канту человеческая личность—самоцель; Христос учил, что несть эллин, ни иудей и т. д. (ср., напр., у Хвостова: „Весьма вероятно, что... правда на стороне защитников равенства людей"... „Теория исторического процесса", стр. 247). Ибо стремиться к равенству людей, это—не то, что признавать одинаковость их свойств. Да и стремятся-то ведь к тому, чего нет. Иначе это бы называлось ломиться в открытую дверь. Нас сейчас вовсе не интересует вопрос: к чему надо стремиться? Нас интересует вопрос: есть разница между культурным и всяким иным уровнем белых и черных, в общем, в целом, в большом масштабе? Есть, безусловно. Сейчас „белые" стоят выше. Но что это доказывает? То, что теперь так называемые расы поменялись местами.

А это есть опровержение расовой теории! В самом деле, ведь она сводит все к свойствам рас, к извечной их „природе". Если бы это было так, то эта „природа" давала бы себя знать во все периоды истории. Что же отсюда вытекает? Отсюда вытекает то, что эта самая „природа" постоянно меняется в зависимости от условий существования данной „расы". А эти условия и определяются не чем иным, как соотношением общества с природой, т. е. состоянием производительных сил. Таким образом расовая теория ни в малой степени не объясняет условий общественного развития. Оказывается и здесь, что анализ нужно начинать с движения производительных сил.

Относительно самого понятия расы и расовых делений господствует среди ученых громаднейшая разноголосица. Так, напр., Топинар (цит. у Мечникова, 54) вполне резонно замечает: „Термином „раса" пользуются для совершенно посторонних целей. Говорят, напр.,

об индо-германской, латинской, немецкой, славянской, английской расах, хотя все эти термины служат только для обозначения случайных агрегатов (образований) из самых разнообразных антропологических элементов. В Азии народы были столько раз и столь радикально перемешаны, что самая характеристическая для нее раса находится, быть может, где-нибудь за Тихим океаном или около полярного круга. В Африке тот же самый процесс повторялся несколько раз. В Америке, где нечто подобное происходило уже в исторические времена, нельзя встретить первобытных рас, а только результаты бесконечных смешений и скрещиваний". Весьма убедительно замечает Э. Мейер: „Что касается... расы, то, конечно, возможно, что человеческий род с самого начала выступил на сцену в различных вариациях (видах) или весьма рано на них распался; по этому вопросу мне кажется, что нет обоснованного суждения (steht mir kein Urteil zu). Наоборот, вполне достоверно то, что все человеческие расы постоянно смешивалась... что резкое разграничение между ними не удалось и вообще абсолютно невозможно,— типичный пример представляют племена долины Нила,— и что так называемый чистый расовый тип имеется только там, где племена находились благодаря внешним обстоятельствам в искусственной изоляции, как, напр., в Новой Гвинее и в Австралии. Однако ничто ровно не оправдывает предположения, что здесь мы имеем природное, первобытное и первоначальное состояние человеческого рода; гораздо более вероятно, что эта однородность, наоборот, есть результат изоляции"... (I. c., 73). Проф. Р. Михельс (R. Michels: „Wirtschaft und Rasse" в „Grundriss", SS. 78 ff.) приводит ряд интересных примеров, показывающих всю изменчивость так называемых расовых свойств в области труда. Напр., „весьма велика выносливость китайских рабочих, и она делает их пригодными для носки тяжелых грузов. Отсюда широкое применение китайских кули". Ясно, однако, что „тяжести", взваливаемые на кули, обусловлены еще и полуколониальным рабством. Негров считают за плохих работников. Однако сохранилась французская пословица: „Я работал, как негр" (j'ai travaillé comme un nègre). Негры редко становились хозяевами. Но их бойкотировали белые и т. д. Еще интереснее примеры из области „национальных различий": „Когда в Германии проводились первые железные дороги, один немецкий автор предостерегающе говорил, что железные дороги не имеют никакой ценности для немецкого народного характера, как так, слава богу, этот характер построен на festina lente („спеши медленно"—латинская поговорка. *Н. Б.*); для пользования жел. дорогам нужен-де другой народ, другая жизнь, другой способ мышления. Кант упрекал итальянцев за их узко практические склонности и за цветущее состояние банков. Теперь главенство этого явления нужно искать кое-где в другом месте" и т. д. Михельс приходит к такому абсолютно правильному заключению: „Степень хозяйственной годности народа соответствует степени технической и морально-интеллектуальной (умственной и нравственной) цивилизации,—степени, которой он достиг к тому моменту, когда о нем произносят суждение" (101).

Наибольшее количество абсурдов наболтали сторонники расовой теории во время войны, которую они тоже стремились объяснить борьбой рас, хотя полная абсурдность этого была видна всякому не сошедшему с ума человеку (сербы воевали с болгарами, имея союзниками японцев и т. д.; англичане—с русскими против немцев и проч.). Наиболее талантливым представителем расовой теории в социологии считается Гумплович.

Литература к V главе. Кроме означенных в предыдущих главах: Л. Мечников: „Цивилизация и великие исторические реки". СПБ. 1898. П. Маслов: „Теория развития народного хозяйства". Он же: „Аграрный вопрос", т. I. Он же: „Капитализм". Н. Бухарин: „Экономика переходного периода", глава VI. Kunow: „Die Stellung der Technik in der Marxschen Wirtchaftsauffassung", „Neue Zeit", 37. Jahrg, 2 Band, № 15). Роза Люксембург: „Накопление капитала" (о процессе воспроизводства). Каутский: „Развитие и размножение в природе и в обществе". Он же: „Еврейство и раса" („Rasse und Judentum").

ГЛАВА VI.

Равновесие между элементами общества.

§ 35. Связь различных общественных явлений. Постановка вопроса. § 36. Вещи, люди, идеи. § 37. Общественная техника и экономическая структура общества. § 38. Надстройки и их структура. § 39. Общественная психология и общественная идеология. § 40. Идеологические процессы, как отдифференцированный труд. § 41. Значение надстроек. § 42. Формирующие принципы общественной жизни. § 43. Типы экономических структур и типы различных обществ. § 44. Противоречивый характер развития; внешнее и внутреннее равновесие общества.

§ 35. Связь различных общественных явлений. Постановка вопроса. Выше мы разобрали вопрос о равновесии между обществом и природой. Мы видели, что это равновесие постоянно нарушается и постоянно восстанавливается, что здесь налицо противоречие, которое постоянно преодолевается и вновь возникает, и вновь преодолевается, и что в этом заложена основная причина общественного развития или общественного упадка. Нам необходимо теперь посмотреть на, так сказать, „внутреннюю жизнь“ общества.

Когда спрашивают о степени общественного развития, очень часто мы слышали такие ответы: „Высота культурного развития определяется количеством потребляемого мыла“; другие измеряют эту высоту распространением грамотности, третьи—количеством газет, четвертые—техникой, пятые—развитием науки и т. д. Один немецкий профессор (Ш у л ь ц е-Г е в е р н и ц; смотри его книгу о крупной текстильной промышленности в России) выдвинул даже положение, что степень культурности измеряется характером устройства отхожих мест. Таким образом, от этих последних, вплоть до самых возвышенных произведений человеческого духа,—все выдвигалось, как некий градусник, которым можно измерять высоту общественного развития.

Кто же прав здесь? Чей градусник является действительно градусником? И откуда такое превеликое множество различных ответов на один и тот же вопрос?

Если присмотреться к вышеприведенным ответам, то легко можно убедиться, что каждый из этих ответов более или менее правилен. Разве не растет действительно потребление мыла с ростом „культуры и цивилизации“? И разве не растет число газет? Или общественная техника? Или наука? Конечно, да. Какое же заключение можно отсюда сделать? То, что в каждое данное время общественные явления **связаны** друг с другом. **Как**—это вопрос другой, и мы скоро будем это разбирать. Но связанность их не подлежит никакому сомнению. И именно поэтому каждый из ответов, о которох мы говорили, был правилен. Все равно, как возраст человека можно приблизительно определить или по складу и крепости костей, или по виду лица (его цвету, морщинкам, растительности и т. д.), или по характеру мышления, или по языку,—точно так же и о степени развития общества можно судить на основании разных признаков, ибо один из них связан с другим, и с третьим и т. д. Если бы нам показали прекрасные произведения искусства или сложные научные системы, мы могли бы сказать, что и то, и другое могли воздвигнуть лишь в развитом обществе. То же мы сказали бы, если бы обнаружили богатую и сложную технику. И в обоих случаях мы были бы, конечно, правы.

Эта **связанность, взаимная обусловленность** самых различных общественных явлений бросается в глаза. Стоит только задать себе ряд вопросов, чтобы убедиться в этом. Возможно ли, например, чтобы сто лет тому назад была поэзия футуристов? Конечно, нет. Или, чтобы у эскимосов во льдах был ими изобретен беспроволочный телеграф? Или, чтобы современная наука по звездам предсказывала судьбу? Или, чтобы в средние века появился марксизм? Все это, разумеется, невозможно. Футуризм не мог появиться сто лет тому назад, потому что тогда жизнь шла более ровно и тихо. А футуризм взрощен на мостовых городов, с грохотом, шумом, трескотней, среди милитаристского лязга и развала буржуазной культуры. Это поэзия всеобщей тарарабумбии, которая не могла бы вырасти сто лет тому назад, как не мог бы вырасти репейник на недавно покрашенной крыше. Эскимосы во льдах не могли бы

изобрести беспроволочного телеграфа, так как у них нет уменья обращаться и с простым телеграфом. Современная наука не станет заниматься такими пустяками, как гаданье на звездах, так как уровень науки теперь отвергает эти вещи. В средние века не мог появиться марксизм, так как и пролетариата-то не было: неоткуда было вырасти марксистской теории. А вот, например, высокая техника, пролетариат, громадное количество газет, реклама грандиозных размеров, тресты, футуризм, аэропланы, теория электронов, дивиденды Рокфеллера, стачки углекопов, коммунистические партии, Лига Наций, Третий Интернационал, электрификация, миллионные армии, Ллойд-Джордж, Ленин и т. д.—все это явно явления одного времени, одной эпохи,—точно так же, как явлениями одного и того же времени (средних веков) являются, скажем, власть римского папы, убогая сравнительно техника, крепостной труд крестьян, поповская наука (схоластика), поиски философского камня (которым можно из ерунды делать золото и проч.), инквизиция, плохие дороги, безграмотность даже королей, деревенская община, колдуньи, цехи ремесленников, плохой латинский язык (на нем говорили и писали ученые), рыцарские разбои и проч. Нельзя пересадить Ленина, Ллойд-Джорджа, Круппа в средние века. И наоборот, на Красной площади теперь нельзя увидать турнира, рыцарей, бьющихся на смерть ради дамских улыбок. „Иные времена—иные птицы. Иные птицы—иные песни".

Итак, не подлежит никакому сомнению связанность общественных явлений, „приспособленность" одних общественных явлений к другим, другими словами, известное равновесие внутри общества между его элементами, между его составными частями, между различными видами общественных явлений.

Уже у О. Конта отмечено, что различные стороны общественной жизни в каждое данное время согласованы друг с другом (так называемый consensus). С большой резкостью это обстоятельство подчеркивает Müller-Lyer („Die Phasen der Kultur", S. 344): „Как масштаб высоты культуры может быть взята, в сущности, любая социологическая функция, любое культурное явление: напр., искусство, наука, мораль, хозяйство, государственная организация, свобода индивидуума, философия, социальное положение женщин и т. д., вплоть до потребления мыла и т. п. И было бы даже все равно, какой масштаб выбирать, если бы все культурные явления развивались бы строго параллельно и с абсолютной пропорциональностью по отношению друг к другу". Один из новейших писателей, удрученный событиями германской бур-

жуазии, О. Шпенглер (O. Spengler: „Der Untergang des Abendlandes". I Band, S. 8) пишет: „Кто знает, что между дифференциальным счислением (особая отрасль высшей математики. *Н. Б.*) и династическим государственным принципом времен Людовика XIV, между античной государственной формой пóлиса („пóлис"—государство-город в древней Греции. *Н. Б.*) и эвклидовой геометрией, между перспективой в западно-европейской живописи масляными красками и преодолением пространства железными дорогами, телефоном и дальнобойными орудиями, между контрапунктной инструментальной музыкой и хозяйственной кредитной системой существует глубокая связь формы?" Против такого сопоставления, какое делает Шпенглер, можно спорить. Но нельзя спорить против самой мысли о том, что разнороднейшие общественные явления все же связаны между собой.

§ 36. Вещи, люди, идеи. Мы определяли выше общество, как совокупность людей. В более широком смысле, однако, в общество входят также и вещи. Возьмите, например, теперешнее общество: все эти каменные громады городов, гигантские сооружения, железные дороги, гавани, машины, дома и прочее и прочее — ведь все это материально-технические „органы" общества. Любая машина вне человеческого общества теряет свое значение, как машина: она превращается просто в кусок внешней природы, комбинацию частей стали, дерева и т. д.—больше ничего. Представим себе, что затонул гигантский океанский пароход, эта живая громадина, с мощным двигателем, сотрясающим все чудовищное стальное тело пловучего дома, с тысячью всевозможных приспособлений, начиная от кухонных тряпок и кончая радиостанцией. Когда он лежит мертвым грузом на дне морском, вся его сложная конструкция теряет общественное значение. На корпус будут налипать раковины, деревянные части обрастут водорослью, в каютах поселятся крабы и т. д., но пароход перестает быть пароходом, ибо он потерял уже свое общественное бытие, он выскочил из общества, перестал быть его составной частью, перестал нести свою общественную службу, из общественной вещи превратился просто в вещь, как любая часть внешней природы, не соприкасающаяся непосредственно с человеческим обществом. Техника — это не просто куски внешней природы: это удлиненные органы общества, это общественная техника. Поэтому мы можем говорить об обществе в более широком смысле, чем говорили раньше. Тогда в него войдут и вещи в их „общественном бытии", т. е. прежде всего техни-

ческая система общества. Это есть материально-вещественная часть общества, его **вещественный** трудовой аппарат. Строго говоря, вещи вовсе не исчерпываются средствами производства и даже могут иметь к производству весьма отдаленное отношение (если не считать того, что сами они иногда бывают продуктами материального производства): сюда относятся, например, книги, карты, диаграммы, музеи, картинные галлереи, библиотеки, астрономические обсерватории, метеорологические станции (везде речь идет о материально вещественной их части), лаборатории, измерительные приборы, всевозможные телескопы и микроскопы, колбы, реторты и так далее и тому подобное. Все эти вещи не относятся непосредственно к процессу матераильного производства и, следовательно, не входят в общественную технику, не принадлежат к составу материальных производительных сил. Тем не менее всякому понятна их роль; они тоже не просто куски внешней природы; они тоже имеют „общественное бытие"; они, следовательно, тоже входят в понятие общества в том его более широком значении, о котором мы говорили выше.

Из IV главы мы знаем, что общество представляет из себя систему объединенных **людей**. Теперь мы видим, что сюда вкраплены и вещи. Но в более узком смысле слова под обществом все же разумеются люди, и притом не простая их куча, а связная система. Мы рассматривали этих людей в первую очередь, как работающие материальные тела. Таким образом, мы выяснили, что общество есть прежде всего трудовая организация, трудовая система, **людской** трудовой аппарат. Но мы отлично знаем, что люди—это не просто физические тела: они думают, чувствуют, желают, ставят себе цели и постоянно обмениваются своими мыслями и желаниями. Отношения между людьми это **не только** материально-трудовые отношения,—это и отношения психические, „духовные"; и общество производит ведь не только материальные предметы: оно производит и так называемые „духовные ценности": науку, искусство и проч.; оно, другими словами, производит не только вещи, но и **идеи**. А раз эти идеи произведены, они складываются в целые **системы идей**.

Таким образом, мы находим трoякого рода элементы в обществе: вещи, людей, идеи. Конечно, нелепо думать, что это ка-

кие-то совершенно самостоятельные элементы: всякий сообразит, что не было бы людей,—не было бы идей, что идеи живут только в людях, а не плавают в пространстве, как масло в воде. Но из этого не следует, что мы не можем их различать. И точно также ясно, что между всеми этими элементами должно быть известное равновесие. Грубо, приблизительно говоря: общество не могло бы существовать, если бы строй вещей, строй людей и строй идей не соответствовали бы друг другу. Но это нужно, конечно, доказать гораздо более подробно. Тогда мы поймем и ту связь явлений, которая всякому бросается в глаза и о которой мы говорили в предыдущем параграфе.

§ 37. Общественная техника и экономическая структура общества. Мы уже доказали в предыдущем, что при рассмотрении общественных явлений нужно исходить из общественных, материальных производительных сил, из общественной техники, из системы орудий труда. Нам нужно теперь сделать некоторые дополнения к тому, что было уже сказано выше. Когда мы говорили об общественной технике, то под этим нужно подразумевать не одно какое-нибудь орудие и не кучу разных орудий, а систему этих орудий, их совокупность во всем обществе. Необходимо представить себе, что в данном обществе, в разных местах, но в определенном порядке разбросаны станки и двигатели, инструменты и аппараты, простые и сложные орудия. В одних местах они сидят громадными гнездами (напр., в центрах крупной промышленности), в других местах другие орудия разбросаны. Но в каждый данный момент, раз люди связаны трудовой связью, раз у нас есть общество, по существу дела связаны между собою и все орудия труда, маленькие и большие, простые и сложные, ручные и механические, словом, все те, которые есть налицо в данном обществе в данное время. (Конечно, всегда господствует какой-нибудь тип орудий: в теперешнее время машины и аппараты, раньше—ручные орудия; позднее значение аппаратов и автоматически действующих машин возрастет еще более.) Другими словами: мы можем рассматривать общественную технику как нечто целое, где каждая из частей в данный момент общественно-необходима. В чем выражается этот факт? Почему мы, действительно, можем рассматривать общественную тех-

нику, как целое? В чем сказывается это **единство** всех частей технической системы общества?

Для того, чтобы, по возможности, яснее представить себе это, предположим, что в один прекрасный день, ну, хоть в современной Германии, взяты чудом на небо все машины, служащие для добычи каменного угля. Что бы получилось? Всякий поймет: это означало бы остановку почти всей промышленности. Нечем было бы топить фабрики и заводы; все машины и инструменты на этих фабриках тоже остановились бы, то-есть выпали бы из производственного процесса. Техника в одной области повлияла, таким образом, на технику почти **во всех других областях**. А это и значит, что на самом деле не только в нашем мышлении, а объективно, реально, все „техники" отдельных производственных отраслей образуют нечто целое, **единую общественную технику**. Общественная техника, как мы уже говорили, не куча отдельных орудий труда, а их **связная система**. Это значит, что от каждой части этой системы зависят все остальные. Это значит также, что в каждый данный момент различные части этой техники связаны определенной пропорцией, определенным отношением. Если на отдельной фабрике на столько-то станков нужно столько-то веретен, столько-то рабочих и т. д., то и во всем обществе при более или менее нормальном ходе общественного воспроизводства на определенное количество доменных печей приходится определенное количество машин и механических орудий, определенное количество средств производства и в металлургической, и в текстильной, и в химической, и во всякой другой индустрии. Правда, тут нет такой **точной** определенности, как на отдельной фабрике, но все же между „техническими системами" отдельных отраслей производства существует некоторое необходимое соотношение, которое в неорганизованном обществе устанавливается стихийно, в организованном—сознательно, но которое все же существует. Немыслимо, например, чтобы имелось на фабрике в десять раз больше веретен, чем нужно. Но также немыслимо, чтобы производство угля было в десять раз больше необходимого, и что машин и приспособлений, добывающих уголь, в десять раз больше, чем это нужно для обслуживания других отраслей производства. Точно так же, как между отраслями производства имеется

определенная связь и определенная пропорциональность, так и в общественной технике между ее частями есть определенная связь и определенная пропорциональность этих частей. Это обстоятельство и делает из простой суммы орудий, машин, инструментов и проч. систему общественной техники.

Если это так, тогда понятно и следующее: всякая данная система общественной техники определяет собой и систему трудовых отношений между людьми.

В самом деле, может ли быть так, что техническая система общества, строй его орудий—один, а строй людских отношений—совсем другой? Может ли быть, например, так, что техническая система общества—это машинная техника, а производственные, трудовые отношения—это отношения ремесленников, работающих вручную? Ясно, что этого быть не может. Если общество существует, то должно быть определенное равновесие между его техникой и его экономикой, т.-е. между совокупностью его орудий труда и его трудовой организацией, между его производительным вещественным аппаратом и его производительным людским аппаратом.

Приведем для пояснения пример. Возьмем и сравним так называемое „античное общество" с современным капиталистическим. Начнем с техники. А. Нейбургер (Albert Neiburger: „Die Technik des Altertums". Voigtländers Verl., Leipzig 1919), который склонен скорее преувеличивать, чем преуменьшать значение античной техники, пишет: „Аристотель в своих „Проблемах механики" дает нам перечисление употреблявшихся древними (технических) вспомогательных средств. В качестве таковых он называет рычаг с противовесом у колодца-журавля (Ziehbrunnen), равноплечные весы (gleicharmige Wage), безмен (Schnellwage), клещи, клин, топор, ворот, вал, колесо телеги, ролик, блок, шкив, пращу, руль, равно как и вращательные колеса из меди или железа с различным направлением вращения, под которыми нужно, по всей вероятности, подразумевать зубчатые колеса" (стр. 206).

Это самые элементарные технические приспособления, иначе называемые „простыми машинами" (рычаг, наклонная плоскость, клин, ролик). Ясно, что на этом далеко не уедешь. Это находит свое выражение и в переработке металлов. Вполне по-

нятно, что лишь металлический остов производительных сил создает впервые прочную основу для их развития. Однако из металлов здесь перерабатывается в первую очередь золото; бо̀льшая часть металла вообще идет на изготовление предметов непроизводительного потребления. Исключение представляет лишь кузнечное дело, где производились довольно примитивные орудия путем употребления молота, наковальни, щипцов, клещей, напильника и прочих несложных инструментов (изготовлялись по преимуществу топоры, молотки, мотыги, подковы, гвозди, цепочки, вилы, лопаты, ложки и проч.); литье шло, главным образом, для изготовления статуй и прочих непроизводительных поделок. Недаром, как мы уже знаем, Витрувий определял „машину", как „деревянное приспособление".

„Целые столетия техника застывала на одном уровне", говорит Сальвиоли (Salvioli: „Der Kapitalismis im Altertum", S. 101), разумея под этим, конечно, не абсолютный застой, а относительно медленное развитие античной техники.

Такая техника определяла собою и тип работника, его трудовую квалификацию, а равно и трудовые отношения, производственные отношения.

Тип работника на основе такой техники мог быть лишь один: тип ручного, ремесленного работника. Кузнецы, плотники, каменьщики, ткачи, золотых дел мастера, рудокопы, тележники, шорники, шорники-седельники, токари, серебряники, гончары, красильщики, кожевники, стекольщики, слесаря и т. д. и т. п.,— вот тип производительного работника (см. Gustave Glotz: „Le travail dans la Grèce ancienne". Felix Alcan. 1920, p.p. 265—276; Paul Louis: „Le travail dans le monde romain". 1912, p.p. 234—244). Таким образом, общественная техника обусловливала качество живой рабочей машины, т.-е. тип работника, его трудовую „квалификацию". Но эта же техника обусловливала и отношения между работающими людьми. В самом деле, уже из того, что мы видим здесь определенные виды работников, ясно, что перед нами есть распадение производства на ряд отраслей, из которых в каждой производится только один вид работы. Это есть разделение труда.

Чем обусловливалось это разделение труда? Ясно: наличностью соответствующих орудий труда. Но и форма

этого разделения труда тоже была определенной: „Разделение труда не позволяет здесь привести к таким же последствиям, как в современных обществах, потому что здесь оно не является функцией *машинизма*. Оно знаменует здесь не режим громадных фабрик (de grandes usines), а мелкую и среднюю промышленность“... (*Glotz*, l. c., 275). „Древнему миру было чуждо крупное производство, он никогда не выходил за пределы ремесла“ (*Salvioli*, l. c., 131). Вот вам и другая форма трудовых, производственных отношений, которая тоже, как мы видим, опирается на технику. Даже когда речь идет о колоссальном сооружении, то часто оно выполняется ремесленным путем. Так, при постройке одного из водопроводов в Риме правительство заключило контракт с тремя тысячами (!) мастеров-каменьщиков; они работали сами со своими рабами (ibidem, 139). Там же, где производство было сравнительно крупных размеров, оно могло существовать при такой технике лишь при употреблении внеэкономической силы: так было с рабским трудом, когда целые армии рабов ввозились после победоносных войн, распродавались и наполняли собой имения и крепостные мастерские (ergastula). При *другой* технике рабский труд был бы невозможен: рабы портят сложные машины, и рабский труд не окупается. Значит, даже такое явление, как труд вывезенных рабов, объясняется, в данных исторических условиях, орудиями общественного труда. Или возьмем такой вопрос. Известно, что, несмотря на довольно значительное развитие *торгово*-капиталистических отношений, в общем и целом хозяйство древнего мира было натуральным хозяйством. Люди не стояли в *тесном* экономическом общении: обмен был гораздо менее развит, чем в наше время; очень многое производилось в крупных имениях (латифундиях) и в их каторжных мастерских для собственного употребления. Это ведь тоже определенный строй труда, тоже вид производственных отношений. И опять-таки ясно, чем он объясняется: он объясняется слабым развитием производительных сил, слабостью *техники*. Производство при такой технике не могло выбрасывать массы излишков. Словом, мы видим, что отношения между людьми в трудовом процессе определяются высотой технического развития: античная экономика, так сказать, *прилажена* к античной технике.

Сравним теперь с этим капиталистическое общество. Прежде всего, его техника. Для того, чтобы бросить на нее общий взгляд, достаточно просмотреть список некоторых отраслей производства. Мы берем только две группы: постройка машин, инструментов и аппаратов—раз; электротехническая индустрия—два. Получаем такую картину:

I. Производство машин, инструментов и аппаратов.

a) Силовые машины.
   1. Локомотивы.
   2. Локомобили.
   3. Другие силовые машины.

b) Рабочие машины вообще.
   1. Машины для обработки металлов, дерева, камня и других материалов.
   2. Насосы
   3. Подъемные краны и транспортные машины.
   4. Прочие машины.

c) Рабочие машины в особых отраслях.
   1. Прядильные машины.
   2. Сельско-хозяйственные машины.
   3. Специальные машины по добыче сырья.
   4. Специальные машины для оружейной и мунициoнной индустрии.
   5. Специальные машины для изготовления тонких фабрикатов.
   6. Производство машин различного рода.

d) Мастерские по починке машин.

e) Котлы, аппараты и инвентарь.
   1. Паровые котлы.
   2. Котлы, аппараты и инвентарь для специальных отраслей (за исключением рабочих машин).

f) Инструменты для машин и машинные части.
   1. Инструменты для машин.
   2. Машинные части.

g) Постройка мельниц.

h) Кораблестроение и постройка корабельных машин.

i) Строение воздушных кораблей и летательных аппаратов и их частей.

k) Газовые предохранители.

l) Производство средств передвижения.
   1. Велосипеды и их части.
   2. Моторы.
   3. Строительство ж.-д. вагонов.
   4. Постройка телег и экипажей.
   5. Производство других средств передвижения, кроме водных и воздушных.

m) Производство часов и их частей.

n) Производство музыкальных инструментов.
o) Оптические и тонкие механические изделия, а также изготовление зоологических и микроскопических препаратов.
   1. Изготовление оптических и тонких механических инструментов, а равно и фотографических аппаратов.
   2. Изготовление хирургических инструментов и аппаратов.
   3. Изготовление зоологических и микроскопических аппаратов.
p) Изготовление колпачков и ламп (кроме тех, которые относятся к электротехнике).

II. Электротехническая индустрия.

a) Производство динамомашин и электромоторов.
b) „ аккумуляторов и элементов.
c) „ кабелей и изолиров. проволоки.
d) „ электрических измерительных приборов, счетчиков и часов.
e) Производство электрических аппаратов и установленного инвентаря.
f) „ „ ламп и прожекторов.
g) „ „ медицинских приспособлений.
h) „ аппаратов слабого тока.
i) „ электрических изоляционных приборов.
k) „ „ изделий крупными фирмами.
l) Починочные мастерские для электротехнических изделий всякого рода.

(Rudolf Meerwarth. „Einleitung in die Wirtschaftsstatistik". Jena. Gustav Fischer, 1920. S. 43—44.

Стоит только сравнить этот список с „машинами", о которых упоминает Аристотель или Витрувий, чтобы понять громадную разницу между техникой античного общества и техникой общества капиталистического. Но точно так же, как античная техника определяла собой античную экономику, точно так же капиталистическая техника определяет собою капиталистическую, современную экономику. Если бы можно было подсчитать все население, скажем, старого Рима и современного Берлина или Лондона и разделить это население по профессиям, по роду занятий, тогда ясной стала бы глубокая пропасть, которая отделяет нас от „древности". Теперь мы найдем (в зависимости от машинной техники стоящих) работников, которых там вовсе не было. Вместо ремесленников (каких-нибудь fabri ferrarii) [1]) мы найдем у нас электротехников, монтеров, установщиков, механиков, котельщиков, токарей по металлу, фрезеровщиков, оптиков, наборщиков, литографов,

[1]) Ремесленные рабочие по железу.

железнодорожников, машинистов, шофферов, молотобойцев у парового молота, рабочих при жнейках, косилках, сноповязалках, паровом плуге, инженеров-электротехников, химиков, специалистов по паровым котлам, наборщиков на наборной машине и проч. и проч. Таких видов работников даже по названию *вовсе* не было, потому что не было даже соответствующих отраслей производства и не было *соответствующих орудий труда*. Но если мы перейдем к такого рода работникам, которые имеют то же название и работают в области, которая существовала и раньше, то и то у нас будет Федот, да не тот. В самом деле, что общего между современным ткачем, работающим на крупной текстильной фабрике, и ремесленником или рабом античной Греции или Рима? То был совсем другой человек, который так же ловко чувствовал бы себя на современной ткацкой фабрике, как Юлий Цезарь в вагоне нью-йоркской подземной железной дороги. У нас *другие* рабочие силы *другой* трудовой квалификации. Наши рабочие силы суть продукты иной техники, к которой они и приспособлены.

Выше мы заметили, что теперь есть бесчисленное множество отраслей производства, которых раньше не было. Это прежде всего значит, что в капиталистическом обществе существует совсем другое разделение общественного труда. А разделение общественного труда есть одно из основных производственных отношений. На чем основано *современное* разделение труда? Не трудно видеть, что оно определяется *современными* орудиями труда, характером, видом, сочетанием машин и орудий, т.-е. технической системой капиталистического общества. Посмотрим на форму современного предприятия. Это есть *крупная фабрика*. Это не мелкая производственная единица, не хозяйство ремесленника, даже не домашнее хозяйство владельца латифундии. Это — огромная организация, включающая в свой строй тысячи людей, расположенных в определенном порядке, по определенным местам, выполняющих строго определенный вид работы. Если мы возьмем, так сказать, образец капиталистического предприятия, напр., автомобильную фабрику Форда в Детройте (Сев. Америка), то нам сразу бросится в глаза ее специфически (особливо) современный вид. Точное разделение труда, машинный его характер,

автоматический характер машин и контроль над ними со стороны рабочих, строгая последовательность операций и т. д. На движущихся платформах лежат части продукта. Стоящие у своих машин и орудий рабочие разных сортов и разной квалификации во-время проделывают свою операцию над „проезжающим“ на платформе полуфабрикатом. Весь ход работы рассчитан по секундам. Учтено каждое перемещение рабочего, каждое движение его руки и ноги, каждый наклон его тела. „Персонал“ следит за общим ходом работ. Все построено на часах, на хронометре. Это разделение труда и его „научная организация“ по системе Тейлора. Такая фабрика тоже, если мы рассматриваем ее людской строй, т.-е. отношения между людьми, есть производственное отношение. И опять-таки, чем определяется расположение людей? Чем определяются их отношения друг к другу? Техникой, системой машин, их сочетанием, организацией вещественного аппарата фабрики.

„Наиболее решающим фактором организации труда надо признать современное развитие техники... Машина на заводе не одна. Машины разбиты на группы. Они спаяны родством или последовательностью операций. Переход работы со станка на станок, заводский транспорт... предстоят перед техническими руководителями, как величина, подлежащая учету и сужению. План цехов, распланировка станков и всех рабочих мест, генеральный и будничный транспорт точно так же регламентируется, автоматизируется, нормализируется... и постепенно превращается в тонко рассчитанную машину управления предприятием... В общей системе этого движения вещей передвижение человека и его воздействие на других тоже оказалось... часто определяющим оазисом... Явилась система научного администрирования“ (А. Гастев: Наши задачи. „Организация Труда“. Ежемесячник Института Труда, № 1. М. 1921 г., стр. 12—13). Чтобы составить себе представление о цехах крупных металлических заводов, перечислим цехи русских заводов: механический, электрический, кузнечный, котельный, литейный, сталелитейный, чугунолитейный, железо-стале-прокатный, термическая обработка металлов, мартеновские доменные печи, печи Сименса, тигельный, лафетный, химический, деревообделочный, строительный, вспомогательный. На Путиловском заводе в 1914—1916 г.г. были следующие категории рабочих: слесаря, токаря, фрезеровщики, строгальщики, долбежники, сверловщики, клепальщики, чеканщики, сборщики, кузнецы, молотобойцы, прессовщики, шишельники, кочегары, старшие на печах, вальцовщики, машинисты, обрубщики, печники, формовщики, вагранщики, обойщики, столяры, плотники, маляры, медники, жестяники,

кабельщики, чернорабочие-мужчины, чернорабочие-женщины (см. „Вестник Металлиста“, СПБ., 1917, стр. 13). Уже многие названия показывают, что данный вид работы связан с определенным орудием, машиной, инструментом. При определенном сочетании этих орудий труда, их распланировке, на предприятии имеется и такая же определенная распланировка людей. Второе определяется первым.

Таким образом, производственные отношения крупного производства определяются техникой. И точно так же, как из техники античной Греции и Рима вытекали производственные отношения, свойственные мелкому и среднему производству, точно так же из современной техники вытекают отношения крупного производства. Между общественной техникой и и общественной экономикой имеется и тут и там относительное равновесие.

Наконец, мы видели, что слабость техники античного мира приводила к слабости обмена,—к тому, что хозяйство носило преимущественно натуральный характер: связи между хозяйствами были очень неплотными. Это тоже определенные производственные отношения. Наоборот, современная капиталистическая техника позволяет выбрасывать огромные массы продуктов. Да и разделение труда приводит к тому, что все производство рассчитано на рынок: не носит же фабрикант подтяжек, сам, миллионы этих подтяжек, которые выбрасывает его фабрика! Таким образом и производственные отношения товарного хозяйства оказываются следствием соответствующей техники.

Мы подходили к вопросу с разных сторон: во-первых, какие есть рабочие силы; во-вторых, какое разделение труда между ними; в-третьих, какой размер производства, т.-е. в каких мерках, в каких масштабах организованы люди в отдельных хозяйствах; в-четвертых, какие отношения существуют между этими отдельными хозяйствами, И всюду, на примере двух разных обществ (античного и современного) мы пришли к выводу, что сочетания орудий труда, общественная техника определяет собой сочетания и отношения людей, т.-е. общественную экономику. Однако, все это составляет лишь одну сторону, одну часть производственных отношений. Теперь нам нужно остановиться на другом, чрезвычайно большом и чрезвычайно существенном, вопросе, а именно на вопросе об общественных классах.

Подробно нам придется говорит об этом ниже. Здесь же нужно рассмотреть его с точки зрения производственных отношений.

Когда мы рассматриваем отношения людей в производственном процессе, то мы почти везде (за исключением так называемого первобытного коммунизма) открываем, что люди группируются так, что одна группа стоит не рядом, а н а д другой. Возьмем отношения при „крепостном праве". Помещики — под ними управляющие, бурмистры, приказчики,—под ними, в свою очередь, крестьяне. Возьмем капиталистические отношения производства. И тут мы увидим, что люди в процессе труда делятся не только на литейщиков, монтеров, железнодорожников, табачников и т. д., которые, несмотря на разнообразие своих занятий, все же работают по одному типу, стоят „на одной ноге" в производстве. Мы увидим здесь тоже, что одна группа людей стоит в процессе труда н а д другой: над рабочими—служащие (средний технический персонал: мастера, инженеры, техники, агрономы и т. д.); над служащими — высшие служащие (управляющие, директора); над ними — так называемые владельцы предприятий, капиталисты, высшие командиры и верховные распорядители судьбами производственного процесса. Возьмем, наконец, латифундию римского помещика-богача: тут тоже целая лестница людей: на низшей ступени рабы („говорящие орудия", instrumenta vocalia, как их называли римляне в отличие от „орудий полуговорящих", то-есть мычащего скота, и от орудий немых", то-есть вещей); за рабами идут погонщики рабов, надсмотрищики и т. д.; далее управляющие; наконец, сам владелец латифундии и его почтенное семейство (жена обычно стояла во главе некоторых домашних работ). И слепой увидит, что здесь налицо р а з н о г о типа отношения между трудящимися людьми. Все перечисленные лица принимают то или иное участие в процессе труда и состоят поэтому в известных отношениях друг к другу. При этом всех их нужно подразделить на разного рода группы: можно разделить их по специальностям, можно их подразделить по профессиям, можно их подразделить по к л а с с а м. Когда мы делим их по профессиям или по специальностям, у нас получатся кузнецы, слесаря, токари и проч.; затем, скажем, инженеры-химики, инженеры-механики, инженеры-специалисты по паровым котлам, или по обработке волокнистых веществ, или по паровозам и проч. Но

ясно видно, что слесарь, токарь, машинист, грузчик—это одна статья; инженер, агроном и т. д.—нечто уже другое; а капиталист, распоряжающийся всем и вся,—это уже нечто *совсем* другое. За одну скобку всех этих людей не поставишь. Всякий заметит, что при всем различии в труде слесаря, токаря, наборщика — все же они относятся друг к другу в процессе общего труда по одному, а слесарь и инженер — по-другому, слесарь и капиталист — совсем и абсолютно по-другому. Больше того, ясно заметно и вот еще что: слесарь, токарь, наборщик—все, вместе и порознь, стоят в одинаковых отношениях ко всем инженерам и в одинаковых, еще более далеких отношениях ко всем верховным распорядителям, командирам производства, „капитанам промышлености", капиталистам. Здесь налицо крупнейшие различия в производственной роли, в производственном значении, в типе, в характере отношений между людьми: капиталист на фабрике перемещает и расставляет рабочих так же, как он расставляет вещи — орудия; рабочие отнюдь не „расставляют" капиталистов (пока речь идет о капиталистическом строе, конечно): они „расставляются" этими капиталистами. Здесь отношение господства-подчинения („Herrschafts-und Knechtschaftsverhältniss", как говорит Маркс), „команда капитала" („Komando des Kapitals"). Вот эта совершенно различная роль в процессе производства и есть основание для деления людей на различные *общественные классы*.

Здесь мы должны обратить внимание на один очень важный факт. Мы знаем уже из предыдущего, что в процесс общественного воспроизводства входит и процесс *распределения*. Процесс распределения есть, так сказать, обратная сторона процесса общественного производства. Что же такое процесс распределения, если его рассмотреть более подробно? И как он связан с процессом производства?

Маркс пишет об этом следующее („Einleitung zu einer Kritik der Politischen Oekonomie"): „Распределение (Distribution) в вульгарном (простецком) понимании представляется, как распределение продуктов; более того,—как нечто отдаленное от производства и как бы самостоятельное по отношению к нему. Но раньше, чем распределение является распределением *продуктов*, оно является, во-первых, распределением *орудий производства* (der Produktionsinstrumente) и, во-вторых,—

что является дальнейшим определением того же соотношения,— распределением членов общества между различными видами производства (соподчинение индивидуумов определенным производственным отношениям). Распределение продуктов есть, явным образом, результат этого распределения, которое само включено в процесс производства (die innerhalb des Produktionsprozesses selbst einbegriffen ist) и которое определяет расчленение этого производства. Рассматривать производство, отвлекаясь от этого включенного в него распределения, — пустая абстракция; наоборот, вместе с этим распределением, образующим момент (в смысле элемент. *Н. Б.*) производства, распределение продуктов дано само собой" (курсив везде наш. *Н. Б.*). Эти положения Маркса нужно разобрать.

Мы видим прежде всего, что процесс производства продуктов определяет собой процесс распределения продуктов. Если, например, производство ведется в независимых, отдельных хозяйствах (в отдельных капиталистических предприятиях или отдельными ремесленниками), в то же время в каждом хозяйстве уже производится не все, что для него нужно, а какой-нибудь специальный продукт (в одних хозяйствах—часы, в других—хлеб, в третьих—железные замки, молотки, щипцы и т. д.), тогда ясно, что распределение продукта будет итти путем обмена. Люди, выделывающие замки, не могут одеваться в эти замки или есть их за обедом. А люди, производящие хлеб, не могут запирать хлебом свой амбар с мукой, им нужен замок и ключи. Значит, они неизбежно будут меняться, торговать. Значит, здесь распределение произведенных в обществе продуктов будет итти путем обмена. Из того, как производят, вытекает и то, как распределяют продукт. Распределение продукта вовсе не есть нечто независимое от производства этого продукта. Наоборот: оно им определяется и вместе с ним составляет часть материального общественного воспроизводства.

Однако само производство включает в себя два других „распределения": во-первых, распределение людей, их размещение в процессе производства, в связи с их различной ролью в производственном процессе (об этом мы, главным образом, и говорили в данном параграфе); во-вторых, распределение орудий производства между этими людьми. Эти

два „распределения“ входят в число составных частей самого производства, или, как говорил Маркс, „включены“ в него. В самом деле, возьмем наши прежние примеры, хотя бы пример с капиталистическим обществом. Мы видим в нем „распределение людей“. Эти „распределенные“, т.-е. определенным образом расставленные в производстве люди, делятся, как мы видели, на классы, при чем основанием этого деления является различная роль в процессе производства. Но посмотрите! Вместе с этим различным „распределением людей“, вместе с этой различной ролью этих людей в производстве связано и распределение средств труда: капиталист, владелец латифундии, помещик имеют в своем распоряжении эти средства труда (фабрику и машины, имение и каторжные мастерские, землю и постройки), в то время, как рабочий никаких средств производства не имеет, кроме своей рабочей силы, раб не может распоряжаться даже своим собственным телом, а крепостной крестьянин тоже ушел недалеко от этого. Мы видим таким образом, что различная роль классов в производстве опирается на распределение между ними средств производства. В лондонской газете „Народ“ (№№ от 6 и 20 августа 1859 г.) Энгельс, давая отзыв о книге Маркса „К критике политической экономии“, писал: „Политическая экономия говорит не о вещах, а об отношениях между людьми, в последней инстанции об отношении между классами; эти же отношения всегда связаны с вещами и представляются, как вещи“. Что это значит? Поясним опять-таки примером. Возьмем самые обычные отношения классов капиталистического общества, отношения между капиталистами и рабочими. С какой „вещью“ они связаны? Да с тем, что имеется в руках капиталистов, с теми средствами производства, которые имеются в распоряжении капиталистов и которых абсолютно нет у рабочих. Эти средства производства служат для капиталистов орудием выкачки прибыли, средством эксплоатации рабочего класса. Это не просто вещи, а вещи в особом общественном значении. В каком? В том, что они служат здесь не только средством производства, но и средством эксплоатации наемного рабочего. Другими словами, в этой „вещи“ выражено отношение между классами, или, как говорит Энгельс, эти отношения между классами привязаны к вещам. В нашем примере это есть капитал.

Итак, особый вид производственных отношений, который состоит в отношениях *между классами*, определяется различной ролью этих групп людей в производственном процессе и распределением между ними средств производства. Распределение *продуктов* целиком этим дано.

Почему капиталист получает прибыль? Потому, что у него средства производства; потому, что он капиталист.

Классовые производственные отношения, т.-е. отношения, связанные с различным распределением средств производства, *имеют особенно важное значение в обществе. Они-то и определяют собою, в первую очередь, вид этого общества, его строение, или, как это называл Маркс, его экономическую структуру.*

Производственные отношения, как видит теперь всякий, чрезвычайно разнообразны и многосложны. Если вспомнить еще, что распределение продуктов мы рассматриваем, как часть воспроизводства, тогда будет тем самым понятно, что в производственные отношения входят и отношения между людьми в процессе распределения. Этих отношений тоже в сложном обществе превеликое множество. Отношения между купцами, банкирами, приказчиками, менялами, розничными торговцами, рабочими, потребителями, продавцами, коммивояжерами, разносчиками, фабрикантами, пароходовладельцами, матросами, инженерами, мастерами и т. д. и т. п.,— все это производственные отношения. Они в действительной жизни все переплетаются друг с другом в самых разнообразных сочетаниях, в самых причудливых комбинациях, в самых странных узорах. Но среди всех этих узоров особое значение имеет основной рисунок: отношения между большими группами людей, имя которым (группам) — *общественные классы*. От того, какие в обществе существуют классы, как эти класы расставлены друг по отношению к другу, какую роль они играют в процессе производства, как распределены орудия труда—от всего этого и зависит, что за общество мы имеем перед собой: вверху — капиталист, внизу — наемный рабочий, — это капиталистическое общество; вверху владелец поместья, распоряжающийся и всеми вещами и всеми людьми с кожей и волосами,— это рабский строй; вверху рабочие, которые всем распоряжаются, — это строй пролетарской диктатуры, и так далее.

Конечно, когда классов вовсе нет, это не значит, что общество исчезло. Это значит, что нет классового общества. Таково, напр., первобытное коммунистическое общество, таково будет и коммунистическое общество будущего.

Теперь перед нами появляется такой вопрос. Мы раньше видели, что производственные отношения изменяются вместе с общественной техникой. Годится ли это положение для тех производственных отношений, которые являются в то же время отношениями между классами? Стоит лишь взглянуть на действительный ход развития какого угодно общества, чтобы тотчас же убедиться в том, что это положение правильно. На глазах теперешнего поколения, например, произошли громадные изменения среди классов. Всего несколько десятков лет тому назад был значителен еще класс самостоятельных ремесленников. И он стал быстро таять. Почему? Росла машинная техника, вместе с ней крупное производство, фабричная система. Вместе с этим в свою очередь рос пролетариат, росла промышленная крупная буржуазия и исчезало ремесло. Классовая группировка становилась другой. Иначе, конечно, и быть не может. Ибо, когда изменяется техника, то изменяется и разделение труда в обществе, исчезают или становятся менее важными одни функции в производстве, появляются новые и так далее. Вместе с тем изменяется и группировка классов. Когда производительные силы общества слабо развиты, то в таком обществе совсем слабо развита промышленность и общественное хозяйство носит аграрный, сельско-хозяйственный, деревенский характер. Не мудрено, что в таком обществе преобладают деревенские классы и во главе всего общества стоит класс крупных землевладельцев-помещиков. Наоборот, когда в обществе производительные силы—уже высокоразвитая величина, тогда налицо могучая промышленность, города, фабричные поселки и так далее. Но тем самым громадное влияние приобретают именно городские классы. Помещик отходит на задний план перед промышленной буржуазией или другими частями буржуазии. Становится мощной силой пролетариат. Само собою очевидно, что постоянная перегруппировка классов может изменить совершенно форму общества. Это будет тогда, когда класс, бывший внизу, становится вверху. Как это происходит — об этом речь будет итти в следующей главе. Сейчас с нас доста-

точно того, что классовые отношения, — самая важная часть производственных отношений — точно так же изменяются в связи с изменением производительных сил. „В зависимости от характера средств производства изменяются и общественные отношения производителей друг к другу, изменяются отношения их совместной деятельности и их участие во всем ходе производства. С изобретением нового военного орудия—огнестрельного оружия—необходимым образом изменилась вся внутренняя организация армии, равно как и все те взаимные отношения, в которых стоят входящие в состав армии личности и благодаря которым она представляет собой организованное целое; наконец, изменились также и взаимные отношения целых армий. Общественные отношения производителей, общественные отношения производства меняются, следовательно, с изменением и развитием материальных средств производства, т.-е. производительных сил“ (К. Маркс: „Наемный труд и капитал“, „Lohnarbeit und Kapital“). Другими словами: „Организация всякого данного общества определяется состоянием его производительных сил. С изменением этого состояния непременно должна раньше или позже измениться и общественная организация. Следовательно, она находится в неустойчивом равновесии[1]) везде, где растут (или падают. *Н. Б.*) общественные производительные силы“ (Г. Плеханов: „О материалистическом понимании истории. Критика наших критиков“, 324).

Совокупность производственных отношений и является экономической структурой общества, иначе—способом производства. Это есть людской трудовой аппарат общества, его „реальное основание“.

Мы, рассматривая производственные отношения, сводим их к размещению людей в пространстве. В чем выражается отношение? В том, что каждый человек имеет, как мы уже писали, свое место точно так же, как винтик в часовом механизме. Именно эта определенность положения в пространстве, „на трудовом поле“, и делает из этого „размещения“, „распределения“ общественно-трудовое отношение. Каждая вещь, понятно, находится в пространстве и дви-

---

[1]) Обращаем внимание тех читателей, которые будут недовольны „теорией равновесия“, на эту терминологию.

жется в нем. Но здесь люди связаны именно определенностью своих, так сказать, трудовых позиций. Это есть материальное отношение, такое же, как отношение частиц часового механизма. Нужно иметь в виду, что критики исторического материализма постоянно путают понятия, пользуясь тем, что слово „материальный“ имеет несколько значений. Так, например, „сводят“ исторический процесс к материальным „потребностям“ или „интересам“, а потом торжествуют легкую победу над историческим материализмом, справедливо доказывая, что „интерес“ есть вовсе не нечто материальное в философском смысле слова, а видимым образом нечто психическое. И действительно, интерес—это вовсе не материя. Но беда в том, что и некоторые „сторонники“ исторического материализма (соединяющие, по преимуществу, Маркса с кем-либо из буржуазных философов и не согласные с философским материализмом) тоже не прочь путать. Так, напр., Макс Адлер, соединяющий Маркса с Кантом, видит в обществе совокупность психических взаимодействий: у него все психично (то же было у А. А. Богданова. См. „Из психологии общества“). Вот образец подобных рассуждений: „Но отношение ведь никоим образом не является материей в смысле философского материализма-приравнивающего материю к неодушевленному веществу. Вообще трудно поставить „экономическую структуру“, „материальный базис“ исторического материализма в какое-либо отношение к „материи“ философского материализма, как бы ее ни понимать... И это относится не только к тому, что производит действие, но и к тому, что создается этим действием. Средства производства... скорее являются продуктами человеческого духа..“ (Макс Цеттербаум: „К материалистическому пониманию истории“. Сборник „Исторический материализм“. Изд. Моск. Сов. 1919, стр. 218). М. Цеттербаума смущает, что машины делаются не бездушными людьми. Но так как и сами люди делаются тоже не покойниками, то, значит, все в обществе является продуктом духа, не имеющего тела, т.-е. очень добродетельного духа. Значит, машина есть нечто психическое. Значит, у общества нет никакой „материи“. Однако, очевидно, что это не совсем так. Ибо даже и безгрешный дух не построил бы ни людей, ни машины без грешной плоти. Более того: не имея этой плоти, он не загорелся бы желанием заниматься такими делами. Но как же быть с „отношением“? Поясним г. Цеттербауму еще раз. Надеемся, что г. Цеттербаум не станет протестовать, если мы будем говорить о солнечной системе, как о материальной системе. Но что же такое эта система и почему она система? Да как раз потому, что ее составные части (солнце, земля, всякие другие планеты) находятся в определенных отношениях друг к другу, ибо в каждый данный момент они занимают определенное место в пространстве. Точно так же, как совокупность планет, находящихся в определенных отношениях, образует солнечную систему, так и совокупность находящихся в производственных отношениях людей образует экономическую структуру общества, его материальный базис, его людской аппарат. У Каутского, который иногда безбожно путает

технику и экономику, есть тоже очень сомнительные места (напр., на стр. 104 указанного сборника). Этим утверждениям мы можем противопоставить следующее место из архибуржуазного В. Зомбарта. Вот что говорит этот далеко не материалистически настроенный профессор: „Если говорить образно, то можно говорить о хозяйственной жизни, как организме, и выставить положение, что этот последний состоит из тела и души. Тело образуют внешние формы, в которых разыгрывается хозяйственная жизнь: хозяйственные и производственные формы (die Wirtschafts-und Betriebsformen), организации многоразличного вида, в кругу которых и с помощью которых хозяйствуют" и т. д. Ясно, что под рубрику хозяйственной формы и организации можно и должно, в первую очередь, подвести всю экономическую структуру общества. Она и есть, „образно выражаясь", тело этого общества. (См. Werner Sombart: „Der Bourgeois". Verl. Duncker u. Humblot. München und Leipzig 1913, S. 2).

§ 38. Надстройки и их структура. Нам необходимо теперь приступить к рассмотрению других сторон общественной жизни. Тут перед нами появляются такие ряды общественных явлений: социально-политической строй общества (устройство его государственной власти, организация классов, партий и т. д.), обычаи, право и нравственность (общественные нормы, т.-е. правила поведения людей), наука и философия, религия, искусство и, наконец, язык—средство общения между людьми. Обычно все эти явления, за исключением социально-политического строя общества, называют „духовной культурой".

Слово „культура" на латинском языке означает „обработка". Под культурой, следовательно, разумеется все то, что является „делом рук человеческих" в широком смысле слова, т.-е. все, что так или иначе произведено общественным человеком. „Духовная культура" точно так же является продуктом общественной жизни, входит в общий жизненный процесс общества. Поэтому, чтобы понять ее, необходимо ее представить именно как часть этого общего жизненного процесса. Между тем некоторые буржуазные ученые во что бы то ни стало хотят оторвать эту „духовную культуру" от жизненного процесса общества, т.-е. по сути дела обожествить ее, сделать из нее особую сущность, независимого от тела и безгрешного духа. Так, напр. Альфред Вебер (Alfred Weber: „Der soziologische Kulturbegriff". Verhandlungen des II. Deutschen Soziologentages. Tübingen. Verl. Mohr. 1913), называя рост общественной жизни, ее сложности и богатства процессом внешней цивилизации, пишет: „Но мы теперь чувствуем (!), что культура стоит над всем этим, что мы под культурным развитием подразумеваем нечто иное... Только тогда, когда... жизнь становится чем-то стоящим над своими необходимостями и полезностями, только тогда имеется налицо культура" (S.S. 10,

11. Курсив автора). Другими словами, культура есть часть жизни, но не определяется „необходимостями и полезностями жизни“, то-есть выскакивает из общества, не определяясь этим обществом. Ясно, что такая точка зрения приводит к отказу от науки и к замене ее верой. Недаром главным доказательством Вебера является ссылка на то, что мы „чувствуем“.

Чтобы перейти к этой „духовной культуре“, нам удобнее предварительно рассмотреть в самых общих чертах социально-политическое строение общества, потому что оно непосредственно определяется, как мы это сейчас увидим, экономическим его строением.

Наиболее ярким выражением социально-политического строения общества является государственная власть. Что такое государственная власть? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно спросить себя: да как же возможно существование классового общества? Ведь ясно, что если общество состоит из разных классов, то у этих классов есть разные интересы. Одни владеют всем, другие почти ничем. Одни приказывают, распоряжаются, присваивают себе продукты чужого труда, другие повинуются, выполняют чужие приказания, отдают то, что они произвели своими руками. Положение классов в производстве и распределении, то-есть условия их существования, их роль в обществе, их „общественное бытие“, вызывает и определенное сознание. Мы ведь хорошо знаем, что все на свете детерминировано, что нет ничего беспричинного. Неудивительно, что различное положение классов определяет различие их интересов, их желаний, их борьбу, иногда борьбу не на живот, а на смерть. Как же при таких условиях достигается равновесие в строении классового общества? Как оно не разваливается в каждый данный момент? Как возможно само существование такого общества, где, как говорил один английский политик, среди одной нации существуют на самом деле две „нации“ (т.-е. два класса)?

Мы знаем, однако, что классовые общества существуют. Значит, должно быть добавочное условие равновесия. Должно быть нечто, что играет роль обруча, стягивающего классы, не дающего обществу распасться, развалиться, окончательно расколоться. Таким обручем является государство. Это—организация, которая бесчисленными нитями опутывает все общество и держит его в сетке своих щупальцев. Но что

же это за организация? Откуда она берется? Ясное дело: с неба она упасть не может. Не может она быть и неклассовой, и притом по очень простой причине: неклассовых людей в классовом обществе нет. Нет, следовательно, материала для того, чтобы построить внеклассовую или „надклассовую“ организацию, чтобы ни распевали соловьи-разбойники из лагеря буржуазных ученых. Государственная организация есть целиком и без остатка организация „господствующего класса“.

Теперь зададим себе такой вопрос: какой же класс „господствует“? Организацией какого общественного класса является государственная власть, которая держит в повиновении другие классы своей мощью, своим насилием, своими идейными, духовными путами, своим разветвленными громадным аппаратом? И опять-таки на этот вопрос не трудно будет ответить, если мы будем только помнить о всем, что мы говорили раньше. В самом деле, представим себе капиталистическое общество. В производстве здесь господствует класс капиталистов. Может ли быть, чтобы длительно в государстве господствовал, скажем, пролетариат? Ясно, что нет. Ибо тогда не было бы одного из основных условий равновесия, и должно было бы произойти что-либо одно из двух: либо пролетариат взял бы в свои руки и господство над производством, либо буржуазия взяла бы в свои руки государственную власть. Значит, поскольку общество с определенной экономической структурой существует, постольку его государственная организация должна быть прилажена к его экономической организации; другими словами, экономическая структура общества определяет собою и его государственно-политическую структуру.

Обратим наше внимание еще вот на что. Государство—огромнейшая организация, охватывающая целую страну, господствующая над многими миллионами людей. Она требует сама целую армию служащих, чиновников, солдат, офицеров, законодателей, юристов, министров, судей, полководцев и прочее, и прочее. Она тоже в самой себе имеет целые пласты людей, расположенные друг над другом. И в этом своем строении она, как в зеркале, отражает то, что имеется в производстве. В капиталистическом обществе, например, в производстве, верховным командиром является буржуазия; в государстве—тоже; непосред-

ственно за фабрикантом стоит директор фабрики, часто тоже сам капиталист; то же происходит с министрами в капиталистическом государстве, с самыми высокими дельцами буржуазного государства; из этого же круга в армии имеются генералы; в производстве среднее место занимает техник и инженер, техническая интеллигенция; эта же интеллигенция сидит в качестве среднего чиновника в государственном аппарате и отсюда вербуется часто офицерство. А рабочему классу соответствуют низшие служащие, солдаты и проч. Конечно, есть и кое-какие отличия. Но в общем строение государственной власти соответствует строению общества. Ибо предположим на минуту, что чудом низшие служащие стали бы выше высших. Это означало бы, что прежний класс упустил из своих рук государственную власть. А это возможно лишь в том случае, когда все общество выходит из равновесия, т.-е. когда происходит революция. Но эта революция опять-таки не может быть без того, чтобы и в производстве не произошло соответствующих перемен. Таким образом здесь мы видим, что строение самого аппарата государственной власти отражает экономическое строение, т.-е. одни и те же классы стоят на одних и тех же местах.

Приведем несколько примеров из разных эпох и областей. В древнем Египте, например, управление производством почти сливалось с управлением государством, при чем во главе и производства, и государства стояли крупные землевладельцы. Громадная часть производства была производством крупно-землевладельческого государства. Роль общественных групп в производстве совпадала с их положением в качестве высших, средних или низших чиновников этого государства и его рабов (O. Neurath: „Antike Wirschaftsgeschichte". Verl. Teudner, 1909, S. 8). „Семейства знатных (der „Grossen") являются, правда, землевладельческими семействами, в то же самое время и прежде всего они являются служилой знатью (Dienstadel)" (Max Weber: „Agrargechichte". Handw. der Staatswissenschaften). Иногда связь государственной власти и командной власти в производстве достигала поразительно яркого выражения. В XV столетии в итальянской торгово-капиталистической республике Флоренции господствовал банкирский дом Медичи; „медичейский банк и флорентинская казна совершенно совпали, и банкротство торгового дома Медичи слилось с падением флорентинской республики" (М. Покровский: „Экономический материализм". Москва 1906, стр. 27). Во второй половине XVIII века в России господствовали в производстве помещики, сидевшие на крепостном крестьянине; в государстве поэтому тоже господствовали помещики, даже

специально сорганизованные в привилегированное „благородное“ дворянское сословие. И когда „мужики“ подняли так называемый „пугачевский бунт“, дворянская императрица Екатерина Вторая выразила самую суть тогдашней государственной власти, приняв, в качестве „помещицы казанской“, участие в формировании конного полка для усмирения „черни“, что вызвало у казанских помещиков взрыв верноподданнических чувств. Оживленные сношения с французскими вольнолюбивыми философами не мешали Екатерине установить, напр., крепостное право на Украйне. А. Толстой недурно изобразил связь этих обстоятельств:

Великому народу,
Которому вы—мать,
Должны вы дать свободу,
Должны свободу дать.
Она им говорила:
„Messieurs, vous me comblez“ [1]),
И тотчас прикрепила
Украинцев к земле.

В современной Америке (Соед. Штатах) в производстве всем командует финансовый капитал, клика банковиков и организаторов трестов. Государственнная власть принадлежит им же, и притом настолько, что решения парламента предварительно решаются гораздо более основательно за кулисами объединенного капитала.

Социально-политическое строение общества, однако, вовсе не исчерпывается одной государственной властью. И у господствующего класса и у классов угнетенных имеются многоразличные организации и самые разнообразные формы объединений. Каждый класс обычно имеет свой авангард наиболее „сознательных“ своих членов, которые образуют борющиеся за господство в обществе политические партии. У господствующего класса есть обычно своя партия, у угнетенных—своя, у „средних классов“—тоже своя. А так как в среде класса есть еще подразделения, то немудренно, что у класса бывает и по нескольку партий, хотя наиболее длительные интересы, прочные и самые основательные, выражает только одна партия. Кроме оформленных партий, имеется и ряд других организаций: напр., у теперешних американских капиталистов есть и боевые их союзы против рабочих, и специальные организации для избирательных мошенничеств (так называемый Tammany Hall—„Таммани-Холл“), и организации по вербовке штрейкбрехеров, и организации шпионов-провокаторов (сыскные частные бюро Пин-

[1]) Ах, господа, вы наполняете меня благодарностью!

кертона), и скрытые от всего мира и строго законспирированные группы наиболее влиятельных капиталистических фирм и наиболее влиятельных политических дельцов,—группы, решения которых потом проводятся через официальные государственные органы. В России подсобной организацией помещичьего государства была, напр., полууголовная „черная сотня“, связанння даже с царствовавшим домом Романовых; в Италии такую роль в 1921 г. играли „фашисты“, в Германии так называемый „оргеш“. У угнетенных классов тоже, кроме партий, есть и разного рода „экономические“ союзы (напр., профсоюзы), боевые организации, клубы; сюда же относятся такие явления, как „шайки“ Стеньки Разина или Пугачева. Словом, все организации, ведущие классовую борьбу, начиная с „золотой молодежи“, немецких студенческих „корпораций“ и кончая государством—с одной стороны, начиная с партии и кончая клубом—с другой, все они входят в социально-политическое строение общества. Не нужно особенно напрягать мозги, чтобы понять, чем определяется их существование. Это есть отражение и выражение **классов**. Следовательно, и здесь „**экономика**“ **определяет собой политику.**

Но мы в своем рассмотрении этой „политической надстройки“ общества можем и должны обратить внимание на такой факт. Ведь из приведенных уже примеров вытекает, что эта политическая надстройка не ограничивается одним **людским** аппаратом. Она, как и все общество, состоит в свою очередь из комбинации, из сочетания вещей, людей и идей. Возьмем хотя бы государственный аппарат. Здесь мы имеем свою вещественную часть, свою иерархию (лестницей построенную организацию людей), свои систематизированные идеи (нормы: законы, указы и т. д.) и проч. Или армия. Это **часть** государства. Но в ней есть и своя „техника“ (пушки, ружья, пулеметы, хозяйственная часть), и строй людей, по известному образцу „распределенных“, и свои „идеи“, которые внушаются всем членам армии (идея повиновения, дисциплины и проч.) путем сложной военной выучки и специальной обработки людей. Если мы с этой стороны подойдем к рассмотрению армии, то без труда придем к следующим результатам. **Техника** армии определяется общей техникой производительного труда в данном обществе: пушки не сделаешь, если не умеют лить стали, т.-е. если нет соот-

ветствующих средств производства. Расположение людей, строй армии, зависит от военной техники и в то же время от классового расчленения общества. От того, какое есть оружие и какого рода это оружие, зависит деление армии на артиллерию, пехоту, саперов, кавалерию, инженерные корпуса и проч.; от этого зависит, какие имеются виды солдат, начальников, людей с особыми функциями (телефонисты, например). С другой стороны, от классового состава общества зависит, из какого слоя организуется, например, офицерский корпус, представители какого класса распоряжаются всеми действиями армии и т. д. Наконец, специальные идеи, которыми пропитана армия, определяются, с одной стороны, строем армии (внедрение уставов, чувство дисциплины и проч.), а с другой стороны, классовым строением общества (в царской армии говорили: повинуйся царю, охраняй „веру, царя и отечество"; в Красной армии говорят: соблюдай дисциплину, чтобы оградить трудящихся от империалистов). Этих примеров будет достаточно, чтобы увидеть следующее: социально-политическая надстройка есть вещь сложная, состоящая из различных связанных между собой элементов. В общем она определяется классовым строением общества,—строением, которое в свою очередь зависит от производительных сил, т.-е. от общественной техники. Некоторые же элементы зависят непосредственно от техники („военная техника"), другие — как от классового характера общества (его экономики), так и от „техники" самой надстройки („строй армии"). Таким образом, все элементы ее, прямо или косвенно, зависят от развития общественных производительных сил.

Особое место среди людских организаций занимает организация семьи, т.-е. совокупности мужей, жен и детей. Эта половая организация, постоянно изменявшаяся, имела своим основанием определенные экономические отношения. „И семья является не только социальным, но также (и прежде всего) хозяйственным образованием, которое покоится на разделении труда между мужчиной и женщиной, на „половой дифференциации"... Примитивный брак есть не что иное, как выражение этого экономического соединения" (Müller-Lyer, l. c., S. 150; ср. Маркс: „Капитал", I, стр. 342 популярного русского изд.: „В пределах семьи... естественное разделение труда возникает

вследствие половых и возрастных различий...“). При этом сама семья, как нечто прочное, появляется в результате изменений хозяйственного племенного строя с его первобытно-коммунистическим характером (первичными формами половых отношений были формы так называемого „беспорядочного полового общения“, т.-е. свободного и непрочного полового схождения мужчин и женщин). Вот как характеризует М. Н. Покровский такого рода первобытную семью славян („большую семью“, „дворище“, „печище“, сербскую „задругу“, „велику кучу“): „Члены такой семьи, работники в одном хозяйстве, солдаты одного отряда, наконец, поклонники одних и тех же богов—участники общего культа“ („Русская история“, т. I. Изд. „Мир“. 1920, стр. 17—18). Экономические основания такой семьи еще резче оттеняются следующим фактом: „Мы очень бы ошиблись,—гов. М. Н. Покровский,—если бы придали этой кровной связи первенствующее значение: она обыкновенна, но вовсе не безусловно обязательна. Подобное же коллективное хозяйство на севере вели сплошь и рядом совсем посторонние друг другу люди, соединявшиеся по договору „складства“: они образовали такое же точно „печище“, но не навсегда, а на известный срок, напр., на 10 лет... И здесь, значит, связь экономическая идет впереди кровной, „родственной“ в нашем смысле“ (ibidem, 16). Изменение форм семейных отношений в зависимости от экономических условий можно проследить и в новое время: стоит лишь сравнить семью крестьянина, семью рабочего, семью современного буржуа. Семья крестьянина—это прочное объединение, ибо имеет под собою непосредственное производственное основание „Как же без бабы? Без бабы нельзя“. Нужно доить коров, смотреть за свиньями, заботиться о столе, готовить обед, мыть, стирать, ходить за детьми и проч. Хозяйственное значение семьи настолько велико, что и брак диктуется своеобразным хозяйственным расчетом: „нужна хозяйка в доме“. Члены семьи учитываются тоже с экономической точки зрения: как „работники“ и как „едоки“. Имея под собой такой „базис“, и притом базис относительно неподвижный, крестьянская семья сама отличается патриархальной прочностью, пока ее не задело и не расшатало „развращающее“ влияние городов. Иначе обстоит дело у рабочего. У него нет, в сущности, своего хозяйства. Его „домашнее хозяйство“ — чисто потребительское, расходующее его заработную плату. С другой стороны, город с его столовыми, трактирами, прачечными и проч. делает не настолько необходимым домашнее хозяйство вообще. Наконец, крупная промышленность „разлагает семью“, заставляя женщину-пролетарку работать на фабрике. Все эти обстоятельства формируют иные, более подвижные и менее устойчивые формы семейные отношений. У крупной буржуазии частная собственность поддерживает сохранение семьи, но растущий паразитизм буржуазии и образование в ее среде целых слоев, стригущих купоны (рантье) превращает женщину в вещь, в изящную, но изрядно безмозглую куклу, орудие наслаждения, будуарную принадлежность. Различные формы брака (единобрачие—моногамия; многоженство—полигиния; многомужество—полиандрия и др.) тоже стоят в связи с условиями хозяйствен-

ного развития. Не нужно упускать из виду, что половое общение в массовом масштабе никогда почти не покрывалось этим общением в пределах семьи. Такие явления, как проституция, встречаются еще в седой древности. Формы же проституции и ее размеры опять-таки связаны с экономикой общества: стоит лишь вспомнить о роли проституции при капиталистическом режиме. Есть основания полагать, что в коммунистическом обществе, вместе с окончательным исчезновением частной собственности и угнетения женщины, исчезнут и проституция и семья.

Перейдем теперь к рассмотрению других „надстроек". Из того, что люди и в обществе, как целом, и в отдельных своих частях находятся в положении или прямой борьбы, или неполного единства, вытекает общественная необходимость социальных норм (правил поведения). Сюда относятся обычай, нравственность, право и целый ряд разнообразных других норм („правила приличия", „этикет", „церемонии" и проч.; с другой стороны, уставы различных обществ, организаций, корпораций и так далее). Что является причиной их роста? Да не что иное, как рост жизненных противоречий в разросшемся и усложненном до крайности обществе. Наиболее резкое противоречие—это, как мы видели, противоречие между классами. Поэтому оно и „требует" наиболее мощного регулятора, подавляющего до поры до времени это противоречие; таким регулятором является, как мы знаем, государственная власть и ее распоряжения, так называемые нормы права. Но есть еще ряд производных противоречий и между классами, и внутри классов, и внутри профессий, групп, объединений и всевозможных разрядов людей вообще. Каждый человек, вне зависимости от его классового положения, приходит в соприкосновение с всевозможнейшими людьми, подвергается обстрелу со стороны громаднейшего количества влияний, которые перекрещиваются по самым разнообразным направлениям; он бывает в различных положениях, которые быстро меняются, чередуются одно с другим, исчезают и вновь появляются. Противоречия здесь на каждом шагу. А общество все же существует, и в нем существуют различные группы, которые обладают как-никак относительно прочным характером. Капиталисты, владельцы предприятий, торговцы, купцы выступают на рынке, как конкуренты, а тем не менее они в одном и том же государстве не лезут с ножом друг против друга, и их класс не распадается от того, что его члены ведут конкурентную борьбу.

Покупатели и продавцы заинтересованы в совершенно противоположных вещах. Однако дело вовсе не доходит каждый раз до драки. Среди рабочих есть и безработные, которых во время стачки капиталисты не прочь подкупить. Но не всякого удается подкупить, и классовая спайка среди рабочих побеждает. Как же это возможно? Эта возможность облегчается именно благодаря существованию разнообразных *добавочных норм*, кроме права. Эти добавочные нормы (правила поведения) внедряются в самые головы людей, действуют, так сказать, извнутри, представляются людям священными по своей природе и выполняются ими, как говорят, „по совести", а не страха ради иудейска. Таковы, например, правила морали, которые в товарном обществе представляются вечными, незыблемыми и священными, светящимися каким-то внутренним светом и обязательными для каждого порядочного человека. Таков обычай, „заветы предков". Таковы „правила приличия", „вежливости" и проч.

Однако, несмотря на всю кажущуюся „надземность" этих священных правил, не трудно прощупать их земные корешки, в какой бы богобоязненный трепет не приходили от этого их беспрекословные почитатели. При рассмотрении их мы прежде всего натыкаемся на два основных факта: во-первых, на изменчивость этих правил; во-вторых, на их связь с классом, группой, профессией и т. д. А обнаружив эти факты, мы, углубившись еще немного, увидим, что они тоже „в конечном счете" зависят от развития производительных сил. В общем и целом можно сказать, что эти правила намечают линию поведения, при которой сохраняется *данное* общество, или класс, или группа, где минутные интересы отдельного человека подчиняются интересам группы. Эти нормы суть таким образом *условия равновесия*, сдерживающие внутренние противоречия людских систем. Понятно, почему они неизбежно должны оказаться более или менее согласованными с экономическим строем общества. Поставим лишь такой вопрос: если общество существует, может ли быть так, чтобы система его *господствующих* обычаев и господствующей морали долгое время противоречила его основному, т.-е. экономическому, строению? Ответ ясен: конечно, это состояние, как длительное состояние, невозможно. Если бы все обычаи и мораль, господствующие в обществе, были в резком противоречии с его экономическим

строением, тогда налицо не оказалось бы одного из основных условий общественного равновесия. На самом деле и право, и обычаи, и мораль, господствующие в данном обществе, всегда приспособляются к экономическим отношениям, на их основе вырастают, вместе с ними изменяются и исчезают. Представим себе такой пример: в капиталистическом обществе, как известно, господствует над вещами (средствами производства) капиталист. В законах капиталистического государства это выражается в так называемом праве частной собственности, которое защищается всем аппаратом государственной власти. Производственные отношения капиталистического общества называются на языке права (на „юридическом" языке) имущественными отношениями, и вот эти-то имущественные отношения и защищаются многочисленными законами. А могло бы быть так, чтобы в капиталистическом обществе правовые нормы (законы) не защищали бы имущественных отношений этого общества, а разрушали бы их? Конечно, это предположение нелепо. Но то же самое нужно сказать и о морали. „Моральное сознание" капиталистического общества отражает и выражает его материальное бытие. Возьмем хотя бы тот же пример с частной собственностью. Мораль гласит, что воровать нехорошо, что нужно быть добросовестным и чужого ни под каким видом не брать. Оно и понятно. Если бы, например, не было этой моральной узды, вкоренившейся в головы людей, тогда капиталистическое общество живо бы разложилось.

На это можно сказать следующее: вы говорите, что здесь все просто. Но вот, например, коммунисты не признают, что частная собственность священна, а тем не менее не отважатся сказать, что воровство—хорошая вещь. Значит, есть что-то такое, что священно для всех людей и что нельзя объяснить земными причинами. Это возражение, однако, неправильно, хотя на первый взгляд как будто бы и убедительно. Суть дела вот в чем. Во-первых, коммунисты вовсе не за полную неприкосновенность частной собственности. Национализация предприятий — это экспроприация буржуазии. У нее берут „задарма". Рабочий класс берет здесь „чужое", нарушает право частной собственности, „деспотически вторгается в имущественные отношения" (Маркс). Во-вторых, коммунисты против воровства. Почему? Да потому, что если бы рабочий

в отдельности брал в свою пользу у капиталистов, он не смог бы вести общей борьбы, а сам превращался бы в мещанина. Конокрады и домушники, хотя бы они происходили из самого чистого пролетариата, никогда не будут борцами за класс. Если бы многие из класса стали воровать, класс распался бы и был бы обессилен. Вот почему у коммунистов правило: не воруй, а то будешь негодяй. Это есть норма не охраны частной собственности, а средство поддержать в целости класс, предохранить его от „деморализации", распада, предостеречь его от неправильных путей, средство направить людей из пролетариата по совсем другим рельсам. Это есть классовая норма поведения пролетариата. Не нужно после всего этого уже особенно распространяться, что рассмотренные правила поведения определяются экономическими условиями общества.

Конечно, пролетарские нормы поведения противоречат экономическим условиям капиталистического общества. Но мы говорили о господствующих нормах. Когда пролетарские правила поведения становятся господствующими, тогда конец капитализму (об этом в следующей главе).

Чтобы пояснить сказанное в тексте, приведем ряд примеров. В половой области на определенной ступени развития, когда род держался и на кровной связи, а люди другого рода (т.-е. по сути дела другого общества) были врагами, не считался предосудительным брак между ближайшими родственниками; особливо священным считался брак с матерью и дочерью (напр., в древне-иранской религии).

Когда производительные силы были слабо развиты и для экономики общества было не по силам выдерживать лишний балласт, обычай и мораль считали нужным убивать стариков (об этом сообщают древние историки Геродот, Страбон и др.). Теми же причинами вызывался обычай (о нем сообщает Страбон), в силу которого старики добровольно умерщвляли себя ядом. Наоборот, в тех случаях, когда эти старики играли роль в производстве или в управлении им, обычай повелевал их чтить (см. E. Meyer: „Elemente der Anthropologie", 31—32 ff.). Сплоченность рода, его солидарность в борьбе с жестокими врагами, выливалась в форму кровной мести, в чем принимали участие и женщины. Достаточно вспомнить образы Брунгильды или Гудрун из сказания о Нибелунгах; вот как характеризуется Гудрун (менее свирепая, чем Брунгильда):

За братьев мстила,
Собак спустила
И кровь излила
Концом меча. (Песня о Сигурте,
пер. К. Бальмонта)

Э. Мейер совершенно справедливо пишет: „По своему содержанию положения морали, обычая и права зависят от имеющегося в данное время социального строя и живущих в данном обществе (Gemeinschaft) воззрений... Поэтому они в разных обществах (Gesellschaften) и в различные времена могут иметь диаметрально противоположный характер“ (43). В древнем Китае огромное значение имела своеобразнопостроенная феодальная государственная власть, с большим слоем чиновников различных степеней. Господство этого землевладельческо-бюрократического слоя идеологически опиралось на учение Конфуция, состоявшее из систематизированных правил поведения. Одним из важных пунктов этого морального учения было учение о почтительности и уважении к выше стоящим (hiao); „должно итти на то, чтобы переносить клевету, и даже итти под ее преследованиями на смерть, если это полезно для чести государя; можно (и должно) вообще верной службой выправить все ошибки государя, и в этом заключается хиао (почтительность)“ (Max Weber: „Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie“. Tübingen, Verl. Mohr, 1920, B. I, S. 419). Нарушение этого „хиао“ является единственным грехом. Варвар тот, кто этого не понимает, кто поэтому не понимает „благопристойности“ (основное понятие в учении Конфуция). „Пиэтет (хиао) по отношению к ленному владельцу упоминается на-ряду с хиао по отношению к родителям, учителям, начальникам в бюрократической иерархии и должностным лицам“ (ibid, 446). Дисциплина, вместе с почтительностью, тоже одна из важнейших добродетелей. „Неподчинение хуже подлого образа мыслей“ (447). Обобщающая идея—идея данного порядка: „Лучше жить, как собака, но в мире, чем быть человеком, но в состоянии анархии,—говорит Чен-Ки-Тонг“ (457). „Как всякая бюрократическая мораль, и мораль конфуционизма отклоняла, конечно, участие чиновников в приобретательском труде..., как деле сомнительном этически и недостойном этого сословия“ (447). Друзей нужно выбирать себе только из равных по социальному положению; богатые лучше бедных, ибо могут выполнять все церемонии; народ—„глупый народ“ (yunmin) в противоположность „джентльтмену“ (буквально: человеку-князю). Характерно то, что вся эта громадная система норм, поддерживавших феодально-дворянский строй, называлась „hungfan“, хунгфан, т.-е. „великий план“ (454). Связь этого учения с устройством общества ясна, как на ладони. И все многочисленные „китайские церемонии“ стояли на самом деле в связи с господствовавшими течениями мысли и служили сложной шелковой сеткой, опутывавшей общество и поддерживавшей соответствующий строй.

Или возьмем средневековых северно-французских рыцарей XII и XIII столетия. Они воспевали „прекрасных дам“ и дрались „за них“ на турнирах. Однако их „идеальные представления о чести и любви“ носили форму „сословной чести“ (der Standesehre. См. „Weltgeschichte“ von H. Helmolt, hg. von Armin Tille, V. Band Leipzig und Wien 1919, S. 496). Главной ролью рыцарства в обществе

была война и военные действия. Немудрено поэтому, что „нормы" способствовали выработке военного типа людей, замкнутых в особый класс: „рыцарь, который... показал себя в споре трусом, изгонялся, бывал публично опозорен герольдом, проклят церковью; палач разбивал его герб и оружие, щит привязывали к конскому хвосту..." и т. д. „Для упражнения в военном деле служили... турниры..." (ibid., 496).

С нарастанием капиталистических отношений меняются и господствующие нравы, мораль и проч. На место расточительности становится страсть к накоплению и соответствующие добродетели. „Не поведение феодального сеньера делает честь порядочному человеку, а то, что у него в порядке его хозяйство" (W. Sombart: „Der Bourgeois", 140). „Нужно жить „корректно"... нужно воздерживаться от всяких излишеств, показыватся только в порядочном обществе; нельзя быть пьяницей, игроком, охотником до женщин; нужно ходить к священной литургии и к воскресной проповеди; коротко говоря, нужно по отношению к внешнему миру быть хорошим „гражданином"—из интересов дела, потому что такая нравственная жизнь поднимает кредит" (ibidem, SS. 162—163). Конечно, это протестантски-ханжеская мораль уступила свое место другой, когда изменилось положение буржуазии и когда дела фирмы уже перестали зависеть от поведения ее владельца.

Показать изменчивость права в зависимости от экономического строя еще легче, ибо классовый характер законов виден везде и всюду. Но даже и такие неуловимые нормы, как мода, как это можно доказать, стоят в зависимости от общественных условий. У буржуа считается „непорядочным" быть неподходяще одетым: в этом его классовое отличие, по одежде он узнает „порядочных людей". Но и в революционной среде есть много похожего. Так, напр., в революцию 1905 г. была прямо партийная мода: социал-демократы ходили в черных рубашках (знак пролетариата), эс-эры предпочитали красные (революционное крестьянство), вряд ли нашлась бы дюжина интеллигентов в большом городе, участвовавших в революции и не носивших той или другой молчаливо признаваемой партийной формы.

Кроме классовой морали, есть еще подвиды ее: напр., профессиональная мораль—такова профессиональная мораль врачей, юристов и проч. Сходными условиями вызывается и воровская мораль (своего не выдавай), которая очень строго соблюдается. Таким образом все выше рассмотренные нормы являются скрепами, поддерживающими единство общества, класса, профессиональной группы и т. д.

Нам нужно перейти теперь от норм поведения к другому разряду общественных явлений, а именно к науке и философии. Философия, как мы увидим, опирается на все научные сведения. Сама же наука представляет из себя чрезвычайно сложную величину, если говорить о сколько-нибудь развитой науке. Прежде всего здесь дело не исчерпывается одними си

стемами идей. В науках есть своя техника, свой вещной аппарат (инструменты, приборы, карты, книги, лаборатории, музеи и т. д.; стоит взять лишь какую-нибудь громадную лабораторию или научную экспедицию куда-нибудь на Северный полюс или в центральную Африку); здесь есть также и свой людской аппарат, иногда организованный в крупном масштабе (напр., научные съезды, конференции, научные общества и другие организации, со своими журналами и всевозможными изданиями); здесь есть, наконец, и система идей, мыслей, приведенных в порядок, которые и составляют науку в собственном смысле слова.

Прежде всего нужно установить следующее положение: всякая наука родится из практики, из условий и потребностей жизненной борьбы общественного человека с природой и различных общественных групп с общественной стихией или с другими общественными группами. „Дикарь обладает весьма разнообразным опытом. Он узнает растения, съедобные и ядовитые, находит животных, за которыми он охотится по их следам, и умеет защитить себя от хищных животных и ядовитых змей. Он умеет использовать для своих целей огонь и воду, выбирать камни и дерево для своего оружия, научается плавить и обрабатывать металлы. Он научается считать при помощи пальцев, измерять пространства при помощи рук и ног. Он смотрит, подобно ребенку, на небесный свод, наблюдает вращение его и перемещение на нем солнца и планет. Но все свои наблюдения или большую часть их он делает случайно или с целью полезного их применения для себя. Тот же примитивный опыт образует и зародыш рвзличных наук. Но наука могла возникать лишь тогда, когда материальная обеспеченность доставила достаточно свободы и досуга, а с другой стороны, частым упражнением интеллект (ум человека. *Н. Б.*) был настолько усилен, что возник достаточный интерес к наблюдениям самому по себе...“ (Мах: „Познание и заблуждение“, изд. Скирмунта, М. 1909, стр. 92. Курсив автора). Наука, следовательно, появляется лишь тогда, когда рост производственных сил высвободил время для научных наблюдений. С другой стороны, материал, который первоначально имелся у науки,—это материал из области производства.

Совершенно естественно, что непосредственное поддержание жизни путем производства, т.-е. интересы производства, и давали толчок развитию наук. **Практика** породила **теорию** и толкала ее вперед.

Астрономия, например, возникла из потребностей ориентироваться в степи по звездам, из потребности выяснить значение времен года для земледельческого хозяйства, из потребности в точном делении времени (часы, напр., проверяются астрономически) и т. д. Физика стояла в непосредственной связи с техникой материального производства и военного дела. **Химия** вырастала на почве роста промышленного производства, в особенности горного дела (начатки химии мы видим еще в Египте и Китае в связи с производством стекла, красильным делом, эмалировкой, производством красок, металлургией и т. д.; самое слово „химия“ происходит от слова „chemi“ (хеми=черный) и указывает на свое египетское происхождение). Так назыв. алхимия была еще у египтян и вызывалась старанием найти закон превращения металлов в золото; в XV столетии химии дала толчок также **медицина**. **Минералогия** (учение о минералах) имела корнем своим производственное употребление минералов и изучение свойств этих минералов для производственных надобностей. **Ботаника** (наука о растительном царстве) первоначально опиралась на сведения о лекарственных растениях, затем о полезных растениях вообще, а затем и обо всех растениях. **Зоология**, т.-е. знание о животных, развивалась из потребности знать полезные и вредные свойства их. **Анатомия**, **физиология**, **патология** возникли на почве практической медицины (первыми „учеными“ в этих областях были египетские, индусские, греческие и римские врачи: напр., грек Гиппократ, римлянин Клавдий Гален и др.). **География** и **этнография** развились на почве торговли и колониальных войн. Наиболее торговые народы древности (напр., финикияне, карфагеняне и т. д.) были и лучшими географами. В средние века география заглохла. Ее гигантский рост начинается уже в новое время, в XV столетии, в эпоху торгово-капиталистических колониальных войн и великих, связанных с этим полуторговых, полуразбойничьих, полунаучных путешествий. Во главе этих путешествий и открытий стояли торгово-пиратские государства: Португалия, Испания, Англия, Голландия. **Этнография** развилась тоже в связи с колониальной политикой (практический вопрос здесь: как приспособить дикарей к работе на „культурную“ буржуазию?). **Математика**, одна из, казалось бы, самых далеких от практики наук, тем не менее целиком выросла из практики. Ее первоначальными **орудиями** были, как и в области материального производства, **пальцы рук и ног** (счет по пальцам; пятеричная, десятичная, двадцатеричная система счета; первоначальные обозначения углов и т. д. по сгибу колена; единицы меры пространства=локоть, фут и проч. См. M. **Cantor**: „Vorlesungen über die Geschichte der Mathematik“, Lpz., 1907). Ее **материалом** были **потребности производства**: измерение полей

(геометрия значит землемерие), постройки, измерение ёмкости сосудов, кораблестроение, еще раньше счет скота, в торговые эпохи—калькуляция, выведение балансов и т. д. Египетские и греческие геометры, римские землемеры (agrimensores), александрийские инженеры (вроде Герона Александрийского, который изобрел нечто вроде зародыша паровой машины)—были и первыми математиками. (См. Rudolf Eisler: „Geschichte der Wissenschaften", Lpz., 1906).

Не иначе происходило дело и с науками общественными (мы говорили уже об этом во „Введении"). История возникла из потребности разобраться в „судьбах народов" в целях практической политики. Наука права началась с собирания и приведения в порядок (с так называемой „кодификации") существовавших законов опять-таки с практическими целями. Политическая экономия родилась вместе с капитализмом, первоначально как наука купцов, служившая потребностям их общеклассовой политики. Филологические науки первоначально складывались, как „грамматики" различных языков и вырастали на базисе торговых сношений и потребности оборота. Статистика начиналась с купцовских „таблиц", посвященных разным странам (отчасти и начатки политической экономии: у отца политич. экономии Вильяма Петти одно из сочинений называется „Политическая арифметика"), и т. д., и т. д. На наших глазах растут из производства и новые науки: напр., из технического опыта в применении системы Тейлора вырастает т. наз. „психотехника", психофизиология труда, учение об организации производства и проч.

Развиваясь, науки разрастаются в своем объеме и дробятся (специализируются). Однако всегда можно доказать их прямую или косвенную зависимость от состояния производительных сил.

Как в непосредственной материально-производственной деятельности общество „удлиняет" свои естественные человеческие органы и этими удлиненными „вопреки библии" органами, своей техникой, может захватызать гораздо больше материала для переработки, точно так же в науке человеческое общество имеет свое „удлиненное" сознание, которое увеличивает его умственную „дальнозоркость"—позволяет охватить, „понять" большее количество явлений, лучше в них „разобраться", а следовательно, и лучше действовать.

Любопытно, что очень многие буржуазные ученые, когда говорят конкретно о науке, невольно становятся на эту материалистическую точку зрения. Но боже их сохрани свести концы с концами! Вот как говорит о „смысле науки" один из выдающихся русских ученых, проф. А. Чупров (сын): „Пока жизнь несложна, человечество во всем своем обыденном обиходе довольствуется „жизненным опытом"—этим случайным способом накопления обрывочных знаний и

навыков, переходящих по традиции от отца к сыну. Однако с расширением круга интересов эти бесформенные знания перестают быть на высоте задачи, и является потребность в систематической работе, сознательно и планомерно направляемой к цели познания окружающего нас мира—к науке. Начиная давать себе отчет в том, что scientia et potentia humana in idem coincidunt [1]), и что quod in contemplatione instar causae est, id in operatione instar regulae est [2]), люди проникаются мыслью, что ignoratio causae destituit effectum [3]), и научаются ценить... знание, как основу практической работы" („Очерки по теории статистики", СПБ., 1909, стр. 21—22).

Связь между состоянием науки и производительными силами общества многосложна. Она вовсе не так проста, как это иногда утверждают, и чтобы обнаружить ее в полной мере, нужно рассматривать вопрос с разных сторон. Мы знаем, что у науки есть (или бывает) своя техника, своя организация научного труда, свое содержание, свой метод и проч. Все эти составные части, конечно, влияют и друг на друга и на все состояние данной науки в данное время. Понятно поэтому, что необходимо рассмотреть вопрос о каждом из этих составных элементов и обнаружить его прямую или косвенную связь с экономикой и—в последнем счете—с техникой общества.

Прежде всего ясно, что для того, чтобы наука существовала вообще, нужно, чтобы производительные силы достигли определенного уровня своего развития. Там, где нет прибавочного труда или где его размеры ограничены и не увеличиваются, там не может быть научного развития.

„Это стремление (к науке,—*Н. Б.*) может проявиться только по прошествии того момента, когда человек дал удовлетворение своим другим потребностям (appetits)... Некоторые (научные) данные идут к нам из Китая, Индии, Египта, но—любопытная вещь!—они получили в этих странах только очень несовершенное развитие" (A. Bordeaux: „Histoire des sciences phisiques, chimiques et géologiques au XIX siècle" Paris et Liège, 1920, p. 11).

Содержание науки определяется в конечном счете технической и экономической стороной общества („практические корни", о которых мы говорили выше). Именно поэтому часто происходит, что одно и то же научное открытие, изоб-

---

[1]) Знание и сила человека совпадают.

[2]) То, что в рассмотрении выступает как причина, то в действии является правилом.

[3]) Незнание причины разрушает результат.

ретение, постановка или решение одной и той же проблемы делаются одновременно в разных местах, и притом часто совершенно „независимо“ друг от друга. Тогда соответствующие „идеи“ „носятся в воздухе“. Это значит, что они вырастают из всей сложившейся жизненной обстановки, которая упирается в состояние производительных сил.

А. Бордо приводит в своей „Истории“ следующие открытия, вызванные, как он выражается, „наличием идей в воздухе и обстоятельствами жизни“ („par l'existance des idèes dans l'air et par les circonstances de la vie“): открытие соотношения между теплотой и механической работой, индукция, индукционная катушка, кольцо Грамма, счисление бесконечно-малых величин (кроме Лейбница и Ньютона, он упоминает их предшественников „Fermad, Cavalieri и т. д. вплоть до Архимеда“). Общий его вывод таков: „Что касается науки... то она обнаруживает... трудность узнать, кто же в действительности (т.-е. какое лицо. — *Н. Б.*) сделал открытие“ (l. c., p. 8). Нужно заметить, что практический смысл науки вовсе не предполагает, что каждое и всякое научное положение непосредственно влияет на практику. Предположим, что важно для практики положение А. Но для того, чтобы доказать это положение, нужны еще положения B, C, D. Сами по себе эти B, C, D не имеют непосредственного практического значения (они, как говорят, имеют „чисто теоретический интерес“), но, как звенья единой научной цепи, они тем не менее имеют все же косвенное практическое значение. Неполезной и бесполезной научной системы нет, как нет бессмысленных, ни на что не годных механических орудий.

Если постановка задач, главным образом, идет из области техники и экономики, то, с другой стороны, их решение в ряде наук зависит от изменений в научной технике. Инструменты научного исследования чрезвычайно расширяют горизонты. В первой половине XVII столетия был, напр., изобретен микроскоп. Само собой понятно, какое громадное влияние оказал он на развитие науки. Он двинул вперед ботанику (изучение строения растений), анатомию животных, анатомию человека, создал целую новую отрасль знания—бактериологию (учение о бактериях) и т. д. Понятна также роль астрономической техники (устройство обсерваторий, качество телескопов, фотографических аппаратов для съемки звезд и проч.). С своей стороны, научная техника зависит от материального производства вообще (она—продукт материального труда). В научном труде имеется обычно и соответствующая организация

этого труда, которая точно так же определяет собой состояние научных знаний. Разделение научного труда (специализация в науке), организация крупных научных единиц (лабораторий, напр.), организация научных обществ и научный обмен, научный оборот—чрезвычайно много значат. А все эти стороны определяются в конечном счете опять-таки экономическими и техническими условиями (напр., современные химические лаборатории зависят от роста крупного производства; научный оборот тем больше, чем гуще экономические связи, и т. д.). Технические и экономические условия „определяют" науку и в других отношениях. При быстро растущей технике изменяются быстро и экономические отношения, вместе с ними и весь жизненный уклад. При таком положении вещей не только происходит быстрое развитие науки, но и самая наука руководствуется мыслью об изменяемости (она пользуется динамическим методом—см. гл. III). Наоборот, при консерватизме техники, ее медленном ходе, и экономическая жизнь развивается медленно, и вся психология людей видит во всем постоянство. Тогда наука топчется на месте и руководится принципом постоянства. Вместе с тем и классовые черты тоже проглядывают в науке в разных формах: то как отражение того способа мыслить, который имеется у данного класса, то как отражение интереса этого класса. А способ мыслить, „интерес" и т. д. определяются в свою очередь экономической структурой общества.

Вот некоторые примеры разных зависимостей. Известно, что в античном мире слабо развивалась техника. Поэтому слабо развивались и технические знания. „Это пренебрежение техникой имеет различные причины. Прежде всего античный мир... настроен крайне аристократически. Даже выдающиеся художники, вроде Фидия, расцениваются, как ремесленники и не проламывают железной стены, которая отделяет аристократический круг... от ремесленников и крестьян... Вторая причина слабого развития технических открытий (Entdeckungen)... лежит в античном рабском хозяйстве... Отсутствовали побудительные причины вводить машины, замещающие ручную работу... Наука... была мертва, и интерес к техническим проблемам (за исключением некоторых забавных вещей, вроде водяных часов или водяного органа) замер" (Hermann Diels: „Wissenschaft und Technik bei den Hellenen" in „Antike Technik". Verlag Teubner, Lpz. und Berlin, 1920, S.S. 31, 32, 33).. Отсюда же проистекал и характер существовавшей науки: „Естественные науки могли развиться из ремесел в качестве побочного продукта

Но ремесло и вообще физический труд презирались в древнем мире, и существовала резкая грань между рабами, занимавшимися физическим трудом и наблюдавшими природу, и господами, которые занимались на досуге умозрениями, но природу часто знали только по наслышке. Этим в значительной части объясняется наивное, туманное и фантастическое в античном естествознании“ (Э. Мах: „Познание и заблуждение“, стр. 94, подстр. примеч. Курсив автора). В средние века мы имеем слабую, плохо развивающуюся технику и феодально-крепостнические отношения в экономической жизни, где была выстроена целая лестница властей, кончая главным помещиком и в то же время монархом. Немудрено, что господствующая мысль была малоподвижна, противилась всему новому (за ереси сжигали на кострах и четвертовали), не занималась исследованием природы, а копалась в богословских вопросах, обсуждая, напр., проблему:

Какого роста был Адам,
И был брюнет он или рыжий,

сколько ангелов можно поместить на кончике иглы и т. п. Этот неподвижный, консервативный, богословский, пустой (формальный, „схоластический“), направленный против опытного исследования характер тогдашней науки объясняется условиями общественной жизни, в конце концов, лежащими в основе общественного развития техническими и экономическими условиями. Совсем другой оборот приняло дело с ростом капиталистических отношений. Здесь налицо не малоподвижная, а быстро растущая техника, здесь постоянно появляются новые отрасли производства, здесь необходимы механики, техники, химики, инженеры, а не богословы и не рыцари; военное дело тоже требует знания естественных наук и математики. Понятно, что такой переворот в технических и экономических условиях должен был вызвать поворот в науке: от схоластики, латинского языка, богословия и т. д к опытному изучению природы, естественным наукам, „реальной“ школе. Мы здесь даем пример общего поворота в содержании науки. Этот поворот, при подробном исследовании, обнаружился бы и в приемах исследования, и в орудиях научной мысли, и в целом ряде других сторон науки.

Примером отражения классовой психологии, а следовательно, и классового строения общества, может служить упоминавшаяся нами ранее „органическая теория“ в социологии. Вот что говорил по этому поводу проф. Р. Ю. Виппер: „Сравнение общества с организмом, термин „органическая связь личности с обществом“, употребляемый в в противоположность понятию о механических связях, — все эти сравнения, формулы и антитезы были брошены в ход реакционной публицистикой начала XIX века. Противопоставляя организм механизму, эта публицистика имела в виду резко отделить свои требования от просветительных и революционных начал предшествующего века. „Государство-механизм“ значило в ее терминологии: равные права лиц, в своей совокупности представляющих верховный народ; „государство-

организм" значило: распределение людей по старинной социальной иерархии, подчинение лица своей „естественной" группе, т.-е. подчинение каждого своему старому социальному авторитету. Органические связи в переводе на конкретный язык означали: крепостное право, цеховая регламентация, подчинение рабочих патрону, охрана дворянской чести и дворянских привилегий и т. п." (Р. Виппер: „Несколько замечаний о теории исторического познания", Сборн. „Две интеллигенции" М., 1912., стр. 47 — 48.)

Мы приведем еще некоторые общие данные по истории математики, так как обычно считается, что именно математика, как чистое созерцание, не имеет никакого отношения к практической жизни. Мы пользуемся при этом капитальным трудом М. Kantor'a („Vorlesungen über die Geschichte der Mathematik", Lpz, Verl. Teubner, 1907, I Band, 3 Aufl.). У вавилонян математические знания возникали и развивались на почве землемерия, измерения емкости сосудов, счета, потребностей в точном делении времени (календарь), т.-е. распределения его по годам, суткам часам и т. д. Математическими „инструментами" первоначально были пальцы, затем счеты; в географии — бечевка с колышками (обозначавшаяся сумерийским словом tim), затем инструмент, напоминающий астролябию. Математические знания тесно переплетались с религией, числа обозначали также и богов, их небесный чин и т. д. У древних египтян математика достигла значительного развития. В очень старинном математическом „справочнике Амеса", названном так по имени переписчика (точное заглавие сборника гласит: „Инструкции для достижения познания всяких загадочных вещей, всех тайн, которые заключены в вещах" и т. д.), имеются такие отделы: „правила, как измерять круглый склад для плодов"; „правила для измерения полей"; „правила, как делать украшения" и проч. (l. c., S. 59). Арифметические и отчасти алгебраические действия показываются на задачах, содержание которых позволяет судить о практике. Это—распределение хлебов, распределение ржи, вычисление дохода и т. д. (стр. 77 и след.). Заключение этого математического руководства указывает тоже на связь с земледельческим хозяйством. Оно состоит в таком обращении к читателю: „Лови вредных насекомых, мышей, травы сорные свежие, пауков многих. Проси Ра (египетский бог.—*Н. Б*) о тепле, ветре, воде высокой" (85). Инструментами счета служили сперва, повидимому, пальцы, потом нечто вроде счетов (шнурки с камешками, такие же, как у перуанцев). Основой геометрии служило землемерие; на ряду с задачами по измерению земельных участков Амес приводит и задачи по измерению объемов (объемов и поместительности овощных складочных пунктов, складов или магазинов). Греческий историк Диодор писал про египтян: „Жрецы учат своих сыновей двоякого рода письму: так назыв. священному и тому, который называют обыкновенным. Они усердно занимаются геометрией и арифметикой. Ибо, раз река (т.-е. Нил) ежегодно много раз изменяет поверхность земли, то она вызывает многочисленные споры о межах между соседями; эти же споры не могут быть легко изжиты, если землемер (геометр) не восстанавливает действительного отношения

непосредственной промеркой. Арифметика служит им (египтянам, — *Н. Б.*) в их домашне-хозяйственных делах" (стр. 103. Наш курсив.—*Н. Б.*). Астрономические, геометрические, алгебраические правила были в то же время связаны с религиозными обрядами; это были священные таинства, доступные лишь посвященным. Так назыв. „гарпедонапты" („натягивальщики бечевы") обладали профессиональной тайной, как натягивать веревку, как располагать колышки, в каком отношении к меридиану и т. д. (вообще углы пирамид, их стороны, расположение их частей—все это имело и священно-научно-астрономический смысл, и по этому, вероятно, учились „сыновья жрецов"). У римлян геометрия росла вместе с потребностями поземельной собственности, которая была так священна, что и боги имели ее. Наибольшего процветания („исключительный случай" по Кантору) математика достигает при Юлии Цезаре. Этот расцвет обусловливается двумя практическими задачами: составлением календаря (так наз. юлианский календарь; сам Цезарь написал книгу: „О звездах".—„De astris") и промеркой земель, принадлежащих Риму. Последняя задача была решена при Августе, при чем, повидимому, к работам был приглашен знаменитый греческий инженер и математик—Герон Александрийский; впервые была составлена карта империи. Позднее у Колумелы (Columella) мы находим рассмотрение математики в связи с сельским хозяйством, у Секста Юлия Фронтина—важное для математики вычисление отношения окружности к диаметру (π) в связи с расчетом водопроводных труб; в так назыв. арцерианском кодексе (юридическо-статистический справочник для чиновников VII—VI века до Р. Х.) различные статьи по землемерию в связи с задачами налогового обложения (стр. 554). Что касается арифметики, то ее развитие обусловливалось, главным образом, развитием торговли. Вычисления процентов, которые были, по Горацию, обычным ежедневным делом (561), вычисления доли наследников в связи со сложным римским законодательством в этой области, счета купцов (563)—таковы были движущие причины развития этой математической отрасли. У древних индусов особенно развиты были астрономия, алгебра и начатки тригонометрии. Имеется масса сходного с остальными древними народами. В математических главах одного ученого сборника (Ариабхаты) названия и содержание задач говорят о жизненной основе индусской математики. Вот, например, стих, обозначающий один математический прием: „умножение становится делением, деление—умножением; что было доходом, становится потерей, что было потерей, становится доходом" (стр. 617); в другом месте задача: „16-летняя рабыня стоит 32 нишка, сколько будет стоит 20-летняя" (618); далее идут задачи на проценты (при чем месячный процент равен 5!); затем задачи на вычисление возможных торговых операций (стр. 619) и т. д. То, что в нашей алгебре обозначается буквами x, y и т. д. („неизвестные"), у индусов называлось словами „монета" (rûpakâ); положительные числа назывались словом „имущество" („dhana" или „sva"), отрицательные—„долгами" (rina или kshaya) (621). Архитектура и ее математические правила и здесь покрывались тайной и имели особливый

астрономическо-божественный смысл. Измерение земли, постройка дворцов и храмов, расчеты объемов давали толчок индусской геометрии. У древних китайцев развитие математики шло, примерно, таким же путем. Пожалуй, еще резче выдвигался классовый характер науки, монопольность ее (напр., было даже три способа писания цифр: государственвенно-чиновничий, научный и гражданско-купеческий). В одном из сборников законоположений (Tcheou - ly, „Чеоу-ли") мы находим следующие математические должности: потомственный чин придворного астронома (фонг-сианг-ши) и придворного астролога (пао-чанг-ши); главного начальника измерительных работ (лианг-джин), который намечал планы стен как дворцов, так и городов; далее там есть особый чиновник (ту-фанг-ши), который с помощью особого инструмента, отбрасывавшего тень (куэн), делал различные вычисления и т. д. (676).

Из этих примеров нетрудно видеть: 1) что содержание науки давалось из технической и экономической области; 2) что развитие ее, между прочим, определялось орудиями научного познания; 3) что различные общественные условия то тормозили, то способствовали „прогрессу"; 4) что способ научного мышления определялся экономической структурой общества (религиозный, божественно-таинственный характер древней математики, когда иногда даже число представлялось божеством, есть отражение рабско-феодального строя, с недоступным властелином, жрецами-чиновниками и т. д.); 5) что классовая структура общества налагала на математику свою классовую печать (отчасти в виде просто способа мышления, отчасти и в виде интереса, который не допускал „простых смертных" к священной тайне). В новейшее время имеются те же зависимости, только они сложнее и имеют, понятно, другую форму: не та техника и не те экономические отношения.

Мы теперь переходим к следующим „надстройкам" над экономикой обществ, а именно к религии и философии.

Совершенно естественно, что всевозможные мысли и всевозможные данные опыта, накоплявшиеся у человеческого общества, вызывали потребность в объединении и систематизации всех этих данных. Мы видели, что из такой же потребности выросла наука. Но наука довольно рано стала дробиться на разные ветви, на разные отрасли. Внутри этих специальных наук шло „приспособление мыслей к мыслям", т.-е. их систематизация. А между ними? Где эта скрепа всех „знаний" и „ошибок"? Где это условие равновесия между ними? Вот это объединяющее начало и должны были дать религия и философия. Они должны были давать ответ на самые общие (самые абстрактные) вопросы: что является причиной всего существующего? что такое мир? такой он, каким он предста-

вляется нам, или какой-то другой? что такое дух и тело? как мы можем познавать мир? что такое истина? от чего зависит все в мире? есть ли границы нашего познания и где они лежат? и целый ряд других в том же роде. Понятно, что от ответов на эти вопросы будет зависеть, как мы будем рассматривать все явления частного порядка. Например, если правильно, что все зависит от воли божьей, которая правит миром по своему божественному плану, то мы должны все наши знания выстроить в телеологическую или теологическую шеренгу (в соответствии с этим и в действительности наука иногда принимала такую форму). Тогда мы во всех явлениях должны искать божественной цели, так называемого „перста божия“. Если правильно то, что боги не при чем, а что важна причинная связь явлений, мы будем совсем иначе рассматривать все явления мира. Другими словами, философия и религия—это очки, сквозь которые рассматриваются все факты на определенной ступени развития. Чем же определяется строение этих „очков“?

Начнем с религии. Мы уже знаем, что „сущность“ религии состоит в „вере“ в сверхъестественные силы, в чудесных духов (одного или многих, грубых или весьма неуловимых и эфирных—все равно). Это понятие „духа“, „души“ и т. д. возникло, как отражение особой экономической структуры общества, когда выделился „старший в роде“, или позднее патриарх (при патриархате; то же, по существу, и при матриархате), когда, другими словами, разделение труда привело к выделению организаторского труда, труда по управлению и т. д. В производстве старший в роде, как хранитель всего накопленного опыта, организует, управляет, приказывает, намечает план работ, является деятельным, „творческим“ началом, в то время как другие повинуются, выполняют приказания, подчиняются свыше установленному плану, действуют по чужой воле. Это отношение производства и сделалось моделью для рассмотрения всего существующего и самого человека прежде всего. Человек распался на душу и тело. „Душа“—это то, что руководит „телом“. Душа настолько же выше тела, насколько организатор и управитель выше простого исполнителя (у Аристотеля есть где-то сравнение души с господином, а тела с рабом). По такому же образцу стал рассматриваться и

весь остальной мир: стали думать, что за всякой вещью сидит „дух“ этой вещи; вся природа оказалась одухотворенной (это воззрение называется в науке „анимизмом“ от латинского слова „анима“=душа или „анимус“=дух). Раз возникло такое представление, то оно привело неизбежно и к религии, которая началась с почитания (культа) предков, старших в роде, управителей, организаторов. Их „души“ или „духи“, натурально, рассматривались, как наиболее знающие, опытные, могущественные духи, которые могут помочь, от которых зависит все совершающееся в мире. Это и есть уже религия. Значит, самое происхождение религии показывает, что она возникла, как отображение производственных отношений (именно тех из них, где налицо господство-подчинение) и обусловливаемого ими политического строя. Религия объясняла весь мир по тому образцу, по которому объяснялась жизнь внутри общества. И вся дальнейшая история религии показывает, что с изменением производственных и социально-политических отношений изменялась и форма религии: если общество состоит из нескольких слабо связанных друг с другом племен, у каждого из которых есть свои старшины и князьки,—тогда религия имеет форму многобожия; а когда, напр., происходит процесс объединения, создается централизованная монархия,—параллельно то же происходит и в небесах, где воцаряется единый бог, такой же свирепый, как и земле-владельческий царь; на лицо какая-нибудь рабовладельческая торговая республика (вроде Афин в V веке),—и боги устраиваются почти на республиканский манер, хотя из многих богов выделяется богиня победоносного города—Афина-Паллада. И точно так же, как во всяком „порядочном“ государстве существует целая иерархия начальников, точно так же и на небесах святые, ангелы, боги и проч. располагаются в зависимости от своей знатности, наделяются различными чинами и орденами. Более того, между богами, как и между начальниками на земле, растет разделение труда: один—по военной части (у римлян—Марс, у „православных христиан“—Георгий Победоносец или архистратиг, т.-е. фельдмаршал, Михаил), другой—по торговой (Меркурий), третий—по части земледелия и т. д. Дело здесь доходит до курьезов: напр., в России среди святых есть даже „спецы“ по коннозаводству (Фрол и Лавр). И повсюду, где

есть отношения господства-подчинения, там есть и религия, отражающая именно эти отношения. Следует заметить еще, что подобно тому, как в действительной жизни происходят войны, порабощения, восстания, так, по религиозным учениям, происходит дело и в небесных сферах: черти, демоны, „князья тьмы"— не что иное, как отражение враждебных вождей, которые на земле пытаются разрушить государство, а в небе свергнуть императорскую власть всемогущего бога и опрокинуть весь небесный „существующий строй".

Вышеприведенная теория происхождения религии, которую мы считаем абсолютно правильной, принадлежит А. Богданову и впервые была им формулирована в сборнике „Из психологии общества". Позднейшие специальные исследования вполне подтвердили эту догадку. Очень близко к ней подходит Г. Кунов в своей книге: „Возникновение религии и веры в бога" (русский перевод И. Степанова). Критикуя взгляд, по которому религия произошла из различных впечатлений от внешней природы, Кунов совершенно справедливо пишет: „Конечно, так как всякий образ, существующий в представлении, обусловливается лежащим в его основе восприятием (субстратом), то в известном смысле можно сказать, что как окружающий мир природы (естественная обстановка), так и социальная среда (общественная жизнь) оказывает определяющее воздействие на религиозную идеологию; но, не говоря уже о том, что воззрения на природу в большой степени зависят от того, насколько успел человек технически использовать силы природы в производстве своей материальной жизни [1],—образы, получаемые в результате созерцания природы, дают *только материал для внешних украшений*,—хотелось бы сказать: почти только *придают местный колорит* (окраску.—*Н. Б.*) *для религиозного мысленного построения*" (указ. сочин., стр. 29 русского издания. Курсив наш. — *Н. Б.*). Однако Кунов не доводит до конца этой точки зрения и поэтому наивничает совершенно недопустимо. Так, на стр. 33 мы читаем, что „дикие и полукультурные народы совершенно естественно (!!) дуалисты". Это вроде того, как у Адама Смита „обмен"—„совершенно естественное" свойство человека, или же вроде объяснения того, как произошла наука: у людей-де есть врожденная слабость „к причинному объяснению" (это называется у немецких ученых „Kausalitätstrieb"). По Кунову распад человека на душу и тело *укрепляется* видениями сна и обморока (как будто что-то уходит из тела, затем снова приходит). Но „укрепляться" может только то, что *уже имеется*. Быть может, *смерть* служит таким явлением, которое создает представление о „душе", отдельной от „тела"? Но сам Кунов (стр. 31, 32) приводит примеры, когда дикари

[1]) Это не мешало бы помнить г. Кунову при обсуждении вопроса о производительных силах.

не понимают необходимости естественной смерти (стр. 31). Более того, самую смерть, некоторые племена (Джон Фрезер сообщает это об австралийцах в Новом Южном Уэльсе) приписывают обычно „тайной злобе какого-нибудь духа“ (32). Значит, и это ровно ничего не объясняет. (Кстати сказать тов. М. Н. Покровский выводит религию из страха к смерти, боязни покойников и т. д. Но как же быть, когда нет даже понятия о том, что „все люди смертны“? Ясно, что историческую категорию, имеющую свое историческое начало, тов. Покровский взял в качестве почти „естественной“.) У Кунова религия развивается так: зачатки культа духов, затем культ тотема (так называются животные, птицы или растения, которые были племенными знаками-гербами) и предков. Но во всех почти примерах, приводимых Куновым. его „самые первоначальные“ духи и суть духи предков. В главе „Зачатки культа духов“ Кунов пишет: „Благорасположенными считаются только духи ближайших родственников или хотя бы члены своей собственной орды, да и то не всегда; напротив: духи умерших из чужих орд и племен все считаются враждебно настроенными духами“ (47). На той же странице дух отца и матери, на следующей—дух деда и „прародителя“, на 49—дух именуется, как „отче“ и т. д. У Кунова, таким образом, не сведены концы с концами. На стр. 16 он соглашается с формулой, что религиозные представления вызываются „впечатлениями общественной жизни“ (наш курсив.—*Н. Б.*), а на стр. 26 уже говорит не об общественной природе, а о „собственной природе“, „возникновении“ и... „прежде всего смерти“ (курсив автора). Но вряд ли Кунов отважится назвать смерть и рождение специфически общественными явлениями! На самом деле то, что относится к внешней природе, то относится и к биологической природе человека: впечатления от всех этих явлений (смерть, сон, обморок, точно так же, как и гроза, буря, землетрясения, блуждающие огни, солнце и т. д.) дают подсобный материал для того, чтобы этот материал был выстроен и подобран под углом зрения дуализма (мысли о двух началах, духовном и телесном), который вовсе не прирожден, а вытекает именно из основных условий общественной жизни.

Мы так долго останавливались на Кунове, потому что его в общем очень ценная книга является почти единственной марксистской книгой по истории религии. E. Meyer (l. c., S. 85) считает основной причиной происхождения религии „ непосредственно данное“ стремление к причинному объяснению и (тоже „непосредственно данный“!) дуализм: человек наблюдает, „с одной стороны, психические процессы чувства, представления, воли, с другой — вызванные этим телесные движения, произвольные действия. Дуализм тела и души является поэтому первоначальным опытом (ursprüngliche Erfahrung), а вовсе не продуктом последующего, хотя бы и примитивного, размышления“. Эта замечательная теория, „с одной стороны“, противоречит фактам, „с другой“, как всякий видит, ровно ничего не объясняет: она просто

ограничивается описанием того, что нужно объяснить. К правильной постановке вопроса подходит проф. Ахелис (Prof. Th. Achelis: „Sczioleegie", Göschensche Verlagshandlung, Lpz., 1899, S.S. 85 ff.), для которого религиозные представления—это „только отражение социально-политических представлений и учреждений" (91). Даже смерть могла обратить внимание дикаря лишь в обществе (97. Тут Ахелис ближе к истине, чем Кунов). „Всякая дифференциация в области политической власти и то значение, которое выказывают отдельные конкретные организационные формы, находят здесь (в религии.—*Н. Б.*) свое верное отображение; то, чем являются среди людей вожди или короли, это означают великие боги среди менее значительных духов, так что само собой, совершенно по земному образцу, из пестрого разнообразия различных богов выкристаллизовывается импонирующая фигура одного более или менее всеобще признаваемого властелина" (96). Превосходная (ибо марксистская) глава о религии не мешает Ахелису безбожно перевирать Маркса, замалчивать его и... расшаркаться перед религией! Противоречие между развитием науки и интересами буржуазии здесь видно, как на ладони.

Приведем теперь примеры, подтверждающие правильность марксистской точки зрения. У древних вавилонян (2—3 тысячелетие до Р. Х.) „небо—прототип (прообраз.—*Н. Б.*) земли, все земное создано по образцу небесного, между тем и другим неразрывная связь" (проф. Б. А. Тураев: „История Древнего Востока", часть I, стр. 124). Боги—это покровители (духи) отдельных людей („бог-хранитель", „мой бог", то же, что у нас так называемый „ангел-хранитель") улиц, городов, местностей и т. д. „Божество неразрывно связано с судьбами своего города; ...его величие росло с расширением пределов городской теоритории; если его народ присоединял другие города, то божества подчиненных становились в подчиненное положение к нему; наоборот, увезение изображения божества из города и разрушение его храма было равносильно политическому уничтожению города" (124). На ряду с крупными богами (Ану, Энлиль, Эа, Син, Шамаш и т. д.) есть еще ряд мелких духов, небесных („игиги") и подземных („анунаки"). Параллельно образованию Вавилонской монархии воцарилась и небесная монархия: „Возвышение Вавилона повлекло за собой некоторые изменения в пантеоне. Бог Вавилона должен был занять первое место. Таким богом был Мардук, также имевший сумерийское имя. Это было божество весеннего солнца. Династия Хаммураби (Хаммураби—вавилонский царь, при котором был написан свод законов, обнаруженный при раскопках на месте прежнего Вавилона.—*Н. Б.*) действительно возвела его на степень верховного бога" (127). При этом с остальными высшими богами произошла такая „эволюция": „Энлиль, царь неба и земли, передал Мардуку... владычество над четырьмя странами света и свое имя владыки стран". Что касается Эа, то „Мардука объявили его первородным сыном, которому отец уступил милостиво свои права и свою силу, свою роль в мироздании" (127). А когда Вавилонская монархия стала на ноги, то „мало-по-малу выработалось представление

о единой божественной силе, проявлявшей себя во множестве видимых форм и носившей, сообразно этому, множество различных наименований". Жрецы стали говорить, что другие высшие боги—лишь проявление Мардука: „Ниниб—Мардук силы, Нергал—Мардук битвы; Энлиль—Мардук власти и царства" (129). Вот отрывок из одной молитвы-гимна богу Сину, крайне характерно изображающий монархическую власть на небе: „Господь, владыка богов, единый великий на небе и земле... Создавший землю, основавший храмы и наименовавший их, отец, родитель богов и людей... Могучий вождь, сокровенную глубину которого не исследовал никакой бог... Отец, виновник бытия всего. Владыка, решающий судьбы неба и земли, повеление которого неотменимо, который держит холод и жар, управляет живыми существами. Какой бог тебе подобен? Кто велик на небе? Ты един. А на земле кто велик? Когда на небе раздается твое слово,—ниц падают Игиги; когда оно слышится на земле,—целуют прах Анунаки... Владыка! В господстве на небе и на земле у тебя нет соперника среди богов, твоих братьев", и т. д. (цит. по Б. Тураеву, l. с., 144). Син изображается здесь прямо, как небесный император, перед которым проделываются все соответствующие церемонии (падают ниц, целуют землю и т. д.). Разумеется, что официальная религия выражала и выражает идеи господствующего класса прежде всего. Это отражается и в мелочах: напр., в феодальную эпоху, когда воинская добродетель ценилась превыше всего и господствующим классом были раньше всего воинствующие землевладельцы, в загробной жизни хорошо чувствуют себя только павшие в бою, хуже всего—те, „о заупокойных дарах которых некому позаботиться" (т.-е. беднота).

Относительно древних индусов массу интересного дает в своих любопытнейших исследованиях о хозяйственной морали мировых религий Макс Вебер (Max Weber, l. с., B. II. „Hinduismus und Buddhismmus"). Здесь экономически-классовое и профессиональное расчленение общества приняло непосредственно религией закрепленную форму каст. По старинному юридическому сборнику законовМану 4 главных касты—это браманы (жрецы, ученые, литераторы-дворяне), кшатрии (дворяне-рыцари, вояки), вайсиа (vaisia; земледельцы, а затем ростовщики и купцы), судра (рабы, ремесленники и т. д.). Таким образом, каста „постоянно и по самому существу своему является чисто социальным либо профессиональным частичным объединением внутри общественного союза" (34). Браманы и кшатрии распоряжались всем и вся. Вайсиа считается только „чистой" кастой, достойной того, чтобы браманы брали от принадлежащих к ней воду или пищу. Судра делятся на „чистых" и „нечистых"; у последних дворянин не возьмет воды, цирульник не будет стричь им ногтей на ногах и т. д. К нечистым судра примыкают и другие „нечистые"; одни из них не могут появляться в храмах, другие считаются настолько „погаными", что их прикосновение загрязняет; иногда даже приблизиться на 60 футов к такому человеку для дворянина или „чистого" вообще значит „опо-

ганиться“; поганит взгляд „нечистого“, брошенный на еду, etc. (46;) наоборот, даже испражнения брамана считаются священными (62). Тысячи правил и религиозных церемоний охраняют данный порядок. Короли и цари происходят из кшатриев; государственно-дворянское управление распростирается и на экономическую жизнь (таксация цен, натуральные налоги, государственные магазины) при невероятном бюрократическом аппарате (69). Основными религиозными идеями, взрощенными на такой социальной почве, М. Вебер считает две (стр. 117—121): идея переселения душ (Samsara) и связанное с ней учение о воздаянии (Karman). Каждое деяние человека засчитывается; у него нечто вроде текущего счета, с балансом его хороших и плохих поступков; когда он умирает, то ему суждено возродиться в той форме, какую он заслужил, какая определяется балансом его поступков к моменту его смерти. Он может возродиться королем, браманом; может превратиться и в „червя в кишке собаки“. Чем же определяются главные добродетели? Выполнением кастового порядка. Если ты раб и поганый, знай свой шесток. Если ты с него никогда не будешь соскакивать и будешь помнить, что ты поганый, тогда в будущей жизни, после смерти, быть может, попадешь в дворяне. На земле же кастовый строй незыблем, и нелепо думать о его изменении. Нет никакой „случайности рождения“: каждый родится в той касте, которую он заслужил в своей прежней жизни, которая была до его теперешнего рождения (120). Отражение общественного строя и интересов господствующих классов здесь яснее ясного. Еще раньше мы тоже находим это отражение. Напр., боги Вед (сборник древнейших священных гимнов) „суть функциональные и героические боги, наподобие гомеровских, точь-в-точь, как герои ведийского времени, сидящие в замках, сражающиеся на колесницах военные короли со свитой и... с более или менее скотоводческим крестьянством возле себя“ (29). Характерны: „Индра, бог грозы и, как таковой (подобно Иегове), страстный вояка и герой, ...и Варуна, мудрый, всевидящий бог вечного порядка, прежде всего правового порядка“... (29). (Любопытно, что небо предназначалось сперва лишь для браманов и кшатриев—см. стр. 119.) На ряду с официальной религией господствующих классов была и простонародная религия, связанная между прочим часто с половыми манипуляциями. Веды прямо называют один из таких культов „гнусным обычаем подчиненных“. Следовательно, здесь налицо несколько классовых религий. Вот, напр., описание религиозного раскола в Ю. Индии (кстати сказать, это немного похоже на наш российский религиозный раскол): „Часть низших каст и приезжие королевские ремесленники оказали сопротивление подчинению браманам, и таким образом возникли и сейчас еще существующие секты „валан-гаи“ и „идан-гаи“, касты „правой“ и „левой“ руки“ (324). У древних греков точно так же феодальный, а затем рабский строй имел свое отражение на небе, при чем во главе богов стоял Зевес, Деметра была богиней хлебопашества, Гермес—торговли и путей сообщения, Гелиос—„свободных профессий“ (искусства).

И опять-таки и по этой линии шла классовая борьба. В Афинах V века (эпоха высшего расцвета и начало упадка) у господствующего класса купеческой „демократии“ религия — одно из главных орудий: „по убеждению Софокла (крупнейший поэт этого времени из „правоверных“. — *Н. Б.*), весь мир разлетается в щепки, если исчезает вера, ибо всякий нравственный и государственный порядок покоится, по его мнению, на воле богов“ (E. M e y e r: „Geschichte des Altertums“, 4 Band, 3 Buch: „Athen vom Frieden von 446 bis zur Capitulation Athens im Jahre 404 v. Chr.“, S. 140). Дворянская оппозиция и деклассированные слои пользуются критикой религии, как критикой существующего порядка. Купеческая демократия к а з н и т за высказанное сомнение в существовании богов.

У д р е в н и х с л а в я н мы находим то же самое. Культ предков, родовых богов, домашних богов (домовых), профессиональных богов был и тут. Главным государственным богом был бог торговцев и воинов-дворян, в то же время бог грома, — Перун. Рай отводился для душ умерших князей и их дружинников, а для простого смертного там не было места (ср. Н. М. Н и к о л ь с к и й: „Первобытные религиозные верования и появление христианства“ в „Русской Истории“ П о к р о в с кого, т. I. Сам Н. М. Никольский выводит религию из боязни мертвецов и т. д.). Наконец, возьмем современные формы христианской религии. Русское „православие“ было и есть точным отражением византийско-московско-питерского самодержавия. Бог — император. Богоматерь — императрица. Николай - чудотворец и другие излюбленные святые — министры. Затем целый штат чиновников (ангелы, архангелы, престолы, господие, власти, херувимы, серафимы и т. д.). Между этими небесными придворными разделение труда: архистратиг Михаил — это фельдмаршал (архистратиг по-гречески и значит „главный полководец“), богородица—главная дама-патронесса („заступница“), Николай—главным образом, бог плодородия почвы, Пантелеймон — нечто вроде медика, Георгий Победоносец—божественный „ударник“ и вояка и проч. Более знатным — больший почет: лучшие венчики, ризы, жертвы и т. д. К л а с с о в а я б о р ь б а не раз и у нас принимала религиозные формы (раскол, секты штундистов, хлыстов, молокан и проч.). Но об этом здесь дальше распространяться не место. Отметим лишь в заключение, что русские обозначения божества ясно указывают на происхождение этой милой идеи бога: господь—значит господин („а мы рабы твои“), бог того же корня, что и „богатый“; „владыка“, „царь небесный“, „судия“, „отец“ („о т ч е наш“) и т. д., — все это клички для небесного феодально-дворянского монарха, который народ рассматривает, как рабов. Недаром „самодержавию“ так нравилось „православие“.

Религия — это такая надстройка, которая состоит не только из приведенных в систему, прилаженных друг к другу и д е й; она имеет и соответствующую организацию л ю д е й (ц е р к о в н у ю о р г а н и з а ц и ю, выражаясь нашим обычным языком)

и систему особых приемов и правил почитания божества (напр., наши „службы“: литургия, вечерня, всенощная со всякими обрядами, заклинаниями, произнесениями магических формул и различными непонятными колдовскими действиями), так называемый культ.

Здесь мы точно так же видим, что и эта сторона религиозной надстройки связана с ходом общественной жизни, неотделима от него. „... Церковь в каждую эпоху воспроизводила и повторяла в своей среде современное ей общество в его экономических и культурных чертах. Церковный строй был магнатский и феодально-крепостной в эпоху сеньората; в нем выдвинулись демократические элементы и формы денежного хозяйства в эпоху городского развития и т. д.“ (Виппер: „Несколько замечаний о теории исторического познания“, стр. 46 сборника „Две интеллигенции“). Первоначальной формой духовенства, как профессии, были колдуны, лекари, ясновидцы, пророки, вещатели и т. д, которые, по Э. Мейеру, и были первым из известных нам сословий. Вообще говоря, руководящий слой жрецов является частью господствующего класса, который делит внутри себя труд: одни являются военными предводителями, другие — жрецами, третьи — законодателями и проч. Немудрено поэтому, что церковь „воспроизводит и повторяет современное ей общество“.

Господствующая церковь представляет из себя и хозяйственную организацию, экономические отношения которой составляют часть экономических отношений всего общества. Так, напр., из свода законов вавилонского царя Хаммураби мы знаем, что храм бога Шамаша „вел денежные операции, давая большею частью по 20%; при займах зерном % возвышался до $33^1/_3$ и даже изредка до 40%“ (Тураев, l. c., 112). Римско-католическая церковь была в средние века настоящим феодальным королевством, с огромным хозяйством, финансовыми поборами и налогами (так назыв. „десятина“) и административным аппаратом. Всякий знает также, какую роль в России играли монастыри и „лавры“, накопившие несметные богатства (характерно то, что грандиозный дом московской биржи принадлежал Троице-Сергиевской лавре). Выполняя свою роль, как успокоительницы масс, удерживающей их от посягательств

на существующий строй, церковь сама являлась и является частью эксплоататорской машины, слаженной по тем же архитектурным правилам, что и эксплоататорское общество, взятое целиком.

Мы знаем, однако, что общество, за исключением самой ранней поры своего развития, всегда было обществом классовым. Его производственные отношения были отношениями господства — с одной стороны, подчинения — с другой. Его политический строй отражал и выражал эти отношения. Его религия оправдывала их и примиряла с ними массы (иногда необычайно ловко: ср., например, индусское учение о воздаянии, о котором мы говорили выше). Однако это примирение не всегда удавалось. Тогда против официальной религии угнетенные классы, которые сами же могли выпрыгнуть из религиозной оболочки, вырабатывали свою религию: против ортодоксального, правоверного церковного учения вырастали так называемые „ереси“, против официальной церкви — своя народная религиозная община, иногда принимавшая формы конспиративной, нелегальной организации, со своими священниками или пророками, которые были в то же время и политическими вождями.

Сравнительно недавно такая точка зрения на религию и церковь казалась совершенно недопустимой, простым кощунством. Однако теперь даже буржуазные исследователи, когда они специально занимаются предметом, волей-неволей приходят к ней. Вот к какому общему результату относительно азиатских религий приводит нас лучший новейший исследователь религии Макс Вебер: „В общем мы замечаем то же одновременное существование культов, школ, сект, орденов всякого рода, которое было свойственно и западному античному миру. При этом эти конкурирующие направления никоим образом не были равноценными в глазах тогдашнего большинства господствующих слоев, а часто также и политических властей. Имелись правоверные и еретические (orthodoxe und heterodoxe), а между правоверными — более и менее классические школы, ордена и секты. Прежде всего — и это для нас особенно важно — они отличались друг от друга и социально. С одной стороны... смотря по слоям, в которых они гнездились (in denen sie heimisch waren). С другой... смотря по виду „обетования“, которое они возвещали различным слоям своих приверженцев. Первое явление имело место, отчасти, в такой форме, что

господствующему социальному слою, резко отрицающему всякую религиозную веру в „искупления“ (Erlösungsreligiosität), противостояли в массах простонародные сотериологии [1]); тип этого дал Китай. Отчасти же в такой форме, что различные социальные слои имели различные виды сотериологии“ („Max Weber, 1. c., B. II, Abschn. III. „Die asiatische Sekten- und Heilandsreligiosität“, S. 364). Примером классовой борьбы, шедшей под религиозными знаменами, может служить так называемая реформация, первый натиск ряда классов на феодальное господство и на его выражение в З. Европе—„римско-католическую церковь“. Здесь владетельные князья шли вместе с папой, мелкие помещики и буржуазия—с умеренными, во главе которых в Германии был Лютер, основатель протестанской церкви; ремесленники, полупролетарии, отчасти крестьяне шли за крайними сектами (вроде „перекрещенцев“, анабаптистов, часто с коммунистическими устремлениями). Религиозная борьба, лозунги, блоки приверженцев того и другого направления в точности соответствовали борьбе, стремлениям и блокам общественно-политического характера.

Таким образом мы видим, что и религиозная надстройка определяется материальными условиями существования людей. Ее **стержнем** является отражение социально-политического и экономического строя общества. Вокруг этого стержня подбираются другие идеи, но их ось—это общественная структура, перенесенная в невидимый мир и рассматриваемая, кроме того, с точки зрения того или другого класса. „Дух“ и здесь оказывается функцией общественной „материи“.

Против этого понимания можно было бы выставить одно возражение, которое касалось бы как раз капиталистического строя. Ведь в капиталистическом обществе религия продолжает существовать, и притом в Европе всюду имеет вид **единобожия**. Между тем капиталистическое общество имеет разные формы буржуазного господства в области политики (монархия,

---

[1]) „Сотэр“—по-гречески значит „спаситель“. М. **Вебер** говорит о тех случаях, когда среди угнетенных создавалась целая религиозно-политическая система идей об „освобождении мира“, „о спасении“, исцелении от всех социальных зол, об царстве божием на земле. Эти чаяния и упования угнетенных классов и принимали характер „сотериологии“, т.-е. **учения о спасении и об „обетованной земле“**. — *Н. Б.*

республика), а производственные отношения хотя и построены по типу господства-подчинения, тем не менее не носят монархического характера: капиталист, правда, монарх на своей фабрике, но в обществе класс капиталистов господствует обычно не через одно лицо. Как же объяснить такое „противоречие“? Не рушится ли и вся наша марксистская теория на капиталистической религии? Ни капли. Наоборот. Только с марксистской точки зрения и можно понять религиозные формы современности.

Что „правит“ экономическими отношениями капитализма? В феодальном обществе, мы знаем, монархи и их подчиненные князья и чиновники направляли и полунатуральное хозяйство. При капитализме же появляется новый, мощный, но стихийный, безличный регулятор. Это — рынок, с его непонятными причудами, рынок, который возвышает одних, разбивает жизнь другим, который играет людьми, как слепая („иррациональная“), непонятная, неуловимая сила. „Что наша жизнь? — Игра. Сегодня ты, а завтра—я. Пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу.“ Вот этот характер судьбы и приняло божество (уже у римлян и греков, как мы знаем, были „парки“ и „мойра“, ананке“ — „необходимость“, „принудительная сила“, судьба, которая стояла даже над богами; это представление было связано с ростом меновых отношений и вытекавших отсюда торговых войн, которые ставили на карту существование Греции). Раньше боги (и единый бог) были вовсе не бесплотными духами. Они любили поесть, выпить, закусить, забираться к женщинам, хотя бы под видом голубя, как это устраивает так называемый „святой дух“ (в Греции, где процветала неестественная однополая любовь, Зевс, в виде орла, проделывает то же с мальчишкой Ганимедом). Экономическое развитие, приведшее к меновому хозяйству и разрушившее феодальный политический строй, выщипало у бога не только орлиные и голубиные перья, но и бороду, и усы, и прочие принадлежности прежних изображений. Теперь верующий буржуа верит в бога, как в неизвестную, непознаваемую божественную силу, от которой все зависит, но которая по виду ничего общего с человеком не имеет: это — божественный дух, а не какое-нибудь грубое божество дикарей. Таким образом, в экономике капитализме есть, с одной стороны, отношение господства-подчинения, с дру-

гой — отношение неорганизованной связи через обмен. Первое обстоятельство объясняет, почему религия сохраняется, второе — почему бог приобретает такой тощий и бесплотный характер.

Мы должны все время помнить, что речь идет лишь об основных идеях религии. Мелкие, второстепенные идеи должны быть каждый раз объяснены из особых условий развития.

В заключение разбора религии мы должны сказать, что из такого взгляда на нее вытекает необходимость для пролетариата активной борьбы с религией. Г. Гортер в своей книге „Исторический материализм" отступает не только от философского материализма, но и чисто-мещански и оппортунистически понимает положение „религия — частное дело". По его мнению, это означает, что нам на религию не стоит обращать внимания: исчезнет, мол, сама собой. Между тем „само собой" в обществе ничего не происходит, и Маркс в одной из своих блестящих и едких работ („Критика готской программы") зло издевался над „гортеровским" пониманием „религии, как частного дела". По Марксу, этот лозунг должен означать лишь требование рабочих к буржуазному государству, чтобы оно не совало своего полицейского носа, куда не следует, а вовсе не требование к самому себе быть „терпимым" ко всякому наследию подлых отношений и ко всякой реакционной силе. Гортеровская точка зрения в этом пункте никоим образом не может быть названа революционно-коммунистической. Это настоящая социал-демократическая точка зрения.

Мы должны теперь сказать несколько слов о философии. Философия появляется, как размышление о самых общих вопросах, как обобщение всех знаний, как „наука наук". Первоначально, когда науки не развились, не отделились одна от другой, философия, вместе с религией, от которой она тоже еще не отделилась, включает в себя и чисто-научные вопросы; в ней находятся и те обрывки знаний о природе и о человеке, которые вообще имеются в то время в наличности. Потом науки специализируются, разветвляются, занимают самостоятельные места. Но то общее, что есть во всех науках и, в первую очередь, вопрос о нашем собственном познании, о его отношении к миру и т. д.,—это остается на долю философии. Она должна объединять науку, разобранную на множество специальностей. Она пытается свести „концы с концами", быть скрепой всего, что известно, быть фундаментом общего взгляда на мир (так называемого „мировоззрения"). Вот, напр., в начале этой кни-

ги мы разбирали вопрос о причинности и телеологии. Этот вопрос не занимает специально физику, или политическую экономию, или науку о языке (филологию), или статистику. Но он касается всех этих наук, он есть общий вопрос, т.-е. вопрос философский. Точно так же вопрос о „духе“ и „материи“, или, иначе, об отношении „мышления“ к „бытию“. В специальных науках этот вопрос не очень-то разбирается, а между тем он относится ко всем наукам. Или, например, такие вопросы: правильно ли отражают наши чувства мир? и существует ли этот мир сам по себе? что такое истина? есть ли границы нашему познанию или нет? и проч.,—все эти вопросы опять-таки касаются любой науки, а поэтому их относят к философии. Другими словами: как отдельная наука прочищает, систематизирует, приводит в порядок мысли, касающиеся какой-нибудь специальной отрасли знания, точно так же философия пыталась и пытается привести в порядок, в систему всю совокупность знаний, объединить их одной точкой зрения, одним взглядом, связать их в стройное целое. Поэтому философия помещается, можно сказать, на самой „вершине“ человеческого духа, и открыть ее земное и телесное происхождение труднее, чем в других областях. Тем не менее и здесь мы обнаруживаем ту самую основную закономерность: зависимость „в последнем счете“ от технического развития общества, от уровня производительных сил. Здесь неизбежно мы натыкаемся на очень сложный тип зависимости. Это значит, что философия не прямо и непосредственно зависит от техники, а что между ними есть ряд промежуточных звеньев. Приведем для пояснения этой мысли несколько иллюстраций. Философия как мы знаем уже, систематизирует сведения, общие результаты отдельных наук. Значит, она зависит непосредственно от уровня развития этих наук: если почему-либо развиваются общественные науки, то и философия получит соответствующую окраску; если, наоборот, в данное время все поглощено естественными науками, то окраска философии будет другая. Чем это определяется? — Умонастроением, общественной психологией, господствующей в данное время в данном месте. А это в свою очередь определяется расположением классов, условиями их существования вообще; эти же „условия существования вообще“ определяются положением этих классов в экономике общества,

что зависит от данного состояния производительных сил. Таким образом между производительными силами (техникой) и философией поместилось изрядное количество звеньев. Приведем еще несколько примеров. Предположим, что какое-либо философское учение окрашено в мрачные тона (так наз. пессимистическая философия): или она утверждает, что никакое познание невозможно, или что вообще ничто не имеет смысла, что все „суета сует и всяческая суета“. Тогда мы должны прямо обратиться к психологии (т.-е. к чувствам, настроениям, ходячим мыслям), которые вызывают такую философию. И, покопавшись, мы обнаружим, что такие мрачные мысли пришли не спроста, а что какой-нибудь слой или класс общества или даже все классы общества попали в пиковое положение, не видят из него выхода, потеряли вкус к жизни, и это свое настроение выразили в соответствующей философии, окрасили ее в соответствующий мрачный цвет. Или вообразим себе, что идет в обществе страстная борьба классов и их партий. Может ли это не отразиться на их философии? Конечно, нет. Ведь в жизни человек не двоится: один и тот же человек, или класс, делает политику и думает „о причине всех причин“. Легко понять, что общественная борьба накладывает печать на все его мышление и отражается и в самых „возвышенных“ его построениях. Предположим, далее, что весь темп общественной жизни страшно замедлен: жизнь течет изо дня в день, монотонно, однообразно; сегодня идет так же, как и вчера, вчера, как позавчера и т. д.; все делается по-старинке, по традиции, рутинным способом; нет перемен ни в технике, ни в общественной жизни, ни в науке; одни люди умирают, а на смену им родятся такие же, которые думают так же, как думали умершие, и т. д. При такой неподвижности всего общества и философия его, в общем и целом, будет покоиться на идее неподвижного, раз на всегда установленного, неизменяемого. Цепочка причин будет здесь такая: неподвижная философия, неподвижная наука, неподвижная общественная психология, неподвижная экономика, неподвижная техника.

Можно было бы привести еще много таких же примеров, но и сказанного достаточно, чтобы видеть неизбежную зависимость философии „в конечном счете“ от экономики и техники общества.

Вышесказанное подтверждается всем действительным ходом развития философской мысли.

В древней Греции, которая считается обычно классической страной философии, наиболее ранние философские системы появились в ионийских торговых городах. Эти города лежали на больших морских путях между Малой Азией и Европой; сюда же шли нити экономического характера из Египта. Больше чем где бы то ни было в античном мире этого времени (VI—V век до Р. Х.) были развиты торговля, ремесло и рабская промышленность, — в первую голову торговля. На ряду с экономической связью с другими странами был налицо и обмен идей (влияния Вавилона, Египта и т. д.); „культурная" жизнь здесь била ключом. Развивались начатки естественных наук: астрономии, геометрии, арифметики, медицины и проч. На этой основе и выросли первые философские системы: это была так наз. натурфилософия, т.-е. философия, связанная с естественными науками, ее задачей было найти естественную первооснову всего существующего. Ионийская школа (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен и их ученики) искала единства материи то в воде, то в воздухе, то в „бесконечном" и т. д. На ряду с размышлениями о „сути вещей" у этих философов было и много чисто научных наблюдений, а Анаксимандр, напр., составил карту земли, которая была в ходу очень долгое время. У ионийской школы философская мысль еще не оторвалась от научных наблюдений, которые были связаны с практикой. Затем мы видим рост богатств, их накопление, рост рабского труда, рост паразитизма высших классов общества; вместе с этим растущее пренебрежение к труду, к трудовой жизни, к производству, к непосредственным (не через служащих) торговым занятиям остановило рост технически-научной мысли и превратило философию в совершенно оторванное от жизни умствование (философия приобрела, как говорят, чисто „спекулятивный" характер). Но это не значит, что она развивалась „сама из себя". Ее формировала и определяла общественная жизнь. Посмотрим, напр., на философию одного из величайших философов Греции — Гераклита Эфесского. Его родина—Эфес—был богатым торговым городом, переживавшим массу треволнений (войн, гражданских войн и т. д.); „ни один город в Ионии не переживал таких пертурбаций, как Эфес" Купеческая демократия пустила здесь глубокие корни и политически господствовала над поземельной аристократией. Гераклит же происходил из старо-дворянской семьи, где сохранились феодально-королевские традиции, и „если он и не был партийным человеком аристократов, то он был фанатичным врагом демократии, господства слепой массы". (E. Meyer, l. c., IV B., III Buch., S. 217). Самому ему, как контрреволюционеру, было боязно заниматься политикой, и он даже свою философию излагал нарочито темным, полуконспиративным языком. „Один единственный—писал он—стóит десятков тысяч, если он лучший". „Что за ум и разум имеют они (теперешние властители. — *Н. Б.*)? Они слушаются певцов, они допускают, чтобы их учила чернь, ибо они

не понимают, что большинство — это нечто плохое, и только немногие хороши. Эти лучшие, вместо всего другого, выбирают себе одно: вечную славу среди смертных. Толпа же насыщает себя, как скот“ (ib., 218.). Из этого положения гонимой родовитой аристократии, среди бурных переворотов и потрясений, вышла на свет божий и философия Гераклита. Общество полно противоположностей и смут, жестокой борьбы, и тем не менее оно существует, как целое. Так и все на свете. Суть всего и состоит в том, что оно „целое и не целое, стремящееся к общности и разваливающееся на части, созвучие и диссонанс; из всего одно единое и из одного все“. „Как раз в этих противоположностях и состоит единство, суть вещей“. Нелепо проповедывать покой, которого нигде нет, и нельзя успокаиваться, когда господствует твой враг. Отсюда: „война есть отец и король (!!) всех вещей; одних она сделала богами, других — людьми, одних — рабами, других—свободными“. „Гомер, который хотел удалить вражду и спор (ἔρις) среди людей и богов, не замечал, что этим самым он проклинал и осуждал всякое возникновение“. И разве, действительно, не нелепо говорить даже о покое, когда все кипит и меняется? Наоборот, нет ничего неподвижного и застывшего. „Мы не можем ступить в одну и ту же реку дважды, ибо все время протекает другая вода“. Говорят повсеместно, что теперешние порядки хороши. Но ведь истина относительна: „Море — это самая чистая и самая нечистая вода; для рыб она питьевая и целительная, для людей — непитьевая и вредоносная“. Это ничего, что теперь купцы и демократические выскочки правят городом. Нельзя смотреть на одну поверхность явлений, нужно смотреть глубже: „Чувства обманывают, так же и глаз который все же является лучшим свидетелем, чем ухо“. В жизни зреют перемены, и то, что существует, неизбежно погибнет: „Огонь живет, потому что умирает земля, воздух живет смертью огня; вода живет смертью воздуха, земля—смертью воды“. Не только классы сменяют друг друга, но и общественные вещи постоянно меняются местами: „Все меняется на огонь и огонь на все, как вещь на золото и золото на вещь“ (l. c., 221). В чем сущность общества? Она именно в этой золотой субстанции, за которую можно получить все, в вездесущей и всепроникающей силе денег. Поэтому огонь, воплощение этой силы, и есть суть вещей, животворящая сила, из которой все исходит. „Точно так же и жизненный дух, душа, есть огонь и теплота“. Рынок, конкуренция, война — стихийны; это судьба, принудительная и всевластная. Поэтому и бог не человек с кудрями, а бестелесный неотвратимый закон, „предопределенная принудительная сила судьбы (εἱμαρμένη ἀνάγκη), которая всем вещам дает свои вечные правила и определяет свою меру, коих нельзя преступить без того, чтобы не попасться в руки Эриний, помощниц справедливости“. Но божество, разум, Логос, судьба, которая правит миром, в конце концов восстановит попранную справедливость: настанет день страшного суда, „по всему пройдет огонь, пламя охватит все и будет судить“; „справедливость (Δίκη.) будет расправляться (схватывать) лжецов и лжесвидетелей“.

Таким образом, в философии Гераклита ясно проглядывают причудливо переплетенные моменты современной ему общественной жизни: сущность развивающегося под знаком денег хозяйства, классовая борьба, оппозиционное положение аристократии, надежды на лучшее будущее, призывы к мужеству, вера в победу, опора для этой веры во всеобщей изменяемости вещей, признание безличной судьбы и правящего миром таинственного Разума — отражения законов мира торговли, конкуренции и войны,—отрыв от производительного труда, ненависть к „черни" родовитого аристократа, традиции дворянства и феодальной воинственности и т. д., и т. п.— вот общественные корни его философского построения.

Характерно, что в то время, как оппозиционно-настроенный Гераклит, представитель аристократии, не заинтересованный в сохранении существующего строя, защищал принцип изменяемости, противоречий, борьбы, динамики, философы другой, господствующей, школы с неменьшим усердием защищали принцип неизменяемости и постоянства. Наиболее крупным из них был Парменид. Анаксагор, приближенный вождя купеческой афинской демократии V века, Перикла, так сказать официальный государственный философ Афин, чрезвычайно остроумно старался переместить центр тяжести страстного философского спора. „Греки,—писал он,—неправильно говорят о возникновении и исчезновении, ибо из имеющихся уже вещей все существующее проистекает путем смешения и разграничения". Другими словами, Анаксагор становится на точку зрения постепенного развития, что вполне вытекало из общественного положения класса, который он представлял. (Анаксагор, между прочим, дал толчок атомистической теории).

Мы не можем здесь в подробностях останавливаться на греческой философии. Совершенно ясно, что она не была в состоянии найти выхода на почве высасывания из пальца и неосознанных впечатлений от общественной жизни. Последняя в то же время все более запутывалась. Необычайно сложная борьба и до крайности тревожное положение в руководящих городах вызывали многочисленнейшие течения, споры и критику; общественные связи, нормы, обычаи старого типа начали гнить. Люди „запутались". И параллельно с этим во всей философии произошел резкий сдвиг в сторону так наз. практической философии, т.-е. разговоров о природе человека, о морали и т. д. Вместо исследования о сущности мира стали говорить о сущности человека, о нормах поведения, о должном, о „добре" и „зле" (с одной стороны, софисты, подвергавшие все критике, с другой — Сократ). О величайшем рабовладельческом философе древности, ярко черносотенного характера, Платоне, с его законченной системой философского идеализма, воплощавшей чистый разум и добро одновременно с палкой для рабов, мы упоминали в начале книги. Приведем еще пример из времен упадка Римской империи, который был и упадком всей средиземной античной культуры. Громадный рост городов, накопление богатств на основе грабежа колоний и эксплоатации рабов,

полный паразитизм господствующих классов, паразитизм развращенной государственными подачками праздной толпы свободных люмпен-пролетариев, беспросветная забитость рабов — вот краткая характеристика „внутреннего положения". А вот как богач-философ стоической школы Сенека обучает своего друга Люцилия жизненной философии: „Разве у тебя есть что-либо, что может удерживать тебя от смерти? Ты перепробовал все наслаждения, которые заставляют тебя медлить. Ни одно из них не ново для тебя, всеми ты уже пресытился. Ты знаешь вкус вина и вкус меда, так не все ли равно, сто или тысяча бутылок пройдут сквозь твое горло. Точно так же ты отведал устриц и раков. Благодаря твоей роскоши, на будущие годы для тебя не осталось ничего неизведанного. И от этого ты не можешь оторваться? Чего же еще тебе может быть жаль? Друзей и родины? Но разве ты их ценишь хотя бы настолько, чтобы ради них позднее поужинать? О, если бы было в твоей власти, ты погасил бы самое солнце, ибо ты ничего не сделал достойного света. Сознайся, что ты не лишь смертью не потому, что тебе жаль курии, форума или даже природы. Тебо жаль покинуть мясной рынок, на котором ты, однако, уже все перепробовал" (Сенека, „Письма к Люцилию". Цит. по Н. Васильеву: „Вопрос о падении Западной Римской империи". Извест. Общ. археологии, истории и этнографии при Казанском унив., том XXXI, вып. 2—3). Философия полного индивидуализма распылившихся личностей, пессимизм, проповедь смерти, бесплодная критика всех общественных установлений, культ отвлеченного разума, который на все плюет, — вот философия того времени. Разве здесь не видно отражения психологии пресыщенного, упадочного, потерявшего всякий вкус к жизни паразитического класса? А такая его психология вытекала из тех общественно-экономических условий, которые были в то время налицо.

В средние века сложившийся в Западной Европе строй был строем феодальным, с громадной иерархией подчинения; по такому же типу была построена и церковь. Нормы права, обычаи, мораль религия, — все эти надстройки отражали в себе такой порядок и укрепляли его. Понятно, какую громаднейшую роль должна была играть здесь религия. Ведь основа религии и есть отношения господства-подчинения. Стало быть, именно на прочных устоях феодализма неизбежно должно было процветать и религиозное духовное крепостничество. Поэтому и философия носила резко выраженную религиозную окраску. Она считалась „служанкой богословия" (ancilla theologiae).

Наиболее характерный ортодоксальный философ средневековья, Фома Аквинский (1225—1274 г.г., главное сочинение „Summa theologiae" — „Богословская Энциклопедия"), достаточно ярко отразил в своей философии феодальные отношения. Мир распадается на две части: обычный видимый мир и „формы", которые в нем живут. Наивысшая и наиболее чистая „форма" — это бог. Кроме него существуют отдельные, особые, специфические „формы" („formae separatae"), расположенные по определенным ступеням достоинства: таковы ангелы, души людей и т. д. Вся эта философская система проникнута идеей постоянства

традиции, авторитета. „Но с ростом буржуазии шаг за шагом развилась также с необычайной силой и наука. Снова стали заниматься астрономией, механикой, физикой, анатомией, физиологией. Для развития своего промышленного производства буржуазия нуждалась в науке, которая исследовала бы свойства тел и деятельность сил природы. До этого времени наука была по отношению к церкви лишь смиренной служанкой... Теперь наука объявила бунт церкви, а буржуазия, нуждаясь в науке, присоединилась к этому бунту“ (Фридрих Энгельс: „Об историческом материализме“. Сборн. „Исторический материализм“, стр. 174 — 175). Эти потребности развития отражались даже там, где у руля правления стояла поземельная аристократия. Так, напр., в Англии первым провозвестником великого переворота во всем мировоззрении, а следовательно, и в философии, был Френсис Бэкон (1561—1626). По его мнению, природу надо изучать, чтобы ее подчинять. Для этого требуется прежде всего „искусство изобретения“ („ars inveniendi“); старую схоластическую ерунду и даже Аристотеля нужно бросить. Теперь „старина отступила, разум победил“ („vetustas cessit, ratio vicit“). Маркс считал Бэкона родоначальником английского материализма: „Естествознание он (т.-е. Бэкон. — *Н. Б.*) считает действительным знанием, а опытную физику — важнейшей частью естествознания... По его учению, чувства не обманывают и служат источником всех знаний. Наука есть опытное знание и состоит в применении рационального метода к чувственно данному (т.-е. к тому, что мы ощущаем своими внешними чувствами. — *Н. Б.*). Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, опыт — вот главные условия рационального метода. Среди изначальных свойств материи первым и главным является движение!! На ряду с этим Маркс открывает у Бэкона и множество „теологических (богословских) непоследовательностей“ (K. Marx und Fr. Engels: „Die heilige Familie“, 1845, S. 201 ff., цит. также у Энгельса в „Историческом материализме“). Иначе, конечно, и быть не могло, если принять во внимание время и классовое положение самого Бэкона.

Французский материализм XVIII столетия в философской области объявлял самую решительную войну феодальному мировоззрению точно так же, как в области политики и экономики буржуазия объявила такую же войну феодально-помещичьему обществу. Он необычайно энергично поддержал и развивал учение английского философа Локка о том, что у человека „нет врожденных идей“, что все психическое в человеке есть лишь „видоизменение ощущений“ (эта сторона учения называется сенсуализмом), что ощущение есть свойство материи. На ряду с этим царила вера во всемогущество человеческого разума и просвещающей идеи („рационализм“). Все это было пропитано индивидуализмом, который нашел свое отражение и в области „практической философии“ („права“ личности, свобода „личности“ и проч.). Эта в высшей степени революционная для того времени философия вытекала из революционной позиции тогдашней буржуазии, крушившей феодальный мир, его авторитеты, его традицию,

его церковь, его религию и его теологическую и консервативную философию. Революционное же настроение буржуазии можно легко понять из экономики общества XVIII века и из состояния производительных сил, которые в дворянско-помещичьем строе наткнулись на важнейшее препятствие в своем развитии и должны были руками буржуазии, мелкой буржуазии, ремесленников и полупролетариев сломать эти преграды.

Чтобы оттенить еще более зависимость философии от хода общественной жизни, приведем в качестве последнего примера философию буржуазии времен ее упадка (после империалистской мировой войны 1914—1918 г.г.). Громаднейший военный кризис, кризис экономический, кризис социальный, который на наших глазах превращается в крах капитализма и потрясает до основания все его культурное здание, вызывает среди господствующих классов психологию отчаяния, глубокого скептицизма и пессимизма, неверия в свои силы, в силу интеллекта, порождает возврат к мистике, жажду таинственного, тягу к тайным культам и старинным религиям, на ряду с увлечением современной формой светского колдовства — спиритизма. Многими своими чертами эта философия напоминает философию господствующих классов времен упадка Римской империи. Вот образцы этой философии, знаменующей крах капитализма:

Paul Ernst (Пауль Эрнст): „Der Zusammenbruch der deutschen Idealismus" („Крушение немецкого идеализма"). Автор дает здесь критику капиталистической организации, которая привела к войне. Эта организация была слепой, подавлявшей личность. „Откуда может притти перемена? Есть лишь один путь: человечество должно образумиться и сказать себе, что самая возвышенная задача, возложенная Богом (!) на человека, заключается в том, чтобы ставить себе и своей деятельности определенные цели". Идеала мудрости нужно искать... в Китае (!). „Мы должны уяснить себе, что причиной страданий человечества являются не учреждения, а порождающие эти учреждения воззрения". „Почему в Китае не обосновался капитализм? А по той простой причине, что китаец любит и чтит земледельческий труд, всегда может раздобыть (?!) себе нужный ему клочок земли и производить на нем все то, что ему, при его скромных потребностях, необходимо"... „Не реформы и революции нужны нам, а возвращение к истинной морали..." „...Первоисточником всех целей... являются люди высшего порядка". „Высшими достижениями метафизического мышления мы обязаны людям, жившим нагишом в лесах Индии и питавшимся зернами риса, которые выпрашивали для них, как милостыню, их ученики". Итак: высшие формы и методы познания — у людей, из своего пупка выковыривавших божественную премудрость; высшие формы жизни — у китайского крестьянина с его добродетельной супругой. Бегство от цивилизации, зашедшей в тупик, — вот лозунг текущего философского момента.

Hermann Keyserling: „Reisetagebuch eines Philosophen" (Герман Кайзерлинг: „Дорожный дневник философа"). „Всякая истина,

в конечном счете, представляет собою лишь символ;... солнце вернее выражает характер божественного, нежели лучшее логическое построение". „Все солнцепоклонники... правы перед Господом" (это все пишется не „для смеха", а всерьез! — *Н. Б.*). „Божественное открывается человеку всегда в рамках его интимных предрассудков". Индусские факиры — идеал веры и познания, ибо „нет более грубого суеверия, чем вера в непреодолимость естественной определенности". „Человек есть дух по сокровенной сути своей, и чем он это себе больше уясняет, тем больше цепей спадает с него. Возможно, таким образом, что в соответствии с индусским мифом, совершенное познание преодолевает даже смерть". „Человек завершенной эрудиции, спиритуалист, пользуется верою по своему желанию, как инструментом. На такой высоте стояли величайшие из индусов. Они... знали, что всякое религиозное построение — человеческого происхождения, и вместе с тем они, с верой в сердце, приносили жертвы то тому, то другому богу..." и т. д., и т. д.

Oswald Spengler: „Der Untergang des Abendlandes" (О. Шпенглер: „Гибель Запада"): „Систематическая философия нам теперь бесконечно далека, этическая же завершена. Остается еще третья, соответствующая эллинскому скептицизму возможность в рамках мира идей Запада". Это — скептическая история философии. При рассмотрении всей человеческой истории Шпенглер заменяет идею причинности идеей судьбы. Каждому обществу суждено сделать свой круг, от юности до старости, которая неизбежно кончается смертью. Европейский „культурный круг" исчерпал свои творческие силы и идет под уклон. Предугадать этот уклон и приспособиться к неизбежному — вот в чем задача.

Буржуазные философы, подобно пресыщенным римским обер-бюрократам и расслабленным знатного происхождения „мудрецам", путешествуют по далеким странам и ищут людей, ходящих нагишом, чтобы приобщиться к великой тайне. Шпенглер предрекает Европе судьбу Римской империи. Но расчеты сделаны без хозяина: устремив глаза на Индию и Китай, упустили у себя дома пролетариат. Если в „древности" низшие классы были способны только на то, чтобы выработать „философию" христианства, то теперь имеется марксистский коммунизм, который лишь закаляется в хаосе гибнущего „Запада". Он имеет свою философию, которая есть философия действия и борьбы, научного познания и революционной практики.

Таким образом, мы приходим еще раз к заключению, что и философия не есть нечто независимое от общественной жизни, что и она является величиной, которая изменяется в зависимости от изменений различных сторон общества, т.-е., в конечном счете, в зависимости от его экономики и техники.

Мы переходим к другому ряду общественных явлений, именно к искусству. Искусство такой же продукт общественной жизни, как и наука или любой продукт материального произ-

водства; если мы говорим о предметах искусства, то это очевидно само собой. Но оно является продуктом общественной жизни и как особый род „духовной“ деятельности. Точно так же, как и наука, оно может развиваться лишь при определенном уровне производительности труда. Иначе оно неизбежно хиреет и гибнет. Однако и этим дело не ограничивается. Мы сейчас перейдем к разбору того, как искусство определяется ходом общественной жизни. Но нам сперва нужно уяснить себе, что же такое искусство, и в чем заключается его основная общественная роль.

Мы видели, что наука систематизирует мысли людей, приводит их в порядок, прочищает их, освобождает от противоречий, из обрывков знаний, из клочков шьет целое покрывало научных теорий и систем. Но общественный человек не только мыслит, он также чувствует: страдает, наслаждается, желает, радуется, горюет, предается отчаянию и т. д.; его чувства могут быть бесконечно сложны и тонки, его душевные переживания могут быть настроены то на один, то на другой камертон. Искусство и систематизирует эти чувства, выражая их в художественных образах или словом, или звуками, или движениями (напр., танец), или какими-нибудь другими средствами (иногда „весьма“ материальными, наприм., в архитектуре). Можно сказать то же самое несколько иначе, а именно, можно сказать, что искусство есть средство „обобществления чувства“, или, как вполне правильно определял Л. Толстой („Что такое искусство?“), средство эмоционального[1]) „заражения“. Если вы слышите, положим, музыкальное произведение, в котором выражено определенное душевное настроение, то и вы и все другие слушатели проникаются этим настроением, „заражаются“ им; то, что было настроением одного, то стало настроением многих, передалось им, „повлияло“ на них, „заразило“ их этим настроением; душевное состояние, чувства здесь „обобществились“. Но то же самое происходит в области всякого другого искусства: живописи, архитектуры, поэзии, скульптуры и т. д.

---

[1]) Эмоциональный — от слова „эмоция“, которое означает душевное „движение“.

Теперь понятно, что такое искусство: это есть систематизация чувств в образах. Понятна и непосредственная роль искусства, как средства обобществления этих чувств, их передачи, их распространения в обществе.

Чем же определяется искусство в своем развитии? Каковы здесь формы зависимости от хода общественного развития? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, возьмем какой-нибудь вид искусства, хотя бы ту же музыку, и разложим ее на составные части. Тогда мы обнаружим, примерно, такие ее элементы:

1) вещественно-материальная часть, в первую очередь музыкальная техника; сюда мы относим музыкальные инструменты, а также системы музыкальных инструментов (напр., в оркестре, в квартете и т. д.; здесь налицо определенное сочетание инструментов, подобное сочетанию машин и инструментов на предприятии); сюда относятся также такие вещественные символы и знаки, как, например, ноты, сборники нот и проч.; 2) организация людей; к ней мы относим всевозможные виды соединения людей в процессе музыкальной деятельности (расположение людей в оркестре, в хоре, в процессе музыкального творчества; с другой стороны, всевозможные музыкальные кружки, общества и проч.); 3) „формальные элементы“ в музыке; сюда можно отнести такие вещи, как ритм, гармонию (в изобразительном искусстве — симметрию) и т. д.; 4) далее следует способ или вид сочетания различных форм, „принцип построения“, то, что называют стилем в искусстве; в более широком смысле можно говорить о типе художественной формы; 5) затем идет „содержание“ художественного произведения или, если мы берем целое течение или направление, то содержание художественных произведений: здесь речь идет, главным образом, не о том, как изображают, а о том, что изображают, следовательно, о выборе предмета (или, как говорят, „сюжета“) изображения; 6) наконец, к музыке же можно отнести, как „надстройку в надстройке“, и теорию музыкальной техники (наприм., учение о контрапункте и проч.).

Проследим теперь различные зависимости между развитием музыки и общественным развитием вообще, упирающимся в экономическое и техническое развитие общества.

Во-первых. Мы уже говорили, что необходим прежде всего известный уровень производительных сил, чтобы искусство могло получить сколько-нибудь широкое развитие. Это понятно и без дальнейших объяснений.

Во-вторых. Нужна особливая „атмосфера" в обществе, чтобы из всех бесчисленных надстроек развивалось именно искусство или в нем—именно музыка. Мы при разборе вопроса о технике и о науке видели, например, что у греков V—IV веков технические науки и естественные науки вообще не развивались, а философское высасывание из пальца развивалось в высочайшей степени. „Надстройки", в общем, развиваются тем быстрее, чем быстрее развивается общественная техника. Это бесспорно. Но так же бесспорно и то, что из этого вовсе не следует, будто надстройки идут вперед (или, смотря по обстоятельствам, назад) ровным шагом. Этого не бывает и в материальном производстве. Вовсе не обязательно, чтобы производство колбасы с развитием производственных сил шло точно таким же шагом, как паровозостроение или изготовление касторового масла. Наоборот, обычно бывает так, что одни производства развиваются быстрее, другие медленнее, а может быть так, что некоторые виды производств по каким-либо причинам и вовсе исчезают. То же и в области „надстроек". В Афинах V века плохо дело было с техникой, хорошо со спекулятивной философией. В Америке XX века очень хорошо с техникой и очень плохо с философией. Или пример из области музыки. Раньше церковное пение (составная часть музыки вообще) было в большом ходу. А теперь пришлось бы долго рыскать, чтобы обрести пару-другую ископаемых плешивых старикашек и богобоязненных старушенций, так называемых „любителей церковного пения". Высшие надстройки — это духовные „отростки" (Энгельс) общества, и понятно, что именно тот „отросток" выпирает, который почему-либо получает больше „соку" для своего роста. В Афинах считалось делом „неблагородным", почти грязным, достойным лишь тупых „ремесленников", заниматься опытным изучением природы в связи с практикой. Отсюда понятна была нелюбовь к естественным наукам. Это стояло в связи с размещением классов, экономикой общества, которая в свою очередь определялась его техникой. То же и здесь. „Церковное пение" могло играть

большую роль в музыке тогда, когда вся музыка стояла под знаком религии и была ее „служанкой“ точно так же, как и философия. А развитому капиталистическому обществу она подходит лишь немного больше, чем Сергию Радонежскому брюки генерала Людендорфа. Следовательно, степень той роли, которую музыка играет, зависит от состояния общества, от того, на какой тон настроено оно в целом, какие у него потребности, взгляды, чувства и проч. А это объясняется расстановкой классов, их психологией, что в свою очередь объясняется экономикой общества и условиями ее развития.

В-третьих. „Техника“ музыки зависит, в первую очередь, от техники материального производства. Дикари не сумеют сделать рояля, а без рояля нельзя ни играть на нем, ни сочинять вещей, написанных для игры именно на этом инструменте. Стоит только сравнить первоначальные музыкальные инструменты (кроме естественного, т.-е. голоса), именно, возникшие из потребностей охоты рог и свисток (Kothe-Procházka: Abriss der allgemeinen Musikgeschichte. Lpg. 1919, S. 4), с очень сложной конструкцией современного рояля, чтобы понять все значение инструментов. „Мы видим, что она (музыка), как самостоятельное искусство, стала впервые возможна лишь с образованием и возникновением соответствующих средств, инструментов, и их развитием“ (Lu Märten: Historisch-materialistisches über Wesen und Veränderung der Künste. S. 18). „Скалу ощущений она может выразить лишь в скале имеющихся инструментов“ (ibid.). Мы знаем уже, что производство таких вещей, как телескоп, и таких, как рояль, входит в общественное материальное производство. Понятно, почему музыкальная „техника“ (в смысле инструментов) зависит от техники этого материального производства.

В-четвертых. Организация людей точно так же прямо или косвенно зависит от основ общественного развития. В самом деле. Чем, например, определяется расположение людей, образующих оркестр? Оно — точь в точь, как на фабрике — определяется инструментами и сочетанием этих инструментов. Другими словами, размещение, организация людей определяется здесь музыкальной техникой (в нашем, условном, смысле) и через нее связывается с самой основой общественного развития, с техникой материального производства. Возьмем вопрос

об организации людей из другой области, скажем, музыкальные кружки. Совершенно ясно, что их число, размах их деятельности, характер этой деятельности, состав этих кружков и проч.,—все это будет определяться рядом условий общественной жизни, в первую очередь, размерами склонности к музыке (это определяется общественной психологией, о чем мы уже говорили), возможностью для разных классов эту склонность удовлетворять и т. д. (Это, в свою очередь, определяется количеством свободного времени у разных классов, т.-е. классовым положением и степенью производительности общественного труда.) Или возьмем вопрос о размещении людей в самом творческом процессе. Мы имеем здесь тоже разные формы. Напр., наиболее древней считается безличное (без имени отдельных лиц), так называемое „народное творчество". Здесь продукт искусства творится стихийно, тысячами безымянных авторов. Совсем другое, когда отдельный художник работает „на заказ", по желанию какого-нибудь князя, короля, богача. Иной вид имеется тогда, когда художник работает, как ремесленник, на неизвестный рынок и зависит от прихотей рынка, от покупательской публики. Может быть и такой вид художественной работы, когда эта последняя принимает форму общественной службы и т. д. Нетрудно видеть, что эти формы отношений между людьми прямо зависят от хозяйственного строя (бывали в рабском хозяйстве и рабы-музыканты; еще совсем недавно были крепостные музыканты, игравшие и творившие не по приказу рынка, а по приказу барина). Все эти стороны, понятно, тоже отражаются на искусстве.

В-пятых. „Формальные элементы" (ритм, гармония и проч.) опять-таки стоят в связи с общественной жизнью. Дело в том, что некоторые из этих элементов имеются налицо и до истории: их можно наблюдать и у животных. Так, наприм., Карл Бюхер говорит о чувстве ритма у лошадей: „Ритм исходит из органического существа человека. Повидимому, в качестве регулирующего элемента наиболее бережливого расходования сил, он управляет всеми естественными проявлениями деятельности животного тела. Бегущая лошадь и навьюченный верблюд движутся так же ритмически, как гребущий лодочник или кующий кузнец. Ритм возбуждает приятное чувство, поэтому он служит не только для облегчения работы, но и одним

из источников эстетического удовольствия и тем элементом искусства, чувство которого врождено всем людям, на какой бы ступени образованности они ни находились" (Карл Бюхер: Работа и ритм. Пер. Карабчевского. СПБ. Стр. 88). Все это справедливо. Но в то же время ритм развивался—как это показывает упоминаемая работа Бюхера—под влиянием общественных условий и сперва под непосредственным влиянием материального труда (на этой основе возникла и „трудовая песня", напр., наша „Дубинушка"; ритм здесь был средством организации труда). Значит, несмотря на то, что „формальные элементы" (вроде ритма) могут появиться и до истории, т.-е. до того, как человек стал человеком, они дальше развиваются не сами из себя, а под влиянием развития общества.

Любопытно здесь еще вот какое обстоятельство. Для людей одной ступени развития доступен лишь несложный ритм („монотонный, как напевы людоеда"); они не слышат сложного ритма, который чувствуют люди другой ступени развития. В одной из своих работ по искусству т. А. В. Луначарский говорит следующее: „Из всего вышеизложенного (т.-е. из определяющей роли экономики. *Н. Б.*) отнюдь не следует, чтобы ...формы творчества не могли иметь своих имманентных (внутренне им присущих. *Н. Б.*) психо-физиологических законов; они их имеют и определяются ими целиком (курс. наш *Н. Б.*) в своей специфической форме (курс. автора), в то время как содержание (авт.) свое получают из социальной среды". Далее следует, что под этим разумеется: „Имманентный психологический закон развития искусства... есть закон усложнения. Равные по силе и сложности впечатления, повторенные многократно, начинают производить на психику действие меньшей силы и меньшей сложности, получается ощущение монотонности, скуки—„надоедает". Отсюда естественное стремление всякой художественной школы усложнять и усиливать эффект своих произведений" (А. В. Луначарский: „Еще о театре и социализме". Сборн. „Вершины", стр. 196 и 197). Таким образом, здесь „психо-физиология" противопоставляется „экономике": экономике дается в полное владение „содержание" психо-физиологии—„форма". Нам представляется этот взгляд по меньшей мере недостаточным, чтобы не сказать прямо неверным. В самом деле, если мы приглядимся к развитию тех элементов, которые мы называем формальными, то увидим, что это развитие совершалось далеко не одинаковым темпом. Музыка дикаря, число извлекаемых им гармоничных звуков было крайне скудно; однако и само общественное развитие не отличалось быстротой: очевидно, этого запаса хватало надолго, он долго не „надоедал". Древние не знали нашей современной гармонии и

употребляли унисон; лишь постепенно узнали они октаву... Есть основания думать, что еще недавно кварта не причислялась к консонансам" (созвучиям) (Л. Оболенский: Научные основы красоты и искусства, стр. 97). Таким образом, усложнение формальных элементов идет за усложнением жизни, ибо усложнение жизни меняет психо-физиологическую „природу" человека. „Грубость" слуха дикаря есть такая же функция общественного развития, как „тонкость" слуха жителя гигантских капиталистических городов, с его необычайно чувствительной нервной организацией. „Имманентные законы", таким образом, являются другой стороной общественного развития. А так как общественное развитие определяется развитием производительных сил, то они являются также „в конечном счете" функцией этих производительных сил. Ибо человек изменяет свою природу, воздействуя на внешний мир.

В-шестых. И тип формы, и стиль точно так же определяется ходом общественной жизни. Он — воплощение господствующей психологии и идеологии, он — выражение тех чувств и мыслей, того настроения и той религии, тех впечатлений и тех великих и малых идей, которые „носятся в воздухе". Стиль — это не только внешняя форма, но и определенное „содержание со всеми относящимися сюда наглядными символами"; в истории стилей воплощается „история жизненных систем" („der Lebenssysteme"; Fritz Burger: Weltanschauungsprobleme und Lebenssysteme in der Kunst der Vergangenheit. Delphin-Verlag. München 23). „Стиль формы (Formenstyl) — это отражение, рефлекс жизненной системы общества (der sozialen Vitalität; Wilhelm Hausenstein: Die Kunst und die Gesellschaft. München. Verl. Piper. S. 32). Религиозная музыка древне-индусских гимнов (Веды) имеет не тот „стиль", построена совсем не так, как, скажем, кафешантанная французская шансонетка или боевая песнь революции — Марсельеза. Эти вещи выросли в совершенно разных обстановках, на совершенно различной общественной почве, и потому даже их форма разная: религиозный гимн, боевой марш, трактирная песня не могут быть написаны одними и теми же приемами, не могут быть построены одинаково. Они выражают и своей формой разные чувства, мысли и воззрения. А эта разница вытекает из разницы в положении соответствующих обществ и их классов, — разницы, которая объясняется условиями экономического развития и, следовательно, состоянием производительных сил. Нужно отме-

тить еще, что на стиль влияют в большой степени и материальные условия данного художественного производства (напр., в музыке — музыкальные инструменты) и способ художественного творчества (см. выше об организации людей в музыке) и т. д. Но все эти стороны точно так же зависят от основной закономерности общественного развития.

В-седьмых. Содержание художественного произведения (его „сюжет“), которое почти неотделимо от формы, явным образом определяется общественной средой, что можно без труда проследить на истории развития искусств. Понятно, что изображается в художественных образах именно то, что в данный момент и в данное время так или иначе волнует души людей. То, мимо чего проходят, не возбуждает творческой мысли. Наоборот, что стоит в центре внимания общества или его отдельных классов, то обрабатывается и в особой отрасли „духовного труда“ — в искусстве. „В самом деле, имеется некая моральная температура, которая заключается в общем состоянии нравов и духовной жизни (des esprits)“ (H. Taine: Philosophie de l'art. Paris 1909, tome I, p. 55). „...семья художников (под этим Тэн разумеет здесь данное художественное направление, течение, „школу“) сама находится в некотором более обширном целом, в мире, который ее окружает и вкусы которого соответствуют (est conforme) ее вкусам. Ибо состояние нравов и духовной жизни одинаково и для публики, и для художников; эти последние не изолированные люди“ (ibidem, p. 4). Приведенные рассуждения Тэна абсолютно правильны, но он не в состоянии их довести до конца, так как иначе пришлось бы притти к безбожным материалистическим взглядам. В самом деле, чем же определяется эта „моральная температура“, эта „среда“, о которой говорит Тэн? С таким вопросом, только под другими словесными оболочками, нам уже не раз приходилось встречаться. Мы знаем, что и „нравы“, и прочая „духовная жизнь“, и чувства, и настроения не развиваются из самих себя; мы знаем, что это „общественное сознание“ определяется его общественным бытием, т.-е. условиями существования общества и его отдельных частей (классов и групп). Из этих условий существования вытекают и соответствующие „вкусы“. Таким образом, оказывается, что и содержание искусства определяется в конеч-

ном счете основной закономерностью общественного развития: оно (это содержание) есть функция общественной экономики и вместе с нею функция производительных сил.

В-восьмых. Теория музыки явным образом зависит непосредственно от всех предыдущих разобранных сторон, а следовательно, тоже самое вместе с ними „подчиняется" движению производительных сил общества.

Мы нарисовали здесь основной узор тех зависимостей, которые имеются налицо в музыке. Не нужно думать, что этим исчерпывается все: во-первых, вряд ли мы исчерпали все зависимости; во-вторых, все вышеперечисленные элементы влияют друг на друга. Эти перекрещивающиеся взаимодействия образуют более сложный и запутанный узор, но его части располагаются и группируются около того основного чертежа, который мы набросали выше. Затем нужно помнить еще одно: мы взяли музыку в качестве примера. Из этого вовсе не следует, что в других искусствах дело происходит точь-в-точь так же. Каждое искусство имеет кое-какие отличительные особенности: в пении, напр., материально-вещественные элементы играют минимальную роль (здесь есть ноты, но „музыкальный инструмент" один: голос); в архитектуре роль материала, орудий, служебного значения зданий (храм, или жилой дом, или дворец, или музей и т. д.) — огромна. Дело исследователя — помнить об этом. Но во всех случаях, при внимательном рассмотрении предмета, мы обнаружим одно и то же: на разные манеры, прямо или косвенно, непосредственно или через многочисленные промежуточные звенья искусство определяется — и притом с разных сторон — экономическим строем и уровнем общественной техники.

Понятно, что на первых ступенях своего развития, когда человеческое общество только-только начинало создавать прибавочный продукт, искусство непосредственно соприкасалось с практически-материальной жизнью. Древнейшим видом искусств были танцы и музыка, отчасти поэзия, слитые еще вместе. Единство настроения, подготовка к каким-либо действиям (нечто вроде упражнения или репетиции настоящей практики) — вот их первоначальный смысл. Таковы, напр., у некоторых „диких" племен „танцы совета", „устрашающие военные танцы" и т. д., сопровождавшиеся песней, хлопаньем в ладоши, а затем и употреблением примитивных инстру-

ментов. Ритм развивается вместе с работой в качестве ее организующего начала, как это превосходно показал К. Бюхер. Примером „репетиции" может служить „вызывающий" танец новозеландцев, сопровождаемый ужаснейшими гримасами и угрозами, которые должны были внушить противнику страх" (Ю. Липперт: История культуры, стр. 114), затем танцы и песни, изображающие охоту, рыбную ловлю и проч. Особенно большую роль играет т. наз. трудовая песня, которая строится на ритме работы, а по своим словам вырабатывается из тех трудовых звуков, которые непроизвольно вырывались при этой работе. Песни пастухов, песни бедуинов, которыми они „регулируют шаги верблюдов" во время переходов по пустыне и т. д.,—все это еще непосредственно примыкает к трудовой жизни. С развитием общества и с появлением других идеологий, с ростом „культуры" и т. д., само собой разумеется, что искусство вбирает в себя и эти элементы и, таким образом, перестает в такой степени непосредственно соприкасаться с материально-производственной жизнью. С развитием религии, напр., музыка, танец и т. д. начинают в высокой степени обслуживать нужды культа. В Египте господствующие классы из музыки делали тоже нечто вроде тайны. Жрецы были учеными-музыкантами; религиозная музыка у них главное; наоборот, порабощенные развивали музыку „дома и на поле" (Kothe, l. c., S. 11); то же у индусов, где музыканты составляли привилегированную касту (особые фамилии музыкантов и певцов); у ассиро-вавилонян, которым приходилось больше других воевать, музыка носит, главным образом, военный и военно-религиозный характер (это видно и по инструментам: литавры, барабаны и т. д.). Наиболее ранними (из известных нам) музыкальными произведениями у греков были трудовые, пастушеские, затем военные песни (так наз. „песни победы"), затем песни общественно-семейного характера (погребальные, свадебные и проч.). У римлян, главным образом, пастушеско-земледельческие (инструментом служила пастушеская свирель, „fistula") и военные (римляне первые выработали громко звучащие призывные музыкальные инструменты из металла: метталическую трубу, tuba, кривой рожок, lituus, нечто в роде тромбона, buccina и пр.). Точно так же и другие виды искусств имеют практический корень. Первоначальная живопись, орнаментика, имела, напр., одним из своих источников гончарное производство: „орнаменты продолжают напоминать прежнюю связь горшка с плетеной корзиной" (Р. Эйслер: Всеобщая история культуры, стр. 39); с другой стороны, начало живописи есть в то же время и начало письма: „Первым шагом по пути развития письма были рисунки, делаемые для памяти. Не только индейцы, но даже бушмены пытаются рисовать на камне разные видимые ими предметы" (Липперт). Иероглифическое письмо египтян, мексиканские знаки—это прежде всего изображения предметов. Близко по значению стоит раскрашивание тел, татуировка и т. д. „Письмо развилось из более примитивных форм. Вначале мы встречаемся с фигурными изображениями на собственном теле (татуировка), имеющими, кроме религиоз-

ных действий (отражение духов и т. д.), своею целью указать племя, звание, возраст и проч. самого татуированного" (Р. Эйслер, l. с., стр. 36). Сюда же относятся устрашающе-военная раскраска и украшения. „Так как все эти украшения имели целью удивить и произвести впечатление, то они и употреблялись преимущественно на войне" (Липперт, l. с., 113). Таковы, напр., „боевые маски" одного германского племени, которые, по словам Тацита, употреблялись на войне (здесь уже и зародыш скульптуры). Наиболее „технический" характер носит, по понятным причинам, архитектура. Первоначально это просто постройка полезных в материальном смысле сооружений, „Греческие храмы и готические своды были только более прочным, долговечным воспроизведением полезных деревянных сооружений" (Джон Рёскин: Лекции об искусстве, пер. Когана, М. 1900, стр. 46—47). „Все эти прекрасные формы развились на светских и частных постройках, и только после этого ими стали пользоваться в грандиозных размерах с религиозными целями" (ibidem, 133—134). Понятно, что здесь непосредственное влияние условий производства сказывалось особенно резко. В Египте, напр., „устойчивости типа здания с наклонными стенами способствовали разливы Нила. Такие стены лучше сопротивлялись напору воды" (Рерберг: Краткий курс истории искусств); колонны же появились, как подпорки, так как свода еще не знали; „наосы" греческих храмов вызваны тем, „что греки не знали свода и покрыть потолок могли, только перекладывая горизонтально камни или деревянные балки с одной стены, с одной колонны на другую" (ibid. стр. 42).

Чтобы показать зависимость формы и, следовательно, стиля от общественной среды, приведем ряд примеров и из этой области, опираясь, главным образом, на интересные исследования Вильгельма Гаузенштейна. В первобытном изобразительном искусстве мы знаем два периода: чистого натурализма (т.-е. изображение вещей так, как они есть), с одной стороны, стилизованного орнамента, символических рисунков, очень мало похожих на действительность—с другой. В первом случае мы имеем рисунки бизонов, лошадей, мамонтов, оленей, сцен из охотничьей жизни и т. д. на стенах пещер, на лошадиных костях, на клыках мамонтов, на рогах оленей и т. д. Во-втором,— главным образом, идолов, фигурки людей и животных и проч. в стилизованном виде. Макс Ферворн объясняет эту разницу таким образом: „Палеолитический охотник древнейших времен, насколько мы знаем, не имел представления об идее души... Он ничего не искал позади вещей (т.-е. еще не был анимистом. *Н. Б.*) Он не знал никакой метафизики. Он принимал во внимание просто то, что он непосредственно воспринимал (wahrnahm). Во всем он был подобен бушмену...". Наоборот, „все народы, у которых представления о душе и религиозные идеи наводнили (überwuchert haben) всю жизнь, напр., негры, индейцы, жители австралийских островов, показывают нам крайне идеопластическое (т.-е. символическое, не „натуральное", или, как выражается Ферворн, не „физиопластическое". *Н. Б.*) искусство" (Max

Verworn: „Zur Psychologie der primitiven Kunst". Naturwissenschaftlich Wochenschrift neue Folge, Band VI, Jena 1907; цит. также у Hausenstein'a I. c., 38). Гаузенштейн, видя, что Ферворн не доводит дело до конца, усматривает корень вещей в том, что охотник—более индивидуалист, земледелец — более коллективист. На самом же деле, здесь „корень" в том, что „идеопластическое" искусство появляется, как и религия, с образованием особого производственного отношения, а именно, отношения господства-подчинения. В феодальную эпоху это отношение в производстве и в политике приобретает громадные размеры: дистанция между рабом и деспотом—вот ее мера. Отсюда и особый стиль всех феодальных веков, великолепно проанализированный Гаузенштейном. Мощь и господство божественных деспотов, могучих феодальных царей, фараонов, недосягаемая их высота, мужество, храбрость и проч. в противоположность обыкновенным смертным—вот основное, что выражается в феодальных стилях у египтян, ассиро-вавилонян, старинной эпохи греков, китайцев, японцев, мексиканцев, перуанцев, индусов и в романском и ранне-готическом искусстве Западной Европы (Hausenstein: Versuch einer Soziologie der bildenden Kunst. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Mai-Heft. 1913. S.S. 778—779). В самом деле, вспомним литературные памятники этой эпохи. Вот, напр., конец свода законов вавилонского царя Хаммураби, о котором у нас уже говорилось: „Я—Хаммураби, царь несравненный... С могучим оружием, врученным мне Замамой и Иннанной, с премудростью, дарованной мне Эа, с разумом, которым наделил меня Мардук, я истребил врагов на севере (вверху) и на юге (внизу), прекратил раздоры, устроил стране благосостояние... Великие боги призвали меня: я благодетельный пастырь... Я—Хаммураби, царь правды, которому Шамаш дал правосудие. Мои слова изрядны, мои дела несравнимы, возвышенны... они—образец для мудрого, чтобы достигнуть славы" (цит. по Тураеву, I. c., т. 1, стр. 114—115). А вот славословие царю на одной из египетских гробниц: „Прославляйте царя в телесах ваших, носите его в сердцах ваших. Он—бог премудрости, живущий в сердцах... Он—солнце лучезарное, озаряющее обе земли больше солнечного диска; он зеленит больше великого Нила; он наполняет обе земли силой; он—жизнь, дающая дыхание... Питание есть царь, умножение—уста его, он—производитель существующего, он—Хнум, родитель людей... Сражайтесь за имя его" и т. д. (там же, 253). Наоборот, в так называемом „порядочном обществе" низшие должности презирались. В одном египетском отеческом наставлении отец желает сделать из своего сына придворного писца и при этом так отзывается о низших профессиях: „Я не видел кузнеца посланником и ювелира посланным, но видел кузнеца за работой у печи. Его пальцы были подобны крокодиловой коже, он издавал запах хуже, чем гнилая икра... У земледельца вечное платье (т.-е. он его никогда не меняет. *Н. Б.*). Его здоровье—как человека, лежащего подо львом... Ткач в мастерской слабее женщины. Его ноги на желудке; он не выдыхает воздуха. Если он не доделает днем положенного, его бьют, как

лотос на болоте" и т. д. (i b i d m, 231). Египетский царь Яхмос говорит о себе: „Азиаты подходят со страхом и стоят на его судилище; его меч проникает в Нубию, его страх—в земле Фенеху; страх перед его величеством в земле нашей подобен внушаемому богом Мином" (i b i d, 272). Вот как характеризует древне-египетское, т.-е. феодальное искусство Fritz Burger (Weltanschauungsprobleme und Lebenssysteme in der Kunst der Vergangenheit, S.S. 43, 44): „Египетское искусство есть наглядный образ идеи бессмертия, но не как символ, а как действительность („вечные" пирамиды необычайной прочности, статуи и т. д *Н. Б.*)... От его произведений исходит гипнотическое притязание на мощь, они велят становиться на колена, в них—нечто повелительно внушающее благоговение воплощенного в них высшего бытия; они говорят о дисциплинированной силе жизни в ее страшном напряжении, о повелевающей стоять на почтительном расстоянии гордости сверхличной вечной силы, о бездушной жестокости безразличного ко всему маленькому существа; они отражают далекий, как звезды, блеск своего господина". Поэтому „всякое феодальное искусство пропагандирует культ количества" (Hausenstein: Kunst und die Gesellschaft, 46): гигантские пирамиды, колоссальные статуи фараонов или ассиро-вавилонских царей—это форма мощи и величия: искусство монументально и фронтально—феодальным отношениям не могло бы соответствовать „комнатное" буржуазное искусство; постановка фигур господствующих делается по известному определенному образцу: прямая посадка, не натуральная, а полубожественная, в противоположность рабам и простым смертным (древние греки называли привычку держаться у рабов и т. д. „proskynesis", т.-е. „собачье ползанье"); один из крупнейших знатоков Египта, Эрман, утверждает, что в египетской живописи человеческое тело изображается в различных формах, в зависимости от социальных рангов: натуралистически—у простых смертных, стилизованно — у начальствующих; мощь мужчины выражает ширина груди, которая не сокращается, вопреки перспективе: у египтян, даже если человек рисуется в профиль, грудь изображается во всю ее ширину. Тот же дух господствовал в архаическом, феодальном, ранне-древнегреческом искусстве (героическая, „энергическая сила аттического раннего искусства", „суровая энергия дорийцев", т. наз. „дорический стиль",—см. „Entwickelungsgeschichte der Stilarten" von B. Haendcke, Bielefeld - Leipzig 1913. S. 10). То же приблизительно мы находим у индусов, перуанцев, мексиканцев, китайцев и японцев. „Когда мексиканское государство ацтеков было уничтожено конквистадорами (так назывались испанские колониальные завоеватели. *Н. Б.*) во главе с Кортецом, стиль этого государства как социально, так и эстетически напоминал стиль ассирийской феодальной деспотии" (Hausenstein, l. c., 77) (в литературе, кроме славословий царям в надписях и т. д., процветает героическо-военный эпос и героическо-рыцарская драма: таковы у греков „Илиада" и „Одиссея", у японцев—рыцарская драма, где воспевается верность самураев своему высшему феодальному господину, у инков—тоже героическая драма и проч.). Божественное и не-

доступное простому смертному величие и суровую мощь обнаруживает и средневековое европейское искусство, прежде всего архитектура соборов, строившихся долгие годы массами безвестных людей (позднее, в буржуазную эпоху, эти мрачно-торжественные постройки стали воспринимать, как „бастилии духа“).

Переход от феодального стиля к стилям буржуазным начинался повсюду с ростом торговли, купеческого капитала, торгово-капиталистических отношений в Афинах V века, в торговых городских итальянских республиках (эпоха Возрождения), затем в торговых городах остальной Европы. Окончательный же перелом наступил вместе с крушением феодализма навсегда, т.-е. после победы французской революции 1789—1793 г.г. На место связанной феодальным порядком, лестницей иерархических отношений, массы выступает буржуазный индивидуум, купеческий, считающий на счетах и ведущий с прибылью торговые операции, „человек и гражданин“. Вот каково было положение дел в области музыки: „Вплоть до XVI столетия царил принцип общественности (т.-е., по нашему, феодальной связанности, крепостнической, но все же организации.—*Н. Б.*); индивидуум отступал совершенно назад, он растворялся в семье, общине, церкви, гильдии (купеческой или ремесленной организации.—*Н. Б.*), братстве или государстве. Этому соответствовало и царившее хоровое пение. Теперь, однако, и индивидуум желал пробить себе дорогу (т.-е. пытливый, энергичный, расчетливый, практический и любящий жить, тогда еще „молодой“, буржуазный индивидуум.—*Н. Б.*), и таким образом в области звукового искусства возникло пение „соло“ (Einzelgesang) и... музыкальная драма“ (Kothe, l. c., 159). Новый музыкальный стиль („stile représentative“, т.-е. стиль, связанный с представлением в театре, оперно-драматический стиль), по существу представлял переход к так называемому речитативу, т.-е. к полупенью-полуразговору: мелодия, ритм и т. д.—все было подчинено естественности словесного текста. („В высшей степени интересны,—пишет Kothe, l. c. S., 161,- побочные обстоятельства, при которых этот новый музыкальный стиль выныривает одновременно с трех сторон..., так что трудно сказать, какому „изобретателю“ необходимо поднести венец“. Сравните с этим заявление Бордо о науке, которое мы цитировали при разборе этой „надстройки“.) Царско-дворянский религиозный флаг образованный купец сменил жаждой земного, индивидуально-человеческого. Леонардо да-Винчи, один из величайших художников всех времен и народов и один из замечательнейших когда-либо живших людей, гениально выразил новое идейное течение в разных областях: как философ, изобретатель, натуралист, математик, несравненный по силе художник и даже поэт. „Леонардо отворачивается от всякого мистицизма. Он сводит факт человеческой жизни к закону кровообращения, который он точно знает и изображает на рисунке. Он анализирует с отважным отсутствием всякой почтительности структурные законы из мира человеческих форм и с грубостью (Brutalität) чуждого всяких сантиментов интеллекта (ума.—*Н. Б.*) дает гра-

фическое изображение механики полового акта... К проблеме света (в живописи. *Н. Б.*) он продвигается по пути познания; влияние света и атмосферы на форму становится проблемой экспериментальной оптики. Ритм художественной композиции—это для него тайна геометрии; чудесная картина со святой Анной, Мадонной, ребенком Иисусом и ягненком есть, несомненно, результат кропотливых математических выкладок, тщательного обдумывания теорий кривых линий" (Hausenstein, l. c., 100—102). Натурализм, реализм, рационализм, индивидуализм—вот характерные „измы" эпохи Возрождения. В литературе (поэзии) переходы от средневеково-готического стиля к новому шли чере Данте к Петрарке, Боккаччио и др. Критика феодального церковничества по содержанию и отвержение феодального стиля в пользу изящного светского и реалистического, но в то же время личного, индивидуалистического, — вот „смысл" этого искусства. Связь с общественной жизнью выступает здесь чрезвычайно резко.

Мы не можем останавливаться на дальнейших формах, напр., на стиле барокко (о нем есть хорошая марксистская работа того же Гаузенштейна: „О духе барокко" („Vom Geist des Barock" München, 1920, Piper-Verl.), и переходим к „новому времени". Непосредственно перед Великой французской революцией господствовал так называемый стиль рококо. Его общественной основой было господство феодальной аристократии и финансовой олигархии („haute finanse"), выскочек, покупавших себе герцогские и княжеские титулы и усваивавших себе аристократически-дворянские манеры. Откупа налогов, биржевые махинации, подозрительные финансовые операции, торгово-колониальная политика, правящее дворянство, нуждающееся в деньгах и продающее титулы, богачи из буржуазии, эти титулы покупающие (вместе с княжескими сыновьями, как мужьями своих дочерей) и т. д.,— вот обстановка в „верхах". Отсюда—своеобразные нравы этой „галантной эпохи". Все заполняла любовь, не сильная страсть, а любовь, превратившаяся в профессию изящных бездельников. Идеальным типом был тип специалиста по лишению девственности („déverginateur") галантное учение о „счастливом моменте" для сей операции составляло чуть ли не идейную ось века; о „счастливом моменте" говорили больше, чем о „текущем моменте" в эпоху нашей революции. Рококо— этот вычурный, нарочитый, насквозь эротический стиль — отражал, прекрасно все эти черты общественной психологии (см. Hausenstein: „Rokoko. Französische und deutsche Illustratatoren des achtzenten Jahrhunderts". München, 1918, Piper-Verlag). С ростом буржуазии, с ее борьбой и победой водворился опять новый стиль, лучшим выразителем которого во французской живописи считается Давид. Этот стиль был воплощением гражданских добродетелей революционной буржуазии: античная „простота" его форм соответствовала его „содержанию", о котором Дидро писал, что искусство должно иметь своей задачей „увековечивать великие и прекрасные деяния, чтить несчастную и поруганную добродетель, клеймить счастливый порок, вгонять страх

тиранам". Тот же самый Дидро советовал драматургам „приблизиться к действительной жизни" и сам в литературе пролагал пути так наз. „мещанской драме" (Fr. Muckle: Das Kulturproblem der französischen Revolution. I. Teil, S. 177 ff.), которая получила название „честного жанра" („Le genre honnête"; ее образцом может служить „Свадьба Фигаро" Бомарше). Общественные корни этого „нового жанра" можно прощупать руками, до того они выступают наружу. „Если мы возвратимся... после того, как посмотрим на картину Ватто (Ватто — художник рококо. *Н. Б.*), в нашу комнату и раскроем „Новую Элоизу" (Ж.-Ж. Руссо. *Н. Б.*), то мы почувствуем, будто попали в другую сферу (G. Brandes: Die Hauptströmungen der Literatur des neunzehnten Jahrhunderts. I. Band. Leipzig, S. 27). Эта другая художественная сфера в точности соответствует другой общественной сфере: мещанин и буржуа стал героем на место изнежённых салонных мотыльков аристократии, и он начал создавать свой „честный жанр".

А теперь для контраста посмотрим на искусство умирающей буржуазии. Это искусство получило особо яркое выражение в Германии, где после военного поражения и Версальского мира, с одной стороны, из-за постоянной угрозы пролетарского восстания—с другой, общий тон жизни буржуазных кругов наиболее мрачен, где капиталистический механизм распадается скорее, где поэтому быстрее идет процесс деклассирования, превращения буржуазной интеллигенции в „людскую пыль", в одиночек, сбитых с панталыку ходом громадных событий. Вот это состояние разброда выражается в росте индивидуализма и мистицизма. Мучительно ищут нового „стиля", новых обобщающих форм и не находят: каждый день вырастает какой-нибудь новый „изм", который быстро стареет: за импрессионизмом появился неоимпрессионизм, футуризм, экспрессионизм и т. д. Бездна направлений и попыток, и бездна словесных теорий, и никакого синтеза, сколько бы то ни было прочного. Это происходит и в живописи, и в музыке, и в поэзии, и в скульптуре, словом—по всему фронту искусства. Вот как изображается этот процесс со стороны буржуазных староверов, которые с тревогой следят за распадом своей культуры, своего класса: развивается вера в таинственное, растет вера в колдовство и знахарство, спиритизм и теософию: „Вождь одной группы, так называемых исследователей тайного, („Geheimforschern") пишет книгу за книгой и читает доклад за докладом... Энергичные (betribsame) спириты, заклинатели, теософы много рассказывают, но не бывают ни сами захвачены своими, якобы, откровениями, ни захватывают... других" (Max Dessoir: Die neue Mystik und die neue Kunst in Einführung in die Kunst der Gegenwart. Leipzig 1920. Verl. von Seemann. S. 130). „Так же точно и наши новейшие художники утверждают, что их творчество есть выражение таинственно-интуитивно („visionär", курсив автора.—*Н. Б.*) видимых фактов, и что каждое произведение исскусства состоит из „экстатических жестов души" (132); это есть выражение „знахарского идеализма" (des magischen Idealismus); в поэзии жертвуют предложением в пользу слова или даже (пропове-

дуют) дадаизм [1]); в живописи и скульптуре процветает нелепая детская игра... Заклинатели, астрологи и т. д. извращают ту истину, что мудрость вовсе не сводится целиком к логике понятий, превращая ее (эту истину) в гимн в честь дологической (vorbegriffliche) метафизики негров" (ibid., 133—134); начинается проповедь замкнутых, маленьких „общин, кружков, клик", внутри которых художники будут предаваться таинственному созерцанию потустороннего мира и радостям этого странного творчества. На ряду с этим есть и тяга к своеобразному мистическому „коммунизму чувства (русские это называют „соборностью")—признак глубокого распада буржуазии, как класса. Мистицизм таким образом торжествует. Жюль Ромэн (Jules Romain: Manuel de déification, цит. у Dessoir'a, S. 137) требует мистического озарения, как „непременного условия для художественного завоевания мира". И, насмотревшись на эту картину, Дессуар выражает только одну надежду: что такой нездоровый мистицизм удастся перевести на рельсы... веры в бога прежних времен! (138). Один из теоретиков экспрессионистского стиля, Теодор Дейблер (Theoder Däubler: Der neue Standpunkt. 1919. Insel-Verlag. Leipzig. S. 180) прекрасно выражает эту глубоко-индивидуалистическую, по существу, точку зрения рассыпавшихся социальных атомов: „Центр (der Mittelpunkt) мира—в каждом. Я, даже в каждом я—оправданном (ich—berechtigte; Дейблер пишет слегка „заумным" языком. *Н. Б.*) произведении". Конечно, такая точка зрения неизбежно приводит к мистицизму. „Теперь слышен повсеместно клич: прочь от природы. Что он означает в смысле экспрессионистической поэзии и изобразительного искусства, нам известно: это поворот от того, что опосредствуется путем наших чувств, выход за пределы чувственного опыта, с тенденцией подняться к тому, что лежит за вещами, к духовному". В музыке же это приводит к „сверхмузыке", к „антимузыке" без гармонии, ритма, мелодии и т. д. (Arnold Schering. Die expressionistische Bewegung in der Musik в цитированном сборнике: Einführung in die Kunst der Gegenwart). Общую социальную оценку с точки зрения капиталистической культуры дает всему этому Max Martersteig (Das jüngste Deutschland in Literatur und Kunst, тот же сборник стр. 25): „Экстазы, которые пришлось пережить, выстрадав чудовищные страдания, должны пробудить благоразумие. Никакой военный психоз или психоз возмущения не может уже более извинять ничего разодранного и анархического". И автор призывает к „высочайшей ответственности". Но эти призывы не подействуют: ибо в рассыпающейся храмине капитализма не может быть найдено новых величественных синтезов; здесь будут неизбежно куски и осколки, бессвязный мистический бред и „экстазы" теософических сектантов. Такова всегда была культура, которой суждена была скорая смерть.

[1]) „Дадаизм"—название одного из новейших течений в искусстве; происходит от бессмысленного звука, „а-да", якобы, издаваемого чуть не грудным ребенком; это течение ратует именно за ребячье отношение к миру.

Здесь необходимо сказать несколько слов о моде, о которой мы уже упоминали в предыдущем изложении. Одними своими чертами мода соприкасается с искусством (по своему „стилю“: напр., платья и костюмы эпохи рококо в точности соответствовали этому направлению в искусстве), другими чертами она соприкасается с нормами поведения, с правилами „приличия“, „вежливости“, обычая и т. д. Мода, следовательно, тоже развивается в зависимости от общественной психологии. Смена ее форм, темп этой смены зависит опять-таки от характера общественного развития. Здесь коренится, например, чудовищно-быстрая изменяемость моды в конце капиталистического развития. „Наша внутренняя ритмика (соответствующая бешеному темпу жизни.—*Н. Б.*) требует все более коротких периодов в смене впечатлений“ (G. Simmel: „Die Mode. Philosophische Kultur“, 2 Aufl., Alfred Kröner, Verl. in Leipzig 1919, S. 35). В чем же заключается общественное значение моды? Какую роль играет она в потоке общественной жизни? На этот вопрос прекрасно отвечает Г. Зиммель: „Она есть... продукт классового разделения и играет такую же роль, как и совокупность других образований, прежде всего, как честь, у которой имеется двойная функция: сплачивать один разряд людей вокруг себя и в то же самое время отграничивать его от других... Таким образом мода означает, с одной стороны, принадлежность к кругу равных по положению, единство характеризованного ею круга, а вместе с тем отграничение этой группы по отношению к ниже стоящим“ (ibidem, S. 28—29).

Функциями общественного развития являются и две наиболее общие идеологические надстройки, а именно язык и мышление. В марксистской или полумарксистской среде нередко считалось признаком хорошего тона говорить, что вопросы о происхождении этих вещей не имеют отношения к историческому материализму. Каутский, например, договаривался до того, что выставлял положение, будто бы мыслительные способности людей почти не изменяются. Все это, однако, не так. И эти формы идеологии, чрезвычайно важные и существенные, играющие огромную роль в жизни общества, и в своем возникновении, и в своем развитии не представляют исключений из ряда остальных идеологических „надстроек“.

Нам, однако, нужно ответить на один предварительный вопрос, разрешить одно сомнение, которое тотчас набегает, лишь только мы поставили перед собой проблему языка и мышления. „Хорошо,—скажут нам,—мы согласны, что язык имеет отношение к обществу: это есть орудие сношения людей друг с другом, средство их связи; правильно утверждал Маркс, что

идиотизм говорить о развитии языка, когда никто ни с кем не разговаривает. Но мышление? Разве отдельный человек не думает? Разве у отдельного человека нет мозга? И разве не впадаем мы сами в область мистической ерундистики, когда хотим искать корней этого мышления отдельного человека в обществе? Ответим на этот вопрос коротко. Мышление всегда совершается при помощи слов, хотя бы и не произносимых; это есть „речь минус звук". Когда человек мыслит, это значит, что происходит процесс того или другого сочетания понятий, которые всегда при этом обозначаются своими словесным значками. Часто бывает, например, что человек, хорошо изучивший какой-нибудь иностранный язык, начинает думать на этом языке. Всякий без труда может проверить на самом себе, что процесс мышления, обдумывания совершается при посредстве слов. А если это так, и если, в то же время, ясно, что „слово", речь, язык связаны с обществом не только в своем развитии, но и в своем возникновении, то ясно также, что и с мышлением дело не может обстоять иначе. И действительно, факты подтверждают, что развитие мышления шло вместе с развитием языка. Один из крупнейших филологов, Людвиг Нуаре, писал: „Язык и жизнь разума вытекли из совместной деятельности, направленной к достижению общей цели, из первобытного труда (наш курс. *Н. Б.*) наших предков" („Ursprung der Sprache". Mainz, S. 331). Точно так же, как музыка и пение развивались из труда, так и речь развивалась из тех трудовых криков, которые вырывались при работе. Наука о языке показывает, что первоначальной основой слов были так называемые „действенные корни", что первыми словами были слова, прежде всего означавшие действие (т.-е., по-нашему, „глаголы"), и что лишь в течение дальнейшего развития появились обозначения вещей (т.-е. „имена существительные"), да и то постольку, поскольку эти вещи выделялись в человеческой трудовой практике; в первую очередь выделялись орудия труда, которые и получали клички, имена в зависимости от названий соответствующих действий. Параллельно с этим из груды всего, что, образно выражаясь, заполняло мозги человека, звенело у него в ушах, пестрело в глазах и т. д., выделялись и более твердые понятия. Понятие же есть основа мышления.

С мышлением и языком происходит в дальнейшем то же самое, что и с остальными идеологическими надстройками. Они развиваются под влиянием развития производительных сил. С этим развитием внешний мир превращается из мира самого по себе в мир для человека, из простой материи—в материал для человеческой практики; „грубыми“,а затем все более тонкими орудиями материального труда, научного познания, бесчисленными щупальцами машин, телескопов, острых мыслей общество втягивает в обработку все бо́льшую часть внешнего мира, который раскрывается ему в труде и познании. Таким образом появляется гигантская масса новых понятий, а следовательно, и новых слов: происходит „обогащение языка“, который обнимает всю совокупность того, о чем люди мыслят, о чем они „разговаривают“, т.-е. что они передают друг другу.

„Богатство жизни“ вызывает следом за собою и „богатство языка“. У некоторых пастушеских племен (так наз. „односторонних скотоводов“) чуть ли не все их разговоры сводятся к разговорам о скоте. Это происходит потому, что низкий уровень производительных сил сводит почти всю жизнь к производственному процессу, и язык находится здесь таким образом в непосредственной связи с этим процессом. Когда вырастает на почве роста производительных сил громадной сложности идеологическая надстройка, тогда, понятное дело, язык начинает облекать и ее, т.-е. связь его с производственным процессом становится все более косвенной: язык зависит от производственной техники уже через зависимость от нее (тоже в большинстве случаев косвенную) различных надстроек. Примером роста языка может служит огромный рост „иностранных слов“, связанный с ростом мирового хозяйства и появлением массы одинаковых вещей в разных странах или же важных для всех, по своему значению, событий (телефон, аэроплан, радиостанция, „Лига наций“, „Коминтерн“, „большевизм“, „Советы“ и т. д.). Можно было бы показать, что в зависимости от условий общественной жизни изменяется и характер языка, его „стиль“. Но это завело бы нас слишком далеко. Однако необходимо все же упомянуть, что классовое, групповое, профессиональное деление общества накладывает свою печать и на язык. Всякий знает, что язык „городских“ сильно отличается от языка „деревенщины“, „литературный“ язык от

„простонародного". Иногда это отличие достигает такой степени, что люди буквально не понимают друг друга. В ряде стран существуют простонародные „диалекты", мало понятные „образованным и имущим". Таково классовое расщепление языка. То же наблюдается и по отношению к профессиям. Известно, напр., что ученые философы, привыкшие жить в мире самых тонких рассуждений, пишут (а отчасти и говорят) таким языком, от которого трещит голова и который никому не понятен, кроме жрецов этой философии. В желании говорить так сквозит отчасти то же, что в моде: отграничение от круга „простых смертных". То же происходило, когда какой-нибудь русский барич вывозил из Парижа „заграничное платье", дорогую любовницу и картавый русский выговор, коим он выделял себя как человека „высшей марки". Сюда же относится и гнусавый выговор пуритан (английские религиозные реформаторы—представители образующейся буржуазии): „Подобно тому, как они давали себе имена патриархов и пророков, так и выговор их подражал тому гнусавому произношению нараспев, с которым и до сих пор читается в синагогах еврейская библия" (В. Вундт: „Проблемы психологии народов", стр. 87). Вообще „языковед должен трактовать язык не как изолированное от человеческого общества проявление жизни; наоборот, предположения о развитии форм речи должны... согласоваться с нашими воззрениями о происхождении и развитии самого человека, о происхождении форм общественной жизни, о зачатках обычаев и права" (ibidem, 65).

Не нужно думать также, что мышление всегда было мышлением одного и того же типа. Выше мы видели, как некоторые почтенные ученые объясняют возникновение науки таинственной и вездесущей склонностью к причинному объяснению, не позволяя себе даже задать вопроса, да откуда же появляется эта в высшей степени приятная склонность. Между тем теперь может считаться вполне доказанной изменяемость типов мышления. Так, напр., Леви-Брюль (Lévy-Brühl: „Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures", Paris 1910; мы излагаем главным образом по работе проф. А. Погодина: „На грани животного и человеческого"—. „Новые идеи в социологии", сборник № 4) в книге, специально посвященной способу мышления дикарей, характеризует это

мышление совсем не таким, как современное „логическое“ мышление; он называет его **дологическим** (prélogique) мышлением. Здесь часто не различается отдельное и частное от общего, часть от целого, одна вещь от другой. Весь мир представляется сеткой не вещей, а движущихся **сил**, одной из которых является и сам человек; при этом отдельный человек не выделяется, как личность: личность насквозь социализирована: она тонет в обществе и не отграничивается от него. Основным „законом“ этого мышления является не представление о причинной закономерности, а то, что **Леви-Брюль** называет законом „соучастия“ или „сопричастия“ (loi de la participation), когда можно воздействовать на что-либо при условиях, с нашей точки зрения вполне исключающих эту возможность. „Закон сопричастия позволяет ему мыслить одновременно индивидуальное в коллективном и коллективное в индивидуальном, без всякого затруднения. Между бизоном и бизонами, медведем и медведями, лососью и лососями эта психология устанавливает мистическое (А. **Погодин** правильно замечает, что слово мистика здесь „совершенно не подходит“.—*Н. Б.*) сопричастие, и ни коллективность вида, ни отдельное существование индивидуумов не имеют для этой психологии того же смысла, что для нас“. **Леви-Брюль сам ставит этот тип мышления в сязь с определенным типом социального бития, когда личнось не выделяется из общества, т.-е. связывает его с первобытным коммунизмом.**

А дальше? А дальше мы видим опять-таки вовсе на **нашу** причинность, а так называемую **анимистическую** причинность. Это значит, что у людей была склонность отыскивать всюду духовно-божественное или демоническое начало. Все, что ни случается, случается по чьему-либо„ повелению“. Сама причина есть не что иное, как приказ, исходящий от какого-нибудь вышестоящего духа. Причинная закономерность—это законы высшего существа, духовного правителя (или духовных правителей) вселенной. Это другой **тип** мышления: стремление у людей к отыскиванию причин, правда, имеется, но ищут-то они причин особого свойства, а именно такого, когда причина есть проявление некоей высшей силы. Нетрудно понять, что и этот тип мышления связан с определенным общественным строем. **Он типичен для общества, где уже есть**

производственная и социально-политическая иерархия.

То же происходит и в дальнейшем развитии, о чем мы отчасти говорили при обсуждении вопроса о философии. С нас здесь хватит и вышеприведенных примеров, чтобы сказать, что мышление и его формы точно так же являются изменяющейся величиной, и что изменение это связано с изменением в развитии общества, его трудовой организации и его технического позвоночника.

Нам теперь нужно подвести кое-какие итоги. Из всего предыдущего, как мы видим, вытекает полная правильность давнишней гениальной формулировки Маркса („К критике политической экономии"):

„В общественном отправлении своей жизни люди вступают в определенные, от их воли независящие отношения—производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание".

Мы видели, что громадная „надстройка", расположенная над экономическим основанием общества, довольно сложна по своему внутреннему строению, по своей „структуре". Тут есть и материальные вещи (орудия, инструменты и т. д.); тут есть и разнообразные людские организации; тут есть и строго-систематизированные сочетания идей и образов; тут есть и расплывчатые, несистематизированные мысли и чувства; тут есть, наконец, и идеологии „второго порядка", науки наук, науки искусств и т. д. Вот почему при более подробном анализе мы вынуждены произвести некоторое разграничение понятий.

Под „*надстройкой*“ мы будем подразумевать любую форму общественных явлений, которая лежит над экономическим базисом: сюда, напр., относится и общественная психология, и социально-политический строй со всеми его материальными частями (напр., пушки), и людской организацией (иерархия чиновников), и такие явления, как язык или мышление. Надстройка есть, следовательно, самое общее понятие. Под общественной *идеологией* мы будем подразумевать *систему мыслей, чувств или правил поведения* (норм). Сюда, следовательно, относятся такие явления, как содержание науки (но не относится, например, телескоп или же организация людей внутри химической лаборатории), искусства, совокупность норм обычая или морали и проч.

Под общественной психологией мы будем подразумевать несистематизированные или мало систематизированные чувства, мысли и настроения, имеющиеся налицо в данном обществе, классе, группе, профессии и т. д. К рассмотрению этой общественной психологии мы и приступаем.

§ 39. Общественная психология и общественная идеология. Когда мы рассматривали науку и искусство, право и мораль и т. д., перед нами были уже некоторые связные *системы* образов, мыслей, правил поведения и т. д. Наука—это связанные, прилаженные друг к другу, систематизированные мысли, стройными рядами обнимающие собой какой-либо предмет познания. Искусство—это система ощущений, чувств, образов. Мораль—это внутренне-убедительные правила поведения, опять-таки более или менее строго прилаженные друг к другу. То же можно сказать и о многих других идеологиях. Но в общественной жизни мы наблюдаем громаднейшую область непродуманного, несистематизированного, где вовсе не обязательно сведены концы с концами. Возьмите так называемое „обыденное мышление“ о каком-нибудь предмете в противоположность „научному“ мышлению. Первое—это обрывки некоторых сведений, беспорядочные, разбросанные мысли; тут будет масса противоречий, непродуманностей, странностей. Все это должно быть обработано, взято под критическую лупу, проверено, освобождено от противоречий,—только тогда мы получим переход к науке. Но ведь обычно и живут „обыденным“. Среди бесконечно многих взаимодействий между людьми,

из которых складывается общественная жизнь, в кругу психического общения людей существует масса вот этаких несистематизированных элементов, обрывочных мыслей, в которых выражается все же некоторое знание чувств и желаний в области отношений людей друг к другу, вкусов, приемов мыслить, непродуманных, „полусознательных“, смутных представлений о „хорошем“ и „дурном“, о „справедливом“ и „несправедливом“, „красивом“ и „безобразном“, жизненных, бытовых привычек и взглядов; устремлений и идей относительно хода общественной жизни, чувств радости или печали, недовольства и гнева, жажды борьбы или беспросветного отчаяния, разнообразнейших оценок и смутных надежд и идеалов; критических и едких мыслей по поводу существующего порядка или постоянных приятных ощущений, что „все прекрасно в этом лучшем из миров“; чувств неудачи и разочарования, забот о черном дне и желаний прожигать безумно жизнь, иллюзий и упований на будущее и тревоги за это будущее и так далее без конца. Вот эти явления, в их общественном масштабе, и называются общественной психологией. Отличие общественной (или, как говорят иначе, „коллективной“ либо „социальной“) психологии от идеологии заключается, как мы видим, в степени систематизации.

Общественная психология неоднократно появлялась в буржуазной науке под очень таинственным покрывалом так называемого „народного духа“ или „духа времени“, который и в самом деле представлялся какой-то всеединой общественной душой в самом буквальном смысле этого слова. Однако, конечно, никакой „народной души“ в этом смысле не существует, точно так же как не существует общества, как единого организма с единым центром сознания. Мы уже говорили, что смешно представлять себе общество на манер кита из Конька - Горбунка, смешно думать, будто посреди внешнего мира

...лежит
Чудо-Юдо, Рыба-Кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты,
А в долине, меж усов,
Ищут девушки грибов.

Но раз нет такого существа, то не может быть и таинственной „народной души" или „народного духа" в этом мистическом значении. Однако мы все же говорим об общественной психологии, отличая ее от личной. В чем же дело? И как разрешается здесь это противоречие? Да очень просто. Взаимодействие людей создает особую психологию у отдельного человека. „Социальное" живет не между людьми, а в головах этих людей. Но то, что живет в этих головах, есть продукт взаимных влияний, перекрещивающихся взаимодействий. Поэтому нет никакой психики, помимо той, которая есть у отдельных, находящихся в постоянном взаимодействии, „обобществленных" людей: общество ведь и есть совокупность обобществленных людей, а не Левиафан, органами которого являются отдельные люди.

Г. Зиммель великолепно поясняет, в чем дело: „Когда толпа людей разрушает дом, или произносит приговор, или разражается криком,—тогда действия отдельных субъектов суммируются в событие, которое мы обозначаем, как единое, как осуществление одного понятия. И тут-то и наступает крупная подмена: целостный внешний результат многочисленных субъективных душевных процессов толкуется, как результат целостного душевного процесса, именно процесса в коллективной душе" (G. „Simmel: Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung", Leipzig, 1908, Verl. Duncker und Humbolt, S. 559—560). Или — другой пример: когда из взаимодествия людей получается нечто новое и большее, чем простая сумма их отдельных устремлений или действий. „При точном исследовании (genau angesehen)... в таких случаях речь идет о способе действий индивидуумов, которые находятся под влиянием того, что каждый окружен другими; благодаря этому обстоятельству имеет место нервная, интеллектуальная, гипнотическая (suggestive), моральная перенастройка (Umstimmungen) их духовной конституции по сравнению с такими положениями, при которых соответствующих влияний нет. Если же эти последние, влияя друг на друга, изменяют (modifizieren) одинаковым образом всех членов группы, то, разумеется, их совместное действие (Totalaktion) будет выглядеть иначе, чем действие каждого в отдельности, если бы он находился в другом, изолированном положении" (ibidem, S. 560).

Однако в таких выражениях, как „дух времени" или „народный дух" есть все же некоторый смысл: эти выражения правильно указывают на два факта, которые можно наблюдать везде и всюду: во-первых, на то, что в каждое данное время есть некоторое господствующее течение

мыслей, чувств и настроений, господствующая психология, которая окрашивает собою всю жизнь общества; во-вторых, что эта господствующая психология меняется в зависимости от „характера эпохи“, т.-е., по-нашему, от условий общественного развития.

Господствующая в обществе психология сводится к двум главным элементам: во-первых, к общим психологическим чертам, которые могут быть у всех классов общества, потому что, несмотря на все разнообразие в положении этих классов, могут быть и черты сходства в этом положении; во-вторых, к психологии господствующего класса, которая настолько „выпирает“ в обществе, что дает тон решительно всей общественной жизни, подчиняясь своему влиянию и другие классы. Примером первого могут служить феодальные эпохи: здесь и у феодала-помещика, и у крестьянина есть общие психологические черты: приверженность к старине, рутина, традиция, преклонение перед авторитетом, „страх божий“, застойность мыслей, нелюбовь ко всему новому и т. д. Почему это происходит? С одной стороны, потому, что оба класса живут в застойном обществе, мало подвижном: подвижная психология идет позднее из города. С другой—потому, что в то время, как феодал является „государем-батюшкой“ в своей вотчине, крестьянин является „государем-батюшкой“ в семье. Семья, как мы знаем, есть одна из трудовых организаций в это время. Семейно-трудовые связи в крестьянском хозяйстве и по сию пору играют огромную роль. Понятно поэтому, что патриархальный строй семейно-трудовых отношений, беспрекословный авторитет и власть „отца семейства“ вызывал и соответствующую психологию: „старики лучше знают“. Консерватизм феодального дворянства и порабощенного крестьянства—это был „дух времени“ на определенной ступени общественного развития. Конечно, вместе и на ряду с этим в господствующей общественной психологии сказывались и другие моменты, которые были свойственны только феодалам и которые распространялись лишь в силу господствующего положения феодального дворянства.

С другой сторвны, гораздо чаще мы встречаем такие случаи, когда общественная психология, т.-е. господствующая общественная психология, есть психология господ-

ствующего класса. Маркс замечает в „Коммунистическом Манифесте“: „Господствующие идеи какого-либо времени были всегда только идеями господствующего класса“ („Manifest der Kommunistischen Partei“, S. 36.) Примерно то же можно сказать и об общественной психологии, которая господствует в определенное время. Мы уже при разборе идеологий приводили различные примеры господствовавших в обществе чувств, мыслей и настроений. Спросим теперь себя, что, например, означала психология эпохи Возрождения с ее любовью к земным наслаждениям утонченного свойства, щегольством латинским и греческим языком, с ее изысканной ученостью, страстью к тому, чтобы выделить себя и свою личную персону из „толпы“ изящно-пренебрежительным отношением к средневековым суевериям и т. д.? Ясное дело, что этакая психология не имела ровно ничего общего, напр., с психологией тогдашнего итальянского крестьянства. Это был продукт торговых городов, а в городах—продукт финансово-торговой аристократии. Но город уже начинал тогда господствовать над деревней, в городе господствовали банкиры, роднившиеся со знатным княжеским дворянством. И психология этого слоя считается господствовавшей: ее воплощение мы видим во всевозможных памятниках той эпохи. Нужно еще отметить, что с развитием производительных сил у господствующего класса появляются могучие рычаги, которые формируют, „делают“ психологию в среде других классов. „В действительности... три или четыре мировых газеты станут в будущем определять мнение провинциальных газет, а вместе с тем и „волю народа“,—не без откровенности заявляет философ современной германской буржуазии Шпенглер (l. c., S. 49).

Тем не менее совершенно ясно, что в классовом обществе нет сплошной, единой, целостной „общественной психологии“. В лучшем случае есть лишь некоторые общие черты, значения которых отнюдь нельзя преувеличивать.

Это же следует заметить и по отношению к так называемому „народному характеру“, „психологии народов“ и т. д. Само собой разумеется, что не дело марксистов отрицать, так сказать, „принципиально“ некоторые общие черты, которые могут быть у разных классов одного и того же народа. В одном месте, напр., Маркс считается даже с влиянием расы. А именно он пищет: „...тот же

самый экономический базис—тот же самый в своих главных условиях— может обнаруживать благодаря бесчисленным, разнообразным эмпирическим обстоятельствам, условиям внешней природы, расовым отношениям, извне действующим историческим влияниям и т. д. бесконечные вариации (изменения.—*Н. Б.*) и ступени в своем проявлении, которые можно понять лишь путем анализа этих эмпирически данных обстоятельств" (K. Marx. „Das Kapital", III[II], S. 324). Другими словами: если два каких-либо общества переживают одну и ту же ступень развития (скажем, феодализм), то все же у них будут кое-какие (хотя и не особенно значительные, не в „главных чертах") особенности. Эти особенности происходят в силу некоторых отклонений в условиях развития и в силу особых условий развития в прошлом. Отрицать эти особенности нелепо, точно так же, как отрицать и некоторые особенности в „национальном характере", „темпераменте" и т. д. Конечно, наличность классовой психологии ничуть не служит доказательством некоторых особых „национальных" черт (напр., Маркс говорил о философе Бентаме, как „специфическо-английском" явлении, Энгельс называл социализм экономиста Родбертуса „прусско-юнкерским социализмом" и т. д.). Поэтому прав D-r E. Hurwicz, теперешний соратник Кунова в деле изничтожения большевиков, когда он пишет, что „профессиональная психология не исключает народной психологии" и что „точно так же, как с местой психологией, обстоит дело и с сословной психологией: и она не мешает существованию психологии национальной" (E. Hurwicz: „Die Seelen der Völker", Verl. Fr. Perthes, Gotha, 1920, S. S. 14—15). Но дело в том, что марксисты объясняют эти национальные особенности действительным ходом общественного развития, а не просто тычут в них пальцем; во-вторых, они не переоценивают этих особенностей и видят за деревьями лес, тогда как поклонники „национальной психологии" и пр. этого леса не видят; в-третьих, они не пишут вздора, который сочиняют ученые и неученые болтуны и филистеры на тему о „народной душе". Всякий, напр., знает, что любой русский мещанин считал извечным и постоянным свойством всякого немца быть мещанином. Немецкие рабочие показывают теперь, что это вовсе не так. Всякий знает так же, какой беспросветный вздор писался по поводу „славянской души" („âme slave"). Когда, напр., тот же Hurwicz с восторгом говорит о том, что большевизм есть царизм навыворот, что здесь одни и те же методы правления и т. д., то он ясно обнаруживает не свойства „русской души", которая якобы определяет эту схожесть, а свойства души запуганного революцией интернационального мещанина, который сейчас составляет подпорку социал-демократических партий.

Классовая же психология опирается на совокупность жизненных условий соответствующих классов, а эти жизненные условия определяются положением классов в экономической и полити-

ческо-социальной обстановке. При этом нужно иметь в виду сложность всякой общественной психологии. Например, резко противоположные по своему содержанию классовые психологи могут обнаруживать громадные черты сходства по форме. Когда, скажем, идет жестокая классовая борьба, борьба не на живот, а на смерть между двумя классами, тогда ясно, что содержание чувств, стремлений, надежд, упований, чаяний, иллюзий и т. д. будет различно у этих противоположных классов; а форма их психики — необычайная страстность, горячность, фанатизм борьбы, даже своеобразная форма героической психологии может быть довольно схожей.

Мы сказали, что психология классов определяется совокупностью жизненных условий класса, которые имеют своим основанием положение его в хозяйственной жизни, в его экономике. Поэтому ни в коем случае нельзя сводить психологию класса к его интересу, как это иногда делается. Совершенно верно, что классовый интерес составляет жизненный нерв классовой борьбы. Но этим вовсе не исчерпывается классовая психология. Мы видели уже выше, что во времена упадка Римской империи философы господствующего класса проповедывали самоубийство, и эта проповедь имела успех, потому что она соответствовала психологии этого господствовавшего класса, психологии пресыщения жизнью и отвращения к ней на почве этого пресыщения. Мы можем прекрасно уяснить себе, почему образовалась такая психология; мы видим, что ее корень—в паразитизме господствующего класса, который ничего не делал, жил исключительно тем, что потреблял, все перепробовал, и все ему осточертело. А это объяснялось его экономическим положением, его ролью (или отсутствием роли) в хозяйстве страны. Психология пресыщения и смерти была классовой психологией. Однако нельзя сказать, что, проповедуя смерть, Сенека выражал классовый интерес. Но из этого примера, с другой стороны, вовсе не следует, что всякий акт самоубийства или чего-либо в этом роде никогда не стоит в связи с классовым интересом. Голодовки в русских тюрьмах были, например, актами классовой борьбы, средством протеста и разжигания этой борьбы, символом солидарности и орудием сплочения борющихся. А борьба двигалась именно интересами классов. Иногда настроение отчаяния

овладевает массами или группами после крупного поражения в классовой борьбе. Тут связь с классовым интересом есть, но это связь своеобразная: борьба велась скрытыми пружинами интересов, но вот армия борцов поражена, разбита; на этой почве—разложение, отчаяние, надежда на чудо, призыв к бегству от людей, устремление взоров к небу. После поражения крупных народных движений в России XVII столетия, шедших в значительной мере под религиозным флагом, развиваются формы протеста „весьма разнообразные, появляющиеся под влиянием разочарования и отчаяния“: проповедь бегства в пустыню, самосожжение. „Сотни и тысячи гибнут на кострах... мы встречаем экстатиков, ложащихся в чистых саванах в заранее приготовленные гробы и ожидающих светопреставления“ (С. Мельгунов: „Религиозно-общественные движения русского народа в XVII веке“, Кн. для чтения по ист. нового времени, изд. Ист. Комиссии Уч. Отд. О. Р. Т. З., том I, стр. 619). Эта психология прекрасно выражена в двух приводимых Мельгуновым стихотворных произведениях той эпохи:

Прекрасная мати пустыня,
От смуты мира прими мя,
Аще из тебя изгонят,
Прекрасная мати пустыня,
Любезная—не изжени мя.—

Или:

Деревянный гроб соснов —
В нем буду лежать,
Трубна гласа ждать.

Мы видим, таким образом, что при рассмотрении классовой психологии мы имеем дело с явлением опять-таки очень сложным, вовсе не сводимым к одному голому интересу, однако всегда объясняемом той конкретной обстановкой, в которую данный класс попал.

В психологическом строении общества, т.-е. среди различных видов общественной психологии, мы находим также психологию групповую, профессиональную и т. д. Внутри класса могут быть различные группы: например, среди буржуазии есть финансово-капиталистическая буржуазия, торговая буржуазия, промышленная буржуазия и т. д.; в рабочем классе мы имеем высоко-квалифицированную рабочую аристократию

на ряду с просто-обученными и совсем необученными рабочими (чернорабочими). Каждая такая группа имеет свои несколько особые интересы и некоторые отличительные черты: напр., высоко-квалифицированный рабочий, с одной стороны, любит свое дело, не прочь похвастать, что он — хороший мастер не в пример прочим; с другой — иногда тянется к выше стоящим, вместе с крахмальным воротничком приобретает буржуазный запашок. Точно так же и профессия накладывает свой отпечаток: когда, напр., ругают бюрократов, то именно и имеют в виду некоторые отрицательные профессионально-психологические черты: рутинность, привычку к бумажной волоките, предпочтение формы перед содержанием (формализм) и т. д. Образуются профессиональные психологические типы, душевные особенности которых прямо вытекают из рода занятий, а из этих особенностей, из этой психологии вырастает и соответствующая окраска идеологии. Так, Энгельс пишет: „У политиков по профессии, у теоретиков государственного права и юристов-специалистов по гражданскому праву... пропадает связь с экономическими фактами. Так как в каждом отдельном случае экономические факты должны принять форму юридических мотивов, чтобы быть санкционированными в форме закона, и так как при этом, разумеется, необходимо принять в соображенние и всю уже действующую систему права, то юридическая форма должна (по мнению этих людей. *Н. Б.*) означать все, а экономическое содержание — ничто" и т. д. („Людвиг Фейербах"). Профессиональная психология выдает человека через короткое время: после нескольких минут разговора вы можете определить, стоит ли перед вами приказчик, или мясник, или журналист и т. д. При этом характерно, что эти черты интернациональны: их можно встретить и разглядеть в самых различных странах.

Таким образом на ряду с классовой психологией, как самой резкой, выпуклой и значительной формой общественной психологии, стоит психология групповая, профессиональная и т. д. Бытие определяет собою сознание. И в этот смысле можно сказать, что всякая группировка людей (хотя бы то был кружок любителей шахматной игры или хорового пения) накладывает известный—быть может, незначительный — отпечаток. Но так как существование какой

угодно людской группировки связано все же с экономическим строем общества, от него в конечном счете зависит, то, следовательно, все виды общественной психологии суть величина, зависимая от способа общественного производства, от хозяйственной структуры общества.

Если мы спросим теперь себя, в каком же соотношении находится общественная психология с общественной идеологией, то ответить на этот вопрос после всего вышеизложенного будет довольно легко. Общественная психология есть некий резервуар для идеологии. Ее можно сравнить с соляным раствором, из которого мало-по-малу осаждаются кристаллы идеологии. В самом деле, мы уже в начале этого параграфа видели, что идеология отличается большой систематизированностью своих элементов, т.-е. мыслей, чувств, ощущений, образов и т. д. Что же систематизирует идеология? Она и систематизирует то, что мало или совсем не систематизировано, то-есть общественную психологию. Идеологии—это сгустки общественной психологии. Приведем, по нашему обычаю, несколько примеров. Уже на заре рабочего движения у рабочего класса было чувство недовольства, мысли о „несправедливости" капиталистического строя, неопределенные желания на его место поставить что-то другое. Но все это было смутно, несвязно. Это еще не была идеология. Но вот это смутное приобрело отчетливые формулировки, концы связались с концами, появилась система требований (программа), появился свой „идеал" и т. д. Это уже есть идеология. Или предположим, что чувства страдания и порывы к тому, чтобы вырваться из теперешнего состояния, закрепляются в каком-нибудь произведении искусства. Это тоже идеология. Понятно, что не всегда можно указать здесь точную границу. Идеология не отделена от психологии пограничным столбом с надписью: „вход строго воспрещается". Наоборот, в действительности всегда происходит непрерывный процесс затвердевания, уплотнения общественной психологии в общественную идеологию. Поэтому немудрено, что с изменением общественной психологии происходит и изменение в общественной идеологии, как это мы неоднократно наблюдали в предыдущем параграфе. Сама же общественная психоло-

гия изменяется вместе с изменением экономических отношений, ибо в процессе этого изменения происходит постоянная перегруппировка общественных сил, нарождение новых отношений и притом на ином уровне производительных сил.

После того, как мы приводили ряд примеров при разборе идеологий, здесь уже не имеет смысла останавливаться на изменении общественной психологии и на связи ее с изменениями идеологии. Мы хотим лишь указать на то, что в новейшей литературе теперь очень интенсивно разрабатывается вопрос о так называемом „духе капитализма“, т.-е. о психологии предпринимателей. Это работы В. Зомбарта („Буржуа“, новое изд. „Современного капитализма“ и др.), Макса Вебера и в самое последнее время Германа Леви (Prof. D-r. Hermann Levy: Soziologische Studien über das englische Volk“. Jena. Gustav Fischer. 1920). Маркс когда-то писал (еще в I томе „Капитала“): „протестантизм играет важную роль в происхождении (Genesis) капитализма уже хотя бы только благодаря превращению всяких традиционных праздников в рабочие дни“ („Das Kapital“, I., S. 239, Fussnote 124). Он также неоднократно указывал, что ханжеская, бережливая, скопидомческая и в то же время трудолюбивая, упорная, не любящая католического блеска и треска, прозаическая и деловая психология протестантизма есть психология нарастающей буржуазии. Тогда по этому поводу посмеивались. А теперь лучшие ученые буржуазии развивают именно эту теорию Маркса, но, конечно, с очень малой благодарностью к действительному ее автору. Зомбарт показывает, как самые разнообразные черты (жадность к золоту, беспардонный авантюризм, дух изобретательства в соединении со счетоводством, рассудительностью и благоразумной трезвенностью), накопляясь, дали т. наз. „капиталистический дух“. Само собою разумеется, что этот дух не развивался сам из себя, а формировался вместе с изменением общественных отношений: параллельно росту капиталистического „тела“ мужал и его „дух“; все основные черты хозяйственной психологии перевернулись: в докапиталистическое время основной хозяйственной идеей дворянина была идея „приличной“, „подобающей сословию“ жизни; „деньги даны на то, чтобы их тратить“—писал Фома Аквинский; хозяйствовали плохо, нерационально, без правильного счетоводства; преобладала традиция и рутина; темп жизни был медленный (чуть не половина праздников)—отсутствовала инициатива, энергия; капиталистическая же психология, заступившая место дворянско-феодальной, построена на инициативе, энергии, быстроте, отвержении рутины, рациональном высчитывании и обдумывании, страсти к накоплению и т. д. Полный переворот в умах шел вместе с полным переворотом в отношениях производства.

§ 40. Идеологические процессы, как отдифференцированный труд. К вопросу об идеологиях и о надстройках вообще можно и должно подойти еще и с другого конца для того,

чтобы понять это чрезвычайно важное общественное явление. Мы уже знаем, что по своему строению надстройки представляют сложную величину, в которую входят и вещи, и люди; собственно же идеологии представляют нечто вроде идейного продукта. Если это так—а это безусловно так,—то мы подходим к тому, чтобы рассматривать надстройки в их движении (и следовательно, и идеологические процессы), как особый вид общественного труда (но не материального производства, что отнюдь нельзя смешивать). В начале „человеческой истории", т.-е. при отсутствии прибавочного труда, почти нет и идеологий. Лишь впоследствии, с появлением этого прибавочного труда, „рядом с огромным большинством, исключительно занятым физической работой, образуется класс, освобожденный от прямого производительного труда и заведующий общественными делами: руководством в работе, государственным управлением, правосудием, науками, искусствами и т. д. Следовательно, в основе деления на классы (и в основе появления идеологий, как мы видим отсюда же. *Н. Б.*) лежит закон разделения труда" (Ф. Энгельс: Развитие социализма от утопии к науке). Маркс называет в одном месте попов, юристов, правительственные группы и т. д. „идеологическими сословиями" („ideologische Stände"). Другими словами: идеологические процессы мы можем рассматривать, как определенный вид труда внутри общетрудовой системы. Этот труд не будет материальным производством. Он не является даже частью этого материального производства. Но, как мы знаем из разбора идеологий, он вырастает из материального производства, выделяется из него и отделяется от него в качестве самостоятельных отраслей общественной деятельности. Рост разделения труда выражает рост производительных сил общества. Именно поэтому с развитем производительных сил происходит разделение труда в области материального производства—с одной стороны, выделение идеологического труда и разделение внутри его—с другой. „...Разделение труда свойственно не только экономическому миру; можно наблюдать его растущее влияние в самых различных областях общества. Функции политические, административные, юридические специализируются все более и более. То же происходит в области искусства и науки" (Emil Durkheim: De la division du

travail social", Paris, 1893, p. 2). С этой точки зрения все общество представится громадным трудовым „механизмом" с различными частями разделенного совокупного общественного труда. Этот совокупный общественный труд делится прежде всего на два большие разряда: во-первых, *материальный труд*, иначе „производство"; во-вторых, все виды труда, которые относятся к „*надстройкам*": как труд по управлению и проч., так и собственно *идеологический* труд. *Организация* этого труда идет в ногу, построена в общем по тому же образцу, что и организация труда материального. И здесь налицо классовая иерархия, и здесь наверху стоят люди, владеющие средствами производства, внизу—„неимущие". Точно так же, как в процессе материального производства стоящие наверху 1) играют особую роль в этом процессе, при чем 2) эта роль связана с тем, что в их руках находятся средства производства и 3) что в силу этого и в процессе распределения продукта они стоят тоже наверху,—так и во всех почти отраслях „надстроечного" труда. Мы это наблюдали уже на армии. Но то же происходит и в науке, и в искусстве. В капиталистическом обществе, напр., крупная техническая лаборатория поставлена по своей внутренней организации, как фабричное предприятие. Или возьмите капиталистический театр: владелец театра, его директор, артисты, статисты, техники, служащие, чернорабочие—все в высшей степени напоминает фабрику. Следовательно (поскольку речь идет о классовом обществе), здесь есть различные разряды людей, с различными ролями, *закрепленными за этими людьми социально*; с высшим положением связано владение, так сказать, „духовными средствами производства", которые находятся в *классовой монопольной собственности*; а отсюда вытекает, что при распределении продуктов *материального* производства (ибо непосредственно люди живут потреблением материальных благ) владельцы эти „духовных средств производства" получают соответственно бо́льшую часть общественного продукта, чем ниже их стоящие.

Мы знаем, как цеплялись господствующие классы за *монополию знаний*. В старину жрецы, которые были монополистами знания запирали вход в „храмы науки" и пускали туда только небольшое число избранных, при чем самое знание окутывалось покрывалом

божественной и страшной тайны, доступной лишь немногим мудрецам и праведникам. Как ценится эта монополия господствующими классами, видно, напр., из такого рассуждения известного немецкого идеалистического философа Ф. Паульсена: „Для того, кто в силу социальных отношений прикреплен к профессии и к жизненному положению физического работника, не было бы никакой выгоды, если бы он получил образование ученого; это образование не только не облегчило, а, наоборот, затруднило бы ему жизнь“ (Friedrich Paulsen: D.s moderne Bildungwesen in Kultur der Gegenwart, B. I. S. 75. Кстати. Это огромное издание „Современной Культуры“, в котором принимал участие цвет немецкой профессуры, было посвящено... Вильгельму II!). Таким образом почтенный философ-идеалист рассматривает человека уже в утробе матери привязанным к каторжной капиталистической тачке и лишает его образования задолго до того, как он вступил в жизнь.

Монопольный характер образования был главной причиной, почему российская интеллигенция стала на дыбы при революции пролетариата. Наоборот, одним из главных завоеваний пролетарской революции было уничтожение этой монополии.

Если мы рассматриваем материальное производство, то мы видим, что оно подразделяется на целый ряд отраслей; прежде всего, на промышленность и сельское хозяйство, а затем на громадное (в развитом капиталистическом обществе) количество более мелких подразделений, начиная от горного дела и производства зерна и кончая выделкой булавок и выращиванием салата. Точно так же и в области „надстроек“: здесь есть крупные подразделения (скажем, примерно, те, которые были разобранны в предыдущем, т.-е. область управления, выработки норм, науки, искусства, философии и религии и т. д.); с другой стороны, каждое из этих подразделений, в свою очередь, распадается на ряд отраслей (наука, напр., разветвляется теперь на громадное количество различных специальностей, точно так же и искуство). Далее. В материальном производстве, как мы видели, должна быть, если общество существует, некоторая, хотя бы и очень грубая, пропорциональность между различными отраслям производства — иначе общество не может существовать. Если даже взять слепое капиталистическое общество, где нет общественного плана производства, где есть, наоборот, так называемая „анархия производства“, т.-е. непропорциональность между различными производственными отраслями, то и то эта „анархия“ все же постоянно поправляется, и грубое нарушение пропорциональности выравнивается—правда, путем

жестоких потрясений и не на долгое время—но все же на *некоторое* время выравнивается: если бы этого не было, капитализм лопнул бы при первом промышленном кризисе. Спросим теперь себя: может ли быть такое положение вещей в обществе, чтобы между материальным производством и другими, нематериальными видами труда не было бы ровно никакого соответствия? На этот вопрос можно дать такой ответ. Такое положение вещей может быть, но тогда общество не может развиваться и должно итти книзу. Если, например, слишком много труда уходит на поддержание театров, или государственный аппарат или церковь, или даже искусство—тогда неизбежно начнуть падать производительные силы. Почему? Да по той же простой причине, по какой падало бы производство в артели, в которой один бы работал, семеро бы занимались подсчетом того, что он сделал, двое пели и ободряли его, а один бы всех их контролировал. Так как при этом кушали бы все, а не только один, то ясно, что долго такая артель не просуществовала бы. С другой стороны, так же ясно, что если бы никто не подсчитывал сработанного и никто не объединял этой артели, никто и никак (ни все вместе, ни кто-либо один) не координировал действий ее отдельных членов, если бы не было даже кому сноситься с внешним миром—тогда дело тоже бы не пошло, как ни старались бы работать наши трудолюбивые товарищи. То же примерно происходит и во всем обществе. Следовательно, если общество *длительно* существует, то в нем есть состояние некоторого, хотя бы и очень подвижного, равновесия между совокупным *материальным* трудом и совокупным трудом „*надстроечного*“ характера. Предположите на минуту, что в современных Соединенных Штатах Америки в одну ночь исчезли бы все ученые: математики, механики, химики, физики и т. д. Производство современного типа стало бы невозможным, потому что оно основано теперь на научном расчете. Производство стало бы шагать назад. Предположите, с другой стороны, что 99% теперешних рабочих каким-либо чудом сделались учеными математиками, *не принимающими участия в производстве*. Тогда вы получите тоже полное разорение: общество пойдет сразу ко дну, как ключ. Но если во всяком обществе должна быть некоторая пропорциональность (хотя бы, повторяем, границы ко-

лебаний были очень широкими) между всем материальным трудом и всем трудом, заключенным в надстройках, то, с другой стороны, совершенно не безразлично распределение труда внутри самих надстроек, т.-е. распределение труда *между* различными областями „духовной“, руководящей и т. д. деятельности. Точно так же, как между различными видами материального труда имеется известное равновесие (отдельные отрасли труда „стремятся к равновесию“, как выражается *Маркс* в III т. „Капитала“, стр. 165 русск. пер.), так и между отраслями идеологического труда и вообще „надстроечного“ труда должен быть хотя бы минимум такого равновесия. Распределение же этих идеологических „производственных отраслей“ определяется, в конечном счете, *экономической структурой* общества. В самом деле, почему, напр., гигантское количество народного труда в древнем Египте шло на постройку гигантских памятников феодального искусства: пирамид, колоссальных статуй фараонов и т. д.? Потому, что тогдашнее общество, с его экономической структурой, не могло бы держаться, если бы рабам и крестьянам не внушались на каждом шагу величие и божественная мощь господствующих. Тогда не было газет и телеграфных агентств. Искусство служило идеологической спайкой. Оно было, таким образом, жизненной необходимостью для этого общества, и немудрено, что в трудовом бюджете страны на его долю приходилась такая большая величина. Почему в Греции в конце V века в сфере идеологического труда выперла „этика“, выработка моральных норм? Потому, что при громадном количестве жизненных противоречий между различными классами, группами и подгруппами в период, когда нарушилось социальное равновесие и старые „устои“ трещали, естественно, область отношений между *людьми*, отношений человека к человеку и вопросы о *регулировании* этих отношений стали особенно остро, в том числе и для господствовавших классов, которым нужно было всеми средствами склеивать трещавшие общественные связи. Почему в современной Америке (в Соединенных Штатах) очень мало развито искусство, зато Америка—первая страна, выдвинувшая во всей широте науку об организации производства (тэйлоризм, психотехника, психофизиология труда и прочие отрасли знаний)? Потому, что искусство для народа американскому капиталистическому механизму не нужно: мозги

обрабатывает дошедшая в этом деле до виртуозности американская капиталистическая газета; зато вопрос о рационализации производства в стране трестов должен неизбежно играть роль: „научное управление“ (scientific management) есть один из крупных жизненных вопросов такой системы.

Итак, и в области „надстроечного“ (а следовательно, и всякого идеологического) труда мы имеем неизбежно некоторую пропорциональность частей, поскольку общество находится в состоянии равновесия, при чем та пропорция, в которой происходит распределение различных отраслей духовного труда, определяется экономической структурой общества и потребностями его техники.

Приведенные рассуждения подтверждаются, между прочим, одной отраслью идеологического труда, а именно, школой. В самом деле, что такое школа вообще, т.-е. и высшая, и средняя, и низшая? Это—такая отрасль совокупного общественного труда, где „обучают“, т.-е. дают рабочей силе определенную квалификацию, специальную „обученность“, из простой рабочей силы делают особую рабочую силу. У нас на простонародном языке говорят: учиться „на доктора“, „на адвоката“, „на офицера“, „на инженера“, „на техника“ и т. д. Но то же самое происходит по всему фронту обучения, т.-е. тому специальному процессу, где людям придаются особые свойства, делающие их годными для выполнения особых более или менее специальных трудовых функций: в этом отношении нет разницы между профессиональной школой, из которой выходят слесаря, и духовной академией, откуда выпускаются „ученые батюшки“, или царскими кадетскими корпусами, откуда выходили рубаки-офицеры. Отсюда следует, что строение школы, распадение ее на различные виды (торговая школа, ремесленная школа, кадетский корпус, высшее техническое училище, университет и т. д.) выражает собою потребность данного общества в различных видах обученного—материального и умственного—труда.

Вот несколько примеров, поясняющих эту мысль:

В средние века, напр., школа была вся под знаком попов. Феодальное общество не могло жить без страшного развития религии. Вот почему „монастырские, соборные школы, преобладающее число

университетов, жизнь в бурсах и преподавание на факультете искусств, — все это носило монашескую, монастырскую окраску, все это было придумано и устроено в церковно-теологическом духе" (проф. Т. Циглер: Руководство по истории педагогики. Книгоизд. „Сотрудник", Петроград—Киев, стр. 39). „Кроме немногочисленных специальных медицинских и юридических школ, большинство университетов, как и низшие школы, служили, главным образом, для подготовки клириков" (т. е. духовенства. *Н. Б.*). На-ряду с этим существовала школа для подготовки вояк-рыцарей. У этих „образование" состояло в выработке уже не поповской „рабочей силы", а рубацко-рыцарской. Мальчиков обучали, главным образом, семи „благочестиям" (probitates). „Впрочем, к семи рыцарским благочестиям причисляли, кроме шести физических искусств (equitare, natare, sagittare, cestibus certare, aucupari scacis ludere—верховая езда, плаванье, стрелянье из лука, фехтованье, охота, игра в шашки), также и искусство versificare, сочинения стихов и музыку (singen u. sagen)". Совершенно ясно, что здесь вырабатывался другой нужный для феодального общества тип людей.

Но вот растет город, торговая буржуазия и т. д. Что же происходит? На это ответ дает (и притом очень хороший ответ) тот же проф. Циглер: „Однако,—пишет он (стр. 42),—новые потребности в учебном деле возникли в другой области. Купцы и ремесленники (наш курсив. *Н. Б.*), жившие в цветущих городах, нуждались в более практическом образовании, чем то, которое получали ученые и рыцари. Городские общины стали сами устраивать школы, где городские жители получали надлежащее необходимое образование" (Циглер, l. c., стр. 40 и след.).

С развитием промышленного капитализма и с ростом спроса на квалифицированного рабочего даже в области материального труда появляется т. наз. профессиональная школа: „Чтобы поддержать национальную промышленность, правительства и частные лица стали устраивать промышленные и ремесленные школы, имевшие цель дать ученикам то профессиональное образование, которое раньше они получали в мастерской ремесленника" (Н. Крупская: Народное образование и демократия. Изд. 3. Госуд. Изд. 1921 г., стр. 94). А потом эта школа опять изменяется в связи с ростом крупной промышленности и с ростом требований на „мастеров, надсмотрщиков, помощников инженеров и пр. (там же, 96). На-ряду с этим—колоссальный рост средних и высших специальных учебных заведений, где естественные науки и математика играют громадную роль, высшие коммерческие институты, сельско-хозяйственные академии и т. д.

С откровенной наглостью вскрывает смысл капиталистического образования вышеупомянутый немецкий философ-идеалист Ф. Паульсен. Эти места в его работе настолько поучительны и дают такую яркую картину, что мы приводим их целиком (откровенность Паульсена объясняется тем, что все это он пишет в таком „толстом"

томе, который не попадает к рабочим, пишет, следовательно только для капиталистических бандитов и поэтому выбалтывает правду):

„Действительное состояние образования в основном повсюду и везде определяется формой общества и его расчленением... В состоянии дела общественного образования отражается... состояние общества, которое его вызвало. Общество всюду имеет двойное расчленение: расчленение по формам общественного труда и по отношениям владения (вернее, собственности. *Н. Б.*). Первое расчленение есть разделение по профессиям; из различия владения возникает деление на общественные классы. Оба деления имеют влияние на постановку образования...; формами общественного труда и профессионального положения (beruflicher Lebensstellung) определяются в общем виды предметов преподавания; классовым положением или состоянием семейного имущества (den Besitzstand der Familien) в значительной степени определяется степень доступа молодежи к различным школьным курсам... Общество нуждается и обладает двигательными, распорядительскими и духовно-творческими и руководящими функциями и органами. Первая группа обнимает всех тех, чей труд требует, главным образом, физической силы и ловкости; сюда нужно сопричислить промышленных рабочих и ремесленников всякого рода, сельско-хозяйственных рабочих и мелких крестьян, наконец, тех, кто в торговле и транспорте заняты в качестве последних исполнительных органов. Вторая группа охватывает тех, чья профессиональная работа состоит в руководстве общественным трудовым процессом и в инструктировании и руководстве работниками физического труда; сюда подходят фабриканты и техники, руководители крупных сельско-хозяйственных предприятий, купцы и банкиры, высшие служащие в торговле и транспорте, точно так же низшие чиновники государства и муниципалитетов. Наконец, третья группа охватывает профессии, которые обычно называют „учеными“, профессии, функционирование которых требует самостоятельного изучения и развития научного познания; сюда принадлежат исследователи и изобретатели, затем люди, занимающие более высокие посты на гражданской и военной службе, в церкви и школе, далее врачи, техники на руководящих постах и др.“ (Paulsen: Kultur der Gegenvart SS. 64—65). Этим трем группам соответствует и деление школы. На этом рассказе Паульсена прекрасно видна механика школы: здесь, с одной стороны, вырабатывается в нужных количествах нужное число рабочих сил для всякого материального и духовного труда; во-вторых, высшие идеологические функции всегда закрепляются за определенными классами, чем и держится монополия образования, а вместе с нею и капиталистический строй. Паульсен только напрасно помещает слишком высоко себя и своих коллег над фабрикантами и банкирами, сапоги которых ученое сословие лижет и по нужде и без нужды.

Школа, таким образом, во-первых, раскрывает нам практический смысл, практический корень всех идеологий. Если какой-либо математик будет возмущаться тем, что, по нашему мнению, его „чистая наука“ имеет совсем, совсем земной смысл, его нужно спросить: а для чего обучают этой математике купеческих сынков в торговых школах, будущих землемеров—в агрономических учебных заведениях, будущих техников—в технических и т. д.? А когда он укажет, что это делают лишь мелкие сошки в науке, мы его спросим: а почему „чистые математики“, которые, действительно, в практике ничего не смыслят и могут надеть брюки на голову, почему они читают лекции людям, которые учатся „на инженера“ или „на землемера“? А когда он отступит еще на одну позицию и скажет, что есть такие ученые, которые никого не просвещают и никаких лекций не читают, мы опять пристанем: да, но не пишет ли такой человек книжек? и не правда ли, что эти книжки читают, скажем, профессора, которые преподают будущим инженерам, а эти последние при помощи своих знаний производят расчеты и выкладки при постройке мостов, или паровых котлов, или электрических станций и т. д.?

Во-вторых, школа раскрывает нам сравнительную потребность данного общества в различных видах обученного труда, вплоть до самого „наивысшего“.

По существу дела все науки связаны таким образом друг с другом такой же трудовой связью, как и различные отрасли материального труда. Точно так же с ними связаны и другие отрасли идеологического труда. Материальный же труд является их постоянной и всеобщей основой.

§ 41. Значение надстроек. Мы подошли здесь уже к более подробному рассмотрению значения всяких надстроек, в том числе и идеологий. Это значение, пожалуй, лучше всего можно уяснить себе на критике тех возражений, которые обычно делаются противниками теории исторического материализма.

Здесь мы, прежде всего, встречаемся с возражениями против практических корней идеологии, против утверждения, что „надстройки“, и идеологии в том числе, имеют служебное значение. При этом указывают на то, что ученые или художники очень часто совершенно и не думают о том, что их мысли или образы играют хоть какую бы то ни было практическую роль.

Наоборот ученый стремится к „чистой истине“, ищет ее ради нее самой; он влюблен в эту прекрасную даму-истину, и нечего примешивать сюда практические соображения: тут брак по любви, а не по расчету. Точно так же настоящий художник творит, как птица поет: он любит искусство ради него самого. Для него оно—высшая цель, в нем, и только в нем, смысл жизни. И как юристы провозглашали: пусть погибнет мир, лишь бы была соблюдена справедливая законность (vivat justicia, pereat mundus!), так и настоящий музыкант променял бы весь мир на одну чудесную симфонию. Настоящий художник живет для искусства, ученый—для науки, законник—для государства (у Гегеля, напр., прусское юнкерско-капиталистическое государство есть высшее проявление мирового духа в человеческой истории—как тут не лечь за нее костьми?) и т. д.

Прежде всего, правда ли это, что так думают и чувствуют ученые и художники? Быть может, они, что называется, „втирают очки“ почтеннейшей публике, а на самом деле злостно ее обманывают? Бывает, конечно, и это. Но к этому сводить дело нельзя и в малой степени. Действительно, настоящий ученый, художник, ученый юрист-теоретик любят свое дело, как самих себя, и не думают ни о какой практической стороне дела. Это не подлежит никакому сомнению и могло бы быть подтверждено тысячами всевозможных примеров. Но суть вовсе не в этом. Ибо одно дело *субъективная психология идеологов*, а другое—*объективная роль идеологий*; одно дело, что человек *думает* о своей работе, другое дело, какую роль, какое значение имеет его работа *для общества*. Это две разные вещи, как всякий легко поймет. Представим себе, как происходит дело в действительности. Как мы уже видели, идеология (скажем, математика) выростала, несомненно, из практических потребностей. Но вот она специализировалась и разбилась на ряд областей; работающий в этой области специалист не видит, что его наука удовлетворяет практической потребности. Сам он делает только „свое дело“, и чем больше он это дело любит, тем производительнее у него труд, тем дальше он подвигается вперед. К практике же прилагают его теории *другие* люди, работающие в других областях. Раньше, когда такой специализации не было, практический смысл науки был ясен всякому; теперь он затерян. Развитие знания раньше

и в головах людей служило практике. Теперь оно в действительности тоже служит практике, но в головах оторвавшихся от практики специалистов представляется чем-то совершенно от этой практики независимым. Это и понятно почему. И здесь мышление людей обусловливается их бытием. Ведь когда человек работает только в одной идеологической области, она неизбежно должна представляться ему пупом земли, вокруг которого все вращается. Он вечно живет в кругу понятий из этой отрасли, ибо,—как очень хорошо определял это Энгельс,— идеология есть не что иное, как „оперирование, работа над мыслями, как над независимыми, самостоятельно развивающимися, подчиненными только своим собственным законам сущностями" (Ludwig Feuerbach etc., S. 52). Раньше, до специализации, человек рассуждал так: вот тут нужно кое-что подумать над этой „геометрией", чтобы лучше шла на будущий год промерка прибрежных участков". А теперь специалист-математик говорит себе: нужно во что бы то ни стало решить эту задачу—в этом цель моей жизни. Э. Мах выражает эту мысль несколько иначе, но суть дела остается той же самой. Он пишет: „Для ремесленника и еще более для исследователя кратчайшее, простейшее, достигаемое путем наименьших духовных затрат познание определенной области естественных процессов само становится экономической целью, при которой,—хотя оно первоначально было лишь средством к цели,—развились соответственные духовные склонности и требуют своего удовлетворения, совсем уж не думая о телесной потребности (E. Mach: Geschichte der Mechanik. 4 Aufl. S. 7. Курсив наш. *Н. Б.*). Таким образом, система надстроек, от социально-политической до философской включительно, связана с экономическим базисом и технической системой данного общества, как необходимое звено в цепи общественных явлений.

Энгельс писал по этому поводу в письме к Францу Мерингу от 14 июля 1893 г.: „Идеология есть процесс, который, правда, производится так называемым мыслителем сознательно (mit Bewusstsein), но с ложным сознанием (aber mit einem falschen Bewusstsein). Настоящие движущие силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, иначе это не был бы идеологический процесс. Таким образом, он воображает себе (imaginiert sich) ложные или кажущиеся движущие силы. Так как это есть мыслительный процесс,

то он выводит (leitet... ab) его содержание и его форму из чистого мышления, или своего собственного, или же из мышления своих предшественников. Он работает исключительно с мыслительным материалом (mit blossen Gedankenmaterial), который он некритически (unbesehen) принимает как продукт мышления и не исследует далее, вплоть до более отдаленного, от мышления независимого, процесса; все это ему кажется само собою разумеющимся, так как для него всякое действие—ибо оно опосредствовано мышлением—кажется в последней инстанции и обоснованным в этом мышлении"... Отсюда „этот мираж (dieser Schein) самостоятельной истории государственных конституций, правовых систем, идеологических представлений в каждой данной специальной области, который, прежде всего, слепит многим глаза" (см. Mehring: Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. 5. Aufl. Stuttgart 1913, Erster Band. S. 386).

Другим обычным возражением против нашей теории служит такое толкование ее: в действительности, мол, существует лишь одна экономика, а остальное все пустяки, нечто вроде иллюзии, тумана, миража, который слепит глаза, а на самом деле ничего из себя не представляет; иначе,—это воззрение излагает исторический материализм так: существуют различные „факторы" (действующие силы) в истории: экономика, политика, искусство и т. д.; одни из этих факторов очень важные, другие—неважные; экономический „фактор" есть единственно важный „фактор", а остальные—как у собаки пятая нога. Изложив марксистский взгляд таким образом, затем принимаются его с горячностью опровергать, резонно доказывая, что есть вещи и кроме экономики, которые тоже кое-что значат. Такой взгляд на значение идеологии абсолютно неправилен,—ложен в корне. Надстройки вовсе не „пустяк", не имеющий значения. Мы уже приводили примеры этому: разрушьте капиталистическое государство—у вас станет невозможным капиталистическое производство; уничтожьте современную науку—тем самым уничтожите и крупное производство с его техникой; устраните средства человеческого общения, язык и литературу—общество не сможет существовать и распадется. Значит, бессмысленно утверждение, будто теория исторического материализма отрицает значение надстроек вообще и идеологий в частности. Вопрос для сторонников нашей теории (теории исторического материализма) заключается вовсе не в том, чтобы „отрицать" идеологии и надстройки вообще, считать их за несуществующую величину или величину, не имеющую никакого значения,

а в том, чтобы объяснить их. А это далеко не одно и то же, как мы уже знаем из главы о детерминизме и индетерминизме.

То же самое неправильно рассуждать и с точки зрения важности „факторов": экономика, мол, важный „фактор", а, скажем, политика или наука фактор „неважный". Такая постановка вопроса может расплодить массу недоразумений. Ибо, в самом деле, что сказать о важности „факторов", когда без капиталистической политики капиталистическая экономика существовать не может? Ставить во главу угла вопрос о важности, это все равно, что задавать примерно такие вопросы: что важнее, курок или ствол? левая рука или правая нога? часовая пружинка или часовое зубчатое колесо? и т. д. В некоторых случаях, правда, можно сказать о том, что одно важнее другого (напр., экономика, несомненно, важнее танцев), а в других нельзя. Это происходит потому, что во всякой системе могут быть части, одинаково необходимые для существования целого. Курок так же важен, как ствол (в курковом ружье, разумеется), иногда небольшой винтик в механизме так же важен, как и всякая другая необходимая его часть, ибо без этого винтика наш механизм—не механизм. Такой же ответ мы получим, если будем рассматривать, как это мы делали выше, „надстроечный" труд, как часть совокупного общественного труда. Для современной промышленности: что важнее, металлургия или горное дело? Вопрос нелеп: „оба важнее". Что важнее: непосредственный материальный труд или труд по управлению хозяйством? Одно без другого немыслимо для определенных стадий развития. Следовательно, неправильно излагать дело так, как будто бы речь идет о „факторах", имеющих только разное значение в смысле важности. Это—неправильная, путаная и сбивающая с толку постановка вопроса. „В истории развития общественной науки эта теория (т.-е. теория факторов. *Н. Б.*) играла такую же роль, как теория отдельных физических сил в естествознании. Успехи естестознания привели к учению об единстве этих сил, к современному учению об энергии. Точно так же и успехи общественной науки должны были повести к замене теории факторов, этого плода общественного анализа, синтетическим взглядом на общественную жизнь" (Н. Бельтов: О мате-

риалистическом понимании истории.—„Критика наших критиков", стр. 313). Таким образом теорию факторов приходится отвергнуть. Но какой же смысл тогда остается в разграничении материального производства и надстроек? И как тогда нужно понимать соотношение между ними?

Все дело заключается в различном характере функций. Область управления производством играет другую роль, чем область самого производства. Какую? Оно устраняет трения, сдерживает противоречия, систематизирует и координирует отдельные элементы работы, или, выражаясь обычно, создает определенный строй работы, определенный „порядок". То же самое и в других областях. Мы видели, напр., что мораль, нравы и тому подобные нормы координируют действия людей, удерживая их в известных рамках так, что общество не разваливается на свои составные части. Наука? Наука тоже: эта отрасль труда указывает в конечном счете (если речь идет об естественных науках) пути производственному процессу, повышая его эффект и регулируя, упорядочивая его ход. А философия? Мы опять видели уже, в чем ее истинное значение. Разделение труда между науками порождает различные противоречия между ними. Их координирует, вносит в них порядок и связность (или пытается внести этот порядок) философия.

Она сама вырастает из наук подобно тому, как управление производством вырастает из производства, взятого само по себе (в этом смысле это есть не „первичное", а „вторичное", не „основное", а „производное" явление); но, с другой стороны, она до известной степени управляет науками, ибо вносит в них так называемую „общую точку зрения", или „метод", и т. д.

Или возьмем еще один, уже приводившийся, нами пример: язык. Язык, как мы видели, вырастает из производства, развивается под влиянием общественного развития, т.-е. в своем развитии определяется закономерностью развития общества. Но в чем его роль? Он согласует (координирует) действия людей: ибо взаимное понимание и есть наиболее простой вид согласования и координирования отношений, действий, отчасти чувств и т. д.

Этих примеров достаточно, чтобы видеть основной смысл разграничения между областью материального производства и

областью идеологического и всякого „надстроечного“ труда, ибо соотношение между ними заключается в том, что идеологический труд, будучи производной величиной, в то же время является регулирующим началом. По отношению ко всей совокупности общественной жизни разница коренится в разнице функций.

Отсюда совершенно ясным становится и следующий вопрос, а именно, вопрос об „обратном влиянии“ надстроек на экономический базис и производительные силы общества. Сами они (надстройки) порождены экономическими отношениями и производительными силами, определяющими эти отношения. Но влияют ли они на них с своей стороны? После вышесказанного ясно, что не могут не влиять. Они могут быть силой развития, они—при определенных условиях могут стать тормозом развития. Но так или иначе они всегда влияют обратно и на экономический базис, и на состояние производительных сил. Другими словами, между различными рядами общественных явлений происходит непрестанный процесс взаимодействия. Причина и следствие меняются местами.

Но если мы признаем взаимодействие, то что же станет с основами марксистской теории? Ведь на точке зрения взаимодействия стоит большинство буржуазных ученых. И как тогда быть с тем, что основой анализа должны служить производительные силы и производственные отношения? Не разрушаем ли мы своими руками то, что строили на предыдущих страницах?

Эти сомнения, конечно, могут тотчас нахлынуть на читателя. Однако они будут несерьезны. Ибо, при всех взаимодействиях, переплетающихся влияниях и т. д. остается неизменным одно: в каждый данный момент внутреннее строение общества определяется соотношением этого общества с внешней природой, т. е. состоянием общественных материальных производительных сил; изменение же формы определяется движением производительных сил. „Теория взаимодействия“ ограничивается тем, что признает это взаимодействие. Дальше этого она не идет. Мы же видим, что все бесчисленные процессы, происходящие внутри общества, бесконечные перекрещивающиеся влияния, столкновения, сплетения сил и

элементов общества,—что все это проходит в общих рамках, данных соотношением между обществом и природой Пусть наши противники попробуют опровергнуть это положение, которое в общем виде было известно еще Гёте, писавшему в „Метаморфозах животных“:

Всюду меняются способы жизни, согласно устройству,
Всюду устройство меняется, способу жизни согласно;
Вечный порядок божественный [1]) правит созданиями всеми,
Вечно они изменяются, внешним покорны влияниям.
(Alle Glieder bilden sich aus nach ew'gen Gesetzen,
Und die seltenste Form bewahrt im Geheimen das Urbild.
Also bestimmt die Gestalt die Lebensweise des Tieres
Und die Weise zu leben, sie wirkt auf alle Gestalten
Mächtig zurück. So zeiget sich fest die geordnete Bildung,
Welche zum Wechsel sich neigt durch äusserlich wirkendes Wesen.)

Это положение неопровержимо. А тем самым ясно, что анализ должен итти именно от производительных сил; что бесконечные взаимозависимости между различными частями общества нисколько не устраняют основной (действующей „в последнем счете“), самой глубокой зависимости всех общественных явлений от развития производительных сил; что множественность причин, действующих в обществе, нисколько не противоречит существованию одной единой закономерности общественного оазвития.

Мы не можем приводить здесь отдельных возражений различных буржуазных ученых, им же имя легион. По сути дела они до смерти скучно пережевывают одно и то же. Приведем для примера одну из последних „критических“ попыток. Вот как излагает проф. В. М. Хвостов учение Маркса: „Оно состоит, в общем (!), в том, что среди всех исторических факторов (!) на первое место выдвигается фактор экономический (!)... все остальные явления складываются под односторонним (!) влиянием экономических отношений“ (проф. В. М. Хвостов: Теория исторического процесса, стр. 315). После сказанного в тексте нечего пояснять, насколько верно г. Хвостов излагает теорию Маркса. В интересах справедливости следует сказать, что это не исключение. Наоборот, чем с большей ученостью „опровергают“ Маркса, тем с большим невежеством его излагают.

А вот образец „опровержения“ (тем же профессором): „Я думаю (!), что человеку свойственны стремления самые разнообразные. Во-

---

[1]) Слова „божественный“ нет у Гете. Его употребляет лишь переводчик (Холодковский).

первых, он заботится о поддержании своего физического существования и для этого предпринимает известные действия. Во-вторых, он заботится о познании окружающего мира и самого себя, и это стремление присуще ему, независимо от всяких материальных расчетов. В-третьих, человек имеет и такие потребности, как, напр., стремление к власти, стремление к свободе. Есть у людей потребности религиозные, эстетические, потребности в симпатии окружающих и т. д.“ (ibidem, стр. 319—320). Подав такой винегрет из потребностей, г. Хвостов делает вывод, что „монистическое (т.-е. целостное, исходящее из чего-нибудь одного. *Н. Б.*) объяснение... невозможно“. А между тем на одном этом примере с Хвостовым можно показать и всю вздорность хвостовской (чрезвычайно распространенной среди „ученых“ всего мира) постановки вопроса и необходимость именно монистического объяснения. В самом деле, что это такое, как не издевательство над научной мыслью, когда религия, власть и т. д. берется в качестве вечных категорий? Автору и в голову не приходит поставить вопрос об их объяснении. Существует на свете религия. Чем же она объясняется? Да религиозной потребностью. Есть на свете власть. Отчего? Да вот потребность в власти существует. Разве это не „объяснение“ сна „усыпительной силой“? Разве это хоть что-либо объясняет? Так можно „без задеву“, и ни минуты не думая, „объяснить“ все, что угодно: государство объясняется потребностью в государстве, искусство—потребностью в искусстве, цирк—потребностью в цирке, хвостовские объяснения—потребностью в хвостовских объяснениях, пешее хождение—потребностью в пешем хождении и т. д. до бесконечности. Но такая „теория исторического процесса“ не стоит и ломаного гроша „Человеку свойственно стремление к свободе“. Да ведь это же неправда! Возьмите Николая II во время его царствования. Было ему и его классу свойственно „стремление к свободе“? Конечно, нет. Значит, не всем людям, вопреки Хвостову, свойственно это благородное стремление. А как только вы это увидели, сейчас ставится сам собою вопрос: почему же у одних людей сие стремление есть, а у других нет? И тогда придется обращаться — о, ужас! — к условиям их существования и т. д. То же и с другими хвостовскими „разнообразными потребностями“. Протестуя против монистического (целостного) объяснения, ученые буржуазии протестуют по сути дела против объяснения вообще.

§ 42. Формирующие принципы общественной жизни. Мы подошли теперь к одному общему вопросу, который всплывает перед нами после всех вышеприведенных рассуждений. Этот вопрос состоит вот в чем. Мы видели, что общественная психология, идеология, экономика отличаются некоторыми типичными чертами. Нельзя ли уловить эти черты? Нельзя ли из хаоса, из настоящего моря хозяйственных, политических, общественно-психологических, идеологических явлений вылущить

основное, решающее, выискать то, что составляет отличительную черту „данного времени“, данной „эпохи“? Не окажется ли здесь, что связь всех общественных явлений между собою будет проявляться в том, что различные общественные явления будут иметь между собою нечто общее? Ведь видели же мы, что все они определяются „в конечном счете“ производительными силами и производственными отношениями? Как же кратко выразить эту связь? И как приступить к выполнению этой задачи?

Возьмем одно из наиболее „тонких“ и „сложных“ явлений духовной жизни, искусство. Мы видели, что оно в каждую данную эпоху имеет свой особенный „стиль“, т.-е. особый характер, выраженный в особых формах. Эти особые формы (вспомним, например, египетское искусство) соответствуют особому содержанию, это содержание—определенной идеологии, эта идеология—определенной психологии, эта психология—определенной экономике, эта экономика—определенной ступени производительных сил.

Но если мы во всех областях общественной жизни видим определенность форм, не можем ли мы говорить о том, что все области жизни имеют свой „стиль“? Конечно, можем. Можно говорить о „стиле“ науки с таким же правом, как и о стиле искусства. Можно говорить о стиле жизни, т.-е. о типичных особенных формах этой жизни (см., напр., о „стиле жизни“ у Зиммеля: Philosophie des Geldes, S. 480); можно говорить в известном смысле о стиле общественной экономики, — и тогда под стилем этой экономики будет разуметься не что иное, как то, что Маркс называет „производственными отношениями“, „способом производства“, или „экономической структурой общества“. Как стиль какой-нибудь постройки определяется определенным сочетанием элементов этой постройки, точно так же и „стиль“ общественной экономики выражается в особенностях производственных отношений, в „особом виде и способе“, путем которого соединены элементы общественного целого („Особый вид и способ, в которых производится это соединение, различает особые экономические эпохи общественной структуры“—K. Marx, Das Kapital, II, S. 12). Но на-ряду со „способом производства“ (Produktionsweise) существует и „способ представления“ (Vorstellungsweise“, как

его называет Маркс). Это есть „стиль“ идеологии данной эпохи вообще, т.-е. тот особый **способ сочетания** идей, мыслей, чувств, образов, который характерен для определенной эпохи, „одинаковость форм (Gleichförmigkeit) научного мышления, миросозерцания и воззрения на жизнь (der Welt- und Lebensauffassung)“—как выражается проф. **Марбе** (**Karl Marbe**: Die Gleichförmigkeit in der Welt. Untersuchungen zur Philosophie und positiven Wissenschaft. Beck'sche Verlagsbuchhandlung München 1916. S. 86).

Таким образом, мы подошли к тому, чтобы сопоставить между собою „способ производства“—с одной стороны, „способ представления“—с другой. Иными словами: мы подошли к тому, чтобы сопоставить экономический „стиль“ данного общества с его идеологическим „стилем“. Допустимо ли такое сопоставление? Из всего того, что мы видели при рассмотрении надстроек вообще и идеологий—в частности, вытекает с абсолютной несомненностью, что мы имеем на это полное право.

Поясним примером. Возьмем феодальное общество. Его **экономический** „стиль“ можно выразить принципом прочной **иерархии**, или—что то же—идеей **ранга**. Вот как характеризует феодализм **Маркс**: „Вместо независимого человека мы находим здесь каждого в состоянии зависимости—крепостных и землевладельцев, вассалов и сеньеров (Lehnsgeber), светских и попов. Личная зависимость характеризует в такой же решающей степени (ebenso sehr) общественные отношения материального производства, как и построенные на нем (другие) сферы жизни“ (Kapital, B. I, S. 43). Эта характеристика экономики и других „сфер жизни“ и есть „стиль“ эпохи. Иерархическая зависимость (ранг) в экономике, иерархическая зависимость в других сферах жизни“, иерархический „стиль“ **всей** идеологии. В самом деле, разве мы не видели, что все мышление людей было религиозно? А ведь религия есть такая система мыслей, где все объясняется по **способу** иерархии, **ранга**. Наука проникнута идеей ранга, искусство проникнуто идеей ранга, что находит свое выражение и в его стиле. Ранг—это „стиль“ **всей** жизни. И в единстве этого стиля и сказывается зависимость „способа представления“ (Vorstellungsweise) от „способа производства“, „системы идей“ от „системы людей“, которая в свою очередь определяется „системой вещей“, т.-е. общественно-материальными производительными силами.

Вот такой стержень стиля, как в данном случае иерархия, или ранг, можно назвать „формирующим принципом общественной жизни". Мы видим, что он имеет своей основой производственные отношения.

Это единство жизненного „стиля" настолько бросается в глаза, что к этому вопросу вплотную подходит ряд даже буржуазных ученых. Так, напр., Карл Лампрехт создает учение о „доминанте", т.-е. о господствующем типе психологии, которая меняется в связи с условиями эпохи, при чем старая доминанта разрушается и появляется затем новая, создается новый „стиль жизни" (см. Karl Lamprecht: Moderne Geschichtswissenschaft. 3 Auflage. Berlin 1920).

В связи с вопросом о формирующих принципах довольно просто решается и вопрос, поставленный Гаммахером. Этот ученый делает такое главное возражение против теории исторического материализма: „Все время остается проблематичным, почему только экономические отношения находят себе доступ к исторической душе (Emil Hammacher:, Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus. Leipzig, Duncker u. Humblot, 1909, S. 178). Загадка решается просто. На людей влияют не только экономические воздействия, но все, что имеется в сфере их опыта. Общие же формирующие принципы определяются производственными отношениями, которые поэтому и „отражаются" в идеологических областях. Лучше всего можно видеть это на религии. Конечно, и свет солнца, и гром, и смерть, и сон, и прочие явления,—все это „имело доступ к исторической душе". Но идея божества, „высшей силы", „ранга" в мироздании появилась лишь вместе с появлением ранга в общественной жизни. В эту рамку вставлялись все „подходящие" явления, в том числе сон и смерть. Или: в кровавых деспотиях часто главным богом был бог войны. Так как он был богом войны, то он тем самым становился и богом грома и молнии, как наиболее страшных, „военных" сил природы. Гроза и проч. производили впечатление в „исторической душе", но формировали этот материал рамки общественных отношений. Можно задать вопрос, почему же общественные отношения формируют этот материал? Где здесь внутренние сцепки? Да очень просто. Это происходит потому, что общественная среда имеет в производственных отношениях свою жизненную основу. „... Одинаковость форм психических явлений можно свести на одинаковость форм в условиях этих явлений". Ряд фактов из этой области „являются продуктами культуры. Губер (Huber) показал, что при опытах с ассоциациями качество слов-реакций между прочим зависит от профессии и образа жизни (Lebensgewohnheiten) лиц, подвергавшихся опыту" (K. Marbe, l. c., S. 52), т.-е. ответы на одинаковые вопросы (напр., на предложение назвать какое-нибудь, все равно какое, слово) получались в зависимости от „образа жизни" испытуемых лиц. Удивительно ли после этого, что общественная психология и идеология зависят от „способа производства материальной жизни" и вместе с ним от производительных сил?

§ 43. **Типы экономических структур и типы различных обществ.** Рассматривая вопрос об обществе, мы натыкаемся на определенные исторические типы общества. Что это значит? Это значит, что не существует общества „вообще“; что на самом деле общество существует всегда в какой-нибудь определенной исторической оболочке, носит на себе, если выражаться на чиновничьем языке, мундир своего времени. Это вполне понятно. Мы знаем, что общество (любое общество) есть совокупность находящихся в постоянном взаимодействии людей, при чем эти многочисленные взаимодействия опираются, как на свою основу, на трудовые взаимодействия людей, на систему производственных отношений, если брать эти трудовые взаимодействия в каждый данный момент. Но эта система производственных отношений есть совокупность расположенных на определенный манер людей, людей, связанных не просто трудовой связью, а определенным типом трудовой связи. Поэтому ясно, что общество существует лишь на определенном трудовом базисе, а так как этому определенному базису, определенному „способу производства“ соответствует и определенный „способ представления“, то понятно также, что тем самым дан и тип всего общества, общества в его целом, а не только в его материально-производственной или экономической части. Техника общества связана со способом производства, способ производства—со способом представления, и эта связь материально-вещественной, людской и духовной системы делает из общества определенный общественный тип. Точно так же как в животном мире мы различаем различные виды животных, различные породы, семейства и т. д., так в социологии мы различаем разнообразные породы обществ. Об этом мы говорили неоднократно и раньше. Здесь же нам нужно подчеркнуть основную мысль этого параграфа, а именно то, что это различие общественных „пород“, общественных типов может быть без труда прощупано не только в экономической сфере, но и в любом ряду общественных явлений. Тип общества можно распознать и по его идеологии, и по его экономике. От феодального искусства можно сделать заключение к феодальным производственным отношениям, от феодальных производственных отношений можно сделать заключение к фео-

дальному искусству, или религии, или характеру мышления вообще, и т. д. и т. п. Поэтому, например, расшифровывая какие-либо литературные памятники, откапываемые археологами, мы можем рисовать себе различные стороны жизни исчезнувших народов, догадываться о их жизненном укладе. Читая кодекс Хаммураби, мы воскрешаем хозяйственную жизнь Вавилона, по Илиаде и Одиссее можем судить о ранне-греческой истории и проч.

Таким образом, исторические формы общества, определенность этих форм касаются не только экономического базиса, но всей совокупности общественных явлений, ибо экономическая структура определяет собой и структуру политическую, и структуру идеологическую. Раз дано одно, дано и другое. Из этого, конечно, не следует, что один тип общества отделен от другого такими резкими границами, при которых у этих различных обществ нет общих элементов. „Абстрактно-узкие пограничые линии так же мало разграничивают эпохи истории человеческого общества, как и эпохи истории земли" (Kapital, I, S. 335). Наоборот, в действительной жизни мы в каждом новом общественном типе, при каждой новой общественной структуре находим иногда очень крупные, играющие большую роль остатки старых экономических формаций. Если мы возьмем, например, современное капиталистическое общество, то мы найдем массу остатков прежних экономических укладов. Целый обширный слой крестьянства с его хозяйственным бытом есть, в сущности, остаток феодальной эпохи; то же с ремеслом и т. д. „Чистый" капитализм предполагает буржуазию и пролетариат и не предполагает крестьян, ремесленников и проч. Раз в экономической структуре нет и не может быть такой „чистоты", то само собой разумеется, что и в области идеологической неизбежно будет известное „смешение идей". Другими словами: в капиталистическом обществе можно найти сколько угодно следов феодальной идеологии, напр., у поземельной аристократии и у крестьянства, у „сельских классов", опирающихся на прежние аграрные отношения, которые еще сохранили кое-какие старинные черты. „...В теории предполагается (здесь речь идет о теории капиталистического хозяйства. *Н. Б.*), что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде (sich

rein entwickeln). В действительности же всегда имеется лишь приближение; но это приближение тем больше, чем больше развит капиталистический способ производства и чем больше исчезает загрязнение и переплетение с остатками прежних экономических состояний“ (Kapital, III[I], S. 154.) Вместе же с переплетением хозяйственных форм неизбежно будет и переплетение форм идеологических. Вот почему никогда не бывает ни абсолютно целостного „способа производства“, ни тем более абсолютно целостного „способа представления“. (Мы говорим „тем более“ потому, что „способ представления“ различен у различных классов, даже принадлежащих к одной и той же экономической структуре, взятой в ее девственной чистоте.) Однако из этого вовсе не следует, что мы не можем и не должны различать отдельные типы производственных отношений и идеологических форм. Ибо в любом действительно существующем обществе всегда господствует определенный тип отношений производства, и поэтому господствует и определенный „способ представления“. Таким образом прав В. Зомбарт, когда он говорит: „Я отличаю эпоху в хозяйственной жизни по духу хозяйственной жизни в зависимости от того, господствовал ли в определенное время определенный дух“ (W. Sombart: Der Bourgeois, S. 6).

Точно так же Маркс, говоря о капитализме, говорил об „общественной форме, в которой господствует („vorherrscht“) капиталистический способ производства“ (ср. „Theorien über den Mehrwert“, I, S. 424). Как в мире животных мы отличаем обезьяну от человека, несмотря на то, что у них есть черты сходства, так и при рассмотрении общественных форм мы различаем одну форму от другой, несмотря на эти общие черты, несмотря на то, что у „высших“ форм мы часто встречаемся даже с совершенно бесполезными, на первый взгляд непонятными, остатками старых видов (так называемые „рудименты“).

В III главе этой книжки мы уже говорили о том, что при рассмотрении общества необходимо различать его общественную форму, которая коренится в особенностях экономической структуры. Эта точка зрения вызывала не раз упорное сопротивление со стороны официальной буржуазной науки, которой была противна мысль о всяком коренном переустройстве общественных отношений. Что суть дела именно в этом, признают теперь и сами буржуазные ученые

Так, D-r Bernard Odenbreit пишет: „У Маркса, как это вполне естественно для „революционера“, был особо острый глаз на исторический, преходящий характер всех общественных учреждений. К этому общему взгляду в области социальных наук (zu dieser allgemein gesellschaftswissenschaftlichen Einsicht) присоединяется сознательно критический взгляд (Besinnung) на более узкую область политической экономии...“ (Plenge: Staatswissenschaftliche Beiträge. Heft I. B. Odenbreit: Die vergleichende Wirtschaftstheorie bei Karl Marx. Essen a. d. R., Verl. Baedeker, 1919, S. 15. Курсив наш). Вот именно! „Острый глаз“ на то, что изменяется, неизбежно будет только у революционеров. В этом, как мы знаем, и коренится одна из главных причин превосходства общественных наук революционного пролетариата над общественными науками контр-революционной буржуазии.

Если мы возьмем наиболее раннюю из известных форм общества, так называемый „первобытный коммунизм“, то типу производственных отношений, где хозяйствующая „личность“ еще не выделилась из „орды“, соответствуют и „формы сознания“: нет религии, нет идеи ранга, нет даже идеи личности, отдельного, особого, индивидуального. А посмотрите на так называемое „феодальное общество“, „существенные черты которого состоят, с одной стороны, в раздроблении страны на множество самостоятельных владений, княжеств и привилегированных боярщин-сеньерий и, с другой стороны, в объединении этих владений договорными, вассальными связями“ (Н. П.-Сильванский: „Феодализм в древней Руси“. Спб., 1907, стр. 45.) Здесь стиль экономики—иерархический; стиль „политики“—такой же иерархический, „стиль“ идеологии—тоже. Как мы видели уже, во всем господствует идея ранга. В основе лежит крупное землевладение („nulle terre sans seigneur“, „нет земли без господина-хозяина“—такова поговорка, характеризующая этот экономический строй), косное и неподвижное. Экономические связи—связи между помещиками и крепостными, устойчивые, неподвижные, неизменные с точки зрения членов феодального общества: все „закреплено“, „прикреплено“ к своему месту в иерархической системе: всяк сверчок да знает свой шесток. То же и в политической надстройке, которая выражала эти производственные отношения.

„Иерархизирующая тенденция феодальной жизни возведена на степень теории и системы юристами XIII в. (речь идет здесь о европейском феодализме. *Н. Б.*)... Проповедникам ясно го-

ризонтальное деление общества, как целого, хотя и распадающегося на господ и хамов. Они указывают сервам на слова апостола, приказавшего рабам повиноваться своему господину. Бог установил на земле „королей, герцогов и других людей, которым повелел повелевать прочими. Они поставлены Богом, дабы малые зависели от сильных“ (Л. П. Карсавин: Культура средних веков. Книгоиздательство „Огни“. Петроград 1918, стр. 99.) Все мировоззрение религиозно, т.-е. проникнуто принципом ранга, или, как выражаются еще, „авторитарно“; отсюда же его неподвижность, традиционализм (господство традиции, раз-на-всегда данного, твердо установленного); наука есть, главным образом, толкование предания и св. писания, искусство—„божественно“ и возвеличивает в форме и содержании „высшие“ силы, небесные и земные; господствующая мораль и обычай—мораль феодальной верности, дворянской гордости, почтения к славным заветам предков, уважения к „благородству“ и „благородному происхождению“; „quod licet Jovi, non licet bovi“ (что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку). Словом, перед нами особый общественный „вид“, особая форма общества, начиная с его материального базиса и кончая самыми „высокими“ формами общественного сознания.

Посмотрим теперь на капиталистическое общество. Его экономической основой служит совсем другой тип отношений. „Противоположность между властью поземельной собственности, покоящейся на личных отношениях господства и порабощения (Knechtschafts-und Herrschersverhältnissen), и безличной властью денег прекрасно выражена (ist klar gefasst) в двух французских пословицах: Nulle terre sans seigneur. L'argent n'a pas de maître“ (Нет земли без господина-хозяина. У денег нет хозяина. Маркс, Капитал, I.) В этом положении Маркса вскрыта одна из основных экономических зависимостей капиталистического общества, а именно связь предприятий через рынок, откуда и вырастает безличная сила этого рынка и безличная, „абстрактная“, сила денег. Однако есть и другая сторона дела. Безличная общественная сила денег, превращенных в капитал, все же находит себе хозяина, поскольку простое товарное производство превращается в капиталистическое производство.

„Подобно тому, как в золоте стираются все качественные различия товаров, оно, в свою очередь, как радикальный левеллер [1]), стирает всяческие различия. Но деньги—сами товар, внешняя вещь, которая может стать собственностью всякого человека. Общественная сила становится таким образом частной силой частного человека“ (там же, гл. о деньгах, § об образовании сокровищ). А отсюда вытекает другая черта экономики капиталистического общества, его иерархичность. Эта черта тоже блестяще характеризована Марксом. Он пишет в главе о кооперации (I том „Капитала“): „По форме своей капиталистическое руководство деспотично. По мере развития кооперации в широком масштабе и деспотизм этот развивает своеобразные, присущие ему формы... Капиталист освобождается от ручного труда, как только капитал его достигает той минимальной величины, при которой становится возможным капиталистическое производство в собственном смысле этого слова. Подобным же образом и функция непосредственного и постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих переходит затем к особой категории наемных работников. Как армия нуждается в иерархии (курсив наш. *Н. Б.*) военных командиров, точно так же для массы рабочих, объединенных совместным трудом под командой одного и того же капитала, нужны промышленные обер-офицеры (управляющие, managers) и унтер-офицеры (мастера, foremen, overlookers, contremaîtres), распоряжающиеся во время процесса труда от имени капитала. Работа надзора закрепляется, как их исключительная функция“.

Таким образом капиталистический способ производства носит двойственный характер: с одной стороны, это совокупность отдельных, частных хозяйств, „предприятий“, которые связаны друг с другом анархической рыночной связью через обмен, при чем стихийная сила рынка господствует над каждым хозяйством в отдельности; с другой,—это иерархическая система „команды капитала“. Немудрено, что на основе такого способа производства вырастает и соответствующий способ представления. Его „стиль“ должен отражать в себе эту двойственность. И действительно, „способ предста-

---

[1]) Левеллерами назывались английские революционеры-„уравнители“.

вления“ в капиталистическом мире отличается, с одн й стороны, тем, что Маркс назвал товарным фетишизмом, с другой—тем же принципом „ранга“, который мы наблюдали и в феодальном обществе. Из сочетания этих „формирующих принципов“ и получается основной стиль господствующего в капиталистическом мире „способа представления“.

Что же такое товарный фетишизм?

В товарно-капиталистическом обществе предприятие работает „самостоятельно“ на неизвестный рынок. По сути дела всякий труд здесь является частицей общественного труда, и каждая такая частица зависит одна от другой. Но это происходит в такой форме, что общественная связь между людьми, которые фактически работают друг на друга, ускользает от людского взора. Если бы перед нами было социалистическое общество, где все идет по плану, тогда всем было бы ясно, что люди работают друг на друга, что всякий отдельный вид труда есть лишь частичка совокупного общественного труда и т. д. Отношения между людьми были бы ясными, здесь не было бы напущено никакого тумана. Совсем другое в капиталистическом мире. Здесь этой трудовой связи между людьми не видно. Она скрыта от людей. Чем же она скрыта? Сутолокой рынка. На рынке движутся, покупаются и продаются вещи, товары. Но не люди господствуют разумно над рынком, а рынок господствует со своими ценами над людьми. Люди видят движение вещей и не понимают при этом того, что они работают друг на друга, что все они связаны общей трудовой связью. Эта их трудовая связь представляется им в виде особой чудесной силы вещей-товаров, в виде „ценности“ этих товаров. Отношения между людьми представляются им отношениями между вещами. Это и есть товарный фетишизм, наделение чудесными свойствами вещей, под движением которых в действительности скрыта взаимная работа людей. Вот этот фетишизм, когда „определенное общественное отношение самих людей... принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами“ (Маркс), и составляет отличительную особенность капиталистического „способа представления“. Мы видели уже, как буржуазные ученые, художники, философы и т. д. возмущаются, если говоришь об общественных корнях науки, искусства и философии. Они—насквозь фетишисты. Ибо

они не видят общественной связи; они не могут понять, что их вдохновенный, божественный труд есть тоже часть совокупного общественного труда.

Фетишизм капиталистического мира чрезвычайно выпукло проявляется в области так называемых моральных норм или „этики“, о которой больше всего любят разговаривать ученые профессора. Мы уже выяснили, что этические нормы суть правила поведения, необходимые для поддержания общества, или класса, или профессиональной группы и т. д. Они имеют необходимое общественное, служебное значение. Между тем в фетишистском обществе это их значение людское и общественное, не сознается. Наоборот, эти нормы, т.-е. технические правила поведения, представляются „долгом“, который висит над людьми, как какая-то внешняя принудительная божественная сила: этот неизбежный фетишизм этики прекрасно выражен у буржуазного философского гения И. Канта в его учении о „категорическом императиве“.

Совсем иначе должен смотреть на дело пролетариат. Он не может быть проповедником капиталистического фетишизма. Для него нормы его поведения есть такие же технические правила, как для столяра, который делает табуретку. Если столяр хочет сделать табуретку, он будет строгать, пилить, склеивать и т. д. Это вытекает из самого процесса работы. Он не будет смотреть на правила обработки дерева, как на нечто ему чуждое, взятое из какого-то потустороннего мира, который им повелевает. Точно так же и пролетариат в своей общественной борьбе. Если он хочет добиться коммунизма, то ему нужно сделать то-то и то-то, как столяру, делающему табуретки. И все, что целесообразно с этой точки зрения, то и следует делать. „Этика“ превращается у него мало-по-малу в простые и понятные технические правила поведения, нужные для коммунизма, и поэтому по сути дела перестает быть этикой. Ибо самое существо этики в том и состоит, что это есть нормы, которые обхвачены фетишистской оболочкой. Фетишизм есть существо этики. Там, где исчезает этот фетишизм, там исчезает и этика. Никому не придет в голову, напр., называть устав кооперативной лавки или партии „этическим“ или „моральным“. Потому что здесь всякому понятен их человеческий смысл. Этика же предполагает фетишистский туман, в котором многие теряют дорогу. Таким образом пролетариату нужны нормы поведения и притом очень отчетливые, но ему совсем не нужна „этика“, т.-е. фетишистский соус к полезной еде. Само собой разумеется, что и пролетариат не сразу освобождается от фетишизма товарного общества, в котором он живет. Но это уже другой вопрос.

Фетишизм товарно-капиталистической идеологии сочетается с принципом „ранга“, и эти два основных формирующих принципа образуют стержень капиталистического способа представления, ту раму, в которую вставляется идеологический материал. Таким образом и капиталистическое общество есть осо-

бый вид общества, с особыми, характерными чертами во всех „этажах“ общественной жизни, кончая самыми высокими идеологическими построениями. Таким образом тип экономической структуры предполагает и тип социально-политической структуры, и тип структуры идеологической. Общество имеет один основной „стиль“ во всех господствующих проявлениях своей жизни.

§ 44. Противоречивый характер развития; внешнее и внутреннее равновесие общества. Мы рассмотрели в предыдущих параграфах явления общественного равновесия. Но мы при этом не должны ни на минуту упускать из виду того обстоятельства, что у нас речь идет о подвижном равновесии, т.-е. о таком положении вещей, когда равновесие постоянно нарушается, вновь восстанавливаясь уже на иной основе, снова нарушаясь и т. д. Другими словами, перед нами противоречивый процесс, перед нами не состояние покоя и не состояние абсолютной приспособленности, а борьба противоположностей, диалектический процесс движения. Поэтому, когда мы рассматриваем строение общества, т.-е. соотношение между его частями, то мы вовсе не должны себе представлять какой-то полной гармонии между этими частями. Ибо во всякой структуре есть свои противоречия, а во всякой классовой общественной форме эти противоречия чрезвычайно сильны. Между тем те из буржуазных социологов, которые видят связь различных общественных явлений друг с другом, совершенно не понимают внутренней противоречивости общественных форм. В этом отношении любопытна вся школа „основоположника“ буржуазной социологии Огюста Конта. Связь всех общественных явлений у него есть (так наз. „консензус“), и в этом выражается „порядок“. Но противоречия этого „порядка“, а в особенности такие противоречия, которые ведут этот порядок к неизбежному крушению, не являются предметом анализа. Наоборот, для сторонников диалектического материализма эта сторона дела является одной из существеннейших сторон, если не самой существенной. Ибо, как мы знаем уже, именно противоречия данной системы и есть то, что „движет“, то, что приводит к изменению форм, к своеобразному изменению, превращению („трансформации“) видов в процессе общественного развития или общественного упадка.

При рассмотрении общественного строения мы видели, что его изменения связаны с изменением того отношения, которое существует между обществом и природой. Условно мы назвали это последнее равновесие *внешним* равновесием, в то время как равновесие между различными рядами общественных явлений мы назвали *внутренним* равновесием общества. Если посмотреть теперь на все общество с точки зрения *противоречивости* развития, то перед нами сейчас же появляется ряд вопросов: прежде всего, мы увидим, что внутри *каждого ряда* общественных явлений есть свои противоречия (напр., в экономике противоречия между различными трудовыми функциями, в социально-политической структуре противоречия между классами, в идеологии противоречия между классовыми идеологическими системами и т. д., не говоря о ряде других противоречий); затем мы без труда различим противоречия между экономикой и политикой (когда, напр., правовые нормы „отстали" от экономического развития, и назревает, скажем, какая-нибудь „реформа"), между экономикой и идеологией, между психологией и идеологией (когда, напр., уже чувствуется, что нужно что-то новое, а это новое еще не уложилось, не отлилось в идеологическую форму), между наукой и философией и т. д. Это суть противоречия *между рядами разных общественных явлений*. И то, и другое относится к внутреннему равновесию. Но есть противоречие между обществом и природой, нарушение равновесия между обществом и окружающей средой, что находит свое выражение в движении производительных сил. Это — область *внешнего равновесия*. Мы знаем уже, что есть еще один чрезвычайно важный случай противоречия. Это *противоречие между движением производительных сил и общественно-экономической* (а вместе с ним и всякой иной) *структурой общества*. Здесь вступает в конфликт то отношение, которое существует между обществом и природой, с теми отношениями, которые сложились внутри общества. Нетрудно видеть, что этот конфликт, это противоречие неизбежно должно играть очень существенную роль в жизни обществ, ибо им затрагиваются „основы существующего строя", те „киты", на которых покоится данный порядок вещей.

Мы здесь только наметили главные вопросы, стоящие в связи с общественными противоречиями. Разобрать эти вопросы — дело следующей главы, где мы будем рассматривать общество в его движении; до сих пор мы, главным образом, рассматривали *строение* общества, строение данной общественной формы. Дальше нам придется говорить прежде всего о переходах одного „строения“, одной структуры в другую. Тут же нам важно подчеркнуть еще раз, что закон общественного равновесия есть закон *подвижного* равновесия, который не только не исключает, но, наоборот, *предполагает антагонизмы, противоречия, неприспособленность, конфликты, борьбу* и — *что особенно важно* — *при определенных условиях неизбежность катастроф и революций. Наша марксистская теория есть теория революционная.*

Литература к VI главе. Маркс: Капитал, в особенности I том. Он же: К критике политич. экономии. Он же: Einleitung zu einer Kritik der Polit. Oekonomie. Каутский: Предисловие к книжке Сальвиоли о капитализме в древнем мире. Ленин: Государство и революция. Энгельс: Происхождение семьи и т. д. Александров: Государство, бюрократия, абсолютизм. Корсак: Общество правовое и общество трудовое в „Очерках реалистическ. мировоззрения“. Каутский: Этика и материалистическ. понимание истории. Кунов Происхождение религии. Каутский: Происхождение христианства (античный мир, иудейство и христианство). Работы т. Степанова о религии. Покровский: Очерки по истории русской культуры. Энгельс: Об историческом материализме. Плеханов: Статьи об исскустве в сб. „За 20 лет“, „Крит. наших крит.“ и т. д. Работы А. В. Луначарского, П. С. Когана, В. М. Фриче. К. Бюхер: Работа и ритм. B. Odenbreit Die vergleichende Wirtschaftstheorie bei K. Marx (хорошая сводка цитат из Маркса о типах обществ). А. Богданов: Краткий курс идеологической науки. Kunow: Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie, два тома.

ГЛАВА VII.

Нарушение и восстановление общественного равновесия.

§ 45. Процесс общественных изменений и производительные силы. § 46. Производительные силы и общественно-экономическая структура. § 47. Революция и ее фазы. § 48. Закономерность переходного периода и закономерность упадка. § 49. Развитие производительных сил и материализация общественных явлений (накопление культуры). § 50. Процесс воспроизводства общественной жизни в его целом.

§ 45. Процесс общественных изменений и производительные силы. Процесс общественных изменений стоит, как мы знаем, в связи с изменением в состоянии производительных сил. Это движение производительных сил и связанное с ним движение и перегруппировка всех элементов общества есть не что иное, как процесс постоянного нарушения общественного равновесия и его восстановления. В самом деле, предположим прогрессивное движение производительных сил. Что это означает? Это прежде и раньше всего означает, что между общественной техникой и общественной экономикой нарастает противоречие: система выходит из равновесия. Производительные силы получили некоторый прирост. Отсюда: должна наступить некоторая перегруппировка людей. Почему? Потому, что иначе нет никакого равновесия, т.-е. система в таком виде длительно существовать не может. Это противоречие разрешается. Как? Благодаря тому, что находит себе место вот эта самая перегруппировка людей: экономика „приспособляется“ к состоянию производительных сил, к общественной технике. Но перегруппировка людей в хозяйственном процессе предполагает и необходимость перегруппировки людей в социально-политической структуре общества (другое сочетание партий, другое сочета-

ние их мощи и т. д.); далее, то же обстоятельство вызывает и необходимость изменения норм (правовых, моральных, всяких иных). Ибо только таким путем разрешается противоречие или, что то же, восстанавливается равновесие между системой людей и системой этих норм. Но то же самое относится и ко всей психологии общества, и ко всей его идеологии. Это прекрасно сформулировано Г. В. Плехановым: „Возникновением, изменением и разрушением ассоциаций идей под влиянием возникновения, изменения и разрушения известных комбинаций общественных сил в значительной мере объясняется история идеологий“ (Н. Бельтов: О материалистическом понимании истории. Критика наших критиков. 333. Курсив автора). Новая „комбинация“, т.-е. новое сочетание людей, приходит в конфликт со старой комбинацией идей (со старыми ассоциациями идей). Здесь внутреннее равновесие нарушено. Оно восстанавливается на новой основе, когда возникает новая „комбинация“ идей, т.-е. общественная психология и общественная идеология придут в соответствие между собой для того, чтобы равновесие было нарушено снова и т. д.

Здесь возникает один очень важный вопрос, который имеет громадное и теоретическое, и практическое значение.

В самом деле. Мы можем себе представить, что восстановление общественного равновесия мыслимо в двух формах: в форме медленного (эволюционного) приспособления различных элементов общественного целого друг к другу и в форме бурных переворотов. Из истории мы знаем, что революции были и есть. Это исторические факты. Когда же они происходят? Когда бывает медленное взаимоприспособление различных элементов общества и когда происходит взрыв? И где лежит сущность того конфликта, того столкновения, которое выражается в революции?

В связи с этим стоит и другой ряд вопросов о динамике общества. Именно, мы знаем, что любое общество находится в процессе непрерывного изменения, внутренних перегруппировок, изменения формы и содержания и т. д. Мы знаем, что этот процесс стоит в связи с развитием производительных сил. Однако мы видим, с одной стороны, изменения в пределах одной и той же общественно-экономической структуры; с другой, мы

имеем и **переход** одного „вида“ общества в другой, смену одного „способа производства“ другим „способом производства“. Когда имеется одно и когда необходимо наступает другое? На это тоже нужно ответить.

Общее описание процесса общественного движения имеется у **Маркса** в „Критике политической экономии“. Вот как описывает Маркс этот процесс:

„На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества вступают в противоречие с имеющимися производственными отношениями, или, что есть юридическое выражение того же самого, с имущественными отношениями, внутри которых они до сего времени двигались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в его оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С переменой экономического основания совершается более или менее быстро или медленно переворот (wälzt... um) во всей чудовищной надстройке. При рассмотрении таких переворотов нужно постоянно различать между материальным переворотом в экономических условиях производства, что можно констатировать с естественно-научной точностью, и юридическими, политическими, религиозными или философскими, коротко говоря, идеологическими формами, в которых люди осознают этот конфликт и изживают его в процессе борьбы (und ihn ausfechten). Насколько мало можно судить об индивидууме по тому, что он сам о себе думает, настолько же мало можно судить о таких эпохах переворота по их сознанию; необходимо, наоборот, это сознание объяснить из имеющегося налицо конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями“.

Таким образом, по Марксу, переворот, революция, наступает тогда, когда нарушилось равновесие между **производительными силами общества и основными чертами его экономической структуры**. В этом и заключается сущность конфликта, который должна разрешить революция. Здесь речь идет, стало-быть, о переходе одной формы в другую. Пока же экономическая структура дает возможность развития производительных сил, до тех пор общественные изменения не приобретают характера **переворота**: они изменяются в „эволюционном порядке“.

Далее мы будем более подробно разбирать этот вопрос Сейчас же мы хотели бы обратить внимание на один пункт: по Марксу, причина революции заключается вовсе не в столкновении хозяйства (экономики) и права, как утверждают очень многие критики марксизма, а в столкновении производительных сил и „хозяйства“ (т.-е. экономики). А это совсем другая вещь. В последующем изложении мы увидим, почему это так происходит.

§ 46. Производительные силы и общественно-экономическая структура. Мы сказали, что причину революции, бурного перехода одного типа общества в другой нужно искать в том конфликте, который происходит между производительными силами, их ростом—с одной стороны, и экономической структурой общества, т.-е. производственными отношениями—с другой. На это можно возразить, примерно, следующее. А разве эволюция производственных отношений не обусловливается движением производительных сил? А разве самое постепенное изменение производственных отношений не есть результат конфликта между производительными силами и старыми („устаревшими“) производственными отношениями? Представим себе рост производительных сил в капиталистическом обществе. Мы знаем, что с этим ростом совершались и значительные перегруппировки людей в хозяйственном процессе. Таяло старое „среднее сословие“, уничтожалось ремесло, рос пролетариат, появлялись крупные и чрезвычайно крупные предприниматели. Производственная людская ткань непрерывно менялась. Более того, разве не переходила одна форма капитализма в другую—напр., промышленный капитализм в капитализм финансовый—без всяких революций? А между тем все эти изменения и выражали постоянное нарушение равновесия (конфликт) между производительными силами и производственными отношениями. Когда росли производительные силы, они наталкивались на ремесленные отношения,—равновесие нарушалось: экономика ремесла не соответствовала уже более растущей технике. Нарушенное равновесие восстановлялось постоянно уже на новой основе, ибо параллельно росла и новая экономика, которая „соответствовала“ менявшейся технике, и т. д. Из этого следует с полной очевидностью, что не всякий конфликт между производительными

силами и производственными отношениями вызывает революцию, что здесь, следовательно, дело обстоит гораздо сложнее. Чтобы разобрать вопрос о том, какой же конфликт вызывает революционный кризис, придется обратиться к анализу, к рассмотрению разного вида производственных отношений.

Под производственными отношениями мы подразумеваем, как уже известно, всяческие и всевозможные отношения между людьми, возникающие в процессе общественно-хозяйственной жизни, т.-е. в процессе производства, который включает в себя и распределение средств производства, и в процессе распределения продуктов. Ясно, что эти производственные отношения крайне многообразны: биржевик, покупающий в Париже акции нью-йоркского пуговичного треста, становится тем самым в определенное производственное отношение к рабочим и владельцам, к мастерам и инженерам фабрик, входящих в этот трест. Банкир, имеющий бухгалтеров, стоит в определенных производственных отношениях к ним. Но точно так же столяр стоит в определенных производственных отношениях к токарю, работающему на той же фабрике, или к торговке, у которой он покупает селедку на рынке, или к мастеру, который смотрит за ним. Но этот же столяр стоит в определенных отношениях и к рыбаку, который изловил селедку, и к ткачу, который выткал вместе с другими материю для его брюк, и т. д., и т. д. Словом, перед нами действительно неисчислимое количество разнообразных, разнородных, отличных друг от друга по типу производственных отношений.

Задача заключается, следовательно, в том, чтобы произвести некоторое разграничение между различными видами этих отношений и прощупать, конфликт с какими из производственных отношений приводит к революциям.

Чтобы не высасывать ответа на этот вопрос из пальца, а решить его в согласии с действительностью, нужно посмотреть, как действительно совершались революции, т.-е. как разрешалось противоречие между развитием производительных сил и экономическим базисом общества. Разумеется, всегда этот конфликт разрешался людьми, и притом путем ожесточенной классовой борьбы. Что получалось после победы революций? Во-первых, иная политическая власть. Во-вторых, иное

положение классов в производственном процессе, иное распределение средств производства, которое, как мы знаем, стоит в самой непосредственной связи с положением классов. Другими словами: борьба во время революции идет за господство над важнейшими средствами производства, находящимися в классовом обществе в руках класса, который это свое господство над вещами, а через них и над людьми, закрепляет еще мощью своей государственной организации.

Здесь мы подошли к решающему пункту в наших поисках тех производственных отношений, которые должны быть взорваны революцией, если только общество в состоянии дальше развивать свои производительные силы. Маркс в III т. „Капитала" в упор ставит этот вопрос о форме общества, выделяя из всей совокупности производственных отношений основную, специфическую их часть. „Специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, как оно непосредственно вырастает из самого производства и, в свою очередь, определяюще (bestimmend) на него влияет. Но на этом основывается весь строй (Gestaltung) экономического, из самих производственных отношений вытекающего общественного тела (Gemeinwesens) и вместе с тем его специфическая политическая форма. Каждый раз мы находим самую сокровенную тайну, скрытую основу всей общественной конструкции, а отсюда также и политической формы, представляющей отношение суверенитета и зависимости, коротко говоря, особой специфической государственной формы... в непосредственном отношении собственников средств производства к непосредственным производителям" (III, 2, S. 324—325). Как же, следовательно, происходит дело? Довольно просто. Среди всех многоразличных производственных отношений выделяется по своему значению один тип этих отношений: именно тот, который выражает отношения между классами, держащими в своих руках главные средства производства, и другими классами, которые либо имеют на руках второстепенные средства производства, либо вовсе их не имеют. Господствующий в экономике класс господствует и в политике,

закрепляет политически данный тип производственных отношений, который обеспечивает идущий в его пользу процесс эксплоатации. „Политика есть концентрированное (сжатое, сгущенное) выражение экономики“, как говорит одна из резолюций IX съезда нашей партии.

Можно то же самое выразить и несколько другими словами. Мы видим, что речь у нас идет не о всех и всяких производственных отношениях, а об отношениях экономического господства, опирающегося на определенное отношение к вещам, к средствам производства. Если говорить на языке законников, юристов, речь идет об основных „имущественных отношениях“, об отношениях классовой собственности на средства производства. Эти „имущественные отношения“ не есть что-то отличное от основных производственных отношений. Это то же самое, только выраженное словами другого языка, не экономического, а юридического. И вот эти-то отношения связаны и с политическим господством определенного класса, они этим господством консервируются, упрочиваются, расширяются во что бы то ни стало.

В этих рамках могут происходить всевозможные изменения „эволюционного порядка“; выход же за эти рамки может быть сделан лишь путем революционного переворота. Например: в пределах капиталистических имущественных отношений может гибнуть ремесло, могут появляться новые формы капиталистических предприятий, могут быть вызваны к жизни невиданные раньше капиталистические объединения; отдельные члены буржуазного класса могут разоряться (банкротиться); отдельные члены рабочего класса могут пробиваться в хозяйчики, а потом и в хозяева; могут нарастать новые социальные прослойки (напр., так наз. „новое среднее сословие“, то-есть техническая интеллигенция) и так далее. Но рабочий класс не может стать собственником средств производства. Но рабочий класс (или его доверенные лица) не может иметь командной власти в производстве, распоряжаться основными средствами производства. Другими словами: как бы ни изменялись, под влиянием роста производительных сил, производственные отношения, основной их стержень остается. И если он приходит в конфликт с производительными силами, тогда он ломается. Это и есть революция, которая обеспечивает пе-

реход к другой общественной форме. „Поскольку процесс труда является простым процессом между человеком и природой, постольку его простые элементы остаются одинаковыми при всех общественных формах его развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее его материальные основы и его общественные формы. Дойдя до известной ступени зрелости, данная историческая форма устраняется и уступает место высшей форме. Что момент такого кризиса наступил, это обнаруживается тогда, когда противоречие и противоположность между отношениями распределения, а, следовательно, также и между определенным историческим видом соответствующих им отношений производства, с одной стороны, и производительными силами... с другой, достигает известной ширины и глубины. Тогда возникает столкновение между материальным развитием производства и его общественной формой" („Das Kapital", III[II], S. 420 ff.).

Таким образом революция происходит тогда, когда имеется налицо резкий конфликт между растущими производительными силами, которые уже не могут уместиться в рамках той оболочки производственных отношений, которая составляет основной рисунок этих производственных отношений, т.-е. „имущественных отношений", отношений собственности на средства производства. Тогда эта оболочка „взрывается" („wird gesprengt").

Нетрудно понять, почему именно так происходит дело. Нетрудно понять, почему именно э т и производственные отношения представляют из себя наиболее неподвижный, наиболее консервативный вид: они ведь выражают монопольное экономическое господство к л а с с а, закрепленное и выраженное в его политическом господстве. Естественно, что такая „оболочка", которая выражает о с н о в н ы е интересы класса, будет поддерживаться этим классом до конца, до последнего, в то время как изменения в н у т р и этой оболочки, т.-е. частичные изменения, оставляющие в неприкосновенности принципиальные основы данного общества, могут происходить и происходят сравнительно безболезненно. Отсюда, между прочим, совершенно ясно, что не бывает „чисто-политических" революций: всякая революция есть социальная (т.-е. передвигающая классы) революция; и всякая социальная революция есть революция политическая. Ибо опрокинуть производственные отношения нельзя

без того, чтобы не опрокинуть политическую крепость этих отношений; и, наоборот, если сбрасывается политическая власть, это значит, что сбрасывается господство класса и в экономической области, ибо „политика есть концентрированное выражение экономики“. Скажут на это: сравните, однако, великую французскую революцию с большевистской революцией в России. В первом случае была политическая революция, во втором — социальная. Ибо в большевистской революции политика и политические перемены играли не бо́льшую роль, чем во французской, а перемены в области производственных отношений прямо несравнимы.

Это „возражение“ на самом деле только подтверждает то, что мы сказали выше. В самом деле, возьмем политическую сторону дела. Совершенно ясно, что во время французской революции власть перешла из рук о д н и х собственников в руки д р у г и х собственников. Буржуазия разрушила помещичье-торговое государство и организовала государство промышленной буржуазии. У нас же была совершенно сметена организация всяких собственников. Политический переворот был гораздо глубже. Он был настолько же глубже, н а с к о л ь к о г л у б ж е б ы л а п е р е д в и ж к а п р о и з в о д с т в е н н ы х о т н о ш е н и й (национализация промышленности, уничтожение помещичьего землевладения, ростки социалистического общества и т. д.).

И т а к, п р и ч и н о й р е в о л ю ц и й я в л я е т с я к о н ф л и к т м е ж д у п р о и з в о д и т е л ь н ы м и с и л а м и и п р о и з в о д с т в е н н ы м и о т н о ш е н и я м и, з а к р е п л е н н ы м и в п о л и т и ч е с к о й о р г а н и з а ц и и г о с п о д с т в у ю щ е г о к л а с с а. Э т и п р о и з в о д с т в е н н ы е о т н о ш е н и я н а с т о л ь к о м е ш а ю т р а з в и т и ю п р о и з в о д и т е л ь н ы х с и л, ч т о д о л ж н ы б ы т ь н е и з б е ж н о в з о р в а н ы, е с л и о б щ е с т в о р а з в и в а е т с я д а л ь ш е. Е с л и ж е о н и н е м о г у т б ы т ь в з о р в а н ы, т о о н и д а в я т и д у ш а т р а з в и т и е п р о и з в о д и т е л ь н ы х с и л, и в с е о б щ е с т в о л и б о п р е в р а щ а е т с я в з а с т о й н о е, л и б о и д е т н а з а д, т. е. п е р е ж и в а е т п е р и о д у п а д к а.

Из вышеизложенного ясно, почему, напр., общество из первобытно-коммунистического могло превратиться в общество патриархально-родовое, из патриархально-родового в феодальное э в о л ю ц и о н н ы м путем. Здесь не было классового господства на средства произ-

водства и охраняющей это господство политической власти. Наоборот, и это господство, и эта власть эволюционно вырастали из первобытно-коммунистических производственных отношений через рост частной собственности и т. д. Росли производительные силы—росла дифференциация, рос опыт стариков, росла собственность, росло выделение зародышей господствующего класса. А раньше господствующего класса и его мощи не было. Поэтому нечего было ломать. Поэтому переход совершался без революции.

Г. Кунов, который в своем двухтомном сочинении превращает Маркса в невинного либерального ягненка, пишет о революции буквально следующие: „Если Маркс в приведенной выше фразе (из „Критики полит. экономии“, *Н. Б.*) говорит об общественных отношениях и социальной революции, то он под этим разумеет не политическую борьбу сил, а следующий за прорывом вперед нового измененного способа производства переворот общественно-бытовых отношений (der gesellschaftlichen Lebensverhältnisse)... По мнению Маркса, правда, изменение в способе производства может привести к политической революции, или к взрыву со стороны народных масс (Eruption der Volksmassen) прежде всего тогда, когда правительство (Staatsregierung) пытается сохранить силой устаревшие законы, соответствовавшие старым хозяйственным отношениям; но это вовсе не всегда обязательное следствие. Обусловленный изменением хозяйственной структуры переворот в политических и социальных жизненных отношениях, а также идеологиях может также произойти без восстаний и уличных боев (напр., парламентским путем)“ (Heinrich Cunow: Die Marxsche Geschichts-Gesellschafts-und Staatstheorie. Grundzüge der Marxschen Soziologie. II Band. 1921. Buchhandlung „Vorwärts“. Berlin. S. 315). Приведенные рассуждения почтенного социал-демократического профессора—безбожная путаница вульгарно-либерального эклектика. В самом деле, в вышеупомянутой „фразе“, где Маркс говорил о революции, он считал причиной ее, как мы видели, конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Революционное изживание этого конфликта есть ломка именно производственных отношений и выражающих их государственных форм. А у Кунова? А у Кунова новый способ производства появляется целиком готовеньким, неизвестно откуда и как, и потом (!) может привести к политической революции. Это так великолепно и, главное, так „умно“, что дальше итти некуда. По г. Кунову дело с социализмом рисуется, следовательно, в таком виде. Капитализм мирно сменяется социалистическим способом производства. (А капиталисты сидят в правительстве и смотрят на эти чудеса.) Потом они начинают насилием (и то не наверное) бороться с уже измененным способом производства (т.-е. начинают, скажем, требовать прибыли, о которой все позабыли). Тогда возмущенный народ сбрасывает их в баррикадной борьбе. Это—картинка для юмористического журнала, а не для профессорской работы. Здесь у Кунова куча ошибок. Во-первых, самая сущность конфликта изложена неверно (здесь Кунов списывает у

г. П. Струве, статью которого в „Архиве“ Брауна в свое время великолепно раскритиковал Г. В. Плеханов); во-вторых, совершенно неправильно изложены действительные фазы революционного процесса; в-третьих, в революции исчезла сама революция. Ибо, если нет даже и политического переворота, то в чем же эта революция? Предварительное изменение способа производства здесь не катастрофично, а отменно плавно; отражение этого в политике—парламентские манипуляции—вот и все. Г. Кунов предает здесь марксистскую теорию так же основательно и так же бесстыдно, как он предал и предает за все последние годы марксистскую практику. (Это в то время, когда даже ограниченнейшие буржуазные профессора желают понять революции, как явления, которые всегда вытекали „с внутренней необходимостью из данных состояний общества“. См. Schriften der Deutschen Gesellschaft für Politik an der Universität Halle-Wittenberg, hg. von Prof. H. Waentig, Heft 1: Die grossen Revolutionen als Entwickelungserscheinungen im Leben der Völker.) Посмотрим вкратце на причины революций. Буржуазные революции, английскую XVII в. и французскую конца XVIII века, блестяще характеризовал Маркс в нескольких строках: „Революции 1648 и 1789 годов были не английская и французская революции; это были революции европейского стиля. Они были не победой определенного общественного класса над старым политическим строем; они были провозглашением политического строя для нового европейского общества (т.-е. новых производственных отношений. *Н. Б.*). Буржуазия победила в них; но победа буржуазии была тогда победой нового общественного строя, победой буржуазной собственности над собственностью феодальной, национальности над провинциализмом, конкуренции над цехами, дележа (земли. *Н. Б.*) над майоратами, господства собственника земли над господством земли над собственником, просвещения над суеверием, семьи над семейным именем, промышленности над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями“. („Neue Rheinische Zeitung“, № von 15 Dez. 1848. Курсив наш. *Н. Б.*) В период буржуазных революций главными оковами развития были следующие производственные отношения: во-первых, феодальная поземельная собственность; во-вторых, цеховой строй в складывающейся промышленности; в-третьих, торговые монополии, при чем, конечно, все это было закреплено бесчисленными юридическими нормами. Поземельная собственность помещиков приводила к бесконечным поборам; большая часть крестьян вынуждена платить „голодную ренту“; таким образом внутренний рынок для промышленности чрезвычайно мал. Чтобы промышленность могла развиваться, должна была предварительно итти на слом феодальная поземельная собственность. „Арендные платы,—пишет Т. Роджерс об Англии XVII столетия,—начинаются с конкурентных плат, чтобы весьма быстро превратиться в голодную ренту. Под голодной рентой я подразумеваю такую ренту, которая оставляет земледельцу возможность существования в обрез,

так что он не может делать ни сбережений, ни каких бы то ни было улучшений" (цит. по Ed. Bernstein: Sozialismus und Demokratie in der grossen englischen Revolution. Stuttgart, 1908 Dietz'Verl., S. 10). Во Франции перед революцией „народ стонал под тяжестью налогов, взымаемых государством, оброка, платимого помещику, десятины, получаемой духовенством, и барщины, требуемой всеми тремя. В каждой провинции толпы в пять, десять, двадцать тысяч человек мужчин, женщин и детей бродили по большим дорогам. В 1777 г. была официально установлена цифра в 1.100.000 нищих, в деревнях голод стал хроническим, он повторялся через короткие промежутки времени и опустошал целые провинции. Крестьяне массами покидали тогда свои деревни и т. д. (П. Кропоткин: Собр. соч., т. II. „Великая французская рев. 1789—1793". Москва, 1919, стр. 16). Подати и повинности были бесконечно разнообразны (см., напр., Кропоткин, l. c., стр. 36, 37 и след., а также Лучицкий: Состояние землед. классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789—1793 г.г. Киев 1912). Это были различные проявления и выражения феодальной поземельной собственности. Помещичья поземельная собственность, разорявшая крестьян и в то же время мешавшая росту промышленности, ярко выпячивала свою роль, как тормоза развития производительных сил и у нас, в России (голодная аренда, пауперизация крестьянства, слабое развитие внутреннего рынка и т. д.; эта сторона дела и была одной из главных причин революции 1905 года См. Маслов: „Аграрный вопрос", т.т. I и II, а также работы т. Ленина по аграрному вопросу в России). Цеховая организация промышленности тормозила также на каждом шагу развитие производительных сил; напр., в английской индустрии, кроме семилетнего срока ученичества, купцы и мастера в ряде производственных отраслей могли брать в ученики только сыновей свободных с определенным земельным цензом. Господствовала мелочная регламентация. Понятно, что при раздробленном характере производства и речи не могло быть о плановом хозяйстве. С другой стороны, такой тип производственных отношений страшно стеснял личную инициативу. Технический прогресс упирался в тупик: на машину смотрели, как на зло. Торговые монополии были тоже тяжелой обузой, равно как и громадные непроизводительные государственные расходы. Эта система в целом превращалась таким образом в путы, и она должна была под лозунгом „свободы" (прежде всего экономической свободы покупать, продавать, эксплоатировать) пасть. Конечно, до того, как пала эта система производственных отношений, новые производственные отношения, выражавшие рост производительных сил, подкапывались под нее, но они не могли получить достаточного простора, они не могли утвердить себя, как господствующая система отношений. Этот период был периодом так сказать „чернового" гниения феодального общества, что социально выражалось в „неудачных" восстаниях, бунтах и т. д. Такое значение имели, напр., крестьянские войны и восстания. Напр., „восстание

1381 г. (восстание Уота Тайлора в Англии. *Н. Б.*) являлось, главным образом, протестом английского крестьянства против главных устоев феодального порядка с его социальной и экономической стороны" (Д. Петрушевский: Восстание Уота Тайлора. М. 1914, Изд. Сабашниковых, предисловие). Что касается общей характеристики этого периода, то его весьма правильно рисует проф. Петрушевский: „Разложение английского феодализма, как он окончательно сложился в половине XIII века, совершалось параллельно разложению тех хозяйственных основ, в которых он коренился, было результатом хозяйственной эволюции английского общества, постепенного перехода его от натурального, замкнутого хозяйства к денежно-хозяйственной, народно-хозяйственной организации" (там же, стр. 19).

Если мы обратимся теперь к пролетарской революции, т.-е. к переходу от капиталистической формы общества к форме социалистической (а, в развитии, к его коммунистической форме), тогда мы опять-таки увидим, что основной причиной этого перехода является конфликт между развитием производительных сил и капиталистическими производственными отношениями. „Капиталистическая монополия (т.-е. монополия класса капиталистов на средства производства.—*Н. Б.*) становится оковами того способа производства, который образовался под ней и вместе с ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми со своей капиталистической оболочкой. Тогда она взрывается (wird gesprengt). Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторы экспроприируются" (K. Marx: „Kapital", I, Volksausgabe, S. 691). Что говорит здесь Маркс? Он говорит следующее. Рост производительных сил есть прежде всего гигантское умножение и централизация технических орудий, машин, аппаратов, средств производства вообще. Этот рост нуждается в том, чтобы и люди были перегруппированы соответствующим образом. Отчасти это происходит, поскольку централизация средств производства ведет к централизации рабочих сил, или, как выражается Маркс, к обобществлению труда. Однако для внутреннего равновесия общества этого недостаточно. Развитие производительных сил требует плановых отношений, т.-е. сознательно урегулированных производственных отношений. Но здесь есть основное препятствие в капиталистической структуре, юридически выражаясь, в частной собственности капиталистов или в коллективно-капиталистической собственности национально-капиталистических групп. Поэтому, если производительные силы будут развиваться, то должна быть „взорвана" капиталистическая оболочка, а именно имущественные отношения капитализма, те основные производственные отношения, которые юридически выражаются в капиталистической собственности и которые политически закреплены в государственной организации капитала. Это основное противоречие может выступать в разных формах. Так, например, мировая война была проявлением этого противоречия. Производительные силы мирового хозяйства „требуют" ми-

рового регулирования, им тесна „национально-капиталистическая" оболочка, и это приводит к войне, война — к нарушению социального равновесия и т. д. Трестированная форма капитализма, искусственное сокращение производства в целях вздутия прибылей, монополии изобретений (юридически выражающаяся в патентном праве), сужение внутреннего рынка (низкая заработная плата и т. д.), колоссальные непроизводительные расходы, препятствия, налагаемые частной собственностью для крупного технического прогресса (напр., для электрификации, когда нельзя проложить проводов и кабелей, так как не соглашается собственник земли), и т. д.,—все это различные выражения и производные величины одного и того же основного противоречия между ростом производительных сил и „оболочкой" капиталистических производственных отношений.

Революционный переворот при переходе от одной формы классового общества к другой ее форме является столкновением между производительными силами и производственными отношениями. Но, спрашивается, **когда** происходит этот переворот? Ведь противоречие между производительными силами и имущественными отношениями данного общества не появляется вдруг, не сваливается неожиданно, как снег на голову. Оно замечается и проявляется **задолго** до революции, долгое время **развивается**, и только в результате этого развития разрешается взрывом тех производственных отношений, которые оказались оковами для дальнейшего развития производительных сил. Эта „точка кипения" наступает тогда, когда в лоне старых производственных отношений уже вызрели в скрытом виде новые. „Никакая (eine) общественная формация никогда не погибает раньше, чем развились все производительные силы, для которых она достаточно эластична (für die sie weit genug ist), и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются на сцену раньше, чем их материальные условия существования не высижены предварительно в недрах самого старого общества" (**Marx**: Zur Kritik, Vorwort, LVI).

Что же означает это „высиживание" в недрах старых производственных отношений отношений новых? Приведем пример из современной эпохи.

Капиталистическая структура, это—совокупность производственных отношений капиталистического общества, основным стержнем которого является совокупность отношений между рабочими и капиталистами, — отношений, которые, как мы уже знаем, выражаются посредством вещей („капитал"). Следова-

тельно, капиталистическая структура общества определяется, в первую голову, *сочетанием* тех отношений, которые существуют между отдельными капиталистами, и тех отношений, которые существуют между отдельными рабочими. Капиталистическая структура общества не исчерпывается ни в малой степени отношениями внутри класса капиталистов; точно так же ее „суть" не состоит в отношениях между рабочими. Эта „суть" состоит в *соединении* тех и других производственных отношений. Это и есть *основное* производственное отношение капитализма, тот узел, который соединяет и связывает два основных *класса*, каждый из которых в свою очередь представляет из себя тоже совокупность производственных отношений (отношения между капиталистами—с одной стороны, отношения между рабочими—с другой). Если мы спросим теперь себя, каким же образом внутри определенного старого способа производства „вызревает" *новый* „способ производства", то тогда мы обнаружим следующее (берем для примера тот же капитализм).

Внутри производственных отношений капитализма, т.-е. внутри *сочетания* классов, *часть* этих производственных отношений является в то же время основой нового социалистического строя. В самом деле, мы уже видели, *что* Маркс считал за основу социалистического строя. Это с одной стороны, централизованные средства производства (т.-е. производительные силы), а затем (это именно и относится к производственным отношениям) — „*обобщественный труд*", т.-е., в первую очередь, отношения внутри рабочего класса, вся совокупность производственных отношений среди пролетариата (производственная связь между всеми рабочими). Вот это производственное отношение сотрудничества, вызревающее в лоне капиталистических производственных отношений вообще, и есть тот камень, на котором должна зиждиться церковь будущего.

Нам должно быть также ясно еще вот что. Раньше мы видели, что причина революции лежит в конфликте между производительными силами и основными производственными отношениями (имущественными отношениями).

Теперь мы видим, что *это основное* противоречие находит свое выражение в *производном* противоречии, а именно в противоречии между *одной* частью производственных

отношений капитализма и *другой* ее частью. В самом деле. Ведь ясно, что общественно-централизованный труд, находящий свое воплощение в пролетариате, становится все менее совместимым с экономическим (а следовательно, и политическим) господством капиталистов. Этот „обобществленный труд" требует планового хозяйства и не терпит анархии между классами. Он выражает *организованность* общества. А эта организованность не может быть проведена до конца в *капиталистическом* обществе; в особенности она не может быть проведена по социальной линии. Ибо классовое общество есть противоречивое, т.-е. неорганизованное общество. И ясно, что капиталисты не могут, не хотят уничтожать своего классового господства. Следовательно, чтобы были открыты возможности для организованности „по всему фронту", должно быть уничтожено господство капиталистов. Таким образом, здесь налицо конфликт между теми производственными отношениями, которые воплощаются в пролетариате, и теми, которые воплощаются в буржуазии.

Отсюда становится понятным и вот какое обстоятельство. Известно, что *люди* делают историю. Значит конфликт между производительными силами и производственными отношениями, разумеется, выражается не в том, что средства производства, мертвые машины, *вещи*, так сказать, „лезут" на людей. Такое предположение было бы и чудовищным, и смешным одновременно. В чем же дело? Да дело, очевидно, в том, что развитие производительных сил ставит *людей* в резко противоположные отношения, и конфликт между производительными силами и производственными отношениями находит свое выражение в *конфликте между людьми*, в конфликте *между классами*. Теперь мы как раз и увидели, как это происходит. Ибо отношения сотрудничества между рабочими выражаются в живых людях, в *пролетариате*, с его интересами, стремлениями, социальной силой и мощью. Наоборот, тормозящая, господствующая основа производственных отношений капитализма выражается тоже в живых людях, в *классе* капиталистов. *Весь конфликт получает свое выражение в ожесточенной борьбе классов—в революционной борьбе пролетариев против класса капиталистов.*

Опортунистические трубадуры социал-демократии, вроде г. Кунова, любят болтать на тему о „незрелости“ теперешних отношений и в свое оправдание ссылаются также... на Маркса, который говорил о том, что ни одна форма производства не сменяется новой его формой до тех пор, пока она дает еще простор развитию производительных сил. И эти „умники“ начинают рыскать по всему миру, чтобы доказать, что есть еще села в Центральной Африке, где нет банков, а есть нагие дикари. Этому мы можем противопоставить следующее наше утверждение: „Мировая война, начало революционной эры и т. д. есть как раз выражение той объективной зрелости, о которой идет речь. Ибо здесь величайшей напряженности конфликт был следствием максимально расширенного антагонизма, который постоянно воспроизводился и рос в недрах капиталистической системы. Его потрясающая сила есть довольно точный показатель ступени капиталистического развития и трагическое выражение полнейшей несовместимости дальнейшего роста производительных сил под оболочкой капиталистических производственных отношений. Это и есть тот самый Zusammenbruch (крах), который неоднократно предсказывался творцами научного коммунизма“ (Н. Бухарин: Экономика переходного периода, стр. 57).

§ 47. Революция и ее фазы (различные периоды). Исходным пунктом революции является, как мы видели, конфликт между производительными силами и производственными отношениями, который ставит класс-носитель нового способа производства в особое положение, „детерминирует“ определенным образом его сознание и его волю. Значит, предпосылкой революции является революционизирование сознания нового класса, идеологическая революция в классе-могильщике старого общества.

На этом пункте необходимо остановиться. Прежде всего нужно обратить внимание, что эта революция имеет материальную основу. Затем нужно отчетливо понять, почему же здесь речь идет о бурном изменении в сознании нового класса, именно о революционном процессе. Рассмотрим этот вопрос внимательно.

Всякий общественный строй, как мы твердо знаем из предыдущих глав, покоится не только на экономическом основании: ибо и любая идеология, господствующая при данном порядке вещей, является скрепой, держащей этот порядок.

Идеологии не суть простые побрякушки, а различного рода обручи, держащие в равновесии все общественное тело. Спросим теперь себя, что было бы, если бы психология и идеоло-

гия угнетенных классов была резко враждебна господствующему порядку вещей? Ясно, что при таких условиях этот порядок не мог бы держаться. Посмотрим, действительно, на какую угодно форму общества, и мы тотчас же убедимся, что поскольку это общество существует, постольку в нем, в общем и целом, господствуют психология и идеология гражданского мира. Это особенно хорошо видно на примере капитализма в начале войны 1914—1918 г.г. Уж на что рабочий класс развивал идеологию, независимую от буржуазии. И что же оказалось? Да оказалось, что даже в среде рабочего класса была необычайно сильна вера в незыблемость капиталистического строя, привязанность к капиталистическому государству, психология гражданского мира. Нужна была целая психологическая и идеологическая революция, чтобы класс действительно стал против класса. Когда же совершается эта идеологическая и психологическая революция? Она совершается тогда, когда объективное развитие ставит угнетенный класс в „невыносимое положение“, когда этот класс отчетливо видит и сознает, что „при данном порядке невозможно улучшение“, „нет выхода“, что „так дольше жить нельзя“. Это происходит тогда, когда конфликт между ростом производительных сил и производственными отношениями вызвал крах общественного равновесия и *невозможность его восстановления на старой основе*. Проследим это на примере пролетарской революции. Рабочий класс, как мы уже упоминали, развивал на протяжении капиталистического пути человечества психологию и идеологию, более или менее враждебную существующему строю. В *марксизме* эта идеология получила свое наиболее резкое, отчетливое и замечательно глубокое выражение. Однако реально, в сознании масс, именно в силу того, что капитализм еще *мог* развиваться, что он развивался и мог выплачивать даже повышенную заработную плату за счет ограбления и беспощадной эксплоатации колоний,—в сознании широких рабочих масс он был вовсе не „нестерпим“. Более того. У европейского и северо-американского рабочего класса создавалась даже своего рода „общность интересов“ с капиталистическим „национальным государством“. В то же время марксизм *Маркса*, выросший на основе революции 1848 г., сменялся в рабочих партиях специфическим „марксиз-

мом II Интернационала“, который изменил и извратил учение Маркса и о социальной революции, об обнищании пролетариата (Uerelendungstheorie), о неизбежном крахе капитализма (Zusammenbruchstheorie), о диктатуре пролетариата и т. д. Все это нашло свое выражение в предательстве социал-демократических партий и в патриотических настроениях среди рабочего класса в 1914 г. И только война и ее последствия, являясь выражением противоречивости капиталистического развития, показали или, вернее, стали показывать, что „так дольше жить нельзя“. Психология и идеология гражданского мира стали сменяться психологией и идеологией гражданской войны, а в чисто идеологической области на смену „марксизму“ II Интернационала стал выступать настоящий марксизм, т.-е. научный коммунизм.

Таким образом, эта идейная революция заключается в крахе старой психологии и идеологии (ее ломают врывающиеся факты жизни) и в создании новой, по-настоящему революционной психологии и идеологии.

Социал-демократические канальи никогда не поймут этого. Наоборот: они хотят представить дело так, что на почве нужды и голода не может быть пролетарской революции, и поэтому всякая революция, которая происходит на такой почве, есть не „истинная“ революция. Интересно сопоставить с этим, как смотрел на дело Маркс. В его передовой статье от 2 февраля 1854 г. в „New-Iork Tribune“ мы читаем: „Мы не должны забывать, что в Европе существует еще шестая держава (Macht), которая в определенный момент утвердит свое господство над всеми пятью так называемыми „великими державами“ и заставит дрожать перед собою каждую из них. Эта держава—революция. После того, как она была долгое время скрыта втиши (sich still und zurück gezogen verhielt), теперь она снова зовется на боевое место кризисом и голодом (durch die Krisis und die Hungersnot)... Нужен лишь сигнал, чтобы шестая и могущественнейшая держава выступила во всем блестящем вооружении, с мечом в руке... Этот сигнал подаст грозящая европейская война“. Таким образом Маркс не приводил идиотических рассуждений на тему, что после войны не может быть пролетарской революции, что на голоде революции не построишь и т. д. Маркс ошибся в темпе развития, но он гениально предвосхищал основные черты событий: кризис, голод, войну.

Вторым фазисом революции является революция политическая, т.-е. захват власти новым классом. Здесь

революционная психология нового класса превращается в действие. Угнетенный класс непосредственно сталкивается с концентрированной силой господствующего класса, с его государственным аппаратом. Чтобы сломить это сопротивление, новый класс в процессе борьбы дезорганизует, разрушает в большей или меньшей степени государственную организацию противника и отчасти из элементов старого, отчасти же из новых элементов строит *свою* государственную организацию. Здесь необходимо отметить и подчеркнуть, что „захват власти" новым классом не есть и не может быть простым переходом *той же самой* государственной организации из одних рук в другие. Такое в высшей степени наивное представление было крайне распространенно и в социалистических кругах. Однако у Маркса и Энгельса речь идет именно о разрушении старой власти и об организации новой. Это в высшей степени понятно. В самом деле, ведь государственная организация—это высшее выражение мощи командующего класса,—это его крепость, его концентрированная сила, главный аппарат его борьбы, главное орудие его самозащиты от угнетенного класса. Как же может угнетенный класс сломить сопротивление класса угнетающего, оставив нетронутым главное орудие угнетения? Как можно *победить* врага, *не дезорганизуя сил этого врага*? Совершенно ясно, что возможно что-либо одно из двух: или силы командующего класса остаются, в общем и целом, неповрежденными—и тогда революция, по общему правилу, проиграна; либо революция победила, и это, по общему правилу, и означает *дезорганизацию*, разрушение сил (т.-е., в первую голову, государственной организации командующего класса). А так как материальная сила государственной власти находит свое главное выражение в вооруженных силах, т.-е. в *армии*, то понятно, что это предварительное разрушение сильнее всего бьет именно по старой армии. Это показала и английская революция XVII века, разрушившая аппарат государственной власти королей-помещиков, их армию и т. д. и создавшая революционную армию пуритан и диктатуру Кромвеля. Это показала и французская революция, которая разложила королевскую армию и создала революционную армию, построенную на новых началах. Это, наконец, показала и доказала русская революция 1917 и следующих

годов, которая разбила государственный аппарат и помещиков, и буржуазии, которая разрушила и разложила империалистскую армию и которая создала новое государство, совершенно небывалого типа, и новую революционную армию.

Все это теоретически ясно видели и Маркс, и Энгельс. Мы не можем останавливаться здесь на доказательстве этого и отсылаем всякого интересующегося предметом к работе тов. Ленина „Государство и революция“. Что именно здесь дано ортодоксально-марксистское освещение вопроса, признают теперь даже буржуазные исследователи (Струве, в особенности П. И. Новгородцев: „Об общественном идеале“. Берлин, 1921). Прижатые к стене, социал-демократические теоретики были вынуждены поэтому критиковать Маркса, открыто нападая на революционно-„разрушительную“ сторону его учения. Эту благородную задачу взял на себя Генрих Кунов (Heinrich Kunow, l. c., B. I., S. 310: „Marx kontra Marx“). Кунов, продолжая повторять глупую басню Зомбарта, что Марксу-ученому чрезвычайно вредил Маркс-революционер, различает два „уклона“ в теории основоположника научного коммунизма: с одной стороны, по мнению Кунова, у Маркса государство рассматривается социологически, как нечто, вырастающее из условий экономического развития, как организация, выполняющая общественные функции; с другой—чисто политически, как классовая машина угнетения, ответственная за все зло. Первая точка зрения есть точка зрения ученого, вторая—„оптимистического революционера“ (!). С последним, по Кунову, и связана у Маркса „ненависть к государству“ и стремление разбить государственную машину буржуазии.

Нетрудно видеть, в чем заключается фальшь куновской постановки вопроса. Он совершенно неправомерно противопоставляет „общественные функции“ классово-угнетательскому характеру государственной машины. „Политика есть концентрированное выражение экономики“. Без капиталистического государства немыслимо капиталистическое производство. А капиталистическое производство, конечно, выполняет весьма важные функции. Но вопрос заключается в том, что во время революции „важные общественные функции“ сбрасывают с себя один исторический костюм и надевают другой. Это происходит путем передвижки классов, путем разрыва старых отношений. Софизмы Кунова суть повторение софизмов Реннера. Тот во время войны защищал отечество Габсбургов и прибыли капиталистов таким рассуждением: вульгарные люди думают, что капитал—вещь; Маркс доказал, что это есть общественное отношение; это отношение предполагает минимум две стороны: капиталистов и рабочих. Значит,—заключал Реннер, — если вы говорите о рабочем, тем самым вы предполагаете капиталиста; а следовательно, защищая рабочего, вы должны защищать и капиталиста, ибо одно без другого существовать не может, это и есть „интересы целого“. Все подобные рассуждения, как видит

всякий, предполагают, что наемный рабочий должен желать быть постоянно наемным рабочим. Но в том-то и суть, что революция ставит вопрос не о „праве“ быть наемным рабочим, а о „праве“ перестать быть наемным рабочим.

Таким образом политическая фаза революции заключается не в том, что новый класс овладевает остающейся в целости старой машиной, а в том, что он ее более или менее (в зависимости от того, какой класс идет на смену старого общества) разрушает и строит свою новую организацию, т.-е. по-новому комбинирует вещи и людей, по-новому систематизирует соответствующие идеи.

Третьей ступенью революции является революция экономическая. Она заключается в том, что новый класс, ставший у власти, использует эту власть, как рычаг экономического переворота, доламывая производственные отношения старого типа, помогая строиться отношениям, которые зрели в недрах старого строя в противоречии с ним. Вот как определял Маркс этот период революции, когда он рассматривал революцию пролетариата. „Пролетариат,— писал он,—будет использовывать свое политическое господство для того, чтобы вырывать (nach und nach zu entreissen) у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать в руках у государства, то-есть организованного, как господствующий класс, пролетариата, все средства производства и чтобы, по возможности, увеличивать массу производительных сил (последнее, как мы видим, происходит позже и относится собственно к следующему периоду. *Н. Б.*). Это может, конечно, случиться лишь посредством деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные производственные отношения, следовательно, посредством мероприятий, которые являются экономически недостаточными и нерациональными (unhaltbar), но которые в ходе развития выходят за свои собственные пределы (über sich selbst hinaustreiben) и неизбежны, как средство для переворота, во всем способе производства“ („Коммунистический манифест“). В другом месте „Манифеста“ Маркс говорит о пролетариате, который, „как господствующий класс, насильственно (gewaltsam) отменяет старые производственные отношения“.

Здесь перед нами вырисовывается один важный и основной вопрос: как, в типичном случае, происходит и неминуемо должна происходить эта переделка, эта реорганизация производственных отношений.

Старое социал-демократическое представление на этот счет было очень просто. Новый класс, в пролетарской революции пролетариат, снимает командующую в производственном процессе „верхушку", говорит ей: „пошли вон, дураки"; „дураки" уходят, более или менее подталкиваемые пролетариатом, который в целости и невредимости получает готовенький, вызревший до конца в лоне капиталистического Авраама общественный аппарат производства. Над ним пролетариат ставит свою „верхушку"—и дело в шляпе: производство идет без перебоев, непрерывность производственного процесса не нарушена, и все общество плавно скользит по пути к развернутому социалистическому строю. Посмотрим, однако, внимательнее на революцию в производственных отношениях. Что прежде всего означают эти производственные отношения с точки зрения процесса труда? Они представляют из себя не что иное, как совокупный людской трудовой аппарат, систему взаимно связанных друг с другом людей, связанных, как мы знаем, по определенному типу. Но кроме того,—и это особенно для нас важно,—трудовые функции различных людских групп в классовом обществе прикреплены, срослись с их классовой ролью. Поэтому перестановка классов есть в большей или меньшей степени разрушение старого трудового аппарата и постройка нового, точно так же, как и в политической фазе революции. Само собой понятно, что от этого на время неизбежно получается падение производительных сил: всякая перестройка требует своих издержек. Точно так же понятно, что степень разрушения старого аппарата, глубина ломки, зависит в первую голову от того, насколько крупная классовая передвижка имеется налицо. В буржуазных революциях, например, командная власть в производстве переходит от одной группы собственников к другой; принцип собственности остается в силе; пролетариат остается на том же месте, где он и был. Следовательно, здесь ломка и разрушение старого гораздо меньше, чем в том случае, когда самый низший слой пирамиды, пролетариат, пробирается кверху. Тут неизбежно

очень крупное потрясение. Старая связь — буржуазия—крупная интеллигенция — средняя интеллигенция — пролетариат — лопается. Пролетариат остается более или менее один: против него—остальные. Отсюда неизбежная временная производственная дезорганизация, которая продолжается до тех пор, пока пролетариат не расставит людей по-другому, не свяжет их другого типа связью, т.-е. пока не создастся новое структурное равновесие общества.

Это положение выдвинуто автором настоящей работы в книге „Экономика переходного периода" (см. особенно III главу), к которой мы и отсылаем товарищей, желающих более подробно ознакомиться с развитыми по этому поводу соображениями. Здесь уместно сделать лишь ряд дополнительных замечаний. Во-первых, насколько такое мнение может считаться ортодоксальным. Мы думаем, что Маркс именно так и смотрел на дело. Характерно то обстоятельство, что Маркс употреблял здесь точно такое же выражение, как и по поводу разрушения государства. Он писал, что оболочка капиталистических производственных отношений „взрывается" („wird gesprengt". См. Das Kapital, Volksausgabe, I, S. 691); в других местах он говорит о „распаде" и „новообразовании" („Auflösung" und „Neubildung"). Понятно, что „взрыв" производственных отношений не может не задевать „непрерывности производственного процесса," что было бы, конечно, много приятнее Весьма вероятно, что в неразвитом виде эта мысль сквозит у Маркса и тогда, когда он говорит о том, что „деспотическое вторжение" пролетариата экономически „нерационально" (unhaltbar), но что оно впоследствии, так сказать, окупает себя. Во-вторых. Нам делался ряд возражений „от новой экономической политики" в России. Возражавшие указывают, что мы занимались в „Экономике" пристрастным оправданием (апологией) русской коммунистической партии, которая зря била посуду. А теперь, мол, жизнь доказала, что разрушать аппарата было нельзя, и что теперь мы кротки и смиренны, как шейдемановцы. Другими словами: разрушение капиталистического производственного аппарата было фактом русской действительности, а вовсе не общим законом революционного перехода от одной формы общества (капиталистической) к другой (социалистической). Это „возражение" явно покоится на поистине безмятежном непонимании дела. Русские рабочие могли пустить капиталистов и проч. только после того, как в основном они их потрепали и сами укрепились, т.-е. после того, как вчерне были созданы условия нового общественного равновесия. Наши же критики конец желают перенести на начало. Ведь и в аппарат государства (напр., армию) мы в России пускаем громадные кадры офицерства и ставим их на командные должности. А попробовали бы мы их оставлять в начале революции?! Попробовали бы мы не разрушать старой царской армии? Тогда бы не рабочие управляли ими, а они управляли бы рабочими, что достаточно хорошо

доказано практикой министров Шейдемана—Носке в Германии, Отто Бауэра—Реннера—в Австрии, Вандервельде—в Бельгии и т. д. В-третьих. Новая экономическая политика в России на $^9/_{10}$ вытекает из крестьянского характера страны, т.-е. из специфически-русских условий. В-четвертых, само собой понятно, что у нас идет речь о типичном ходе событий. В особых же условиях может быть и такое положение дела, когда разрушения не происходит: напр., если пролетариат побеждает в решающих странах, тогда, возможно, буржуазия со всем своим аппаратом будет дальше сдаваться на капитуляцию целиком.

Вышеизложенная точка зрения отнюдь не утверждает, что все рассыпается на отдельных людей. Она утверждает, что различные иерархические пласты людей отходят друг от друга; пролетариат отрывается от остальных пластов (технической интеллигенции, буржуазии и т. д.), но сам он, как совокупность людей, даже сплачивается, по крайней мере, в своей значительной части. Это и есть основа новых производственных отношений (мы раньше видели уже, что „обобществленный труд", представленный, главным образом, пролетариатом, и есть то, что „вызрело" в рамках старого „экономического режима").

Наконец, четвертой (и последней) фазой революции является революция техническая. После того, как достигнуто новое общественное равновесие, т.-е. создана новая устойчивая оболочка производственных отношений, могущая служить формой развития производительных сил, с определенного пункта начинается ускоренное их развитие: препоны сломаны, раны, нанесенные социальным кризисом, залечены, начинается небывалый подъем. Вводятся новые орудия, подводится новый технический фундамент — происходит техническая революция. А дальше начинается „нормальный", „органический" период развития новой общественной формы, которая создает себе соответствующую психологию и идеологию.

Попробуем теперь подвести итоги. Исходной точкой революционного развития послужило, как мы видели, нарушение равновесия между производительными силами и производственными отношениями. Это проявляется в нарушении равновесия между различными частями производственных отношений. В свою очередь нарушение равновесия здесь приводит к нарушению равновесия между классами, выявляясь прежде всего в разрушении психологии гражданского мира. Далее происходит резкое нарушение политического равновесия и его восстановление на новой основе, затем резкое нарушение экономического структурного равновесия и его восстановление на новой основе, а затем подведение нового технического фундамента. Так обще-

ство начинает жить на новой жизненной базе, и все основные жизненные его функции надевают на себя иной исторический наряд.

§ 48. Закономерность переходного периода и закономерность упадка. Исследуя процесс революции, который есть не что иное, как процесс перехода общества из одной его формы в другую, мы пришли к заключению, что, начавшись со столкновения производительных сил с производственными отношениями, этот процесс пробегает различные фазы *от* идеологии к технике, то-есть идет как будто в обратном порядке.

Чтобы разобрать, в чем здесь дело, рассмотрим прежде всего один конкретный пример, опять-таки с пролетарской революцией.

Генрих Кунов, новоявленный критик Маркса, сопоставляет два следующих места (одно из „Нищеты философии", другое— из „Коммунистического манифеста"). В первом говорится: „Рабочий класс в ходе развития заменит буржуазное общество такой ассоциацией, которая будет исключать классы и противоречия между ними, где не будет более политической власти в собственном смысле слова (proprement dit), потому что политическая власть является как раз официальным выражением противоречий внутри буржуазного (civile) общества" (M a r x: „Misère de la philosophie", ed. Giard et Brière). В другом месте Маркс так определяет ход событий: „Если пролетариат организуется (sich vereint) в борьбе против буржуазии, как класс, делает себя путем революции господствующим классом, и, как господствующий класс, насильственно отменяет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он отменяет условия существования классовых противоречий вообще и таким образом и свое собственное господство, как класса".

По этому поводу г. К у н о в (l. c., B. I, S. 321) разражается следующей тирадой: „Это (т.-е. место из „Комм. манифеста". *Н. Б.*) в социологическом отношении есть почти полная противоположность (fast eine Umkehrung) вышеприведенной фразы из „Нищеты философии". Там (т.-е. в „Нищете". *Н. Б.*) сперва происходит путем социальной эволюции уничтожение (Aufhebung) деления на классы, и только потом, в силу того, что тем самым падает базис старой политической власти, происходит ее

политическое (!) завоевание. В „Коммунистическом манифесте“ наоборот, завоевание государственной власти происходит сначала, затем производится путем применения этой власти опрокидывание (Umsturz) капиталистических производственных отношений, а затем путем их отпадения в ряде ступеней (durch deren Wegfall in weiterer Reihenfolge) исчезновение классовых противоположностей и вместе с этим, в конце концов, уничтожение классов вообще“. Таким образом, Кунов утверждает, что в „Нищете“ Маркс—ученый эволюционист, в „Манифесте“—взбалмошный революционер. Г. Кунов бесстыдно фальшивит, ибо он отлично знает, что „Нищета философии“ призывает к „кровавой борьбе“ („кровавая борьба или небытие. Так и только так ставит вопрос история“). Но посмотрим на суть дела. В первом месте у Маркса речь идет о периоде после завоевания власти и об отмирании власти пролетариата. Ни о каком „политическом завоевании“ там нет и речи. Пролетарская же власть с самого начала понимается, как исчезающая величина. То же самое и в „Коммунистическом манифесте“. Таким образом не подлежит сомнению, что Маркс считал завоевание политической власти (т.-е. разрушение старой государственной машины и организацию своеобразной новой) условием для переворота в производственных отношениях, производимого путем насильственной „экспроприации экспроприаторов“. Следовательно, и здесь получается „обратный порядок“. Анализ идет не от экономики к политике, а от политики к экономике. Ибо, в самом деле, если производственные отношения изменяются рычагом политической власти, то, следовательно, здесь политика определяет экономику. И не прав ли Кунов по существу, когда говорит, что здесь мы имеем социологию, противоположную действительной социологии Маркса?

Конечно, не прав. Конечно, он просто реформистски подделывает Маркса, действуя, как самый заправский фальшивомонетчик.

В самом деле. Нельзя же упускать исходного пункта всего процесса. Где лежит этот исходный пункт? В конфликте между развитием производительных сил и имущественными отношениями. Это есть основа процесса, отправная точка всей общественной переорганизации. Когда процесс прекращает свой

бешенный бег? Тогда, когда установится новое структурное равновесие общества. Другими словами: революция начинается потому, что имущественные отношения стали оковами для развития производительных сил; революция, образно говоря, „выполняет свою задачу", когда создаются **новые** производственные отношения, которые могут служить формами развития производительных сил. Что же лежит между этими двумя пунктами? **Обратное влияние надстроек.**

Мы в предыдущих главах видели, что надстройки—вовсе не просто „пассивная" часть общественного процесса: это тоже определенная сила. Спорить с этим смешно, и даже г. Кунов не отважится опровергнуть это. А именно здесь и происходит не что иное, как растянутый во времени процесс обратного влияния, при чем эта растянутость и вытекает из катастрофичности всего процесса, из нарушения всех обычных функций. В так называемое „нормальное" время всякое противоречие между производительными силами и экономикой и т. д. быстро сглаживается, быстро производит свое действие на надстройку, надстройка вновь на экономику и производительные силы, и снова начинается круг и т. д., и т. д. Здесь же это взаимоприспособление различных частей общественного механизма идет страшно туго, мучительно, с колоссальными жертвами: и самые противоречия здесь являются противоречиями огромного масштаба. Немудрено поэтому, что процесс обратного влияния надстроек (политическая идеология—завоевание власти—применение этой власти для переделки производственных отношений) растягивается, заполняя целый исторический период. В этом заключается **своеобразие переходного периода**, которое совершенно непонятно для г. Кунова.

При этом необходимо иметь в виду следующее. Всякая надстроечная сила, в том числе и концентрированная мощь класса, его государственная власть, есть **сила**. Но эта сила **не безгранична**. Никакая сила не может сделать то, что сверх этой силы. Чем же **ограничена** политическая сила ставшего у власти нового класса? Она ограничена данным состоянием экономических отношений, а следовательно, и производительных сил. Другими словами: **то изменение в экономических отношениях, которое может быть произведено при помощи политического рычага, зависит**

само от предыдущего состояния экономических отношений. Это можно лучше всего пояснить на примере русской пролетарской революции. Рабочий класс взял в октябре 1917 года власть в свои руки. Но он не мог и думать о том, чтобы, напр., централизовать и социализировать мелко-буржуазное хозяйство, в частности, хозяйство крестьянское. А в 1921 году выяснилось, что русская экономика еще более упрямится и что сил пролетарской государственной машины хватает на то, чтобы держать социализированной лишь крупную промышленность, да и то не всю.

Теперь обратим внимание вот на какую сторону дела. Выше мы видели, что революционный процесс прерывает развитие производительных сил; более того, временно он даже понижает уровень этих производительных сил. Нам необходимо возможно более отчетливо уяснить себе смысл и значение этого явления.

Неорганизованное общество, наиболее ярким выражением которого является товарно-капиталистическое общество, развивается всегда скачкообразно. Всякому теперь известно, что с капитализмом, напр., связаны войны и промышленные кризисы. Всякий теперь знает, что эти войны и эти кризисы являются, как говорят, „непременной принадлежностью“ капиталистического строя. Другими словами: если существует капитализм в его развитии, то обязательно существуют и кризисы, и капиталистические войны. Это „естественный закон“ капиталистического развития. Что же означает этот закон, если посмотреть на него с точки зрения производительных сил общества? Возьмем сперва кризисы. Что происходит во время них? Во время них происходит остановка предприятий, рост безработицы, сокращение производства, разорение и гибель многих предприятий, особливо мелких, другими словами, частичное разрушение производительных сил. А в то же время, на ряду с этим, повышение организационных форм капитализма: усиление наикрупнейших предприятий, рост трестов и других мощных монополистических союзов. Что происходит после кризиса? Новый круг развития, новый подъем на новой основе, при высших организационных формах, дающих больший размах развитию производительных сил. Таким образом, ценою кризиса и растраты производительных сил во время него покупается возможность дальнейшего развития.

То же при капиталистических войнах до определенного предела. Они—выражение капиталистической конкуренции. Они сопровождаются временным упадком производительных сил. Но после них государства буржуазии округлялись, могущественные становились еще более могущественными, мелкие проглатывались: капитал ценрализовался в мировом масштабе, приобретал большее поле для эксплоатации, рамки для развития производительных сил раздвигались, после временного падения шел еще более быстрый процесс накопления. Таким образом можно сказать, что возможность расширенного воспроизводства и здесь покупалась ценой временного падения производительных сил.

Тот же закон годится и для большего масштаба, которым мы измеряем развитие общества. Мы уже знаем, что значение революции состоит в том, что она уничтожает помеху для развития производительных сил. Но как это ни странно, уничтожая эту помеху, она временно уничтожает часть самих производительных сил. И этого так же нельзя избежать, как нельзя избежать кризисов при капитализме.

Разрушительное действие революции („издержки революции" складывается из нескольких величин:

1. Физическое уничтожение элементов производства. Сюда можно причислить все виды уничтожения вещей и людей в процессе гражданской войны. Ибо всякому понятно, что когда делают из вагонов баррикады и убивают людей (а гражданская и классовая война влечет за собой такие жертвы), то это есть разрушение производительных сил. Уничтожение машин, фабрик, железных дорог, скота и т. д.; порча и уничтожение средств производства от саботажа, отсутствия ремонта, от невоспроизводства нужных частей и т. д.; убыль рабочих в войне, убыль интеллигенции и проч.,—все это относится к физическому уничтожению производительных сил.

2. Ухудшение качества элементов производства. Сюда относится снашивание машин при отсутствии ремонта и воспроизводства; физическое истощение рабочей силы (рабочих, интеллигенции и т. д.); переход на менее доброкачественные суррогаты (более плохой металл, замена мужского труда женским и детским, мещанский элемент на фабриках и т. д.).

3. Распад связи между элементами производства. Это самая важная причина специально революционной разрухи. Сюда относится та дезорганизация производственных отношений, о которой речь шла в тексте (распад связи между пролетариатом—с одной стороны, технической интеллигенцией и буржуазией—с другой;

распад капиталистических организаций; распад связи между городом, и деревней, и т. д. и т. д.). Здесь производительные силы (т.-е. вещи и люди) физически не уничтожаются, а выпадают из процесса производства (вещи стоят, люди не работают). Сюда же нужно сопричислить те издержки, которые вытекают из первоначального „неуменья" нового класса строить свои организации, „ошибки" и т. д.

4. Перераспределение производительных сил в сторону непроизводительного потребления. Сюда относится перевод значительной части производительных сил на военную работу: производство пушек, ружей, армейского сукна и прочего снабжения армии (см. обо всем этом „Экономику переходного периода", гл. VI).

Вышеперечисленные примеры взяты из области пролетарской революции. Легко, однако, видеть, что те же рубрики имеются и во всякой революции, только сумма издержек революции в революциях буржуазных будет, в общем, меньше.

История целиком подтверждает эти теоретические положения. Так, крестьянские войны в Германии породили грамаднейшую разруху; французская революция с ее финансовым кризисом, неимоверной дороговизной, голодом и т. д.—то же самое. В гражданской американской войне Соед. Штаты были отброшены минимум на 10 лет назад. А затем, после общественной реорганизации, через определенный промежуток времени начинается подъем, который идет гораздо быстрее, чем подъемы дореволюционного периода: общество нашло более удобную оболочку для своих производительных сил.

Итак, переход общества из одной формы его в другую сопровождается временным понижением производительных сил, без которого становится невозможным дальнейшее их развитие.

От закономерности переходного времени закономерность упадка отличается тем, что здесь нет перехода к высшей форме хозяйства; здесь падение производительных сил продолжается до тех пор, пока общество не получает встряски от какого-нибудь внешнего толчка, или пока оно не найдет своего равновесия на пониженной основе, после чего начинается „повторение пройденного" или длительное состояние застоя, но никак не высшая форма экономических отношений.

Если мы анализируем причины упадка, то в общем они сводятся к тому, что данные имущественные отношения не могут быть прорваны: они поэтому остаются оковами развития, давящими обратно на производительные силы, которые, так сказать, все время „отступают". Это может быть, например, в таком случае, когда в революции силы борющихся классов прибли-

зительно равны и поэтому ни один класс не может победить, и все общество гибнет. Здесь конфликт между производительными силами и производственными отношениями продетерминировал определенным образом волю классов, но революция не перешла за пределы своей первой фазы. Классы дерутся, никто не может победить, производство замирает, общество вымирает. Или может быть такое положение, когда победивший класс не в состоянии справиться с задачами, которые выпали на его плечи. Или мы можем представить себе, что до революции дело не дошло. Но ход развития производительных сил происходил в такой обстановке, когда он определил совершенно особую группировку классов: паразитический, целиком господствующий класс и совершенно забитый угнетенный класс. Тогда и революции не будет: будет рано или поздно простое, можно сказать, „бескровное" разложение и упадок. Может, наконец, быть и смешанный тип. Во всех этих случаях мы видим, что развитие производительных сил привело к такой экономике и к таким „надстройкам", обратное влияние которых парализует развитие производительных сил и гонит их вниз. А раз отступают производительные силы, то, само собою разумеется, понижается и уровень всей совокупной общественной жизни.

Примерами общественного упадка могут служить Греция и Рим, позднее Испания и Португалия. Обеспеченные рабами, получаемыми в бесконечных войнах, господствующие классы превращались в паразитов вместе с частью свободных граждан. Их техника позволяла им вести войны, обусловливала соответствующию экономику; экономика порождала определенный государственный строй; но материальное положение классов определяло их быт, их общественную психологию (паразитического вырождения у господствующих, вырождения от тупости и забитости у угнетенных). Такая надстройка давила на базис и на производительные силы, рост которых приостановился, а затем стал отрицательной величиной. Это вполне понятное объяснение заменяется у большинства исследователей бесконечной путаницей. Образцом такой путаницы является, напр., „самая новая" книга П. Бицилли: „Падение Римской империи". Казанский проф. Васильев, который в своей уже цитированной нами работе дает обзоры всех теорий падения античного мира, считает необходимым выдвинуть биологическую теорию вырождения. Вырождение господствующих, по мнению проф. Васильева, есть необходимое следствие всякой культуры и естественный (с некотрыми оговорками) конец: суть дела в том, что мышечный труд заменяется нервным, нервная система развивает свои потребности, происходит биологическое вырождение.

В связи с этим г. Васильев полагает, что материалистическое марксистское понимание истории должно быть заменено материалистическим васильевским пониманием, которое гораздо „глубже“; г. Васильев указывает, что прогресс общественных наук шел именно таким путем: сперва анализировали идеологию, потом—политику, потом—социальный строй, потом—экономику (Маркс). Теперь нужно углубить дело еще и перейти к материальной природе человека, его физиологической природе, изменение которой и составляет „суть“ исторического процесса. Что материальная природа человека изменяется—это верно. Но если выходить за пределы общественной закономерности, то от биологии нужно переходить к физике и химии. Однако здесь сразу становится ясной ошибка г. Васильева. Дело в том, что закономерности общественной науки должны быть общественными закономерностями. И когда мы хотим объяснить общественные свойства материальной природы человека, то нам приходится выяснять, под влиянием каких общественных причин изменялась физиология (а равно и психология) человека. И тут мы придем к тому, что эту сторону дела прежде всего определяют условия материального быта, т.-е. положение данных групп в производстве. Значит г. Васильев отнюдь не углубляет, а, наоборот, идет вспять. В сущности, его теория есть старая-престарая теория о неизбежной старости рода человеческого. Помимо того, что она непригодна, ибо покоится на простой аналогии, с организмом, она не может объяснить самых простых вещей: почему, напр., более утонченная европейская культура не гибла, а Рим погиб? Почему Испания „пала“, а Англия нет?, и т. д. Общими местами о вырождении ничего объяснить нельзя прежде всего по той простой причине, что вырождение это есть продукт общественных условий. Анализ этих последних только и может дать правильный подход к предмету.

Анализ закономерности переходного периода и периодов упадка хорошо освещает также очень „страшный“ вопрос: чем же определяется развитие производительных сил? Под влиянием чего изменяются эти последние? Нетрудно видеть, что они изменяются под обратным влиянием базиса и всех надстроек. Маркс сам отлично видел это. Так в III томе „Капитала“ (B. III, 1, S. 56) он пишет, что „развитие производительной силы объясняется (führt sich zurück) общественным характером приведенного в движение труда (der in Tätigkeit gesetzten Arbeit), разделением труда внутри общества развитием духовного труда, именно естественных наук“. Строго говоря, этим, конечно, дело не ограничивается: Маркс выбрал только наиболее важные факторы, влияющие на производительные силы в промышленности. Но,—скажут нам,—почему же тогда вы танцуете от печки? Да потому,—ответим мы снова и снова, — что какие бы процессы взаимодействия внутри общества не происходили, всегда в каждый данный момент внутриобщественные отношения, поскольку мы берем общество в его равновесии, будут соответствовать тому соотношению которое имеется между обществом и природой.

§ 49. Развитие производительных сил и материализация общественных явлений („накопление культуры“). Когда мы рассматриваем процесс производства и воспроизводства при росте производительных сил, то мы замечаем один общий закон, а именно: при росте производительных сил все бо́льшая доля труда затрачивается на производство средств производства. При помощи этих все растущих средств производства, которые входят в общественную технику, гораздо меньшая доля труда, чем раньше, дает неизмеримо большее количество всевозможных полезных продуктов. При ручном труде на изготовление средств производства шло сравнительно небольшое количество времени. На этих незначительных, мизерных ручных орудиях трудились люди в поте лица своего и получали ничтожную производительность труда. Наоборот, в развитом обществе громадная доля общественного труда идет на то, чтобы произвести мощные орудия труда—машины и аппараты, чтобы произвести громадные другие средства производства, вроде колоссальных фабричных корпусов или гаваней или электрификации рудников и т. д. На эту работу тратится большое количество человеческих сил. Но зато при помощи этих могучих средств производства становится невиданно производительным живой труд: „предварительные затраты“ с лихвой окупают себя.

В капиталистическом обществе этот закон находит свое выражение в относительном росте постоянного капитала по сравнению с капиталом переменным. Та часть капитала, которая идет на постройку фабричных зданий, на машины и т. д., растет быстрее, чем та его доля, которая идет на наем рабочих. Или, другими словами: при развитии производительных сил в капиталистическом обществе постоянный капитал растет быстрее, чем капитал переменный. Иначе это можно формулировать таким образом: при росте производительных сил производительные силы общества постоянно перераспределяются так, что все бо́льшая их часть находит себе место в отраслях, производящих средства производства.

Итак, рост производительных сил, накопление власти человека над природой выражается в том, что все более солидный „удельный вес“ получают вещи, мертвый труд, общественная техника.

Спросим теперь себя, нет ли сходных явлений в других областях общественной жизни. Этот вопрос мы в праве задать вот почему. Ведь выше мы видели, что надстроечный труд есть тоже труд, отдифференцированный, отколовшийся, выделившийся из лона материального труда. Мы видели также, что структура надстроек содержит в себе и вещественно-материальные элементы, и людские элементы, и идеологические в собственном смысле слова. Как же происходит здесь накопление этой „духовной“ культуры? Нет ли здесь сходства с материальным процессом производства, и если есть, то в чем оно проявляется?

Забегая несколько вперед, мы скажем: *сходство есть, и оно проявляется в том, что общественная идеология материализуется, застывает в вещах, накапливается тоже в совершенно материальных предметах.* В самом деле, вспомним, по чему, по каким источникам восстанавливаем мы старинные „духовные культуры? По так называемым „памятникам“ прежних эпох, по остаткам старинных библиотек, по книгам, по надписям, по глиняным табличкам, по статуям, по картинам, по храмам, по найденным музыкальным инструментам, по тысяче других *вещей.* Эти вещи для нас представляют как бы застывшую, материализованную идеологию отдаленных эпох, и мы по этим *вещам* с достоверностью можем судить и о психологии их современников, и об их идеологии точно так же, как по остаткам орудий труда мы судим о степени развития производительных сил, а отчасти и об экономике этих эпох. Заметим себе еще вот что. В надстроечном труде, в идеологическом труде очень часто средства *потребления* играют в то же самое время и роль средств дальнейшего *производства.* Посмотрите, скажем, на картинную галлерею. Картины являются средствами наслаждения, это продукты потребления для публики, которая их смотрит. Но в то же время это средства производства,—правда, не такие, как кисти или полотно, но все же своеобразные средства производства. Ибо по ним *учатся* следующие поколения. Если возникает новая художественная школа, новое „направление“ в живописи, оно вовсе не сваливается с потолка: оно вырастает из прежнего, даже тогда, когда оно ругательски ругает, „отрицает“ и разрушает старую

идеологическую систему. Из ничего не делается ничего. Как в области политики во время революции старое государство разрушается, но новое есть в известной степени по-другому связанные старые элементы, точно так же и в идеологической области. Даже в величайших перерывах есть все же преемственность и связь с прошлым: новое вовсе не строится на чистой, „голой земле". Картины для художников есть средство производства, накопленный художественный опыт, сгущенная идеология, от которой в этой области начинается всякое дальнейшее движение.

На это можно возразить, примерно, так: какую вы разводите грубую отсебятину! Что общего имеет высокое христианское учение с вещественными знаками, которые черным составом начерчены на пергаменте или бумаге? Что общего имеет оно со свиной кожей, из которой сделан переплет евангелия? Что общего между научной идеологией самой по себе и грудой бумажного хлама, который собран в библиотеках? Нельзя же не видеть разницы между идеологиями, этим тонким продуктом коллективного человеческого ума и такими грубыми материальными предметами, как, например, книга, взятая как вещь!

Все подобные рассуждения покоились бы на недоразумении. Конечно, ни бумага, взятая сама по себе, ни красящие вещества, ни свиная кожа не имели бы для нас никакого значения, если бы мы их не брали в их общественном бытии.

В § 36 нашей книги мы видели, что и машина, взятая вне общественной связи, есть просто кусок металла, дерева и т. д. Но она имеет еще общественное бытие, поскольку она расшифровывается людьми, как машина, в процессе труда. Точно так же и книга: она имеет, кроме физического бытия, как куски бумаги, еще и общественное бытие: она расшифровывается, как книга, в процессе чтения. И здесь она обнаруживает себя именно, как сгущенная идеология, как средство идеологического производства.

Если мы с этой стороны подойдем к вопросу о накоплении духовной культуры, то мы увидим без труда, что это накопление действительно происходит в вещных формах, так сказать, откладывается в уплотненном, материальном виде. И чем „богаче" область духовной культуры, тем грандиознее, тем шире область этих „материализованных общественных явлений".

Образно говоря (и помня, что это только аналогия), вещественный остов духовной культуры представляет из себя „основной капитал" этой культуры, который тем больше, чем она богаче, что опять-таки „в конечном счете" зависит от уровня развития материальных производительных сил. Наивные надписи, маски, грубые идолы, рисунки на камнях, памятники искусства, ролики папирусов с рукописями, пергаментные „книги", храмы и астрономические обсерватории, глиняные таблички с текстом, а позже—галлереи, музеи, ботанические и зоологические сады, колоссальные библиотеки, научные постоянные выставки, лаборатории, газеты, печатные книги и т. д., и т. д.—все это накопленный, материализованный опыт человечества. В новых книжных полках с новыми книгами, которые постоянно прибавляются к тому, что было, наглядно проявляется сотрудничество многих поколений, непрерывной чередой идущих одно за другим.

Мы теперь так привыкли к ряду явлений из этой области, что не замечаем здесь исторических границ. Текущая психология и идеология, напр., застывает в газете. Между тем газета—новое явление, возникшее, примерно, лишь в XVII столетии. Правда, важнейшие государственные сведения вывешивались („опубликовывались") еще в древнем Риме и у китайцев (VIII стол. по Р. Х.), однако, это было нечто мизерное (см. K. Bücher: „Das Zeitungswesen" in Kultur der Gegenwart). Книга то же самое по сути дела ведет свою родословную со времени изобретения книгопечатания. До этого были лишь папирусные ролики и пергаментные „кодексы", как наиболее совершенные способы фиксировать накопленную „мудрость веков", да глиняные дощечки (Вавилон), которые, однако, накоплялись в громадные библиотеки (напр., знаменитейшая библиотека Ассурбанипала; см. R. Pietschmann: „Das Buch in Kultur der Gegenwart"). Библиотеки (Лейбниц называл их „сокровищницами всех богатств человеческого духа") встречаются, таким образом, еще в седой старине, и их остаткам обязаны мы, главным образом, раскрытием многих и многих тайн давно ушедшего времени (коротко о библиотеках см. „Die Bibliotheken" von Fritz Milkau, там же); таково значение упомянутой библиотеки Ассурбанипала (VII столетие до Р. Х.) или американских библиотек стариннейших жреческих школ (третье тысячелетие до Р. Х.!). „Между всеми научными учреждениями,— справедливо пишет Hermann Diels („Die Organisation der Wissenschaft", там же),—с давнишних времен библиотеки признаны самым важным и необходимым вспомогательным средством для сохранения, расширения и развития науки и для дополнения быстро преходящего viva vox (живого голоса) учителей" (S. 639). Понятно, что такую же роль в искусстве играют „памятники искусства", коллекции, галлереи, музеи, храмы и т. д.

Итак, накопление духовной культуры происходит не только в форме повышения психологии и идеологии, имеющейся в головах людей, но и в форме накопления вещей.

§ 50. Процесс воспроизводства общественной жизни в е о целом. Теперь мы можем коротко подвести итоги.

Между обществом и природой происходит постоянный „обмен веществ“—процесс общественного воспроизводства, кругами повторяющийся процесс труда, который вновь и вновь замещает потребленное, при развитии производительных сил расширяет свою базу, давая обществу возможность постоянно раздвигать границы своей жизни.

Но процесс производства материальных продуктов есть в то же самое время процесс производства данных экономических отношений. „Капиталистический процесс производства,—говорит Маркс,—рассматриваемый как нечто связное, т.-е. как процесс воспроизводства, производит не только товары, но кроме того производит и воспроизводит и самое отношение, именуемое капиталом, т.-е. с одной стороны—капиталиста, с другой—наемного рабочего“ (K. Marx: „Das Kapital“, B. I, S. 541 Гамб. изд. 1903 г.). Эта формула Маркса верна не только для капиталистического способа производства: она верна вообще. Если мы, например, возьмем античное рабское хозяйство, то каждый производственный цикл будет сопровождаться тем, что рабовладелец будет получать свою долю, раб—свою; что рабовладелец и в последующем цикле будет выполнять свою роль, раб—свою; что в случае расширенного воспроизводства изменение будет лишь в том, что доля рабовладельца, его мощь, количество его рабов, масса создаваемого ими прибавочного труда будет больше. Так, процесс материального воспроизводства есть в то же время и процесс воспроизводства тех производственных отношений, той исторической скорлупы, в рамках которых он движется. С другой стороны, процесс материального воспроизводства есть процесс постоянного воспроизводства соответствующих рабочих сил. „Сам человек,—писал Маркс,—рассматриваемый просто как средоточие рабочей силы (als blosses Dasein von Arbeitskraft) является предметом природы, вещью (ein Ding), хотя и живой, сознающей себя вещью; а сама его работа является вещным проявлением (die dingliche Aeusserung) его силы“ (B. I, S. 165). Но в различные

исторические периоды, в соответствии с техникой общества способом производства и т. д. имеются определенные рабочие силы, т.-е. рабочие силы соответствующей квалификации. Процесс воспроизводства воспроизводит постоянно эту квалификацию. Другими словами: процесс общественного воспроизводства воспроизводит не только вещи, но и „живые вещи“, т.-е. работников определенной квалификации; он воспроизводит также отношения между ними; он при расширенном характере вносит поправки, соответствующие новому уровню производительных сил, расставляя в таком случае не совсем таких же людей (ибо требуются новые квалификации, новые „живые машины“) и не совсем в тех же местах трудового поля. Но он оставляет неприкосновенным (если речь не заходит о революционно-переходном периоде) основной узор призводственных отношений, постоянно воспроизводя его во все более широком масштабе.

Если совокупность различных квалификаций рабочих сил назвать общественной физиологией, то можно сказать, что процесс воспроизводства постоянно воспроизводит экономику общества, а следовательно, и его физиологию.

Всякая работа требовала до сих пор и пока еще, в силу специализации, требует определенного физиологического типа. Поэтому, между прочим, можно даже по внешнему виду отличить грузчика, металлиста, приказчика, мясника, шпика, и т. д. (об этом см. Л. Кржживицкий: Профессиональные типы), не говоря уже о музыканте и людях „свободных профессий“). Таким образом, не только психология людей является общественной их психологией, но и физиологическая их структура есть продукт общественного развития: „воздействуя на природу, человек изменяет свою собственную природу“. То, что мы условно называем „общественной физиологией“, не может противопоставляться экономике, так как это ее (экономики) составная часть. Разница здесь вот какая; когда речь идет об экономике, то анализируют связи и тип этих связей между людьми, берут их материальное отношение друг к другу; то, что мы называем общественной физиологией, есть не связь, а качества самих этих элементов.

Но вместе с процессом материального воспроизводства вращается и вся гигантская машина общественной жизни целиком: воспроизводятся соотношения классов, воспроизводятся отношения государственной организации, воспроизводятся отношения в сфере различных отраслей идеологического труда. При

этом совокупном воспроизводстве всей общественной жизни постоянно воспроизводятся и общественные противоречия. Частичные противоречия, возникающие как нарушение равновесия на основе толчка, идущего от развития производительных сил, постоянно разрешаются путем частичной перестройки общества в рамках данного способа производства. Но основные противоречия, вытекающие из самой сути данной экономической структуры, воспроизводятся на все расширяющейся основе, пока их рост не достигает таких размеров, которые приводят к катастрофе. Тогда рушится вся старая форма производственных отношений, и если общество развивается, создается новая их форма. „Развитие противоречий данной (einer) исторической формы производства есть... единственный исторический путь ее разложения (Auflösung) и образования новой формы (und Neugestaltung) („Das Kapital", I, S. 454.) Этот момент сопровождается временным перерывом процесса воспроизводства, его нарушением, которое находит свое выражение в гибели части производительных сил. Генеральная перестройка всего людского трудового аппарата, реорганизация всех людских связей приводит к новому равновесию, и общество начинает тогда новый всемирно-исторический цикл своего развития, расширяя свою техническую основу и накопляя овеществленный свой опыт, который каждый раз служит отправной точкой для какого бы то ни было движения вперед.

Литература к VII главе. Плеханов: Статья против Струве в сборнике „Критика наших критиков" (лучшая работа, посвященная анализу производственных отношений с точки зрения революции). Р. Люксембург: Социальная реформа и революция. К. Каутский: Соц. революция. К. Каутский: Анти-Бернштейн. Kunow: Die Marxsche Geschichts, Gesellschafts- und Staatstheorie, B. I. B. Зомбарт: Социализм и соц. движение. Н. Ленин: Государство и революция. Н. Ленин: Пролетарская революция и ренегат Каутский. Н. Бухарин: Экономика переходного периода. ГОЭЛРО: План электрификации России, вводная часть. Hermann Beck; Сборник Wege und Ziele der Sozialisierung. Ю. Делевский (с.-р.): Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. Спб. 1910, Маркс, главным образом, К критике политическ. экономии, затем исторические работы.

ГЛАВА VIII

Классы и классовая борьба.

§ 51. Класс, сословие, профессия. § 52. Классовый интерес. § 53. Классовая психология и классовая идеология. § 54. „Класс в себе“ и „класс для себя“. § 55. Формы относительной солидарности интересов. § 56. Классовая борьба и классовый мир. § 57. Классовая борьба и государственная власть. § 58. Класс, партия, вожди. § 59. Классы, как орудие общественной трансформации. § 60. Бесклассовое общество будущего.

§ 51. Класс, сословие, профессия. Нам необходимо теперь остановиться несколько более подробно на вопросе о классах и классовой борьбе. Из предыдущего мы уже знаем, какую громадную роль играют классы в развитии человеческого общества. Недаром даже общественная структура в классовом обществе определяется именно тем, какие классы в нем существуют, в каком соотношении друг к другу они стоят и т. д. Недаром всякое крупное изменение в общественной жизни так или иначе связано с классовой борьбой. Недаром переход общества от одной его формы к другой реализуется через бешеную войну классов. Именно поэтому начинали Маркс и Энгельс „Манифест Коммунистической Партии“ словами: „Вся история общества была до сих пор историей классовой борьбы“.

Что же такое класс?

В предыдущем изложении (смотри выше) мы уже дали в общих чертах ответ на этот вопрос. Теперь нужно разобрать дело более подробно. Мы видели раньше, что под общественным классом разумеется совокупность людей, играющих *сходную роль в производстве, стоящих в процессе производства в одинаковых отношениях к другим людям, при чем эти отношения выражаются*

также и в вещах (средствах труда). Отсюда вытекает и от обстоятельство, что в процессе распределения продуктов каждый класс объединен единым источником дохода, ибо отношения распределения продуктов определяются отношениями их производства. Рабочие текстильщики и металлисты не составляют двух разных классов, а составляют один класс, так как по отношению к другим людям (инженерам, капиталистам) они находятся в одинаковом отношении. Точно так же владельцы угольных копей, кирпичного завода и корсетной фабрики представляют одну классовую категорию: ибо, несмотря на физическое различие вещей, с которыми им приходится иметь дело, по отношению к людям в процессе производства они занимают одинаковое („командующее“) отношение, которое выражается и в вещах („капитале“).

Таким образом, в основе классового деления общества лежат производственные отношения. Нам нужно здесь присмотреться к другим возможным решениям вопроса, которые очень „в ходу“. Одним из самых ходячих взглядов является деление на классы по признаку „бедных“ и „богатых“. Если человек имеет в кармане столько-то монет, а другой — вдвое больше, значит, они уже сопричисляются к разным классам. Здесь во главу угла кладется или размер владения, или высота жизненного уровня. Один английский социолог (Д' Эт) выработал даже целую таблицу деления на классы: первый класс, самый низший (босяки)—расходный бюджет 18 шиллингов в неделю, второй класс—25 шиллингов, третий—45 и т. д. (см. очень старательно выполненную и притом марксистскую работу проф. С. И. Солнцева: Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. Томск, 1919, стр. 268 и след.). Как ни прост такой взгляд, но он совершенно наивен и абсолютно неверен. С этой точки зрения, напр., в капиталистическом обществе пришлось бы рабочего металлиста или линотипщика выключать из пролетариата, а зато крестьянина-бедняка или же ремесленника включать в рабочий класс. Самым революционным „классом“ пришлось бы считать тогда люмпен-пролетариат, „пролетариат босяков“, и на него возлагать надежды, как на силу, которая будет осуществлять переход к высшей форме общества.

С другой стороны, двух банкиров, из которых один втрое богаче другого, пришлось бы рассаживать на две классовые скамейки. Между тем, повседневный опыт указывает нам, что различные слои рабочих идут вместе гораздо скорее, чем происходит совместная борьба рабочих и ремесленников, рабочих и крестьян и т. д. Крестьянин не чувствует себя членом одного и того же класса, что рабочий. И, наоборот, два банкира, будь один из них вдесятеро богаче, чем другой, чувствуют себя членами одной милой семейки. „Объем кошелька,—писал Маркс в „Нищете философии", — это чисто-количественная разница, которой два индивидуума одного и того же класса могут быть превосходно натравлены друг на друга". Другими словами, разница в „богатстве" не может служить достаточным основанием для определения того, что такое класс, хотя она даже в рамках одного и того же класса производит определенное действие.

Другой очень распространенной теорией является теория, которая берет за основу классового деления общества процесс распределения, т.-е. раздел общественного дохода. Если говорить, напр., о капиталистическом обществе, то деление дохода на три главные части: прибыль, ренту, заработную плату дает основание для разграничения трех классов: капиталистов, землевладельцев и пролетариев (наемных рабочих); доля каждого из них может при данной величине общественного дохода расти лишь за счет доли другого класса. Поэтому члены одного класса связаны общностью и однородностью интересов по отношению друг к другу—во-первых, и противопоставлены противоречием интересов другим классам — во-вторых.

Если эту теорию не сводить к рассуждению о том, кто получает больше, кто меньше, то тогда неизбежно тотчас же возникает вопрос: но почему же лица, связанные в класс, воспроизводятся, как класс? Почему происходит так, что, скажем, в капиталистическом обществе существуют определенные виды дохода? Где причина устойчивости этих „видов дохода"? Стоит только задать этот вопрос, чтобы сразу увидеть, в чем дело. Эта устойчивость покоится на отношении к средствам производства, в которых, в свою очередь, выражается отношение между людьми в процессе производства. Роль людей в производстве и собственность на средства

производства, т.-е. „распределение людей“ и „распределение средств производства“ есть величины, в пределах данного способа производства устойчивые. Раз есть капитализм, то, значит, есть категория командующих производственным процессом людей, которые в то же время распоряжаются какими угодно средствами производства, и есть категория людей, которая работает под командой первых, подчиняя им свою рабочую силу и производя им товарные ценности. Именно это обстоятельство и служит причиной того, что в области распределения продуктов труда (т.-е. в сфере раздела дохода) тоже получается определенная закономерность. Другими словами, мы пришли к тому, что важнейшие стороны производства — „распределение людей“, „распределение вещей“—и составляют основу классовых отношений.

Иначе, в сущности, и не могло получиться. В самом деле, подойдем к вопросу с другого конца, придадим ему самую общую формулировку. Ведь ясно, что каждый класс есть некоторая „реальная совокупность“, т.-е. совокупность людей, находящихся в непрерывном взаимодействии „живых людей“, корнями уходящих в производственную жизнь, мыслями летящих хоть до облаков небесных. Это есть особая частная людская система внутри большой системы, которую мы называем человеческим обществом. Отсюда ясно, что к классу мы должны подходить с *того же боку*, как мы подходили к *обществу*. Иными словами: анализ классов нужно начинать с *производственной стороны*. Конечно, нам вовсе не должно показаться удивительным, что классы отличаются друг от друга по разным линиям: и по производственной, и по линии распределения, и по линии политики, и по линии своей психологии, и по линии идеологии. Ибо одно зависит от другого, все эти явления взаимно связаны друг с другом: к экономическим корешкам пролетариата нельзя приставить буржуазных вершков: это хуже, чем корове надеть седло. Но эта связь именно и обусловлена в конечном счете положением класса в процессе производства. Вот почему мы должны определять класс по *производственному* признаку.

Чем же отличается общественный *класс* от *сословия*? *Под классом*, как мы видели, разумеется категория лиц, объединенная общей ролью в процессе производства, совокупность

людей, где каждый находится в сходном отношении к другим участникам процесса производства. Под сословием же разумеются группы лиц, объединенные общим положением в юридическом, правовом строе общества. Крупные землевладельцы—это класс. Дворяне—это сословие. Почему? Потому, что крупные землевладельцы обладают определенным производственно-экономическим признаком, а дворяне—нет. Дворянин имеет определенные правовые, т.-е. законом данного государства закрепленные, права и преимущества своего „благородного сословия". Но экономически этот дворянин может быть настолько захудалым, что едва-едва перебивается; он может быть люмпен-пролетарием, но по сословию он продолжает оставаться дворянином (как у Горького „На дне"—„барон"). Или возьмем другой пример. При царском правительстве у многих рабочих было написано в паспортах: „крестьянин такой-то губернии, такого-то уезда, такой-то волости". А этот крестьянин никогда и не крестьянствовал, родившись в городе и будучи с малых лет наемным рабочим. Значит, здесь ясно видна разница между классом и сословием. Ибо здесь человек по классовому признаку является рабочим, по сословному (т.-е. с точки зрения царских законов, разделяющих людей по этим сословиям) он является крестьянином. Но здесь тотчас появляется вот какой вопрос: ведь, как мы знаем, „политика" (и право в том числе) является „концентрированным выражением экономики". Можем ли мы останавливаться на праве, не спускаясь глубже?

Конечно, *не* можем: ведь мы только-только говорили об этом, когда рассуждали о классах, что для нас методологически важно подходить к социальным группировкам именно с производственного конца. Как же решить вопрос с сословиями?

Послушаем прежде всего, что говорит по этому вопросу проф. Солнцев, автор наиболее солидной работы о классах. Он пишет: „Социально-неравные группы сословного расслоения выявляются таковыми и возникают не на почве отношений социально-трудового процесса, не на почве отношений хозяйства, а на почве, главным образом, отношений права и государства. Сословие—правно-политическая, юридическая категория и, как таковая, она может иметь различные формы проявления... В отличие от сословного, классовое расслое-

ние возникает на основе экономических отношений"... (1. с., стр. 22). Не является ли, однако, сословие просто-напросто классом, „лишь облеченным в костюм правно-политической категории"? На это Солнцев отвечает отрицательно. Однако он сам указывает, что, напр., в античном мире „сословный строй не мог не отражать на себе классовых различий"... (1. с., 25), что „классовая борьба принимает своеобразную форму сословной борьбы" (26). Эта крайне туманная постановка вопроса заставляет нас постараться найти более отчетливую формулировку.

Приведем пример. Во время великой французской революции под „третьим сословием" разумелась каша из разных классов, тогда еще мало отделявшихся друг от друга: тут была и буржуазия, были и рабочие, и „промежуточные классы" (ремесленники, мелкие торговцы и т. д.). Все они были „третьим сословием". Почему? Потому, что они юридически были „ничем" по сравнению с привилегированными землевладельцами-феодалами. „Третье сословие"—это было юридическое выражение. блока классов, противостоявших господствовавшим помещикам. Отсюда следует: класс и сословие могут не совпадать. Но под сословной скорлупой обязательно таится, в общем и целом, классовая сущность (здесь одно сословие, а класс не один, а несколько; но все же это—классы, а не неизвестно что, как это почти выходит у Солнцева). С другой стороны, несовпадение между классом и сословием может быть иного рода, о котором мы говорили раньше, а именно: человек мог принадлежать к „низшему классу", но к „высшему сословию" (опустившийся экономически дворянин, служащий дворником или истопником), и, наоборот, он может принадлежать к низшему сословию, но к командующему, высшему классу (крупный купец, выбившийся из крестьян-кулаков). Как же быть здесь? Где здесь „классовое содержание под экономической скорлупой"? Ясно, что его нет. Как же теоретически справиться с этим „упрямым фактом"?

Для того, чтобы и здесь найти правильное решение вопроса, необходимо взглянуть на дело не с точки зрения отдельного случая, а с точки срения типичных соотношений в рамках определенного хозяйственного уклада. Обратим внимание вот на какое основное обстоятельство: сословия были уничтожены

буржуазными революциями, развитием капиталистических отношений. Если вдуматься, почему же капитализм не мирился с существованием сословий, то легко притти к таким выводам: в докапиталистических формах общества все отношения гораздо консервативнее, темп жизни медленнее, изменений неизмеримо меньше, чем при капитализме. Господствующий класс здесь—поземельная аристократия,—можно сказать, наследственный класс. Вот эта удивительная неподвижность отношений делала возможным закрепление классовых привилегий, с одной стороны, повинностей, с другой, рядом юридических норм; эта неподвижность позволяла надевать на класс (или классы) рубашку „сословия". Таким образом в общем и целом „сословия" шли по той же линии, что и классы или же группы классов в их противоположности к какому-нибудь одному классу. Но этому соответствию был нанесен стремительный удар проникновением товарно-капиталистических отношений, гораздо более текучих и подвижных: „чумазый" пролезал наверх, появлялись так называемые „нуво-риш" (богатые выскочки), и это было обычным явлением; часть землевладельцев переходила на капиталистические начала, другая—беднела, нищала, третья—держалась на прежнем уровне и т. д. Таким образом подвижность капиталистических отношений подмыла всякое основание под существованием сословий. Переходный период разложения феодальных отношений и нашел свое выражение в растущем несоответствии между экономическим содержанием классов и сословно-юридической оболочкой. Вот в такой-то период и создавалось несоответствие, которое неизбежно приводило к краху всей сословной системы. Сословная оболочка оказалась несовместимой с ростом капиталистических производственных отношений, так же, как с дальнейшим ростом производительных сил оказывается несовместимой и классовая оболочка производственного процесса. Вот почему Маркс в „Нищете философии" писал: „Условием освобождения рабочего класса является отмена всяких классов, равно как условием освобождения третьего сословия... была отмена всяких сословий". А Энгельс, в разъяснение, прибавлял к этому месту следующее замечание: „О сословиях здесь говорится, в историческом смысле сословий феодального государства,—сословий с определенными и отграниченными привилегиями. Революция буржуазии отменила сословия со всеми их

привилегиями. Буржуазное общество знает только классы. Поэтому было полным противоречием с историей, когда пролетариат обозначался, как „четвертое сословие".

Итак, для периода устойчивых докапиталистических систем сословия были юридическим выражением классов; растущее несовпадение этих величин (нарушение равновесия между классовым содержанием и сословной юридической формой) было вызвано ростом капиталистических отношений и разложением старых феодальных классов не только высших, но и низших: при феодальной системе крестьянство, как класс, совпадало, в общем, с крестьянством, как сословием, а потом из крестьян стала выходить и сел.-хоз. буржуазия и пролетариат,—два противоположных класса; а сословная рубашка была та же; ясно, что она должна была разорваться.

Теперь нужно точно определить третью категорию, связанную с разбираемыми вопросами. Нужно дать ответ на вопрос о том, что же такое п р о ф е с с и я. Профессия, ясное дело, связана с процессом труда. Отличие ее от класса, на первый взгляд, заключается в том, что деление по профессиям идет не по линии отношений людей друг к другу, а по линии отношений к вещам, по тому, над какими в е щ а м и и какими в е щ а м и работают, какие в е щ и вырабатываются. Токарь по металлу отличается от столяра и от каменщика не тем, что он по-другому относится к капиталистам, а тем, что он работает над металлом, столяр же—над деревом, а каменщик—над камнем.

Однако нельзя сказать, что речь здесь идет т о л ь к о о вещах, ибо профессия есть в то же время все же о б щ е с т в е н н о е отношение: в процессе производства, где профессионально различные работники связаны друг с другом нормами самого процесса производства, между людьми, конечно, есть определенное отношение. Но как бы различны эти отношения ни были, все они стираются перед различиями в главном и основном: п е р е д р а з л и ч и я м и в т р у д е к о м а н д у ю щ е м и и с п о л н и т е л ь с к о м,—р а з л и ч и я м и, в ы р а ж е н н ы м и в о т н о ш е н и я х с о б с т в е н н о с т и.

Деление по профессиям, будучи отношением между людьми, вытекающим из их технического отношения к орудиям, методам и объекту труда, отнюдь не совпадает ни с делением труда на командующий и подчиненный, ни с соответствующим „рас-

пределением средств производства", т. е. отношениями собственности на эти средства производства.

Поэтому неправильно утверждение проф. Солнцева, что профессия — „категория естественно-техническая" (курсив автора. *Н. Б.*), что „она присуща человеческому общению и доисторического периода, и всех последующих стадий", что „это—категория не историческая, не социального порядка" (l. c., стр. 21), одним словом, что это—категория вечная. Профессия делается профессией потому, что определенный вид работы обычно пожизненно закреплен: сапожник весь свой век прикован к колодке. Но что это всегда было так, и что это всегда так будет—ровно ниоткуда не вытекает. Растущий автоматизм техники освободит людей от этой необходимости и докажет, насколько и эта категория являлась исторической.

Теперь, после того как мы уяснили себе отличие класса от сословия и от профессии, нужно остановиться еще на одном вопросе, а именно, на вопросе о том, какие же бывают классы. Нам кажется правильным, примерно, следующее подразделение:

1. Основные классы данной общественной формы (классы в собственном смысле слова). Таких классов бывает два: командующий и монополизирующий средства производства—с одной стороны; класс исполняющий, лишенный средств производства, работающий на первый класс, — с другой стороны. Специфическая (особенная) форма этого отношения хозяйственной эксплоатации и порабощения определяет и форму данного классового общества. Например: если отношение между командующим классом и исполняющим воспроизводится путем покупки рабочей силы на рынке,—это есть капитализм; если он воспроизводится путем покупки людей или грабежа, или иными путями, но не покупкой одной рабочей силы, если при этом командующий класс распоряжается не только рабочей силой, но „душой и телом" эксплоатируемого, это—рабский строй и т. д.

По отношению к капитализму обычно считается, что здесь налицо три основных класса. Это как будто подтверждается известным местом из конца III тома „Капитала" Маркса, где „рукопись обрывается", и где начат анализ классов капиталистического общества. Вот это место: „Собственники голой рабочей силы, собственники капитала и поземельные собственники, коих соответственными источниками доходов являются заработная плата, прибыль и поземельная рента, составляют три больших класса современного, покоющегося на капиталистическом способе производства обществе". Однако из того обстоятельства, что

группа поземельных собственников представляет из себя большой „класс", не следует, что она есть один из основных классов. Так, у Маркса мы находим следующее место, на которое совершенно справедливо ссылается и проф. Солнцев: „Прошлый и живой труд являются двумя факторами, на взаимной противоположности которых покоится капиталистическое производство. Капиталист и наемный рабочий суть единственные функционеры и факторы производства, взаимные отношения которых вытекают из сущности капиталистического производства... Производство, как замечает Джемс Милль, могло бы беспрепятственно продолжать свой ход, если бы частные землевладельцы даже исчезли, а на место их стало государство... Это коренящееся в сущности капиталистического способа производства—в отличие от феодального, античного и проч.—сведение непосредственно участвующих в производстве классов... к капиталистам и наемным рабочим и исключение отсюда землевладельцев (наш курсив. *Н. Б.*), приходящих лишь post festum, благодаря определенным отношениям собственности, не выросшим на почве капиталистического способа производства, а перенесенным к нему из феодального хозяйства (наш курсив. *Н. Б.*)... является differentia specifica (отличительными признаками) капиталистического производства, его адэкватным теоретическим выражением" (Marx: Theorien über den Mehrwert. Band II, I, S. 292 ff.). То же Маркс говорит при обсуждении вопроса о национализации земли.

Основные классы, в свою очередь, подразделяются на подклассы, так сказать, на свои различные фракции (напр., в капиталистическом обществе командующая буржуазия разбивается на промышленную буржуазию, торговую буржуазию, банкиров и т. д.; рабочий класс разбивается на квалифицированных и неквалифицированных рабочих).

2. Промежуточные классы. Сюда мы причисляем такие социально-экономические группировки, которые, не будучи остатками старого строя и являясь необходимостью для того строя, в котором они находятся, занимают промежуточное место между командующим классом и классом эксплоатируемым. Такова, напр., в капиталистическом обществе техническая интеллигенция.

3. Переходные классы. Сюда мы причисляем такие группы, которые перешли из предыдущей формы общества и которые в данной форме его разлагаются, выделяя разные классы с противоположной ролью в производстве. Таковы, например, в капиталистическом обществе ремесленники и крестьяне. Это—наследие феодального строя и притом такое, ко-

торое выделяет из себя и буржуазию, и пролетариат. Возьмем крестьянство.

Оно постоянно при капитализме расслаивается, или, как это называют в экономической науке, дифференцируется: из середняка выделяется кулачок, из кулачка — какой-нибудь скупщик, потом еще одна ступенька—и вот вам самый настоящий буржуа. А, с другой стороны, отсюда же выделяется и пролетарий через ступеньки: безлошадный крестьянин, потом полубатрак или сезонный рабочий, потом уже чистый пролетарий.

4. Смешанные классовые типы. Сюда мы относим такие группы, которые в одно и то же время по одной линии принадлежат к одному классу, по другой—к другому. Железнодорожный рабочий, который имеет хозяйство и принанимает работника, по отношению к железнодорожной компании—рабочий, по отношению к своему работнику—„хозяин" и т. д.

5. Наконец, следует отметить так наз. деклассированные" группы, т.-е. категории людей, выбившихся из рамок всякого общественного труда: люмпен-пролетарии, нищие, деклассированная „богема" и проч.

Когда мы анализируем „абстрактный тип" общества, т.-е. какую-нибудь форму его в чистом виде, тогда нам приходится иметь дело только или почти только с основными классами. Наоборот, когда приходится копошиться в конкретной действительности, то, само собой разумеется, приходится считаться со всей пестротой социально-экономических типов и отношений.

Общую причину существования классов Энгельс в „Анти-Дюринге" определяет таким образом: „... все до сих пор существовавшие исторические противоречия между эксплоатирующими и эксплоатируемыми, господствующими и угнетенными классами коренятся в... сравнительно неразвитой производительности человеческого труда. Пока действительно работающее население (die wirkliche arbeitende Bevölkerung) бывает настолько поглощено (in Anspruch genommen) своей необходимой работой, что ему не остается никакого времени для забот об общих делах всего общества—о разделении труда, государственных делах, искусстве, науке и т. д., до тех пор постоянно должен существовать особый класс, который, будучи освобожден от настоящего труда, заботился бы об этих делах, при чем он никогда не упускал случая (nie verfehlte) наваливать ради своей собственной выгоды все бо́льшую и бо́льшую тяжесть на спину трудящихся масс (Anti-Dühring, S. 190). В другом месте (S. 190) повторено почти то же, при чем сказано, что общество делится на два класса, и прибавлено, как резюме: „Закон

разделения труда—вот что лежит таким образом в основе деления на классы" („Das Gesetz der Arbeitsteilung ist es also, was der Klassenteilung zugrunde liegt").

Проф. Солнцев, критикуя Г. Шмоллера, видящего источник образования классов главным образом в разделении труда, возражает против его (Шмоллера) ссылки на Энгельса таким образом: „Энгельс действительно процесс образования классов ставит в близкую связь с процессом разделения труда; но... для Энгельса разделение труда является лишь необходимым естественно-техническим условием образования социальных классов, а не причиной его; причинную же основу образования классов Энгельс видел *не* в разделении труда, *а* в отношении производства и распределения, т.-е. в процессах чисто экономического характера" (l. c., 203, курс. наш. *Н. Б.*). Как мы видели выше, при разборе вопроса о профессии, нельзя противопоставлять разделение труда производственным отношениям, потому что разделение труда тоже есть один из видов производственных отношений. Фальшь Шмоллера (см. G. Schmoller: Die Tatsachen der Arbeitsteilung, Jahrbücher, 1889; он же: Das Wesen der Arbeitsteilung und Klassenbildung, Jahrbücher, 1890) заключается в том, что он затушевывает разницу между профессиональным делением и делением классовым, замазывая классовые противоречия в духе органической школы. Теория Л. Гумпловича и Ф. Оппенгеймера о происхождении классов из внеэкономического насилия не понимает различия между абстрактной теорией общества и конкретным ходом исторических событий. В действительной истории роль внеэкономического насилия (завоевания) была очень велика и оказала свое действие на процесс образования классов. Но при чисто теоретическом исследовании от этого необходимо отвлечься. Предположим, что мы анализируем одно общество, „абстрактное общество" в его развитии. И здесь возникли бы классы в силу так называемых „внутренних причин развития", на которые указывает Энгельс. Таким образом, роль завоеваний и т. д. это—лишь (очень важный) осложняющий фактор.

§ 52. Классовый интерес. Из предыдущего мы видели, что классы, это—особые группы людей, „реальные совокупности", отличающиеся друг от друга своей производственной ролью, которая находит свое выражение в отношениях собственности. Но мы знаем также, что этим двум сторонам производственного процесса соответствует третья сторона—процесс распределения продуктов в той или иной форме. Производству соответствует распределение.

Формам производства соответствуют формы распределения. Положению классов в производстве соответствует их положение в распределении. Антагонизм управляемого и управляющего класса, монополизирующего средства производства, и класса,

средств производства не имеющего, находит свое выражение в антагонизме доходов, в противоречии между долями произведенного продукта, достающимися каждому классу при разделе всей производимой продуктной массы. Такое различное „бытие“ классов определяет собой и их „сознание“. Противоречия „бытия“ условия существования находят свое ближайшее отражение в формировании классовых интересов. Наиболее примитивное и в то же время общее выражение классовых интересов есть желание классов увеличить свою долю при разделе продуктной массы.

В системе классового общества процесс производства есть в то же время процесс хозяйственной эксплоатации физических работников.

Они производят больше, чем получают. И не только потому, что часть произведенных продуктов (в капиталистическом обществе — ценностей) идет на расширение производства (в капиталистическом обществе — „на накопление“), но и потому, что работающий класс содержит собственников средств производства, работает на них. Поэтому наиболее общие интересы господствующего меньшинства можно формулировать, как стремление удержать и расширить возможности хозяйственной эксплоатации, интересы эксплоатируемого большинства — как стремление освободиться от этой эксплоатации. Если первая формулировка говорит лишь о данном обществе и не выводит за его пределы, то вторая ставит вопрос о самом существовании данной формы общества.

Но экономическая структура общества, как мы знаем, закреплена в его государственной организации и подкреплена бесконечным количеством надстроек. Неудивительно поэтому, что классовый экономический интерес надевает также на себя костюм интереса политического, религиозного, научного и т. д. Так классовые интересы развертываются в целую систему, охватывающую самые различные области общественной жизни. Эти систематизированные интересы, объединенные общим интересом класса, приводят к построению так называемого „общественного идеала“, который является всегда квинт-эссенцией классовых интересов.

При рассмотрении вопроса о классовых интересах нужно остановить наше внимание еще на нескольких пунктах.

Во-первых, необходимо различать, с одной стороны, интересы длительные и общие и интересы преходящие, минутные. Интересы „минутные" могут быть в объективном противоречии с интересами длительными. С точки зрения преходящих интересов, напр., английские рабочие поступали правильно, живя в гражданском мире с английской буржуазией и защищая ее во время империалистской войны: тем самым они защищали свою повышенную за счет колониальных рабочих заработную плату. Но, в то же время разрушая этим солидарность рабочих вообще и блокируясь со „своими" хозяевами, они нарушали общие и длительные интересы класса.

Во-вторых, необходимо различать интересы цеховые, групповые—с одной стороны, и интересы общеклассовые—с другой. Например, если в капиталистическом обществе господствующая буржуазия подкупает рабочую аристократию (квалифицированных рабочих), то особые интересы этой группы не совпадают с интересами всего рабочего класса в целом: это—групповые интересы, а не классовые. Или во время войны спекулятивная буржуазия изо всех сил нарушает торговые правила, выработанные самим буржуазным государством, которое ведет войну в интересах буржуазии, как класса. Тут налицо групповые интересы спекулятивно-торговой фракции (группы) буржуазии, которые в данном случае расходятся с интересами буржуазии, как класса.

В-третьих, необходимо иметь в виду принципиальное изменение направления текущих интересов класса, которое происходит вместе с принципиальными изменениями его общественного положения. Приведем такой пример. В капиталистическом обществе у пролетариата самый длительный и общий интерес есть интерес разрушения капиталистического строя. Следовательно, по этой линии выстраиваются его частичные интересы: они состоят в завоевании стратегических позиций и в подкопах под буржуазное общество. Улучшать свое материальное положение, увеличивать свою социальную мощь, готовить силы для ударов по всей капиталистической системе—вот к чему сводится дело. Но вот пролетариат выполнил свою историческую миссию. Он разрушил старую государственную машину, он построил новую, создалось новое общественное равновесие; пролетариат занимает место временного командую-

щего класса. Совершенно ясно, что здесь направление его интересов радикально меняется: все его частичные интересы, рассматриваемые с точки зрения общих интересов, выстраиваются по линии укрепления и развития новых отношений, по линии их организации и по линии сопротивления любой разрушительной попытке. Это диалектическое превращение есть следствие диалектического развития самого пролетариата, который „конституировался, как государственная власть".

Что же объединяет оба эти противоположные направления интересов? Их объединяет высшее их единство: строительство новой общественной формы, носителем которой является пролетариат,—строительство, которое предполагает разрушение старой оболочки, мешавшей развитию производительных сил.

Всякий новый класс, который способен не только разрушить старую систему общественных отношений, но и построить новую; класс, который, следовательно, способен стать организатором нового общества, неизбежно должен иметь производственную окраску своих интересов, т.-е. подходить к общественным вопросам не с точки зрения дележа и голого распределения, а с точки зрения разрушения старых форм во имя строительства форм с более совершенным производством, с более мощными производительными силами.

§ 53. Классовая психология и классовая идеология. Отличия в условиях материального существования, которые являются основой деления общества на классы, накладывают свой отпечаток на все сознание классов, т.-е. на классовую психологию и идеологию. Мы уже знаем из предыдущего, что классовая психология, или, вернее, психология класса, не всегда совпадает с материальным интересом этого класса (напр., психология отчаяния, бегства от мира, искания смерти и т. д.); но она всегда вытекает и всегда определяется условиями жизни этого класса. Посмотрим теперь на нескольких примерах, как определяется в действительности классовая психология и идеология.

Возьмем сперва пример, близкий к нашей жизни и имеющий практический, можно сказать, злободневный интерес. Всем известен спор между русскими марксистами и русскими эс-эрами по поводу того, какой класс поведет общество к социализму; марксисты доказывали, что это будет рабочий класс, пролета-

риат; эс-эры доказывали, что крестьянство дает в этом отношении пролетариату несколько очков вперед. Жизнь полностью оправдала марксистов: крестьянство поддерживало пролетариат в бою против помещиков и капиталистов, оно поддерживает его потому, что пролетариат охраняет крестьянскую землю и дает возможность развиваться крестьянскому хозяйству, но оно весьма невосприимчиво к „коммунии“ и держится крепко за старые формы землепользования, обработки земли, ведения хозяйства вообще. Чем объяснить это явление? И чем в то же время объяснить геройскую борьбу пролетариата и его неизмеримо бо́льшую восприимчивость к коммунистическому строительству и к коммунистической идеологии? С другой стороны, если сводить дело к тому, что мужичок не так беден, то почему люмпен-пролетариат (нищие, деклассированные и т. д.) не составлял основного кадра бойцов?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы спросим себя предварительно, какими чертами должен обладать класс, который может совершить преобразование общества, перевести общество с капиталистических на социалистические рельсы.

1. Это должен быть класс, который в капиталистическом обществе является классом, эксплоатируемым хозяйственно и угнетенным политически. Если этого нет, то, само собой разумеется, у него не будет особых причин брыкаться против капиталистического строя: он не сможет тогда ни при каких условиях восставать против него.

2. Отсюда, простецки выражаясь, этот класс должен быть также „бедным классом“; если этого нет, он не может сравнивать своей бедности с богатством других классов.

3. Он должен быть классом производительным. Если этого нет, если данный класс не есть производительный класс, т.-е. если он не принимает непосредственного участия в создании ценностей, то он в лучшем случае может разрушать, но не сможет созидать, творить, организовывать.

4. Это должен быть класс, не связанный частной собственностью. Ибо если перед нами класс, материальное существование которого основывается на частной собственности, то, само собой понятно, он будет стремиться к увеличению „своего“, т.-е. своей собственности, а вовсе не к отмене частной собственности, к которой идет коммунизм.

5. Этот класс должен быть классом, сплоченным условиями своего существования и привыкшим к совместному труду, к труду бок-о-бок друг с другом. Ибо иначе он не будет в состоянии ни желать, ни построить такое общество, которое было бы воплощением общественного, товарищеского труда. Более того, иначе он не будет в состоянии даже вести организованной борьбы, не будет в состоянии организовать новой государственной власти. Теперь сведем эти признаки в табличку и посмотрим, какой класс и какая группа из наших трех удовлетворяет этим требованиям. Кто удовлетворяет, тому будем ставить знак +, кто не удовлетворяет, тому будем ставить знак —.

	Крестьянство.	Люмпен-пролетариат.	Пролетариат.
1. Хозяйственная эксплоатация .	+	—	+
2. Политическое угнетение . . .	+	+	+
3. Бедность	+	+	+
4. Производительность	+	—	+
5. Несвязанность с частной собственностью	—	+	+
6. Сплоченность в производстве и совместный труд	—	—	+

Отсюда ясно, „что к чему". Крестьянству не хватает для того, чтобы оно было действительно коммунистическим классом, очень многого: оно связано собственностью, держится за нее, и нужно много-много лет, чтобы его перевоспитать, что возможно только тогда, когда государственная власть в руках пролетариата; оно не сплочено в производстве, не привыкло к общественному труду и к сплоченному действию; наоборот, вся душа крестьянина—на особом клочке земли: он привык к индивидуальному, а не к общественному хозяйству. У люмпен-пролетариата главное—это отсутствие производительного труда. Громить он может, а строить не привык. Его идеология нередко представлена анархистами, про которых один остроумный человек сказал, что их

программа состоит из двух параграфов: § первый: „ничего не будет“, § второй: „никому не поручается выполнение предыдущего параграфа“...

Здесь мы, таким образом, нащупали, как из условий материального бытия создаются классовая и групповая психология и идеология: у пролетариата—ненависть к капиталу и его государству, революционность, привычка действовать организованно, товарищеская психология, производственный, строительный подход к делу, презрение к старому, отрицательное отношение „к священной частной собственности“, этому киту буржуазного общества и т. д.; у крестьянина—привязанность к частной собственности, которая удерживает его от всего нового, индивидуализм, особность, недоверие ко всему, что выходит за пределы околицы; у люмпен-пролетария—бесшабашность и бесхребетность, ненависть к старому и в то же время бессилие что-либо построить, организовать, индивидуализм деклассированной „личности“, которая делает, „чего ее левая нога захочет“. А какова психология, такова и идеология: у пролетариата — революционный коммунизм; у крестьянства—собственническая идеология; у люмпен-пролетариата—неустойчивый и истерический анархизм. Само собой понятно, что раз имеется такой психологический и идеологический стержень, то он дает общий „тон“ всей психологии и идеологии соответствующего класса, группы и т. д.

В старых спорах между марксистами и эс-эрами эти последние ставили вопрос с точки зрения филантропии, „этики“, „жалости“ к „меньшему брату“ и тому подобной барско-интеллигентской ерунды. Для большинства этаких „идеологов“ вопрос о классах был этическим вопросом замученного угрызениями совести интеллигента, который, добиваясь свержения самодержавия, не дававшего ему хода, пытался опереться на мужичка (до тех пор, пока тот не жег усадеб его тетушек и дядюшек) и старался завоевать его доверие, искупая свою вину перед ним благородной „помощью униженным и оскорбленным“. Для марксистов же речь шла не о слезливом отношении и не о филантропии, а о точном учете классовых особенностей для того, чтобы знать, как какой класс себя неизбежно поведет в предстоящей борьбе за социализм.

Хорошее (правда, консервативное и апологетическое, защищающее всяческое черносотенство) исследование о психологии крестьянства мы имеем в сочинении евангелического пастора A. L'Houet („Zur Psychologie des Bauerntums“, 2 Auflage, 1920, Tübingen, Verl. Mohr).

Христианский ученый поп ценит крестьянство „в первую голову (in erster Linie), как... резервуар телесного, духовного, морального и религиозного здоровья, как имперскую военную сокровищницу (Reichskrigschatz; автор подразумевает под этим пушечное мясо. *Н. Б.*)" и т. д, (l. c., IV). Пастор L'Houet, который в числе признаков, так сказать, „коренного" крестьянства считает его однородность („homogene Masse"), его оторванность от остального мира (nach aussen abgeschossen, S. 6), его традиционализм и проч., дает очень меткие определения классовой психологии крестьянства. Только он приходит в восторг часто как раз от того, что мы считаем „идиотизмом деревенской жизни" (Маркс). Он восхваляет, напр., косность крестьянства, его отвращение ко всему новому...„ По сравнению с очевиднейшей любовью ко всему новому, крестьянин принадлежит иному миру, миру, который высоко ставит старину, постоянно сохраняет старинные жизненные основы, продолжает прясти древние нити... С тем минусом (Nachteil), что он „отстает от времени", „не идет с ним вперед и в ногу"; но с тем, однако, плюсом, что все его жизненные проявления именно в силу этой односторонности отличаются выгодным образом своею надежностью, солидностью, долголетней годностью" (l. c., 16). Эта косность проявляется всюду: „сохранение старых поселений, сохранение старого дома, сохранение старого дворового имени, имен вообще, костюмов; сохранение диалекта, старой народной поэзии, сохранение старой душевной структуры, сохранение старинного типа физиономий. Повсюду тот же консервативный смысл..." (ibidem). Г. L'Houet весьма радуется, что жилища крестьян после 1871 года были чуть ли не таковы, как в каменный век (17). Его радует и преемственная несложность и скудость психики, то, что „число... жизненных проблем, религиозных, моральных, проблем искусства или каких бы то ни было проблем вообще очень не велико, что то же самое понимание их передается из поколения в поколение" (l. c., S. 29); его не радует, что эта ограниченность, этот „идиотизм", в котором не вина, а беда крестьянства, разрушается паром и электричеством, ибо, видите ли, этот „принцип прочного" ведет к „простому, античному бытию" (!! 31). „Солидность", бережливость и скопидомство, жадность собственника и прочее тоже, конечно, всячески восхваляются нашим попом (напр., стр. 63), и так далее и тому подобное. Из приведенных примеров видна и суть классовой психологии и идеологии помещиков и их попов, которые стараются беречь и холить как раз такие черты крестьянства, которые мешают ему „итти в ногу со временем".

У поземельного дворянства (т.-е. у феодальных помещиков) классовая психология отличается тоже неизбежным ярко выраженным консерватизмом и реакционностью, которых нет в такой степени ни у одного класса. Это и понятно; ведь феодальные помещики суть главенствовавшие представители феодального общества, которое „в бозе скончалось" почти повсеместно. Приверженность к традиции, к „прочным формам" (feste Form), культ аристократической семьи и рода (его привилегий, его славы, его „ценности"), выражающийся символи-

чески в „генеалогическом древе"; „заслуги" и „выслуги", поместье, „честь", приличествующие „благородному сословию", обычаи, презрение к ниже стоящим, требование полового и всякого иного общения только с равными—все это характерные черты этого руководившего когда-то класса (см. Simmel: „Soziologie", Экскурс о дворянстве, стр. 737 и след.).

Гораздо более подвижной являются психология и идеология классов буржуазного общества, т.-е. городских классов. Буржуазия, в особенности в тот период своего развития, когда ей не угрожала непосредственно пролетарская революция, вовсе не отличалась таким консерватизмом, как дворянство. Ее характернейшей чертой был индивидуализм, вытекавший из конкурентной борьбы, рационализм, вытекавший из „хозяйственного расчета", — как жизненные основы этого класса; либеральная („свободы") психология и идеология покоилась на „предпринимательной инициативе". Специально об экономической психологии буржуазии разных стадий ее развития много интересных замечаний есть у Зомбарта („Der Bourgeois") и у Макса Вебера (l. c.) Зомбарт, напр., прослеживает возникновение предпринимательной психологии. Последняя должна была состоять из слияния трех психологических типов: типа завоевателя (Erobrer), организатора, купца. „Завоеватель" дает способность намечать план, проводить его; он имеет упорство и настойчивость, эластичность, духовную энергию, способность к напряжению усилий, постоянство воли; организатор должен уметь „располагать людей и вещи так, чтобы получать максимальный полезный результат; торговец, купец отличается способностью тягаться с кем угодно и выторговывать (Sombart, l. c., V Kapitel. „Das Wesen des Unternehmungsgeistes", S. 69 ff). Комбинацией этих черт и отличалась буржуазия времен своего процветания. О психологии пролетариата мы уже говорили выше, да о ней говорит и вся наша книга.

Само собой разумеется, что психология и идеология классов меняется в зависимости от изменений в „общественном бытии" соответствующих классов, как у нас неоднократно отмечалось в предыдущих главах.

Здесь нужно сделать еще одно замечание. Из всего сказанного понятно, что психология промежуточных классов—тоже промежуточная, смешанных групп—смешанная и т. д. Этим объясняется то обстоятельство, что, напр., мелкая буржуазия и крестьянство постоянно „колеблются" между пролетариатом и буржуазией, что „в их груди живут две души" и проч. „На различных формах собственности, на так называемых условиях существования возвышается целая надстройка различных и своеобразно сложившихся чувств,

иллюзий, способов мыслить и воззрений на жизнь. Целый класс создает и формирует их из своей материальной основы и из соответствующих общественных отношений“ (Marx: Der 18 Brumaire, S. 33).

§ 54. „Класс в себе“ и „класс для себя“. Классовая психология и классовая идеология, сознание классом не только его минутных, но и его длительных, общих интересов вытекает из положения класса в производстве. Но это вовсе не означает, что это положение класса в производстве *сразу же* вызывает понимание классом своих общих и основных интересов. Наоборот, можно сказать, что этого почти никогда не бывает. Ибо в реальной жизни, во-первых, сам производственный процесс пробегает различные стадии своего развития, и противоречия в экономической структуре вскрываются лишь в ходе дальнейшего развития; во-вторых, класс не сваливается готовеньким с неба, а стихийно, так сказать, набирается из различных других общественных групп (переходных, промежуточных и других классов, слоев, социальных группировок вообще); в-третьих, обычно проходит известное время, прежде чем на опыте собственной борьбы класс осознает себя, как класс, с особыми, только ему и исключительно ему свойственными интересами, желаниями, стремлениями, общественными „идеалами“, которые *противопоставляют* его всем решительно остальным классам данного общества. Наконец, в-четвертых, не нужно забывать и о планомерной психологической и идеологической обработке, которую господствующий класс, имеющий в своих руках государственную машину, постоянно практикует, чтобы, с одной стороны, уничтожать ростки классового самосознания у угнетенных классов, с другой—внедрить всевозможными путями идеологию господствующего класса или провести в той или иной мере влияние этой идеологии, заразить ею. Все эти обстоятельства приводят к таким положениям, когда класс *уже* существует, как совокупность людей, *играющих определенную роль в процессе производства*, но когда он *еще* не существует, как *сознающий себя* класс. Класс здесь существует, но он еще „не сознателен“. Он налицо, как фактор производства. Он налицо, как определенная совокупность производственных отношений. Но его здесь еще нет, как общественной самостоятельной

силы, которая знает, чего она хочет, к чему она стремится, и которая сознает свою особность, противоположность своих интересов интересам других классов и т. д.

Для того, чтобы обозначить эти различные состояния в процессе развития классов, Маркс употребляет два выражения: классом „в себе“ он называет класс, еще не осознавший себя, как класс; классом „для себя“ он называет класс, уже сознавший свою общественную роль.

Это прекрасно пояснено Марксом в „Нищете философии“ на примере развития рабочего класса:

„Первые попытки рабочих объединиться друг с другом принимают постоянно форму коалиций. Крупная промышленность соединяет массу друг другу незнакомых людей на одном и том же месте. Конкуренция раскалывает их по отношению к их интересам; но удержание на надлежащем уровне заработной платы, этот общий интерес против их хозяина, объединяет их на одной общей мысли, касающейся их сопротивления—на коалиции (под коалицией здесь все время понимается союз рабочих. *Н. Б.*). Таким образом, коалиция имеет постоянно двойную цель, а именно, прекратить конкуренцию среди рабочих, чтобы быть в состоянии делать общую конкуренцию капиталисту. Если первой целью сопротивления было только удержание заработной платы на надлежащем уровне, то, вначале изолированные, коалиции формируются по мере того, как капиталисты, с своей стороны, под влиянием давления объединяются в группы, и против постоянно объединяющегося капитала сохранение ассоциации становится для них еще более важным, чем сохранение заработной платы... В этой борьбе—настоящей гражданской войне—объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Раз достигнув этого пункта, коалиция принимает политический характер.

Экономические отношения превратили сперва массу населения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы общее положение, общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не классом для самой себя. В борьбе, некоторые фазы которой мы обозначили, масса находит самое себя, конституируется, как класс для самого себя. Интересы, которые она защищает, становятся классовыми интересами“ (курсив наш. *Н. Б.*).

§ 55. Формы относительной солидарности интересов. Уже из того, что мы говорили только что, вытекает возможность при определенных условиях относительной солидарности классов. При этом, однако, нужно различать две главных формы этой относительной солидарности:

Во-первых, может быть такая ее форма, которая связывает длительный интерес одного класса с временным интересом другого, при чем этот временный интерес противоречит общим интересам класса.

Во-вторых, может быть такая форма солидарности, когда такого противоречия нет, и когда речь идет о совпадении длительного интереса одного класса с преходящим интересом другого или же преходящих интересов с обеих сторон. Для того, чтобы пояснить первый случай, возьмем пример империалистской войны 1914—1918 годов и попробуем анализировать поведение рабочего класса в начале этой войны. Известно, что в большинстве крупнейших, капиталистически наиболее развитых стран рабочие, нарушив свои интернациональные, общеклассовые интересы, бросились защищать свои „отечества". Под „отечествами" же, в сущности, скрывались государственные организации буржуазии, т. е. классовые организации капитала. Следовательно, рабочий класс бросился защищать хозяйские организации, пошедшие друг на друга конкурентной войной за раздел рынков сбыта, рынков сырья, сфер вложения капитала. Ясно, что здесь было предательство своих классовых интересов. В чем же, однако, было дело? В чем лежала самая глубокая, скрытая причина этого чудовищного отреченства, которое сознательно поддерживалось оппортунистическими социал-демократическими партиями?

Эта причина заключалась в относительной солидарности между пролетариатом и буржуазией финансово-капиталистических стран. Она базировалась вот на нем. Представим себе все мировое хозяйство. Среди бесконечного количества взаимно-перекрещивающихся нитей—производственных отношений—есть большие и толстые узлы: это—крупные капиталистические страны. Здесь сидят „национальные" группы буржуазии, организованной в государственную власть. Они напоминают гигантские предприятия, гигантские тресты, „работающие" в пределах мирового хозяйства. Чем более мощным является такое государство, тем беспощаднее оно эксплоатирует хозяйственную периферию: колонии, сферы влияния, полуколонии и т. д. С развитием капиталистического общества должно было бы происходить ухудшение в положении рабочего класса. Но хищные государства буржуазии, деря по семи шкур

с огромных колониальных владений и „сфер влияния“, подкармливали „своих“ рабочих, заинтересовывая их в эксплоатации колоний. Так создавалась относительная „общность интересов“ („Interessengemeinschaft“) между империалистической буржуазией и пролетариатом. Из этих производственных отношений вырастала и соответствующая психология и идеология, которая сводилась к признанию первоклассного значения идеи отечества. Рассуждения здесь были очень простые: если „наша“ (на самом деле, не „наша“, а наших хозяев) промышленность развивается, значит, будет повышаться и заработная плата; а промышленность развивается тогда, когда у нее есть рынки и сферы вложения капитала; значит, рабочий класс заинтересован в колониальной политике буржуазии; значит, нужно защищать „отечественную промышленность“, нужно драться „за свое местечко под солнцем“. Отсюда вытекало и все остальное: прославление мощи отечества, великой нации и т. д., а также бесконечная высокопарная белиберда на тему о гуманности, цивилизации, демократии, бескорыстии и тому подобных вещах, что было в таком ходу первое время войны. Это есть идеология „рабочего империализма“, когда рабочий класс предавал свои длительные и общие интересы ради тех крох, которые бросала ему буржуазия, выкачивая лишние соки из колониальных рабочих, полурабочих и т. д. В конце концов ход войны и послевоенный период показали рабочему классу, что он проиграл, что длительные интересы класса важнее преходящих интересов. Тогда начался процесс быстрого „революционизирования“.

Профессор Туган-Барановский, теперь уже покойный, считавший себя „почти марксистом“, но успевший побывать за время русской революции белым министром (это от избытка „этики“: он всегда упрекал Маркса в том, что тот мало этичен и слишком увлекается классовой ненавистью, что, конечно, весьма недобродетельно),— так вот этот Туган-Барановский возражает Марксу следующим образом: Маркс-де не видит солидарности интересов и отрицает ее в капиталистическом обществе. Между тем „в охране политической самостоятельности государства (буржуазного государства. *Н. Б.*) все классы одинаково заинтересованы, поскольку оно обладает для них идеальной ценностью. В хозяйственной области государство служит не только для обоснования классового господства, но и для помощи хозяйственному развитию и для увеличения общей суммы национального богатства, что отвечает интересам всех общественных классов,

как целого. К этому присоединяется и культурная миссия государства, которое заинтересовано непосредственно в прогрессе культуры и в повышении духовного уровня народонаселения хотя бы по одному тому, что политическая и экономическая мощь неотделима от культуры" („Theoretische Grundlagen des Marxismus", „Теоретические основы марксизма", стр. 114 немецк. издания).

Г. Кунов (l. c., Band II, S. 78—79) приводит эту цитату из Тугана и... соглашается с ней, утверждая только, что здесь Туган путает общественные интересы с государственными интересами. На самом же деле Кунов путает революционную точку зрения Маркса с предательской точкой зрения шейдемановской социал-демократии. Аргументация Тугана-Кунова поистине детская. Раз государство занимается не только гнетом, но и.., то в нем заинтересованы все классы. Милые люди! Так можно доказать все, что угодно. Так как тресты занимаются не только эксплоатацией *„но и"* (!) производством, то они общеполезны. Так как сыскные агентства в Америке не только выворачивают руки революционным пролетариям *„но и"* ловят жуликов, то в них заинтересованы все классы, и проч. Вот этакой чепухой г. Кунов начиняет два тома „исследования" о марксистской социологии!

Кунов, однако, превосходит всех фальсификаторов марксизма по своему циничному бесстыдству.

„По марксову учению об обществе,—пишет он на стр. 77 и след. второго тома своей работы,—той общей воли, которой оперировала старая социальная философия, нет вовсе, потому что общество не есть нечто целое с совершенно одинаковыми (?! это общество-то!) интересами, но оно разделено на классы (это недурно, но как же быть тогда Кунову с государством? Чью же волю оно тогда выражает? *Н. Б.*). Но вполне существуют всеобщие общественные интересы, ибо (слушайте! *Н. Б.*), так как общественная жизнь и деятельность невозможны без известного порядка (ohne eine gewisse Ordnung), то и все члены общества—поскольку они вообще не отрицают пребывания в обществе—заинтересованы в поддержке такого порядка; но так как они, в силу своего различного положения внутри этого общественного порядка, имеют различный идеал порядка, то у них неодинаковая заинтересованость в отдельных правилах порядка (Ordnungssregeln), и они рассматривают эти правила под углом зрения своего класса с различных сторон". Популярно: люди думают, что, напр., в капиталистическом строе заинтересована буржуазия, а пролетариат заинтересован в том, чтобы опрокинуть и взорвать его. Не тут-то было! Умный Кунов приходит и объясняет: так как жизнь невозможна без порядка, то все заинтересованы в поддержке капитализма. Но так как рабочие имеют другой „идеал", то пусть они критикуют „отдельные правила",—это Кунов разрешает. Если же будет нечто большее, тогда уже—крышка: сразу попадете в число людей, отрицающих „пребывание в обществе". Вот оно исправленное и дополненное г. Куновым издание марксизма!

Или возьмем тот период в развитии рабочего класса, когда он находился в так называемых „патриархальных отношениях" со своими хозяевами в каждом отдельном предприятии; процветание предприятия при слабости общих социальных связей заинтересовывало рабочих в успехах хозяина. Рабочие и их „благодетель", „кормилец", тот, кто *дает* им работу („Arbeitgeber"), представляли из себя тоже хорошую иллюстрацию к положению о роли относительной солидарности интересов во вред общим интересам класса в целом.

Некоторую аналогию этому представляет общность интересов *рабов* и *рабовладельцев* в „античном мире", поскольку были еще „рабы рабов" (напр., римские „vicarii"); рабы, имевшие рабов, тем самым были рабовладельцами, и понятно, что на этой почве у них была „общность интересов" с рабовладельцами, так сказать, „первой степени". В западноевропейских (теперешних) сельско-хозяйственных кооперативах часто можно наблюдать, как *крестьянство* идет в ногу с *помещиками* и капиталистическими сельскими хозяевами; оно объединяется вместе с ними на почве сбыта сельско-хозяйственных продуктов; оно противостоит городскому населению, как *продавец* их, заинтересованный в высоких ценах, точно так же, как в высоких ценах заинтересован и аграрий.

Однако это уже пример, выводящий нас отчасти *за пределы* первой формы, так как здесь действительно понемногу выделяется из крестьян настоящая сельско-хозяйственная буржуазия, ничем ровно не отличающаяся от потомственной почетной сельско-хозяйственной буржуазии вообще.

Второй формой относительной солидарности классов, при которой эта относительная солидарность не стоит в противоречии с длительными интересами классов, можно прежде всего обозначить те случаи, когда имеются классовые блокировки против общего врага. На определенной ступени развития это вполне возможно. Напр., во время французской революции (в первую ее фазу) против феодального режима и в экономике, и в политике были *разные* классы: и буржуазия, и мелкая буржуазия, и пролетариат. В свержении феодализма был общий интерес всех этих группировок. Потом общий блок, естественно, распался, и мелкая буржуазия, борясь со ставшей в ряды контр-революции крупной буржуазией, в

то же время беспощадно расправлялась с самостоятельными зародышевыми движениями пролетариата (казни „бешеных" и т. д.). Здесь перед нами временная солидарность классов, которая не стоит в противоречии с общими и длительными интересами классов.

§ 56. Классовая борьба и классовый мир. Из различной градации интересов возникают и различные виды борьбы. Мы знаем теперь, что не всякий интерес части определенного класса есть уже тем самым классовый интерес. Интерес рабочих отдельной фабрики, если он противоречит интересам других частей рабочего класса, не есть классовый интерес, а есть интерес групповой, но даже, когда перед нами интерес группы рабочих, не идущий против интересов других групп, но в то же время еще не объединяющий эти группы,—налицо, в сознании масс, классового интереса еще нет, и поэтому, строго говоря, нет еще и классовой борьбы: есть лишь зародыши классового интереса и зародыши классовой борьбы. Классовый интерес появляется тогда, когда он противопоставляет класс классу. Классовая борьба появляется тогда, когда она противопоставляет класс классу в действии. Другими словами: классовая борьба в собственном смысле развертывается лишь на определенной ступени развития классового общества; в другие фазы его (общества) развития она может проявляться и как зародышевая форма (когда перед нами борьба отдельных частиц класса, борьба, не поднимающаяся до своей принципиально-классовой высоты, не обнимающая и не объединяющая класса, как такового), и как скрытая, „латентная" форма (когда нет открытой борьбы, а когда есть „глухое сопротивление", „глухое недовольство", с которыми господствующему классу волей-неволей приходится считаться). „Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крестьянин, цеховой мастер и подмастерье, короче,—угнетатель и угнетаемый находились в вечной вражде друг с другом, вели непрерывную то скрытую, то явную борьбу, всегда кончающуюся революционным переустройством общества или совместной гибелью борющихся классов". („Коммунистический манифест". Курсив наш. *Н. Б.*) Приведем несколько примеров для иллюстрации вышесказанного.

Предположим, что в рабовладельческом строе у какого-нибудь владельца латифундии происходит бунт с разграблением имущества, членовредительством и проч. Это еще не есть классовая борьба в собственном смысле этого слова: это отдельная вспышка очень маленькой части класса рабов; здесь весь класс остается спокойным, горсточка ведет жесточайшую борьбу, но эта горсточка изолирована, объединяет только несколько человек; класс, *как таковой*, не выступает; класс здесь не противостоит классу. Другое дело, когда восставшие рабы под предводительством Спартака ведут настоящую гражданскую войну за освобождение рабов: здесь вовлекаются *массы* рабов,—это есть классовая борьба. Предположим, далее, что перед нами выступление рабочих одной фабрики за повышение заработной платы; это есть, поскольку все остальные рабочие молчат и сидят совершенно смирно на своих местах, опять-таки лишь зародыш классовой борьбы, ибо класс, как таковой, не приходит в движение. Но возьмем, напр., такой случай, когда начинается „волна стачек". Здесь налицо классовая борьба: здесь класс противостоит классу. Здесь речь идет не об интересе группы, который движет группу, а об интересе класса, который движет класс, следовательно, здесь налицо классовая борьба в собственном смысле слова. Возьмем еще пример: среди крепостных крестьян широко разлито смутное, неоформленное недовольство; оно может прорваться, но в силу забитости класса не прорывается: рабы боятся и борьбы не ведут, а глухо то там, то сям „ворчат". Это есть „скрытая" форма борьбы, о которой говорит Маркс.

Итак, под классовой борьбой понимается такая борьба, *когда класс противостоит классу в действии*. Отсюда же следует чрезвычайно важное положение, что „*всякая классовая борьба есть борьба политическая*" (Маркс.) В самом деле, что происходит, когда угнетенный класс противостоит угнетающему классу как классовая сила? Это означает, что угнетенный класс подкапывается под основы „существующего строя". А так как *силовой* организацией „существующего строя" является *государственная* организация его командующего класса, то понятно, что всякое выступление угнетенного *класса* объективно направлено против государственной машины класса командующего, даже если бы

участники борьбы угнетенного класса это на первых порах и не сознавали. Всякое такое выступление имеет поэтому неизбежно **политический** характер.

Посмотрим, напр., на революционных синдикалистов или американских „Промышленных Рабочих Мира" („I. W. W.", „Ай-До́блью-До́блью"). Они и слышать не хотят о политический борьбе.

Ибо они под политической борьбой совершенно по-оппортунистически и по-наивному понимают лишь парламентскую борьбу. Предположим, однако, что I. W. W. организовали даже не всеобщую стачку, а хотя бы только стачку железнодорожников, горнорабочих и металлистов. Какой чудак не понял бы, что эта стачка неизбежно имела бы колоссальное **политическое** значение? Почему? Да потому, что здесь в борьбу брошены основные кадры пролетариата. Потому, что такая стачка **опасна** буржуазии, как **классу**. Потому, что она угрожает пробить брешь в машине организованной буржуазии. Следовательно, потому, что она объективно направлена против государственной власти буржуазии.

В „Комм. манифесте" **Маркс** на примере пролетариата наглядно изображает это превращение отдельных эпизодов борьбы в борьбу **классов**. Вначале „иногда рабочие остаются победителями, но не надолго. Существенным результатом их борьбы является не непосредственный успех, но все более возрастающее сплачивание их между собою. Ему способствует вызываемое развитием крупной промышленности улучшение средств сообщения, которое приводит в соприкосновение работников различных местностей. Только это соприкосновение и нужно, чтобы борьбу рабочих отдельных местностей, повсюду носящую один и тот же характер, **превратить в классовую борьбу... Но каждая классовая борьба есть борьба политическая**". В „Письмах к Зорге" (Briefe an Sorge, S. 42, цит. также у **Кунова**, l. c., B. II, S. 59, Fussnote) **Маркс** таким образом определяет это превращение отдельных конфликтов в классовую, т.-е. политическую, борьбу [1]):

„Notabene ad Political movement (замечание к „политическому движению"); political movement (политическое движение) рабочего класса, разумеется, имеет своею конечной целью завоевание для него political power (политической власти), а для этого, конечно, необходима до известного пункта развитая previous (предварительная) организация working class (рабочего класса), которая сама вырастает из его эконо-

---

[1]) Письмо написано сразу на двух языках, т.-е. по-немецки с английскими словами.

мической борьбы. Но, с другой стороны, всякое движение в котором рабочий класс противостоит господствующим классам, как класс, и пытается принудить их путем pressure from without (внешнего давления), является political movement (политическим движением)" Г Кунов, приводя эту цитату (l. c., B. II, S. 59) так поясняет ее: „...На определенной ступени развития из хозяйственного процесса в целом вырастают различные общественные классы, которые, в силу своего участия в этом процессе, имеют свои особые хозяйственные интересы и пытаются пустить их в ход в политической жизни" Это не совсем правильный комментарий, ибо Кунов скрывает здесь основное, что Маркс выдвигает на первый план: принципиальное противопоставление класса классу, когда всякая борьба—часть в процесе общей борьбы за власть и за господство в обществе.

Профессор Hans Dellbrück в своей исключительно нахальной статье „Die Marxsche Geshichtsauffassung" („Preussische Jahrbücher", B. 182, Heft 2, S. 157 ff.) „критикует" теорию классовой борьбы, обнаруживая при этом поистине невероятное невежество в вопросах марксизма. На стр. 165 он утверждает, что Маркс не различал классов и сословий; на стр. 166 он утверждает, что в античном Риме не было „гибели обоих классов", тогда как все же упадок Римской империи есть факт, который совершенно напрасно опровергать: сперва были гражданские войны, а потом ни победившие господа, ни побежденные рабы не оказались в состоянии вести общество вперед. На стр. 167 он говорит, что в Англии никогда не было феодализма! На стр. 169 он „опровергает" Маркса тем, что крестьяне идут иногда вместе с юнкерами (см. об этом у нас в тексте). И т. д. Но перлом „возражений" может считаться следующий казус. Деллбрюк приводит открытый известным египтологом Эрманом текст, который говорит о древнеегипетской революции, в которой рабам удалось захватить власть. Текст любопытен тем, что его как будто писал Мережковский, или другой белый озлобленный барин о большевиках. Тут размалеваны самые отчаянные ужасы. И г. Деллбрюк „пугает": вот она, ваша классовая борьба! Но почтенный истинно-немецкий профессор сам не замечает, как он попадается в ловушку, когда присовокупляет, что этакое состояние длилось „300 лет" (стр. 171). Ибо даже осел поймет, что 300 лет без производства и в абсолютной анархии жить нельзя. Так что дело вовсе уж не так страшно, и аргумент Деллбрюка, напирающего здесь на чувство „запуганнаго буржуа", просто смешон.

Забавные возражения делает теории Маркса и г. Ю. Делевский („Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории". Спб. 1910). Вот его наиболее общее возражение. Он приводит следующую цитату из Энгельса (предисл. к „18-му Брюмера"—Маркса). „Не кто иной как Маркс впервые открыл великий закон исторического движения,—закон, по которому всякая историческая борьба, совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо другой идеологической области,—в сущности, является толь-

ко более или менее ясным выражением борьбы общественных классов". Приведя это место, г. Делевский соглашается с Зомбартом, предлагавшим дополнить принцип классовой борьбы „принципом борьбы наций". Возражение Плеханова, который указывал, что тут-то и дополнять нечего, потому что классовая борьба есть понятие из области внутренних процессов общества, а не соотношений между обществами, г. Делевский считает неудовлетворительным. „Одно из двух,—говорит г. Делевский:—в основе истории лежат или два начала, или одно начало. Если... два начала—начало классовой борьбы и начало национальной борьбы, то каков тот закон который формулируется вторым началом?.. Если же... только одно начало классовой борьбы, то какой смысл имеет тогда различение борьбы внутри общества от борьбы между обществами?.. ...Или, быть может, общества, наций, государства—тоже классы?" (стр. 92.) Эта тирада в своем роде замечательна. Однако, разберем суть дела. Здесь могут быть два основных случая: речь может итти либо об одном обществе (например, современном мировом хозяйстве), которое разбито по государственным организациям „национальных" фракций мировой буржуазии, либо о совершенно почти несвязанных разных обществах (напр., когда происходит борьба между разными народами, из которых один, скажем, внезапно переселился из совсем других местностей, что, конечно, не раз бывало в истории: напр., завоевание Мексики испанцами). Так вот в первом случае борьба между буржуазиями есть особая форма капиталистической конкуренции. Но ведь только г. Делевскому может взбрести на ум, что теория классовой борьбы исключает, напр., капиталистическую конкуренцию. Это есть форма внутри-классовых антагонизмов, которые, однако, никогда не могут изменить основ данной производственной структуры. Если теория Маркса признает возможность относительной солидарности между классами, то она признает и возможность относительного антагонизма внутри классов. Но какое же это опровержение теории классовой борьбы? Второй случай. Здесь перед нами методологический вопрос. Теория развития общества есть теория развития абстрактного общества, и совершенно справедливо, что ей нет, строго говоря, дела до отношений между обществами. Она анализирует, что такое общество вообще и каковы законы развития этого „общества вообще". Если же мы переходим от этих вопросов к более конкретным, т.-е., между прочим, и к вопросу об отношениях между разными обществами, то тут у нас, конечно, будут свои законы, опять-таки не стоящие в противоречии с марксистской теорией; вовсе не потому, что разные общества суть разные классы (это предположение г. Ю. Делевского просто неумно), а потому, что само „распространение" (экспансия) имеет экономические причины; потому, что, скажем, завоевание неизбежно превращается в перегруппировку классовых сил; потому, что в таких случаях „снизу" всегда побеждает более высокий способ производства и т. д. Но все это ни в малой степени не колеблет теории классовой борьбы.

Итак, мы выше видели, что угнетенные классы не всегда ведут классовую борьбу в собственном смысле слова. Но это, как мы опять-таки видели, вовсе не означает, что в такие сравнительно мирные периоды господствует „тишь да гладь, да божья благодать". Это означает лишь, что классовая борьба имеется или в скрытом виде, или в зародышевой форме. Она становится классовой борьбой в собственном смысле слова. Здесь нам не мешает вспомнить о диалектике, которая рассматривает все в движении, в возникновении. Классовой борьбы может и не быть, но она возникает, „растет". Так обстоит дело со стороны угнетенных классов. А со стороны классов господствующих? Те ведут классовую борьбу постоянно. Ибо наличность государственной организации показывает, что господствующий класс „конституировался" (организовался), как класс, для себя, как государственная власть. Это предполагает полную осознанность основных интересов этого класса, который ведет борьбу с противоположными по интересу классами (и против их прямой угрозы и против возможной их угрозы) всеми средствами государственной машины.

§ 57. Классовая борьба и государственная власть. Вопрос о государстве, как надстройке, определяемой экономическим базисом, мы разбирали уже в предыдущем изложении (см. § 38, начало). Теперь нам необходимо подойти к нему с другой стороны, рассмотреть его со специальной точки зрения, а именно с точки зрения классовой борьбы. Прежде всего нужно со всей категоричностью подчеркнуть еще раз, что государственная организация есть организация исключительно классовая, „класс, конституировавшийся, как государственная власть", „концентрированное и организованное общественное насилие" класса (Маркс). Угнетенный класс, носитель нового способа производства, в ходе борьбы превращается, как мы видели, из класса в себе в класс для себя; в той же борьбе он создает свои боевые организации, которые являются в возрастающей степени организациями, ведущими за собой всю массу данного класса. Когда наступает революция, гражданская война и пр., эти организации прорывают фронт врага и являются первичными ячейками нового государственного аппарата в прямой или замаскированной форме. Возьмем, например, ве-

ликую французскую революцию. „Народные или якобинские клубы—это прежние общества Друзей Конституции, когда-то буржуазные, а затем демократические, монтаньярские, санкюлотские фанатические сторонники равенства и единства... Они были основаны и видах народного просвещения, скорее для пропаганды, нежели для действий, но обстоятельства заставили их действовать в области политики и (когда мелкая буржуазия стала у власти.—*Н. Б.*) вмешиваться непосредственно в администрацию... Декретом от 14 фримера якобинцы были сделаны по всей Франции орудиями избрания и очистки чиновничества" (Олар: „Политическая история французской революции". 2-е изд. Скирмунта, стр. 386—387). „В конце концов... именно якобинские общества поддержали... единство и спасли отечество (ibid). Во время английской революции революционный офицерский „Совет Армии" дал своих людей в „Государственный Совет". Во время русской революции боевые органы рабочих и солдат—советы—и крайняя революционная партия—коммунисты—стали основными организациями нового государства.

Против классового понимания природы государственной власти выдвигаются два главных соображения.

Первое гласит: признак государства заключается в централизованном управлении. Поэтому—говорят, например, анархисты—всякое централизованное управление означает существование государственой власти. Следовательно, напр., в развитом коммунистическом обществе, где будет плановое хозяйство, будет и государство. Это рассуждение все целиком покоится на наивной буржуазной ошибке: буржуазная наука видит вместо общественных отношений вещные или технические отношения. Между тем ясно, что „суть" государства состоит не в вещах, а в общественном отношении; не в централизованном управлении, как таковом, а в классовой скорлупе централизованного управления. Точно так же, как капитал не есть вещь (напр., машина), а общественное отношение между рабочим и его нанимателем, выраженное в вещи, так и централизация сама по себе не есть вовсе государственная централизация; она становится государственной тогда, когда в ней выражено классовое отношение.

Второе возражение против классовой теории государства мы уже отчасти разбирали. Это возражение еще более жалко и

смешно. Оно исходит из того, что государство выполняет ряд общеполезных функций (напр., современное капиталистическое государство строит электрические станции, больницы, железные дороги и т. д.). Этот мотив трогательно объединяет социал-демократа Кунова, правого эс-эра Ю. Делевского, консервативного Дельбрюка и даже... вавилонского царя Хаммураби! Но весь этот почтенный синклит все же жестоко заблуждается. Ибо существование общеполезных функций государства ни на одну ноту не меняет чисто-классового характера государственной власти. Господствующий класс, чтобы быть в состоянии эксплоатировать массы, расширять поле этой эксплоатации, способствовать „нормальному" ее ходу, разумеется, должен прибегать к разного рода „общеполезным" предприятиями. Напр., без развития сети железных дорог не может развиваться капитализм, без профессиональных школ не получишь квалифицированной рабочей силы, без научных институтов не повысишь капиталистической техники и т. д., и т. п. Но во всех подобных мероприятиях государственная власть капиталистов исходила из классовых расчетов. Мы уже приводили пример треста. И трест ведет производство, без которого не может жить общество. Но он ведет его, исходя из классового расчета. Или возьмем какое-нибудь старинное деспотически-землевладельческое государство, вроде государства египетских фараонов. Громадные сооружения по регулированию движения воды были общественно-полезны. Но их фараоновское государство берегло и холило не для того, чтобы накормить голодных или заботиться о благе всех людей, а потому, что это было необходимейшей предпосылкой производственнного процесса, который был в то же время и процессом эксплоатации. Классовый расчет—вот что было здесь движущим мотивом. Следовательно, этот ряд мероприятий ни в коей мере не является доказательством неправильности классовой точки зрения.

Другой ряд общеполезных мероприятий вызывается наступлением „низших классов". Таково, напр., фабричное законодательство капиталистических стран. На этом основании многие мудрецы (см. нашего русского доморощенного горе-социолога Тахтарева) считают, будто государство не есть чисто-классовая организация, ибо оно обязательно основано на компромиссе. Стоит только минутку поразмыслить над этим, чтобы

понять, в чем дело. Перестает ли, напр., капиталист быть „чистым капиталистом“, когда он под угрозой стачки считает для себя более выгодным уступить? Конечно не перестает. То же с государством. Разумеется, классовое государство может делать уступки другим классам, как в нашем примере хозяин делает уступки рабочим. Но этим отнюдь не сказано, что оно перестает быть чисто-классовым и становится какой-то организацией блока классов, т.-е. фактически всеобщественной организацией.

Этого, конечно, не понимает и г. Кунов. Но приятно видеть, как вышеупомянутый нахальный профессор Ганс Делльбрюк высмеивает этих переучившихся фальсификаторов марксизма: „Разница между нами, социально-политически думающими буржуа (Sozialpolitischdenkenden Bürgerlichen) и вами, является... лишь количественной (gradueller). Еще несколько шагов дальше по тому пути, по которому вы, мои любезные господа, идете, и марксистский туман рассеялся!“ (Hans Dellbrück, l. c., S. 172).

§ 58. Класс, партия, вожди[1]. Когда говорят о классе, то под этим подразумевают группу лиц, объединенных общим положением в производстве, следовательно, общим положением в распределении, следовательно, общими интересами (классовыми интересами). Однако было бы совершенной наивностью предполагать, что каждый класс представляет из себя какое-то совершенно однородное целое, где все части равны, где Иван таков же, как Сидор.

Для того, чтобы пояснить это на примере, возьмем современный рабочий класс. Здесь дело вовсе не только в том, что нет равенства в уме или способностях. Даже положение, „бытие“ различных частей рабочего класса неодинаково. Это происходит: 1) потому, что нет полной однородности хозяйственных единиц, 2) потому, что рабочий класс не сваливается с неба готовым, а постоянно образуется из крестьянства, ремесленников, городского мещанства и т. д., т.-е. из других групп капиталистического общества.

В самом деле, разве не ясно, что рабочий крупной, великолепно оборудованной фабрики—это одно, рабочий мелкой мастерской—другое? Здесь причиной разнородности является раз-

---

[1]) Этот § был в несколько ином виде напечатан отдельной статьей в „Правде“, перепечатан в моск. „Спутнике Коммуниста“.

нородность самих предприятий и всего строя работы в них. Другая причина кроется в величине, так сказать, пролетарского стажа. Крестьянин, только что поступивший на фабрику, это не то, что рабочий, в ней с детства работавший.

Различие в „бытии“ отражается и в сознании. Пролетариат неоднороден по своей сознательности так же, как он неоднороден и по своему положению. Он однороден более или менее, если его сравнивать с другими классами. Но если рассматривать его различные части, тогда получится выше нарисованная картина.

Таким образом, по своей классовой сознательности, т.-е. по отношению к длительным, общим, не цеховым, не групповым, не узко-шкурническим, не личным, а общеклассовым интересам, рабочий класс распадается на ряд групп и подгрупп, точно единая цепь, состоящая из ряда колец неодинаковой прочности.

Вот эта-то неоднородность класса и является причиной того, что становится необходимой партия.

В самом деле. Предположим на минутку, что рабочий класс однороден совершенно и абсолютно. Тогда он каждый раз мог бы действовать сплошной массой. Для руководства всеми действиями можно было бы выбирать людей или группы людей по очереди: постоянная организация руководства была бы излишней, она бы была ненужна.

Совсем другое положение вещей имеется в действительности. Борьба рабочего класса неизбежна. Руководство этой борьбой необходимо. Оно необходимо тем более, что противник силен, хитер и борьба с ним—жестокая борьба. Кто должен руководить всем классом? Какая его часть? Ясно: самая передовая, наиболее вышколенная и наиболее сплоченная.

Такой частью и является партия.

Партия—это не класс, а часть класса, иногда весьма небольшая. Но партия—это голова класса. Вот почему до крайности нелепо противопоставление партии и класса. Партия рабочего класса и есть то, что наилучшим образом выражает интересы класса. Различать класс и партию можно, как можно различать голову и целого человека. Противопоставлять—нельзя, как нельзя оттяпывать у человека голову, желая доставить ему долгую жизнь.

От чего зависит успех борьбы при таких условиях? От правильного отношения между различными частями рабочего класса и прежде всего от правильного соотношения между партией и беспартийными. С одной стороны—нужно руководить и командовать. С другой—нужно воспитывать и убеждать. Без воспитания и убеждения здесь нельзя и руководить. С одной стороны, нужно, чтобы партия была сплочена и отдельно организована, как часть. С другой—она должна связываться все теснее и теснее с беспартийными массами, вовлекая все большую их часть в свою организацию. Духовный рост класса находит, таким образом, свое выражение в росте партии этого класса. И, наоборот, упадок класса выражается в упадке партии или в понижении ее влияния на беспартийных.

Выше мы видели, что неоднородность класса находит свое выражение в необходимости партии этого класса. Но капиталистические условия „бытия" и низкий культурный уровень не только рабочего класса, но даже и остальных классов создают такое положение, когда и авангард пролетариата, т.-е. его партия, тоже неоднороден. Он более или менее однороден, если его сравнить с другими частями рабочего класса, но если брать различные части этого авангарда, т.-е. самой партии, то мы без труда обнаружим эту внутреннюю неоднородность.

Тут мы применяем точь в точь те же рассуждения, что и в случае с классом.

Представим себе противоположный действительности случай, а именно, полную—по классовой сознательности, опыту, уменью руководить и т. д.—однородность партии. Тогда не было бы, ясное дело, никакой нужды в вождях. Функции „вождей" можно было бы выполнять по очереди без всякого вреда для дела.

Но в действительности нет полной однородности даже в авангарде. И это есть основная причина, вызывающая необходимость в более или менее устойчивых группировках отдельных лиц-руководителей, обозначаемых словом „вожди".

Хорошие вожди потому и являются вождями, что они лучше всего выражают правильные тенденции партии. И точно так же, как бессмысленно противопоставлять партию классу, точно так же бессмысленно противопоставлять партию вождям этой партии.

Мы тем не менее это делали, когда противопоставляли ра-

бочий класс социал-демократическим партиям или массы организованных рабочих их вождям. Но это мы делали и делаем, чтобы разрушить социал-демократию, чтобы разрушить влияние буржуазии, идущее через социал-предательских вождей. Однако было бы крайне странно переносить методы разрушения враждебной организации на нас самих и представлять это, как выражение нашей особливой революционности.

Сходное положение имеется и у других классов. Возьмем, напр., современную Англию. Там правит, как класс, буржуазия. Однако она правит через партию Ллойд-Джорджа, а партия Ллойд-Джорджа правит через своих вождей.

Отсюда, между прочим, видна бессмысленность всех криков о диктатуре партии большевиков в России, диктатуре, которая врагами революции противопоставляется диктатуре рабочего класса. После вышеприведенного понятно, что класс неизбежно правит через свою голову, т.-е. партию. И только так он и может править. Если же разрушается его голова, т.-е. партия, тогда разрушается и сам класс, как класс для себя, превращаясь из сознательной и самостоятельной общественной силы в простой фактор производства, не более.

Не так, конечно, смотрит на дело г. Генрих Кунов. Он протестует против классового характера партий вообще. Вот его аргументация (см. 1. с., B. II, S. 68): „Партия не спрашивает того, кто к ней хочет примкнуть: „Принадлежишь ты к определенному классу?" И социал-демократическая партия тоже не спрашивает. К ней (к партии. *Н. Б.*) может примкнуть всякий, кто в основном признает ее принципы и ее требования, т.-е. ее программу. А эта программа содержит в себе не только определенные экономические требования, вызываемые интересом, но одновременно, как и программы других партий, определенные, вне сферы хозяйственных интересов лежащие, политические и философские взгляды (последний курсив наш.—*Н. Б.*). Конечно, основой большинства партий является определенная классовая группировка; но по своей структуре каждая партия в то же время является идеологическим образованием, представительницей особого политического мыслительного комплекса. И много лиц вступают в партию не потому, что представляемые партией особые классовые требования являются их требованиями, *а* потому, что они... притягиваются этим идеологическим комплексом". Эти рассуждения теперешнего главного теоретика социал-демократии крайне поучительны. Г-н Кунов, ничтоже сумняшеся, противопоставляет политические и философские взгляды программы партии экономическим требованиям этой программы. Так на что же это похоже, гражданин Кунов? И что осталось от вашего марксизма? Программа есть высшая степень осознанности во всяческих „мыслительных комплексах". „Политические и философ-

ские взгляды" вовсе не висят в воздухе, а вырастают из условий существования этих классов. Они не только не противоречат, а, напротив того, выражают эти условия бытия, а поскольку речь идет о программных требованиях, то ясно, что философская и политическая части этих программ служат оболочкой их экономической части.

Это можно проследить даже на партии г. Кунова, германской социал-демократии. Так как она вбирает в себя все большее число не-рабочих и отходит от рабочего класса, опираясь в рабочем классе, главным образом, на его квалифицированную аристократию, то и идейно политический комплекс „программы" изменился. В своих требованиях она стала крайне умеренна; своей идеологией она поэтому делает подчищенный, кастрированный, с позволения сказать, „марксизм" г. Кунова, комментатором программы избирает г. Бернштейна (старого изменника марксизму), а своим официальным философом ставит г. Форлендера, кантианского идеалиста.

§ 59. Классы, как орудие общественной трансформации. Если смотреть на общество, как некоторую объективно развивающуюся систему, то мы видим, что переход от одной классовой системы (от одной классовой „общественной формации") к другой проходит через ожесточенную борьбу классов. Классы являются в объективно развивающемся процессе общественных изменений основным живым трансмиссионным (передаточным) аппаратом, через который перестраивается вся совокупность жизненных отношений общества. Структура общества меняется через людей, а не помимо людей; производственные отношения это—такой же продукт людской деятельности и борьбы, как лен или холст (Маркс). Но если мы среди бесчисленного количества индивидуальных воль, идущих в различнейших направлениях и дающих в конце концов некоторую общественную равнодействующую, попытаемся выделить основные направления, тогда мы и получим некоторые однородные пучки воль: это и будут классовые воли. Они особенно резко противопоставлены друг другу в революции, т.-е. в потрясении общества при переходе его от одной классовой формы к другой.

Но, с другой стороны, под закономерностью развития классового волевого ряда и различных узоров и переплетений в столкновении противоположных и отличных друг от друга классовых воль скрывается более глубокая закономерность объективного развития, на каждой его стадии детерминирующая явления волевого ряда.

С другой стороны, мы знаем, что волевой ряд ограничивается внешними условиями, т.-е. что те изменения в этих условиях, которые могут быть произведены под обратным влиянием воли людей, ограничены предыдущим состоянием этих условий. Таким образом классовая борьба и классовая воля и является работающим передаточным аппаратом при переходе от одной общественной структуры к другой.

При этом новый класс должен выступить, как организатор и носитель нового общественно-экономического уклада. Класс, который не является носителем нового способа производства, не может „переделать“ общества. Наоборот, та классовая сила, которая воплощает в себе растущие и более прогрессивные производственные отношения, эта сила и есть основной живой рычаг общественного переворота. Так, буржуазия, являясь носителем новых производственных отношений, новой экономической структуры, перевела в своих революциях все общество с его старых феодальных рельс на рельсы буржуазного развития; так, пролетариат, носитель и организатор социалистического способа производства в его первоначальной классовой формулировке, переводит общество, объективно не могущее уже жить на старой основе, с буржуазных рельс на рельсы социалистические.

§ 60. Бесклассовое общество будущего. Но здесь мы сталкиваемся с одним вопросом, чрезвычайно мало освещенным в марксистской литературе. Вопрос этот состоит вот в чем. Выше мы видели, что класс правит через партию, партия правит через вождей, что класс и партия имеют, так сказать, свой командующий кадр. Этот командующий кадр технически необходим, ибо, как мы видели, он вытекает из неоднородности класса и из культурной неоднородности членов партии. Другими словами: каждый класс имеет своих организаторов. Если посмотреть с этой точки зрения на развитие общества, то, естественно, можно поставить такой вопрос: да возможно ли коммунистическое бесклассовое общество, о котором говорят марксисты?...

В самом деле. Мы знаем, что классы сами органически выросли, как это подчеркивал Энгельс, из разделения труда, из организаторских функций, которые стали технически необ-

ходимыми для дальнейшего развития общества. Между тем ясно, что и в будущем обществе потребуется этот организаторский труд. На это можно, правда, возразить таким образом: в будущем обществе не будет частной собственности и образования этой частной собственности. Между тем именно это отношение частной собственности и есть то основное, что составляет класс.

Однако здесь имеется и контр-аргументация. Так, например, профессор Роберт Михельс в своей очень интересной книге „К социологии сущности партий в современной демократии" (R. Michels: „Zur Sociologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie". Leipzig, 1910. Verlag von Dr. Werkner Klinkhardt, S. 370) пишет: „В этом пункте опять-таки вполне действительны сомнения, последовательное продумывание которых приводит к полному отрицанию возможности бесклассового государства (здесь нужно сказать: не государства, а общества, конечно. *Н. Б.*). Управление громадным капиталом (т.-е. средствами производства. *Н. Б.*)... передает администраторам по крайне мере такую же меру власти, как и владение собственным капиталом, частная собственность". С этой точки зрения все общественное развитие представляется лишь, как смена групп вождей (теория Вильфредо Парето так и называется: „теория смены избранных", „théorie de la circulation des élites").

Этот вопрос нужно разобрать по существу. Ибо, если правильно это положение, то правилен и вывод, который делается Михельсом, а именно, что социалисты могут победить, а социализм победить не может.

Мы прежде всего приведем один пример. Когда господствует буржуазия, то она господствует, как мы знаем, не сразу всеми своими членами своего класса, а через своих вождей. Однако всякий отлично знает и видит, что это не производит классового расчленения внутри буржуазии. Дворяне-помещики господствовали в России через своих обер-чиновников, которые представляли целый кадр, целый слой. Однако этот слой вовсе не противостоял остальным помещикам, как класс. Почему? Да по очень простой причине: потому, что жизненное положение этих остальных было ничуть не ниже жизненного положения первых; культурный уровень был тоже, в общем,

схож, и государственные „правители“ постоянно рекрутировались именно отсюда.

Поэтому совершенно прав был Энгельс, котовый писал, что классы до определенного момента суть следствие недостаточного развития производительных сил: управлять нужно, а, так сказать, хорошего пайка на всех не хватает. Отсюда—параллельно с ростом организаторских функций, общественно-необходимых, растет и частная собственность. Но коммунистическое общество есть общество с очень развитыми и развивающимися производительными силами. Следовательно, там не может быть экономической основы для создания своеобразного господствующего класса. Ибо,—даже если мы предположим устойчивую власть администраторов по Михельсу,—то это будет власть специалистов своего дела над машинами, а не над людьми. Ибо, в самом деле, как они смогут реализовать эту свою власть по отношению к людям? Никак. Михельс упускает основной и решающий факт, что всякая административно-господствующая позиция до сего времени была в то же время оболочкой хозяйственной эксплоатации. Отрывать хозяйственную эксплоатацию в данном случае никоим образом нельзя. Но устойчивой групповой, замкнутой власти не будет даже и над машинами. Ибо исчезнет основа основ для образования таких монопольных группировок: исчезнет то, что Михельс возводит в вечную категорию: „некомпетентность массы“. „Некомпетентность массы“ есть вовсе не обязательная принадлежность всякого общежития: она есть точно так же продукт экономических и технических условий, которые действуют через общекультурный быт и через условия образования. Можно сказать так: в будущем обществе будет грандиозное перепроизводство организаторов, и потому потеряется устойчивость руководящих группировок.

Гораздо труднее стоит вопрос для переходного периода от капитализма к социализму, т.-е. для периода пролетарской диктатуры. Рабочий класс побеждает тогда, когда он отнюдь не представляет—и не может представлять—однородной массы. Он побеждает в условиях падения производительных сил и материальной необеспеченности широких масс. Поэтому тенденция к „вырождению“, т.-е. к выделению руководящего слоя, как классового зародыша, неизбежно, будет налицо.

С другой стороны, она будет парализоваться двумя противоположными тенденциями: во-первых, ростом производительных сил; во-вторых, уничтожением монополии образования. Расширенное воспроизводство техников и организаторов вообще из рабочего класса подрывает корень под возможным новым классовым делением. От того, какие тенденции окажутся сильнее, зависит и конечный исход борьбы.

Таким образом рабочий класс, имея в своем распоряжении такой прекрасный инструмент, как марксистскую теорию, должен помнить: его руками устанавливается и будет в конце концов установлен такой порядок отношений, который принципиально отличается от всех прошлых общественных формаций: от первобытно-коммунистической орды—тем, что это будет общество высоко-культурных людей, осознающих себя и других; от классовых форм—тем, что впервые создадутся условия для человеческого существования не только отдельных групп, но и всей массы людей, массы, которая перестает быть массой, а становится единым, гармонично построенным человеческим обществом.

Литература к VIII гл. Сводной работой о классах является работа проф. Солнцева: „Общественные классы". См. также: Маркс и Энгельс: Коммунистический манифест; Маркс: Нищета философии; он же: Капитал; он же: Исторические работы. Энгельс: Положение рабочего класса в Англии; он же: Людвиг Фейербах; он же: Происхождение семьи и т. д. Каутский; Аграрный вопрос; он же: Противоречия классовых интересов во время велик. франц. революции. Н. Рожков: К. Маркс и классовая борьба (Сборник „Памяти Маркса"). В. Шулятиков: Из теории и практики классовой борьбы. А Богданов: Эмпириомонизм, книга III. В. Чернов (с.-р.): Крестьянин и рабочий, как экономические категории. Ю. Делевский (с.-р.): Социальные антагонизмы и классовая борьба. Г. Кунов: Die Marxsche Geschichtsheorie.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К постановке проблем теории исторического материализма.

(Беглые заметки.)

В своей книге „Теория исторического материализма" я пытался не только повторить то, что было сказано и раньше, но, с одной стороны, дать некоторые другие формулировки того же самого, с другой—уточнить и развить положения теории исторического материализма, продвинуть дальше разработку его проблем. Как известно, Энгельс, незадолго до своей смерти, говорил, что в области исторического материализма сделаны еще только первые шаги. Казалось бы, что прямой задачей учеников великих учителей является разработка проблем теории. Но такова уж сила консерватизма мысли человеческой, что многие органически не в состоянии понять этой задачи [1]). Между тем постановка и решение таких проблем является злобой дня. Литература противников возросла в огромной степени. Контр-атака с нашей стороны необходима, и притом на все повышающейся

[1]) Плеханов, в предисловии к „Критике наших критиков" пишет: „Статьи г. г. субъективистов и народников... убедили меня в том, что они, запомнив наши термины, не дали себе отчета в понятиях... чтобы убедить в этом также и читателей, я решил изложить нашу теорию другими словами. Вышло то, чего я ожидал. Один из самых крупных противников наших, не разобрав в чем дело, закричал, я что отказался от „экономического материализма"... Что противники попались, об этом я, разумеется, не жалел, но вот что было печально. Меня не поняли также и некоторые единомышленники—они, как видно, тоже запомнили одни слова... (l. c., стр. 6). К сожалению, порода единомышленников, запоминающих одни слова, не перевелась еще даже в Советской России... Но об этом—в другом месте.

основе наших собственных теоретических положений. В настоящих „беглых заметках“ я попытаюсь набросать мотивировку тех „новшеств“, которые имеются в моей книге,—новшеств, которые все—я это утверждаю—идут по линии „наиболее ортодоксального, материалистического и революционного понимани Маркса“ [1]).

1) „Механическое“ и „органическое“. До последнего времени в нашей среде эти понятия противопоставлялись. В области общественных наук мы, марксисты, протестовали против „механического объяснения“, предпочитая говорить об „органических“ связях и т. д., хотя отнюдь не разделяли предрассудков так называемой „органической школы“ в социологии.

С тех пор появилось два решающих фактора: во-первых, переворот в представлениях о строении материи; во-вторых, чрезвычайный рост идеализма в официальной буржуазной науке. Революция в учении о строении материи в корне изменила представление об атоме, как абсолютно изолированной единице. Между тем именно это старое представление об атоме переносилось на индивидуум (и „атом“ и „индивидуум“—по-русски переводятся одним и тем же словом: „неделимое“). Робинзонады в общественных науках в точности соответствовали атомам старой механики. Между тем в области общественных наук речь и шла как раз о преодолении робинзонад. Нужно было выдвинуть со всей силой и решительностью общественную точку зрения, что и было гениально выполнено Марксом в противовес индивидуалистическим теориям буржуазии, включая сюда и блестящих „классиков“ политической экономии (Смит и Рикардо). Правильны ли были протесты против „механического“ в области общественных наук? Конечно, да.

Но нельзя напоминать одни термины, не понимая сути дела. Теперь правильное диалектически превращается в свою собственную противоположность. Ибо современное представление о материи опрокинуло старые взгляды. Изолированный и бескачественный атом скончался. Элемент связи, взаимозависимости, нарастания новых качеств и т. д. вос-

---

[1]) См. Предисловие к настоящей книге.

становлен во всех правах. Противопоставление „механического“ и „органического“ с этой точки зрения стало бессмысленным.

С другой стороны, рост идеализма в буржуазной науке и философии привел к „органическому“ мистицизму. Понятие „жизни“ стало мистическим (Бергсон, Дриш and C°). Что же следует отсюда? Отсюда следует изгнание из нашей идеологии старого противопоставления, если только мы хотим всерьез бороться за материалистическое мировоззрение вообще и материалистическую общественную науку в частности.

2) Диалектика и теория равновесия. Маркс, как известно, освободил диалектику от мистической оболочки, выставив положение, что диалектика, как мыслительная категория, есть отражение диалектики в процессе реального, материального становления, ибо „идеальное“ есть лишь переведенное в человеческом мозгу на специфический язык материальное. Однако до сих пор—и при том в возрастающей степени—делаются попытки оторвать мыслительный процесс от процесса материального,—попытки превратить диалектику в исключительно мыслительную конструкцию, в некоторый метод, которому не соответствует какая бы то ни было реальность. Типичным является в этом отношении „австро-марксизм“ с Максом Адлером во главе. Как нужно бороться с этим извращением марксизма,—извращением явно антиматериалистическим? Совершенно очевидно, что нужно вскрывать материальный корень диалектики, т.-е. в формах движущейся материи находить то, чему „соответствует“ диалектическая формула Гегеля. Непрестанное столкновение сил, распад, рост систем, образование новых и их собственное движение,—другими словами, процесс постоянного нарушения равновесия, его восстановления на другой основе, нового нарушения и т. д.—вот что реально соответствует гегелевской триединой формуле. Что „нового“ вносит это толкование? По существу, это то же самое. Но здесь указывается на материальный процесс и на движение материальной формы. Другими словами, здесь—диалектика материального становления, идеально выражаемая гегелевской триадой.

Совершенно неправильным является упрек в механичности такой формулировки. Неправильным он является потому, что нельзя современную механику противопоставлять диалектике. Если механика не диалектична, т.-е. недиалектично и все движение, то что же остается от диалектики? Наоборот. Движение составляет, если так можно выразиться, материальную душу диалектического метода и его объективную основу.

Маркс и Энгельс освобождали диалектику от ее мистической шелухи в действии, т.-е. материалистически применяя диалектический метод при исследовании различных областей природы и общества. Речь идет теперь о теоретическо-систематическом изложении этого метода и его, такого же теоретическо-систематического, обоснования. Это и дается теорией равновесия.

Теория равновесия имеет, кроме того, еще один немаловажный аргумент за себя: она освобождает мировоззрение от телеологического привкуса, неизбежно связанного с гегелевской формулировкой, которая покоится на саморазвитии „Духа". Вместо эволюции (развития), и только эволюции, она позволяет видеть также случаи разрушения материальных форм. Тем самым она является и более общей, и очищенной от идеалистических элементов формулировкой законов движущихся материальных систем.

3) Теория равновесия и производительные силы. Основным для теории исторического материализма вопросом является вопрос о том, почему производительные силы привлекаются в качестве объясняющей все („в конечном счете") последней причины. Здесь в марксистских рядах (в том числе и в наших ортодоксально-марксистских, коммунистических рядах) царит довольно сильный разнобой... Очень часто дело сводят к явно негодной „теории факторов", при чем производительные силы заменяются производственными отношениями („экономический фактор"). Часто по существу поднимают вопрос о курице и яйце с точки зрения их „генезиса". Даже решение Плеханова (в „Монистическом взгляде") явно неудовлетворительно. Как он ставит вопрос? Он берет контраверзу между двумя направлениями мысли: одним, которое утверждает: „мнения правят миром", и другим, которое

полагает, что „условия жизни создают человека". В наших терминах можно говорить о надстройках и базисе. Влияет надстройка на базис? Да. Базис на надстройку? Тоже да. И Плеханов соглашается, что в такой постановке вопроса не решить. Где же решение? По Плеханову, оно в том, что обе эти взаимодействующие величины зависят от третьей величины (производительных сил). И вот это обстоятельство-то и решает всю проблему.

Однако не трудно видеть, что вопрос, таким образом, может быть отодвинут, но не решен. В самом деле, влияют надстройка и экономика обратно на производительные силы? Да. Производительные силы на экономику и надстройку? Тоже да. Вопрос „воспроизводится на новой основе" — только и всего.

Это же есть центральный вопрос социологии. Ибо, если не дать на него ответа в духе методологического монизма и пытаться найти себе убежище под крылышком „теории факторов", то тогда, как совершенно справедливо замечает буржуазный немецкий профессор E. Brandenburg, речь будет итти „лишь о количественной разнице при оценке хозяйственных и духовных влияний"[1]). А это, во-первых, будет теория, которая ровно ничего не объясняет; во-вторых, это будет все, что угодно, но только не марксизм.

Проф. Brandenburg делает в сторону такого марксизма изящный реверанс. А по отношению к настоящему материалистическому пониманию истории сей профессор пишет: „Оно хочет свести все движения (alle Wandlungen) совместной жизни людей к переменам в области производительных сил; но оно не может объяснить, почему эти последние сами должны постоянно меняться, и почему это необходимо должно происходить в направлении к социализму"[2]).

Вот на этой формуле г-на профессора всего лучше можно заострить нашу собственную методологию при решении данной, повторяю, центральной, социологической проблемы.

---

[1]) E. Brandenburg, Prof. an der Universität Leipzig: „Die materialistische Geschichtsauffassung, ihr Wesen und ihre Wandlungen". 1920. Verl. von Quelle u. Meyer in Leipzig. S. 58: „...—so handelt es sich nur noch um Gradunterschiede in der Bemessung wirtschaftlicher und geistiger Einflüsse".

[2]) Ibid., l. c., 58.

Ответ на этот вопрос,—ответ, который я считаю единственно правильным, таков: производительные силы определяют общественное развитие потому, что они выражают собой соотношение между обществом, как определенной реальной совокупностью, и его средой... А соотношение между средой и системой есть величина, определяющая, в конечном счете, движение любой системы. Это есть один из общих законов диалектики движущейся формы. Это есть та рамка, внутри которой происходят молекулярные перемещения сил, завязываются и развязываются бесчисленные узлы взаимодействий и противоречий. Пусть производительные силы испытывают изменения под влиянием „базиса“ и „надстроек“. Констатирование этих влияний не изменяет ни капли основного факта: соотношение между обществом и природой, количество материальной энергии, за счет которой общество живет и которая может как угодно трансформироваться в процессе общественной жизни, есть всякий раз определяющая величина.

Так, и только так, может быть решен основной вопрос теории исторического материализма.

4) Производственные отношения. Производственные отношения, по Марксу, есть материальный базис общества. Между тем, у целого ряда идеологических группировок в марксизме (или в „марксизме“) существует непреодолимое стремление „спиритуализировать“ этот материальный базис. Победное шествие психологической школы и психологического метода в хоромах буржуазной общественной науки не могло не „инфицировать“ марксистских и полумарксистских кругов. Это явление шло нога в ногу с повышавшимся влиянием школьной идеалистической философии вообще. Под материальный базис Маркса стали подводить „идеальный“ психологический базис австрийской школы (Бем-Баверк), Л. Уорда и tutti quanti. Застрельщиком и здесь выступил теоретически растленный австро-марксизм. Материальный базис стали трактовать в пиквикском смысле. Экономика, способ производства, оказались нижним рядом психических взаимодействий. Твердый костяк материального исчез из-под общественного здания.

В русской литературе эта „психологизация“ марксизма была очень последовательно проведена в сочинениях А. А. Богда-

нова. По Богданову даже техника это не вещи, а уменье людей работать при помощи определенных орудий труда, их, так сказать, психологический тренаж.

Совершенно очевидно, что такой психологизированный марксизм есть явное отклонение от подчеркиваемого con amore Марксом материализма в социологии.

Но как все же трактовать материальность производственных отношений?

Мне кажется, что точного ответа на этот вопрос в марксистской литературе не давалось, и отчасти поэтому „психологические“ конструкции, которым нельзя отказать в известного рода цельности и продуманности, оказывают влияние на марксистские умы [1]).

Как же решить эту задачу? Противник выставляет ряд дельных аргументов. Самым важным аргументом является то соображение, что понятие отношения между людьми предполагает их психическое взаимодействие. Таким образом, трудовая связь есть связь психически трудовая. Так как не подлежит никакому сомнению, что процесс создания, а равно и поддерживания этих отношений является процессом психическим, который складывается из психических актов, объективирующихся в общественном масштабе, то тем самым установлен общественно-психический характер „базиса“.

Я утверждаю, что против этой аргументации в нашей среде не было выставлено контр-аргументации. Поэтому мной предлагается новое, материалистическое решение задачи, идущее по линиям марксовых решений. Это решение таково.— Под производственными отношениями я разумею трудовую координацию людей (рассматриваемых, как „живые машины“) в пространстве и времени. Система этих отношений настолько же „психична“, как система планет вместе со своим солнцем. Определенность места в каждую хронологическую точку—вот что делает систему системой. С этой точки зрения всякая психичность базиса исчезает. А то обстоятельство, что опосредствующим моментом являются психические элементы, нисколько не разрушает и не

---

[1]) При „понятливости“ некоторых критиков я должен оговориться: здесь речь идет о плоскости логической, которая, конечно, имеет свой социально-экономический эквивалент.

нарушает стройности нашей аргументации: опосредствующим моментом служит в процессе совокупного воспроизводства общественной жизни и любая из надстроек. Предлагаемое решение я считаю единственно верным и единственно материалистическим. Без него, кроме того, нельзя дать ответа Адлерам и K⁰.

5) Надстройка и идеология. Структура надстроек. Анализ этих общественных явлений в их статическом разрезе[1]) был крайне недостаточным. Отсюда происходил целый ряд недоразумений, ошибок, а также теоретических тупиков и ложных „кажущихся" объяснений. Например: исследователи натыкались на научную лабораторию, с ее орудиями труда, своеобразными трудовыми отношениями и т. д. Отсюда вывод: лабораторный (rsp., всякий научный) труд относится к производству. Развивая дальше это положение, приходили к тому, что всякий общественно-полезный труд есть производительный труд. В результате все тонуло в этом „производстве", и марксистская теория превращалась в нелепое объяснение части целым, не более. Или не знали, куда девать в архитектурной схеме Маркса такие явления, как научная ассоциация, бюрократический аппарат, философское общество, астрономическая обсерватория.

Поэтому я предложил в своей книге прежде всего отделить понятия идеологии и надстройки, взяв надстройку, как понятие более широкое и общее. Идеология—системы мыслей, чувств, образов, норм и т. д. Надстройка включает в себя и многое другое. А именно, в надстройках мы должны отличать три главных сферы.

1. Техника данной надстройки, „орудия труда" (лабораторные инструменты в науке; дома, пушки, счеты, диаграммы etc. в госаппарате; кисти, музыкальные инструменты и т. д. в искусстве и проч.).

2. Отношения между людьми (научное общество, бюрократическая организация, людские отношения в художественной мастерской, координация людей в оркестре).

---

[1]) Для „понятливых" критиков, могущих поднять шум: анализ типичных черт структуры и есть статический „разрез". Это, конечно, не снимает обязанности анализировать данную структуру и с точки зрения ее движения, т. е. в динамике.

3. Системы идей, образов, норм, чувств и т. д.(идеология).

Я пытался, далее, провести этот анализ еще дальше, т.-е. пытался наметить вехи еще большего дробления и дифференциации (на примере музыки и др.). Тем самым отпадает целый ряд трудностей, которые были раньше, и историко-материалистический метод становится точнее и острее.

6) Зависимость надстроек от базиса. Вышеописанная точка зрения намечает гораздо более конкретную постановку вопроса о зависимости надстроек от базиса и через него от производительных сил. Основной недостаток, если так можно выразиться, сплошной постановки вопроса состоял и состоит в неопределенности понятия „зависит“ или „определяется“. Именно на этой почве возникали „уклоны“ в среде марксистской и марксистообразной публики. Стоит вспомнить работы т. Шулятикова („Оправдание капитализма в западно-европейской философии“), или Элевтеропулоса, а также многих других. Критические фаланги врагов не раз использовали этот разнобой. Между тем, если мы внутри каждой надстройки различаем ее элементы, то не трудно показать, какова конкретная зависимость этих элементов—1) друг от друга, 2) от элементов других надстроек, 3) этих последних от базиса, 4) непосредственно от базиса, 5) непосредственно от техники и т. д. и т. п. Всякие „уклоны“, упрощение, вульгаризация, „сплошная“ постановка вопроса тем самым отпадают. Зато, правда, на исследователя возлагается обязанность очень глубокого „погружения“ в анализ данной надстройки, т.-е. очень кропотливого труда. Но, само собою понятно, это не есть аргумент против моих „новшеств“.

7) Надстройки, как сферы отдифференцированного труда. Я ставил свой задачей также анализировать надстройки с точки зрения труда. Маркс недаром говорил об „интеллектуальном производстве“ и „идеологических сословиях“ (ideologische Stände). Не буду говорить здесь о практическом значении этих вопросов специально для нашего времени и специально для нашей партии. Ограничусь чисто теоретической мотивировкой такого „аспекта“.

Во-первых. Такая точка зрения прекрасно освещает вопрос о соотношении материального производства с производствами „интеллектуальными“ и наглядно демонстрирует всю не-

лепость „сплошной“ постановки вопроса и в этой области (все „полезное“ — производство); в частности, при таком решении вопроса ясно, что интеллектуальный труд постоянно как бы вытекает и затем обособляется от материального производства; казуистические хитроумные вопросы относительно категорий, лежащих на самой границе этих областей, методологически отпадают совершенно так же, как якобы „ужасные“ вопросы о промежуточных социальных группировках и других текучих величинах.

Во-вторых. Такая постановка вопроса позволяет объяснять необходимость как появления тех или иных видов надстроечного труда, так и своеобразную диспозицию различных отраслей этого труда, т.-е. относительные размеры их в данном обществе (такие вопросы, как, напр., вопросы пропорции между материальным и нематериальным трудом; о пропорции между различными видами „духовного“ труда и тому подобн., мне кажется, ранее не ставились вообще; между тем это необходимо для объяснения целого ряда существеннейших явлений; ср., наприм., практическую ценность для нас вопроса о материальном производстве и административно-бюрократическом аппарате).

8) „Способ представления“ и формирующие принципы общественной жизни. Я считал своей теоретической обязанностью поставить на первый план забытое всеми положение Маркса о „способе представления“ („Vorstellungsweise“). Не подлежит никакому сомнению, что это понятие было у Маркса понятием, соотносительным со „способом производства“. Другими словами, определенному способу производства соответствует, определяясь им, и адэкватный способ представления. Маркс не разработал вопроса о способе представления так же логически ясно и точно, как вопрос о способе производстве. Но из его отдельных замечаний (наприм., о том, что нужно разработать вопрос об „интеллектуальных сословиях“ и т. д. и т. п.) совершенно ясно вытекает, как он смотрел на постановку этих проблем. Этим решается вопрос о едином основном „стиле“ общественной жизни снизу до верху и об исторически относительном характере всяких и всех идеологий, взятых не с точки зрения отдельных их положений (которые могут быть вечны), а с точки зрения типов связи между ними, тех особых принципов координации, кото-

рые и составляют конститутивный признак понятия о „способе представления“.

9) Физиология человека и законы общественного развития. Бесконечные споры о соотношении между законами биологии и социологии и т. д. я пытался поставить на совершенно иную почву. А именно, физиологические особенности людских групп, а равно и соответствующие им особенности психологические, я рассматриваю, как квалификацию определенных рабочих сил общества (психофизиологические особенности крючника, музыканта, организатора производства, купца, шпиона, шоффера, офицера и т. д.). При таком решении проблемы не получается того нелепого удвоения „законов“, которые встречаются на каждом шагу даже в лучших марксистских работах (с одной стороны, законы биологии, физиологии и т. д., с другой — законы общественного развития). На самом деле, одно есть „инобытие“ другого. Одно и то же явление рассматривается с разных точек зрения. Психофизиологическая структура крючника и квалификация его рабочей силы не две разные величины, а два разных способа рассматривать одну и ту же величину. Особенно ясно вскрывается это при изучении тэйлоризма, психотехники и т. д.

10) Материализация общественных явлений. „Новшеством“ с моей стороны является и развиваемая мною теория материализации общественных явлений, своеобразный процесс аккумуляции культуры, когда общественная психология и идеология уплотняются и оседают в виде вещей, имеющих оригинальное общественное бытие. Эта материализованная, образно выражаясь, уплотненная до степени материального, общественная психология и идеология становится, в свою очередь, отправной точкой для всякого дальнейшего развития (книги, библиотеки, галлереи, музеи и проч. и проч.). Если материализация общественных явлений есть один из основных законов развивающегося общества, то ясно, что в соответствующих областях (т.-е. надстройках) анализ нужно начинать отсюда. Материалистическая точка зрения и здесь получает свое новое подтверждение[1]).

---

[1]) Кстати сказать: как умно выглядят те из моих критиков, которые упрекают меня в совсем противоположных „тенденциях“?

11) Закономерность переходного периода и закономерность упадка. Одним из центральных возражений против исторического материализма является указание на якобы мистическую сущность производительных сил у Маркса, которые должны, неизвестно почему и неизвестно отчего, во что бы то ни стало развиваться. Грех утаить, что последнее „требование“ к производительным силам предъявлялось не раз в сочинениях марксистов. Но сам Маркс в этом нисколько не повинен, потому что он не раз указывал на случаи „гибели обоих борющихся классов“, вместе с ним — всего общества, вместе со всем обществом, следовательно, — и его производительных сил. Вопрос о том, суждено ли обществу развиваться или погибнуть, не может быть решен абстрактно в ту или другую сторону. Он может быть решен только на основе конкретного анализа.

Точно так же эмпирически доказано, что переходные периоды, сопровождаемые революциями, связаны с временным, более или менее длительным, падением производительных сил.

Следовательно, обычная формулировка основ теории исторического материализма, начинающаяся со слов: „рост производ. сил“, слишком узка, ибо не охватывает ни эпох упадка, ни переходных революционных периодов.

Я поэтому и здесь считал своей теоретической обязанностью дать анализ закономерности этих явлений, игравших и играющих немаловажную роль. Сделать это было тем более необходимо, что без такого анализа нельзя понять и современность. Социологическая характеристика этих периодов, как периодов отступления прозводительных сил под влиянием надстроек с постоянной лимитацией этого явления предыдущим состоянием производительных сил; другими словами, характеристика основной закономерности их, как растянутого во времени процесса обратного влияния надстроек (в случаях переходного периода до момента установления нового общественного равновесия) дана со всею определенностью и уложена в общетеоретические рамки.

С другой стороны, я старался дать и формулировку необходимых фаз в процессе революции, опираясь отчасти (как и в „Экономике перех. периода“) на замечания тов. Крицмана,

которому принадлежит приоритет в решении данной задачи. Таким образом, телеология была изгнана из своего последнего убежища.

* * *

Я коснулся в данной статье лишь своих главных „новшеств“. Мог бы перечислить и целый ряд других: в учении о классах, о соотношении между вождями и партией, в учении о революции и пр. К сожалению, у меня нет времени, чтобы останавливаться на всем этом. Приходится извиниться перед читателем даже за фрагментарный характер данных „беглых заметок“. Задачи, стоящие перед нами, как видно и из них, очень сложны. По мере сил, я старался их решить. Всякому понимающему человеку, а тем более большевику, ясно, что общая тенденция моих „нововведений“ идет по линии развития ортодоксального, революционного и материалистического понимания Маркса. Я принял бы с благодарностью всякое ценное указание, ибо широкое сотрудничество здесь обязательно так же, как и во всякой другой области.

Но, быть может, читатели воскликнут:

„А почему же о всех этих проблемах, действительно серьезных и действительно основных, ни один из ваших критиков даже не упомянул, если не считать исключений за правило?“

— „Спросите у ветра в поле“... как посоветовал однажды Кнут Гамсун по совсем другому поводу...

УКАЗАТЕЛИ

Указатель имен и цитируемых авторов[1]).

А. Русский указатель.

Стр.

Август 184
Августин Блаженный . . 50
Агафонов, В.:
Современная техника. Итоги науки 125
Амес 183
Анаксагор 213
Анаксимандр 57, 201
Анаксимен 57, 201
Аристотель. 18, 45, 101, 146, 186, 205
Архимед 180
Ассурбанипал 309

Бальмонт 131
Бауэр, Отто 297
Барт, Пауль 129
Бельтов, Н.:
К вопросу о развитии монистич. взгляда на историю. 57, 254, 274
Критика наших критиков. 85, 130, 135
Бентам, И. 236
Бергсон 45
Беркли 57
Бернштейн, А.:
Белая горячка 34
Бернштейн, Эдуард . . . 284, 351
Бицилли, П.:
Падение Римской империи. 304
Богданов, А.:
Из психологии общества. 28, 161, 188
Боккачио 222
Бомарше 223
Боссюэт:
Рассуждение о всеобщей истории 59
Булгаков, Сергей:
Ст. в „Проблемах идеализма“ 22
Капитализм и сельское хозяйство 48
Философия хозяйства . . . 48, 49
Бутру 45
Бухарин, Н.
Экономика переход. периода. 289
Бэкон 205
Бэм-Баверк, Евг. 19
Бюхер, Карл 212, 217

[1]) В данный указатель не входит литература, означенная в конце каждой главы. Указатели составлены участниками семинария тт. Стремоуховым, Кравалем, Чернуличем, Радиным и Марецким.

Стр.

Вандервельде 297
Васильев, Н.:
Вопрос о падении Западной Римской Империи . . 204, 304, 305
Винчи, Леонардо да 221
Виппер, Р.: 50
Несколько замечаний о теории исторического познания. 194
Сб. Две интеллигенции . . . 182
Новые горизонты в исторической науке. 107
Витрувий 125, 150
Вольф, Христ. 45
Вормс 90

Гален, Клавдий 177
Гастев:
Наши задачи, в журн. „Организация Труда“, № 1, 1921 . . 152
Гегель 57, 59, 251
(см. также Hegel).
Гейне, Г.:
Зимняя сказка 72
Гельвеций 57
Гераклит . 57, 65, 67, 73, 201, 202
Геродот 125, 173
Герон Александрийский . 178, 184
Гете 130
Метаморфозы животных . . 257
Гиппократ 177
Гоббз, Томас 57
Гольбах:
„Система природы“. 57
Гораций 184
Горгий 56
Гомер 202
Горький 317
Гортер, Герман 5, 129
Историч. материализм . . . 198
Грамм 180
Гумплович, Людв. . . . 138, 324

Давид 222
Данте 222
Дарвин, Ч. 124
Происхожд. видов. . . . 62, 65

Стр.

Делевский, Ю.:
Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории 343, 346
Декарт 51
Демокрит 57, 65
Деникe, Ю. 6
Джевонс 133
Дидро 57, 223
Диодор 183
Д’Эт 314

Зенон 65
Зиммель 98, 233, 259
См. также Simmel.
Зомбарт. 85, 162, 241, 264, 293, 332, 343
Современный капитализм . 241
См. также Sombart.

Кальвин 50
Кант 57, 136, 137, 269
Каутский . 44, 116, 138, 162, 225
Карсавин:
Культура средних веков . . 266
Кенэ:
Китайский деспотизм . . . 19
Кеплер 19
Конт, Огюст 90, 141, 270
Колумела 184
Крапоткин, П.:
Велик. Фр. Револ. 284
Корсак:
Общество правовое и общество трудовое 28
Кратил 65
Крживицкий, Л.:
Профессиональные типы . . 311
Крупская, Н.:
Народн. образование и демократия 248
Кунов, Г. 50, 189, 282, 283, 289, 293, 298, 299, 300, 337, 341, 346, 347, 350, 351
Возникновение религии и веры в бога 188
См. также Cunow, H.
Кювье 83

Стр

Ламарк 65
Ламеттри:
Человек—машина 57
Ланге, Ф. А. 62
Лейбниц . 31, 32, 45, 84, 180, 309
Ленин 57, 145, 284, 293
Материализм и эмпириокритицизм 28
Лессинг 59
Лилиэнфельд 90
Линней 65
Липперт, Ю. 217
Локк 205
Лориа А.:
Социология 96
Лукреций Кар 57
Луначарский:
Еще о театре и социализме в сб. „Вершины" 213
Лучицкий:
Состояние землед. классов во Франции накануне революции 284
Люксембург, Роза:
Накопление капитала 138

Мальтус, Р 133
Маркс, К. . . . . passim
Маслов, П.:
Аграрный вопрос 284
Капитализм 121, 138
Мах:
Познание и заблуждение 16, 176
См. Mach.
Мельгунов:
Религиозно-обществ. движения русск. народа в XVII в. . 238
Мережковский 32, 342
Меринг, Франц 252
См. Mehring.
Мечников, Л:
Цивилизация и великие историч. реки . 112, 118, 129, 136, 138
Милль, Д. С. 322
Система логики 42
Миллар, Э. 133
Милюков, П. 102

Стр.

Никольский:
Первобытные религиозные верования т. I 193
Новгородцев, П.:
Об обществен. идеале . . . 293
Ньютон 180
Оболенский, Л.:
Научные основы красоты и искусства 214
Олар:
Полит. история франц. революции 345
Оппенгеймер, Ф. 324
Павлов-Сильванский:
Феодализм в древней Руси . 265
Паульсен, Ф. 244, 248, 249
См. Paulsen.
Парменид 65, 210
Перикл 203
Петти, В. 193
Петрарка 222
Петрушевский, Д.:
Восстание Уота Тайлора . . 285
Пирсон, К.:
Грамматика науки 16
Платон 56, 67, 203
Плеханов 283
Основные вопросы марксизма. 28
Критика наших критиков 85, 87, 130, 135
Погодин, А.:
На грани животного и человеческого. Нов. идеи в социологии № 4. . . . . 228—29
Покровский, М. Н. 165, 189, 193
Русская история 169
Очерки истории русской культуры 104, 134
Протагор. 56
Реннер 293
Рерберг, Ф.:
Краткий курс истории искусств 218
Рескин, Д.:
Лекции об искусстве 218

Стр.

Рикардо, Д. 9
Родбертус, К. 236
Роджерс 283
Розенбах:
„Прогрессивный паралич“ в Энциклопедии Брокгауза . . . 34
Руссо, Ж. Ж.:
Обществ. договор 100, 223

Сенека:
Письма к Люцилию 204
Сербский:
„Душевные болезни“ у Брокгауза 34
Смит, А. 188
Сократ 203
Солнцев:
Общественные классы 314, 317, 318, 321, 322
Соловьев, В.:
Оправдание Добра 105
Спекторский:
Очерки по философии общественных наук 18
Спенсер 90
Спиноза 31, 42, 57
См. Spinoza.
Страбон 173
Степанов, И. 188
Струве, П. 22, 283. 293

Тахтарев 346
Тацит 218
Толстой, А. 166
Толстой, Л.: 34
Что такое искусство 208
Торренс 73
Топинар 136
Туган-Барановский:
Теорет. основы марксизма . 336
Тураев, Б.:
История древнего Востока 190, 191, 194, 219

Стр.

Фалес 57, 201
Фейербах, Л. 58
Фидий 181
Фихте 57, 59
Фома Аквинский:
Богословская Энциклопедия (Summa theologiae) 241
Форлендер 351
Франклин 124
Фрезер, Д. 184

Хаммураби 219, 263, 346
Хвостов 136
Теория историч. процесса. . 257

Цеттербаум:
К материалист. поним. истории в сб. Истор. материализм. 161
Циглер:
Руководство по истории педагогики 248
Цицерон 45

Чупров, А.
Очерки по теории статистики 178

Шеллинг 57, 59
Шопенгауер 55, 57
Шпенглер, О. 142
См. Spengler.
Штаммлер:
Хозяйство и право с точки зрения мат. понимания истории 23, 24, 26, 27, 28, 49
Шульце-Геверниц 139

Эдиссон 104
Эйслер, Р.:
Всеобщая история культуры. 217
Энгельс . . . . passim
Эпикур 57
Эрман 220, 342

Юлий Цезарь 151, 184

Б. Иностранный указатель.

Стр.

Achelis, Th.
Soziologie. 1899. Leipzig . . . 190

Adler M. 161
Causalität und Teleologie im Streite um die Wissenschaft . . 28
Marxistische Probleme 28

Baudeau N.
Première introduction à la philosophie économique etc . . 118

Borédeaux A.
Histoire des sciences physiques, chimiques et géologiques au XIX siècle. Paris et Liège. 1920. . . 179

Brandes, Georg
Die Hauptströmungen der Litteratur des XIX. Jahrhunderts, B. I. Leipzig 223

Bücher, Karl.
«Das Zeitungswesen» in Kultur der Gegenwart 309

Burger, Fritz.
Weltanschauungsprobleme und Lebenssysteme in der Kunst der Vergangenheit. München . . 214, 220

Cantor, M.
Vorlesungen über die Geschichte der Mathematik. Leipzig. 1907. 177, 183, 184

Стр.

Cavalieri 180

Cunow, Heinrich.
Produktionsweise und Produktionsverhältnisse nach Marxschen Auffassung. N. Z. Jahrb. 39. B. I. 116
Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie. B. I. u II. 282, 283, 289, 293, 300, 337, 342, 346, 350, 351

Däubler, Th.
Der neue Standpunkt. Leipzig. 1919 224

Dellbrück, Hans.
Die Marxsche Geschichtsauffassung. Preussische Jahrbücher. B. 182, Heft 2. . . . 342, 346, 347

Dessoir, M.
Die neue Mystik und die neue Kunst. Einführung in die Kunst der Gegenwart. Leipzig. 1920 . . 224

Diels, H.
Die Organisation der Wissenschaft. Kultur der Gegenwart . 309
Wissenschaft und Technik bei den Hellenen. Antike Technik. Leipzig u. Berlin. 1920 181

Durkheim, E.
De la division du travail social. Paris 1893. . . . . . . 96, 242

Eisler, R.
Geschichte der Wissenschaften 178
Fermat 180

Glotz, G.
Le travail dans la Grèce ancienne, 1920. . . . . 147, 148
Gottle-Ottlilienfeld.
Wirtschaft uud Technik. Grundriss der Sozialökonomik . . 124
Grosse.
Formen der Familie und Formender menschlichen Wirtschaft. 1896. 134

Haendcke.
Entwickelungsgeschichte der Stilarten. Bielefeld-Leipzig. 1913. 220
Hammacher, E.
Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus. Leipzig. 1909 261
Hausenstein, W.
Die Kunst und die Gesellschaft. München 214, 219, 220
Versuch einer Soziologie der bildenden Kunst. «Archiv für Sozialwissenschaft». Mai-Heft 1913. 219
Vom Geist des Barock. München. 1920 219
Rokoko. Französische und deutsche Illustratoren des XVIII. Jahrhunderts. München. 1918 . . 222
Hegel 57, 59, 251
Philosophie der Geschichte Wissenschaft der Logik 61, 65, 73, 77, 76. 81
Helmolt.
Weltgeschichte. 1919 174
Herkner.
Arbeit und Arbeitsteilung, Grundriss der Sozialökonomie . 116
Hettner, A.
Die geographischen Bedingungen der menschlichen Wirtschaft. Ibid. 112

L'Houet.
Zur Psychologie des Bauerntums. 2 Aufl. 1920. Tübingen . . 331
Huber 261
Hurvicz, E.
Die Seelen der Völker. Gotha. 1920 236

Kapp, E.
Grundlinien einer Philosophie der Technik. Braunschweig. 1877 124
Keyserling.
Reisetagebuch eines Philosophen 206
Kothe.
Abriss der allgemeinen Musikgeschichte. Leipzig. 1919. 211, 221

Lamprecht, Karl.
Moderne Geschichtswissenschaft, 3. Aufl. 1920. 261
Levy, Hermann.
Soziologische Studien über das englische Volk. Iena. 1920. 241
Levy-Brühl.
Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. Paris. 1919. . . . . 228, 229
Louis, Paul.
Le travail dans le monde romain. 1912. 147
Lu-Märten.
Historisch-materialistisches über Wesen und Veränderung der Künste 211
Lyell. Principles of geology . . . 83

Mac-Farlane.
Economic geography 1920 . . . 130
Marbe, K.
Die Gleichförmigkeit in der Welt. 1916. . . . . 260, 261
Mach, E.
Geschichte der Mechanik . . 252

Cmp.

Martersteig.
Das jüngste Deutschland in Literatur und Kunst. Einführung in die Kunst der Gegenwart . . 224
Mehring, Franz.
Geschichte der deutschen Sozialdemocratie. 5 Aufl. 252
Meyer, Ed.
Elemente der Anthropologie. 68, 72, 174, 189
Geschichte des Altertums, B. 4, Buch III 193, 201
Michels, R.
Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Lpz. 1910. 353
Wirtschaft und Rasse. Grundriss der Soz.-oek. 137
Milkau, F.
Die Bibliotheken. Kultur der Gegenwart 309
Mombert, P.
Wirtschaft und Bevölkerung. Grundriss der Sozialökonomik . 134
Muckle.
Das Kulturproblem der franz. Revolution 223
Müller-Lyer.
Die Phasen der Kultur. . 141, 168

Noiré, L.
Ursprung der Sprache. . . . 226
Neuburger, A.
Die Technik des Altertums. Lpz. 1919 146
Neurath, O.
Antike Wirtschaftsgeschichte, 1909 165

Odenbreit.
Die vergleichende Wirtschaftsgeschichte bei Karl Marx. 1919. 265

Pareto V. 353
Paulsen, Fr.
Das moderne Bildungswesen. Kultur der Gegenwart. 244, 248, 249

Cmp.

Paul Ernst.
Der Zusammenbruch des deutschen Idealismus 206
Pietschmann.
Das Buch. Kultur der Gegenwart. 309

Romain, J.
Manuel de déification 224
Renner, K. 297
Revière De la (Mercier).
L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques 133

Salvioli.
Der Kapitalismus im Altertum 147, 148
Schering, Arnold.
Die expressionistische Bewegung in der Musik. Einführung in die Kunst der Gegenwart . . 224
Schmoller, G.
Die Tatsachen der Arbeitsteilung. Jahrbücher. 1889. . . . 324
Das Wesen der Arbeitsteilung und Klassenbildung ibidem. 1890. 324
Simmel, G. 98
Philosophische Kultur. 2 Aufl. 1919. 225
Soziologie. Lpz. 1908. . . 233, 332
Philosophie des Geldes . . . 259
Sombart, W. 304, 343
Der Bourgeois. 175, 241, 264, 332
Spengler, O.
Der Untergang des Abendlandes 142, 207, 235
Spinoza, B. 57
Ethik, Verl. Kirchner, 2. Aufl. 1870. . . . . 31, 42
Etique. Ed. Charpantier. 1871. 31, 42

Taine, H,
Philosophie de l'art. Paris. 1909. B. I. 215

Cmp.

Waentig.
Die grossen Revolutionen als Entwickelungserscheinungen im Leben der Völker 283

Weber, Ad.
Industrielle Standortslehre. Grundriss der Sozialökonomik. . 130
Ueber den Standort der Industrien 130

Cmp.

Weber, Alfr.
Der soziologische Kulturbegriff. Verhandlungen des II. deutschen Soziologentages. 1913 162

Weber, Max.
Agrargeschichte. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. . 165
Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. 1920. 174, 191, 192, 196, 241, 332

II.

Предметный указатель.

Анимизм 187.
Антагонизмы см. противоречия.
Архитектура 218.
Анатомия 177.
Астрономия 177.

Борьба классов, см. классовая борьба.
Ботаника 177.

Вожди 349, 350, 352, 353.
Воля индивидуальная 29—33, 37, 38.
Воля коллективно-организованная 38, 39, 40.
Воспроизводство общественной жизни 310—312.
Воспроизводство отрицательное, расширенное 127.
Воспроизводство простое 126, 127.
„ расширенное 126—128, 302, 310—312.

География 177.
Гилозоизм 57.
Государство 162—166, 168, 291—296, 298—301, 344—347.

Дадаизм 224.
Деклассированные группы 323, 330.
Детерминизм 30, 31, 34, 40, 104.
Диалектика 67, 76, 77.
Динамическая точка зрения 62—65, 181, 270.

Закономерность 14, 15, 91.
„ каузальная 17.
„ телеологическая 17.
Зоология 177.

Идеализм 54—55.
„ объективный 55—56.
„ практический 56.
„ субъективный 56, 57.
Идеалистический взгляд в общественных науках 58, 59, 62, 97.
Идеология см. обществ. идеология.
Издержки революции 302 - 303.
Импрессионизм 223.
Имущественные отношения 172, 279, 280, 286—288, 300, 303,
Индетерминизм 30, 31, 34.
Интеллигенция техническая 164, 279 297, 302, 322.
Искусство 207, 209—225.
„ изобразительное 216—224.
Историзм 67—73.
История 12.

Капитал 157.
„ переменный 306.
„ постоянный 306.
Капитализм 266, 267, 286, 287, 301, 302, 321.
Каузальность 17, 27.
Классы общественные 153—155, 158—160, 163—168, 313—327, 339—352.
Классы основные 321—323.
„ переходные 322, 323.
„ промежуточные 3:2.
„Класс в себе“ 333—334.
„Класс для себя“ 333—344, 344—350.
Классовая борьба 288, 313, 318, 319, 339—344.
Классовая идеология 327, 328, 330—336.
Классовая психология 327, 328, 330—335.
Классовые интересы 324—327, 339—341, 344, 347, 348.
Классовые типы смешанные 323.
Кризисы промышленные 301.
Культура 162.
„ духовная 15, 162, 163.

Литература 220—224.
Личность 99—100.

Математика 177, 183—185.
Материализация идеологии 307—301.
Материализм 51, 52—54, 57.
„ диалектический 51.
„ исторический 12.
„ „практический“ 56.
Материалистический взгляд в общественных науках 58—62, 98.
Медицина 177.
Метод 12, 13.
„ диалектический, см. диалектика.
Минералогия 177.
Мода 225.
Мораль 171—175, 269.
Музыка 216—225, 229.
Мышление 225, 225, 222, 229.

Надстройки 162—231, 241, 242, 242—247, 250, 252, 254—256, 300, 301, 302.
Накопление культуры, см. материализация идеологии.
Народонаселение, см. размножение.
Наука 175—185, 208.
Науки естественные 24, 25.
„ исторические и теоретические 11.
„ общественные 8, 24, 25.
Наука общественная буржуазная 8, 9, 10.
Наука общественная пролетарская 9, 10.
Необходимость, см. детерминизм.
„ историческая 44—47.

Общественная идеология 231—232, 240—243, 250—253, 289, 297, 307.
Общественная психология 240—241, 289, 217, 204.
Общественная физиология 311—312.
„ экономика, см. производственные отношения.
Общество 88, 89, 90, 93, 97—99, 141, 142.
Общество образующееся 106—108.
Относительная солидарность интересов 334—339, 343.
Обычай 178.

Партии 171, 348—349, 348.
Патология 177.
Переход количества в качество, см. скачкообразн изменения.
Политика 279, 298.
Политическая экономия 178.
Право 24, 26, 170, 173, 175.
Предсказание научное 47—49.
Природа (как среда для общества) 109—102.
Приспособление активное 117, 118.
„ пассивное 109, 118, 123.
Причинность, см. каузальность.
Причинный закон 17, 28.
Производительность общественного труда 120, 123.

Производительные силы 118, 122, 123, 128, 131, 133, 136, 147, 159, 160, 167, 168, 273—291, 295, 297, 298—307, 311, 319, 354.
Производственные отношения 96, 106, 146—148, 151—154, 158—160, 162—171, 187—274, 275—290, 294—305, 310, 311, 314, 319.
Противоречия 73, 76, 80, 270, 271, 273, 274.
Профессиональная психология 238, 239.
Профессия 320, 321.
Процесс производства и воспроизводства 113—117, 126, 156.

Равновесие 75, 76, 139, 141, 144, 153, 160, 270, 273, 274, 276.
Равновесие внешнее 77—79, 270, 271, 306.
Равновесие внутреннее (структурное) 80, 200, 205, 270, 271, 274, 299, 306.
Равновесие подвижное 78, 84, 127, 245, 246, 247, 270.
Равновесие устойчивое 77, 126.
Разделение труда 151, 242, 243, 324.
Размножение 131—134.
Расовая теория 135—138.
Распределение 155—157, 276, 280, 314, 325.
Рационализм 222.
Революция 275—287, 289—305, 351, 352.
Революция буржуазная 283, 284, 295, 303.
Революция идеологическая 289—290.
„ политическая 277—282, 291—294.
Революция пролетарская 285, 286, 291, 295, 296, 298—303.
Революция социальная 277—282.
„ техническая 297.
„ экономическая 295.
Религия 185—198.

Свобода воли, см. индетерминизм,
Связь психическая 94, 95, 96.
Связь трудовая 92—95, 98, 107, 109, 271, 277.
Связь явлений 65—67, 140—142.
Семья 168, 169.
Сенсуализм 213.
Система 77, 78, 87, 89, 113.
Скачкообразные изменения 81—85.
Скульптура 225, 226.
Случайность вообще 40—42.
„ историческая 43, 44.
Совокупности 85.
„ логические 86.
„ реальные 86—90, 316.
Солипсизм 55, 56.
Сословие 316—320.
Сотериология 196.
Социальная норма 170.
Социально-политическое строение общества 163, 166—168.
Социология 11—13.
Способ производства, см. производственные отношения.
Среда 77, 78, 109, 113.
Статистика 178.
Статическая точка зрения 63, 64—65.
Стиль 259—261, 265, 279.

Теология 21.
Телеология 17—19, 22, 23.
„ имманентная 19—22.
Техника 129—131, 141, 145, 144—153, 167, 168, 181, 182.
Типы общества 262—270.
Триада 76.
Труд идеологический 242—250, 256—307.

Факторы общественной жизни 253—255, 257, 258.
Фатализм 50.
Феодализм 265, 266, 282, 284, 285.
Фетишизм товарный 268—269.
Физика 177.
Физиология 177.
Филология 178.
Философия 175, 185, 186, 198—207.

Философия истории 12.
Футуризм 223.

Химия 177.

Цель, см. телеология.

Школа историческая 72.
„ органическая 85, 90, 91, 96, 182.

Экономика, см. общественная экономика.
Экономическая структура общества, см. производственные отношения.
Экспрессионизм 223.
Элементы общества 143, 144.
Этика, см. мораль.
Этнография 177.

Явления общественные 34—38, 40, 271.
Язык 225—228.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 5
Введение: Практическое значение общественных наук . . . . . . 7—13
§ 1. Потребности борьбы рабочего класса и общественные науки 7
§ 2. Буржуазия и общественные науки 8
§ 3. Классовый характер общественных наук 9
§ 4. Почему пролетарская наука выше буржуазной? . . . . . —
§ 5. Различные общественные науки и социология 11
§ 6. Теория исторического материализма как марксистская социология 12

ГЛАВА I.

Причина и цель в общественных науках (каузальность и телеология) . . . . 14—29
§ 7. Правильность явлений вообще и правильность общественных явлений 14
§ 8. Характер закономерности. Постановка вопроса 16
§ 9. Телеология вообще и ее критика. Имманентная телеология. 17
§ 10. Телеология в общественных науках 22
§ 11. Причинность и телеология. Научное объяснение как причинное объяснение 27

ГЛАВА II.

Детерминизм и индетерминизм (необходимость и свобода воли) . . . . 29—50
§ 12. Вопрос о свободе или несвободе индивидуальной (отдельной) воли 29

Стр.

§ 13. Результанта индивидуальных воль в неорганизованном обществе 34
§ 14. Коллективно-организованная воля (результанта индивидуальных воль в организованном, коммунистическом обществе) 38
§ 15. Так называемая случайность вообще 40
§ 16. Историческая „случайность“ 42
§ 17. Историческая необходимость 44
§ 18. Предсказание в общественных науках и фатализм 47

ГЛАВА III.

Диалектический материализм . . . . . 51—85
§ 19. Материализм и идеализм в философии. Проблема объективного 51
§ 20. Материалистическая постановка вопроса в общественных науках 58
§ 21. Динамическая точка зрения и связь явлений 62
§ 22. Историзм в общественных науках 67
§ 23. Точка зрения противоречий и противоречивость исторического развития 73
§ 24. Теория скачкообразных изменений и теория революционных изменений в общественных науках 81

ГЛАВА IV.

Общество . . . . . 86—108
§ 25. Понятие о совокупностях. Совокупности логические и реальные 86
§ 26. Общество как реальная совокупность или система 88
§ 27. Характер общественной связи 91
§ 28. Общество и личность. Примат (первенство) общества над личностью 97
§ 29. Образующееся общество 106

ГЛАВА V.

Равновесие между обществом и природой . . . . . 109—138
§ 30. Природа как среда для общества 109
§ 31. Соотношение между обществом и природой. Процесс производства и воспроизводства 113
§ 32. Производительные силы 118

Стр.
§ 33. Равновесие между природой и обществом, его нарушения и восстановления . . . 126
§ 34. Производительные силы как походный пункт социологического анализа . . . 128

ГЛАВА VI.

Равновесие между элементами общества . . . 139—272
§ 35. Связь различных общественных явлений. Постановка вопроса . . . 139
§ 36. Вещи, люди, идеи . . . 142
§ 37. Общественная техника и экономическая структура общества. 134
§ 38. Надстройки и их структура . . . 162
§ 39. Общественная психология и общественная идеология . . . 231
§ 40. Идеологические процессы как отдифференцированный труд. 241
§ 41. Значение надстроек . . . 250
§ 42. Формирующие принципы общественной жизни . . . 258
§ 43. Типы экономических структур и типы различных обществ. 262
§ 44. Противоречивый характер развития. Внешнее и внутреннее равновесие общества . . . 270

ГЛАВА VII.

Нарушение и восстановление общественного равновесия . . 273—312
§ 45. Процесс общественных изменений и производительные силы. 273
§ 46. Производительные силы и общественно-экономическая структура . . . 276
§ 47. Революция и ее фазы . . . 289
§ 48. Закономерность переходного периода и закономерность упадка . . . 298
§ 49. Развитие производительных сил и материализация общественных явлений (накопление культуры) . . . 303
§ 50. Процесс воспроизводства общественной жизни в его целом 310

ГЛАВА VIII.

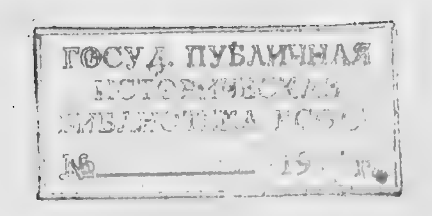
Классы и классовая борьба . . . 313—355
§ 51. Класс, сословие, профессия . . . 313
§ 52. Классовый интерес . . . 324
§ 53. Классовая психология и классовая идеология . . . 327
§ 54. „Класс в себе“ и „класс для себя“ . . . 333
§ 55. Формы относительной солидарности интересов . . . 334

Стр.
§ 56. Классовая борьба и классовый мир 339
§ 57. Классовая борьба и государственная власть 344
§ 58. Класс, партия, вожди 347
§ 59. Классы как орудие общественной трансформации 351
§ 60. Бесклассовое общество будущего 352

Приложение.

К постановке проблемы теории исторического материализма. 359

Указатель имен и цитируемых авторов 375
Предметный указатель 383

1 руб. 10 коп.

Переплет 25 коп.